

СЭМ ХАЙЕС

Ноя
чужая гора

МАЛКОМ ФОРБС

Зимой 1992 года маленькую девочку похищают прямо из машины, пока ее мать бегала покупать пирог перед визитом к свекрови. Примерно в это же время в старом доме рождает ребенка совсем юная девушка, которую родители держат взаперти в наказание за беременность.

Спустя тринадцать лет преуспевающий лондонский адвокат Роберт счастлив от того, что его приемную дочь Руби взяли в престижную музыкальную школу для особо одаренных детей. Радость его омрачает лишь странное поведение жены. Ничего не объясняя, Эрин запрещает дочери ходить в новую школу, всячески противится ее поездке в Вену вместе с классом. И чем дальше, тем загадочнее становится ее поведение. Но когда Роберт натывается на старые письма, адресованные его жене, он понимает, что у Эрин есть в прошлом тайна, которая, скорее всего, разрушит их семью, если вовремя не вмешаться.

«Моя чужая дочь» — запутанный психологический роман с детективной интригой, которая держит читателя в напряжении до самого конца. Драмы нескольких людей сплелись воедино, и, чтобы распутать этот клубок, понадобятся любовь, терпение и умение прощать.

Сэм Хайес

Моя чужая дочь

*Терри, Бену, Полли и Люси — с любовью.
Держитесь друг друга.*

Молоко потекло секунд через тридцать после того, как я осознала, что моего ребенка украли. Помню, на ум пришла глупейшая мысль о белесых пятнах, которые неизбежно затвердеют на блузке к моменту встречи с родителями мужа. Перед еженедельным визитом к свекру со свекровью я завернула в супермаркет за фальшивым домашним пирогом. Рассчитывая убедить Шейлу, будто вынула чудо выпечки из собственной духовки, я даже захватила блюдо и нарядную салфеточку. А когда вернулась к машине (я и отошла-то на две минуты, клянусь, на *две минуты*, потому что езда убаюкала мою горластую Наташу), детское креслице на заднем сиденье было пусто. Теплая вмятина от ее тельца да след детской отрыжки на обивке — и все.

Уронив коробку с пирогом на заиндевевшую землю, я обыскала машину, отмечая одну бестолковую мысль за другой. Что, если я все же взяла Наташу с собой и забыла в тележке супермаркета? Или какую-нибудь чувствительную старушку умилили розовые щечки и пухлые губки? Неужели у меня настолько ранняя дочь, что, когда я ее найду, все вокруг поразятся, как это младенец восьми недель от роду выбрался из машины и отправился на прогулку? А может, Энди по пути к родителям заметил мою припаркованную машину и где-нибудь поблизости тетешкает Наташу? Ему-то разрешено, он ведь отец.

Машину я *точно* закрыла.

Я сильно стукнулась макушкой о крышу, когда выбиралась из салона, наконец признав, что Наташи там нет. Сколько драгоценных секунд потрачено зря.

В следующий миг потекло молоко, в ноющей груди вспыхнул пожар, затушить который можно, лишь покормив ребенка. Вот только ребенка я потеряла. По-зимнему низкое солнце слепило глаза, пока я прочесывала взглядом окрестности в поисках Наташиного личика, выглядывающего над плечом ее отца. Сейчас... вот сейчас нахлынет волна облегчения, потому что моя дочь нашлась. Сейчас я пойму, что с ней не случилось того, чего я так боюсь, потому что моя искаженная реальность вовсе не реальна.

В этой части парковки было до странности безлюдно, лишь пожилая пара возилась у машины, складывая пакеты с продуктами в багажник.

— Энди... — просипела я, будто внезапно сраженная бронхитом.

Густая слюна комом стала в горле; хватая ртом ледяной воздух, я с каждым вдохом обжигала глотку. Нужно осмотреть всю площадку, заглянуть во все уголки... Но стоило только повернуть голову, как глаза застилал туман, а в ушах раздавался пронзительный свист. И тогда я превратилась в разъяренную самку.

— *Тааша!*

На этот раз горло мне подчинилось, издав звериный рык. Я застыла, широко расставив ноги, стиснув кулаки, выдвинув вперед плечи. Миг спустя я уже металась между машинами, вытянув шею, на пределе голосовых связок взвизгивая имя дочери. По дороге напала на стариков-супругов, те в ужасе вскинули руки, — теперь-то ясно, что они приняли меня за грабителя.

— Вы не видели мою дочь?! Ребенка не видели?!

Вряд ли они поняли хоть слово из моего змеиного шипения, а если и поняли, то ответить не рискнули. Я кинулась дальше — инстинкт подсказывал, что каждая секунда на счету. Я выкрикивала Наташино имя, пока голос не отказал. Я наматывала круги по

парковке, между машинами, пока не поскользнулась на замерзшей луже и не рухнула ничком на бетон. На плечо мне легла ладонь. Я подняла голову, наткнувшись взглядом на флуоресцентно-яркий жилет, что навис надо мной... и услышала детский плач.

Вскочив на ноги, вытянувшись, я вся обратилась в слух. Где-то скулила собака, видно изнывая без хозяев в машине; урчал и постанывал автопогрузчик, вынимая контейнеры с товаром из фургона; бряцали друг о друга магазинные тележки, которые подросток в униформе неуправляемым составом увозил с парковки. Все пять моих чувств пришли в боевую готовность. *Снова детский плач.*

Сквозь наложения других звуков я отчетливо слышала, что ребенок вопит, визжит, надсаживается криком, требуя маму. Такой же грудной ребенок, как Наташа. Звук сомкнулся в круг, раздирая мой и без того воспаленный череп в шелуху. Плач, визг, крики моей малышки. Я не знала, в какую сторону бежать.

Я поставила ногу на бампер, сделала еще один шаг наверх и выпрямилась в полный рост на капоте синего «форда-универсала», совсем новой модели, — помню, я еще подумала, не осталось бы вмятин. Боже, до чего четко все сохранила память. Как сейчас вижу перчатки на приборной доске, освежитель воздуха в форме елочки, болтающийся на зеркальце заднего вида. Вскарabкавшись на крышу «форда», я смогла увидеть не только всю парковку целиком, но и территорию за ограждением. Гладкая поверхность металла чуть прогибалась под моим весом.

— Мисс! — сказал человек в пронзительно-желтом жилете. — Успокойтесь, мисс.

Глаза у него были черные и очень круглые: он наверняка считал меня сумасшедшей.

— Тихо! — взмолилась я в отчаянии, что он заглушит голос Наташи.

Плач доносился со стороны выезда на автостраду. Щуря глаза от слепящего солнца, я всматривалась вдаль, кажется, годы, но на деле прошло лишь секунды две — и я увидела бегущую фигуру.

Через парковку супермаркета бежал человек с ребенком на руках.

— Наташа! — завопила я, не отдавая отчета в собственной глупости, — как будто грудной младенец способен отозваться!

На землю я прыгнула прямо с крыши машины — неловко прыгнула, подвернув ногу — и ринулась к воротам. Я довольно высокая, но все же на земле существенно ниже, чем стоя на крыше машины, так что уследить за бегущим человеком поверх голов несметных субботних покупателей оказалось делом почти безнадежным. Но я была не матерью, а монстром, в моих глазах плескалась чистая, ничем не разбавленная паника, и я прорвалась сквозь толпу к дороге, откуда просматривалась вся улица.

Мне не хватало воздуха, истекающие молоком груди тяжело прыгали вверх-вниз под зимним пальто, по спине ползла струйка пота. Я вертела головой, простреливая улицу лихорадочным взглядом. Знакомые магазины, куда я заходила едва ли не каждую неделю своей жизни, вдруг расплылись в бесцветные иноземные лавки. Весь город с этого момента стал для меня чужим, а я заблудилась на его улицах, как турист, не знающий языка.

Человек с младенцем на руках — длинный шарф вокруг шеи, зимняя шапка, ладонь в перчатке поддерживает крохотную детскую головку — мелькнул в конце Холтс-аллеи. Нырнув в автомобильный поток, лавируя меж гудящих машин, я устремилась в проулок. Годы спустя мне кажется, что я опоздала всего секунд на пятнадцать-двадцать. Годы спустя мне кажется — я вообще не соображала, что делаю.

Холтс-аллея насквозь провоняла картошкой фри, пивом и мочой. На углу вечно

крутились подростки, и тот день, 4 января 1992 года, не был исключением. Во время беременности, когда приступ обжорства брал верх над благоразумием, я пару раз прерывала экскурс по магазинам, чтобы втихаря улизнуть в забегаловку «У Эла» на Холтс-аллее. Юные аборигены, как правило, ловили шанс подпустить шпильку-другую в мой адрес: мисс что-то округлилась в талии, и не знает ли мисс, что от жареных сосисок ее разнесет как на дрожжах. С осторожной улыбкой, чтобы не раздражать шайку, я проскальзывала в кафешку, где уминала вредные деликатесы Эла, чувствуя себя виноватой, как кормящая мать, которую застукали с сигаретой в зубах. Но чипсы все же не табак, и поскольку я всегда думала о пользе для ребенка — почти всегда, — то и уговаривала себя, что картофель фри и запах мочи большого вреда не нанесут.

Я врезалась в группку праздного молодняка, выбив банку с пепси из чьей-то руки.

— Ой!

— Кто-нибудь видел ребенка? Человека с грудным ребенком на руках видели? — Я брызгала слюной во все стороны. — Только что... здесь... кто-нибудь пробежал? — Пытаясь отдышаться, я согнулась, вытирая влажные ладони о колени своих черных вельветовых слаксов с резиновым поясом — единственной относительно нарядной шмотки, в которую мне удалось влезть ради приема у свекрови.

— Не-а.

— *Пожалуйста!* У меня украли ребенка!

Что с юнцов взять — сплошь прыщи и бравада. Я их не виню. По крайней мере один из них, спустя несколько недель увидев объявление о пропаже ребенка, сам пришел в полицию и подтвердил мои слова. Я ринулась дальше прочесывать улицу за улицей. Человек с длинным шарфом исчез. Вместе с Наташей.

На обратном пути к парковке я убедила себя, что найду Наташу в машине, накрепко привязанную к детскому креслицу. Совершенно очевидно, что паника неопытной мамы застлала мне глаза. Я никогда не слышала о синдроме материнской слепоты, но это не значит, что такого не существует... А *это* что? Посреди дороги белела крохотная пинетка, на вид ручной вязки. Я ее подняла. «Вполне могла быть и Наташина» — подумала я, вспомнив горы вещичек, связанных Шейлой для внучки. Находку детской обуви я восприняла как счастливое знамение. Кто-то подавал мне знак, что все будет хорошо, вот только моя глупость не позволила мне проникнуть в суть этого знака.

Дорогая Наташа!

С днем рождения, солнышко. Моя маленькая Наташа теперь подросток...

Не годится. Звучит так, будто она все еще грудной ребенок. Я скомкала листок и начала письмо заново. Для меня она и есть грудной ребенок...

Дорогая Тата! (Уже лучше, менее официально.)

Даже не знаю, с чего начать, — ведь столько лет прошло. Ты, должно быть, считаешь, что я могла бы и раньше написать. По правде говоря, мне было очень страшно. Я вздрагиваю, даже услышав имя Наташа по телевизору. Понимаешь, я люблю тебя так же сильно, как в те несколько коротких недель, когда ты у меня была. Любить человека, которого у тебя отняли, — такая боль...

Я смяла и этот листок. Вздор. Она поднимет меня на смех.

Я мчалась к парковке, вновь терзая свое измученное недавними родами тело: не так это

просто — нести перед собой живот, который ходит ходуном, будто ты влила в себя литров пять свежего апельсинового сока пополам с молоком. До машины я добежала, но салон был пуст. Наташи не было. По-прежнему не было.

Моя дочь исчезла. Человек в слепяще-желтом жилете и пожилая пара с покупками — тоже. А я до боли в сердце жаждала чего-то знакомого, поддержки хорошего человека, доброго голоса, проникновенно обещающего, что все будет в порядке. Дверца моей машины, по-прежнему распахнутая, царапала глянцевый бок соседки, и фальшивый домашний пирог лежал все на том же месте, куда я его уронила.

Внезапно в голове прояснилось, словно спринт по улицам вернул мне толику здравомыслия. Нужно вернуться в супермаркет, обратиться за помощью и позвонить Энди, — возможно, он еще на работе. Мы должны встретиться у его родителей, но ужин подождет, хотя Шейла наверняка разозлится из-за погубленных блюд. В супермаркете мне, скорее всего, предложат чашку кофе — совсем не лишнее в этом моем новом бесцветном, сереньком мире, где нет ни звуков, ни чувств, ни времени, ни единого шанса на возвращение нормальной жизни.

Я подобрала пирог и обтерла упаковку, подумав, что менеджер магазина запросто примет меня за воровку, учитывая, что товар не в пакете. В супермаркет я вошла с уверенностью, что вот-вот проснусь. Мне нужны были люди вокруг. Бесконечно добрые люди.

Дорогая Наташа (снова официальный тон, но мы ведь довольно давно не виделись).

Ты должна знать — последние тринадцать лет не было ни дня, чтобы я не думала о тебе. Вспоминая о тебе, я всякий раз рисую в воображении образ девочки чуточку выше, чуточку старше, а теперь, по прошествии стольких лет, и чуточку взрослее, даже женственнее. Я перебираю собственные детские фотографии, чтобы представить, какой ты могла теперь стать. Ты родилась моей копией, это все признавали, — те же ямочки, те же длинные ресницы. Глаза у тебя по-прежнему синие? А месячные уже начались? Или ты давно мертва и превратилась в прах?

Еще один листок отправился в мусор. На улице моросит, точнее, с небес сыплет мелкая, матово-белая, как жемчуг, крупа. Четыре часа дня, но уличные фонари уже включены. В их свете тротуар красиво отливает металлом, а деревья с давно облетевшими листьями, несмотря на унылый ноябрь, кажутся по-весеннему полными жизни.

Я включила электрический камин и телевизор: в слащавом шоу удачливые семейства выигрывали холодильники и машины. Заварила себе чаю — позже его разбавит джин или водка, смотря на что сегодня скидка в «Спар», — и, завернувшись в плед, прихватив блокнот и ручку, с ногами забралась в кресло. Я и пинетку взяла, ту самую Наташину пинетку, которую нашла на дороге, — мне вернули ее, в пакете, запечатанном пластиковой молнией, когда полиция прекратила поиски моей дочери.

Ритуал этот я исполняю каждую субботу января — Наташа исчезла в январе — и шестого ноября, в день ее рождения. А в остальное время стараюсь быть нормальным человеком. Глядя на меня, и не скажешь, что я была мамой и потеряла ребенка.

Дорогая Наташа Джейн Варни. (Таково ее полное имя — если на то пошло, откуда еще она его узнает?)

Рада сообщить тебе, что твоя мама, миссис Черил Сьюзен Варни, жива и здорова, чего и тебе желает. Она молит Господа о спасении тела и души твоих; печалится и горько сожалеет о том, что так и не пришлось ей качать тебя на качелях, печь именинные пироги в твою честь, готовить тебе сосиски с фасолью...

Нет, и это не пойдет. Скомкав листок, я запускаю бумажный шарик в корзину. На экране — рекламная пауза. Не люблю рекламу: нам ведь вовсе не товары предлагают, а образ жизни пытаются навязать. Кто сказал, что принимать душ нужно непременно в ванной с прозрачными стенами и видом на вечно залитый солнцем пляж с нежнейшим песком, а шампунем пользоваться исключительно «Спиффо», чтобы волосы стали длинными и блестящими, как у нагой красотки из ролика? Может, и мне прикупить «Спиффо» — вдруг моя гнилая, насквозь проплесневевшая ванная завертится волчком и нарисуетя на Бермудах, едва я вылью шампунь на голову? Вдруг с этим разрекламированным чудом и жизнь моя засияет, а Наташа вернется? Вдруг я получу еще один шанс...

Я знаю точно: дверь машины была заперта.

Пока телевизор орет рекламой, я обшариваю кухню в поисках чего-нибудь спиртного. Попытки написать письмо дочери проваливаются одна за одной, и я удручена. Другие матери наверняка пишут своим детям легко и непринужденно.

Из алкоголя обнаружили лишь остатки сладкого хереса, которым я пропитывала коржи. Осторожно пробираюсь обратно в гостиную, сунув липкую бутылку под затасканную домашнюю кофту, в комнате же припадаю к горлышку прямо перед окном, так что с улицы меня могут видеть все кому не лень.

Да, я живу будто под непрерывным надзором. Почему? — спросите. На то есть несколько причин. Возможно, за мной следит око Всевышнего, поскольку Он жалеет меня и опекает, вкупе с такими же потерянными, никчемными тварями земными. Или это мой ангел-хранитель не спускает с меня глаз, и тогда это определенно Наташа: кто еще может знать меня настолько хорошо? Или же — и скорее всего, третий вариант единственно верен — я просто-напросто не в форме. Кто-то скажет — чувство вины. Для меня это жизнь.

Потому я и сажусь лицом к окну, глотая херес прямо из бутылки, — в надежде, что меня увидит кто-нибудь реальный. Уж лучше пусть в окно глядят, иначе можно и впрямь свихнуться — под вечным присмотром неведомо откуда.

Вот! Из киселя сумерек выплыл силуэт: женщина выгуливает собаку. Глянула прямо в мое окно и застучала меня за пьянством. Я редко задергиваю шторы, так что прохожие могут мельком увидеть кусочек моей жизни, да и мне они дают пищу для размышлений: кто они такие да как сложились их судьбы. Есть и постоянные, и у каждого своя причина проходить мимо моей застекленной веранды в строго определенное время. Некоторых я наделила именами, характерами и судьбами, включив в круг моих незнакомых друзей.

Марджори появляется раньше всех — покупает газету. Как-то она попыталась бегать трусцой — я впервые увидела ее в розовом велюровом костюме, — но обратный путь проделала уже шагом, отдуваясь, вся взмокшая и багровая. Утром, ровно в восемь двадцать пять, и днем, без десяти четыре, ежедневно, кроме выходных и каникул, пробегают школьники. Наташа сейчас училась бы в шестом классе, и потому я не в восторге от шаштанья подростков у моего дома. В окно я в это время стараюсь не смотреть, но куда денешься от следов их присутствия: мой садик, размером с наволочку, юнцы регулярно используют как урну — банки из-под колы, целлофановые пакеты, окурки. Зато я обычно

стучу по стеклу, привлекая внимание, и улыбаюсь Фредерику, когда он идет за говяжьим языком, — без сэндвича с языком он себе обед не мыслит. Фредерик числится среди постоянных гостей у моих окон, хотя на несколько месяцев пропал. С тех пор как умерла его жена, ему постоянно слышатся стуки.

Вернувшись в супермаркет, я не могла сообразить — то ли мне вновь встать в длиннющий хвост к кассе, то ли мчаться сразу к главному менеджеру, которого в субботу тоже атаковала толпа покупателей. Выбрала промежуточный вариант и заняла очередь к экспресс-кассе. Здесь оплачивали не более десяти покупок — все, кроме тетки прямо передо мной, с доверху набитой тележкой.

Кто-то, казалось мне, постирал красочный мир при слишком высокой температуре, превратив его в отвратительно, однообразно серый. Мир стал еще и плоским, как кукольный картонный театр: дунь посильнее — и магазин вместе с людьми-фигурками полетит вверх тормашками.

Моя паника, ослепительная, как вспышка на Солнце, к этому моменту отгорела; мне хотелось только одного: чтобы обо мне позаботились, кто-нибудь, кто угодно. Лишь бы выстоять очередь и поделиться своей трагедией с девушкой за кассой, а там уж меня окружат теплым участием, без которого мне не выжить. Шаг за шагом я продвигалась к цели, прижав к груди пирог, раздирая ногтями упаковку, а как только смогла дотянуться, бросила его на ленту конвейера, чтобы не измусолить окончательно. Во мне все еще жила надежда поразить свекровь собственной выпечкой.

Женщина передо мной, расплатившись наконец за всю свою бакалею, еще миллион лет потратила на то, чтобы рассовать продукты по пакетам, а остатки пенсии — по кармашкам кошелек из фальшивого крокодила. Все пять органов чувств ловили мельчайшие нюансы, излишние, но отчетливые детали — тем самым, наверное, спасая меня от убийственной реальности. Мне бы взвинтить себя до предела да вспыхнуть факелом посреди торгового зала — магазин вмиг затопили бы специалисты всех сортов; нашлось бы кому броситься на поиски моей дочери. Ведь Наташа была где-то совсем рядом. А я просто раскисла. С величайшим трудом, едва волоча ноги, как калека, я продвинулась вперед и остановилась напротив полусонной прыщавой кассирши. Привычным жестом та подставила руки, принимая подъезжающий на ленте пирог.

— Видите ли, я ничего не брала... Вообще-то я хотела спросить: у вас тут случайно...

Поздно — пирог уже пискнул под сканером.

— Два девяносто девять, пжалста. Щас заменим. Этот всямку. — Наклонившись к микрофону, она закрыла глаза, будто собралась исполнять караоке. — Сандру к кассе номер три. Клиент ждет. Касса номер три.

— Но я уже один раз...

Объяснять не было сил. Я пыталась открыть сумочку. Неужели это моя? А может, чужая? Тем более что руки, бессильно ковырявшие замок, я абсолютно точно видела впервые в жизни. И голос на мой несколько не похож... Все предельно ясно: я больше не Черил.

Дрожащая рука протянула кассирше кредитную карточку. Наличные я истратила на оплату пирога в прошлый раз.

— Проверьте и подпишите, пжалста.

Сандра принесла замену изувеченному пирогу, и я молниеносно отметила дату изготовления: на целые сутки раньше *моего!*

Помню, я подумала: меня волнует свежесть пирога — значит, мою малышку не украли. Ну никак не могли украсть. Если бы Наташа действительно пропала, то я не топталась бы у кассы супермаркета и не платила за товар, который уже один раз купила. Нет, конечно! Я требовала бы полицию, визжала, рыдала, выла, металась бы между покупателями, умоляя о помощи.

Я расписалась в квитанции и рассмеялась — невыразимое облегчение затопило меня, и я выплескивала его с хохотом, безмерно счастливая. Разумеется, Наташа не исчезла; я оставила ее в запертой машине, где она по-прежнему мирно спит. Я собралась к Шейле и Дону, туда же приедет Энди, и мы прекрасно проведем вечер за насущными беседами (о детях) и чаем с шоколадным пирогом, за который я только что расплатилась.

Шейла — большая любительница поговорить о малышах, поскольку в детях она дока. Сама троих вырастила, ей ли не знать, что к чему. В вязании она тоже виртуоз — уж в вязаных вещах ее дети нужды не знали — и мастер давать рекомендации. В каждый свой визит я получала сотни полезных советов по воспитанию здорового и счастливого ребенка — словно я не дочь родила, а взяла в дом экзотического зверька.

— Когда младенец насытится, легонько оттяни мизинцем уголок ее рта, чтобы освободить сосок, иначе проблем с трещинами не оберешься, — наставляла Шейла в дни моего привыкания к грудному кормлению. — Меняешь подгузник — сразу не пеленай ребенка, пусть с полчасика поболтает ножками-ручками. Потница нашей куколке совершенно ни к чему! А непреременный сон на свежем воздухе зимой и летом — основа здоровья ребенка. Главное — не забывать о сетке, не дай бог, вывалится!

Словом, не женщина, а телефон доверия по вопросам материнства, номером которого я не пользовалась.

— Вы спрашивали — у нас тут случайно — *что?* — Кассирша расплылась в ухмылке. Не так уж она и плоха, в конце концов.

— Ой, да ничего! — Я тоже улыбалась, засовывая пирог в пакет.

К выходу из картонно-кукольного супермаркета я шла, убыстряя шаги; проскочила струю горячего воздуха в дверях и нырнула в холод стоянки. Я бежала к своему «рено».

Идиотка. Полоумная. Безответственная, невменяемая, психованная мамаша-новичок. Как мне вообще могло прийти в голову, что моя девочка пропала?! Зрение вкупе с прочими чувствами определенно решили меня разыграть. А ведь доктор предупреждал, что хронический недосып чреват. По ночам Наташа — принцесса капризная, до рассвета проплачет, зато уж днем выспится на славу. Вот и довела меня до ручки своими играми — ровным счетом ничего не соображаю!

Я от всего сердца надеялась, что после кросса по окрестным улицам не появлюсь пред очи свекра со свекровью в слишком уж растрепанных чувствах.

Я долетела до машины. Салон был пуст.

Наташу украли. Никаких сомнений.

Я обмочилась, дико завывала — и лишь потом рухнула на землю.

Дорогая Наташа,

Когда тебе было полтора месяца, тебя украли. Я по глупости оставила тебя в машине, а сама пошла в магазин. Наш папочка Энди ждал нас с тобой у бабушки Шейлы, где мы должны были пить чай с шоколадным пирогом. Я очень старалась тебя найти, но нашла только вязаную пинетку, она валялась посреди дороги. Потом было много полицейских, они

долго-долго тебя искали, проверили всех преступников, расклеили объявления о твоей пропаже и по телевизору сообщили. А потом перестали искать. Твою папку переложили к делам «почти безнадежным», вернули мне пинетку и сказали, что делают все возможное.

Хочу, чтобы ты знала, Наташа, — я тебя любила, как люблю и всегда буду любить. Иногда мне кажется, что ты жива и здорова, тебя растят добрые люди, которые любят тебя как родную, терпят твою хандру и вспышки гнева — подростки всегда то хандрят, то огрызаются, — понимают твою страсть к мотоциклам, принимают твоих друзей и наотрез отказываются разрешить тебе проколоть пупок. Но в иные дни правда обрушивается на меня так же беспощадно, как в ту секунду, когда я поняла, что тебя больше нет в моей жизни.

Каким ты видела мир в свой последний миг? Смотрела в лицо своего убийцы, пока тот душил тебя? Таращила на него глазенки с тем же доверчивым обожанием, от которого млело мое сердце, когда я тебя кормила? Или после долгих часов крика ты забылась голодным сном и незаметно угасла? Был ли твой уход безмятежным — или после многих недель страданий ты покинула нас с жаждой мести в сердце?

Где бы ты ни была, жива ли ты или мертва, я каждую секунду ощущаю тебя. Я тебя чувствую и мечтаю вернуть.

Ты удивительная, моя Наташа. Я люблю тебя, и мне очень плохо.

Твоя мама.

Сегодня мне ее не найти. Я знала это наверняка и сочла достаточной причиной, чтобы прикончить херес. В итоге вечер был потерян, я отключилась и пропустила любимую телевикторину.

Дождаясь результатов, Роберт смотрел на жену. Если бы она обернулась, он мог бы ее поддержать — улыбнуться, пожать ее узкую ладонь, да что угодно, лишь бы развеять нервозность, что так и выплескивалась из нее.

Но Эрин не обернулась. Все ее внимание было сосредоточено на директрисе — до карикатурности типичной патронессе частного колледжа. В мягком сером костюме, вскинув светловолосую голову — волосок к волоску, дань торжественности случая, — Эрин стиснула ладони на коленях и окаменела: к отказу готова.

Пока директриса шуршала бумагами, Роберт позволил себе быстрый взгляд на ноги жены. Для женщины, привыкшей к джинсам и ботинкам, она сидела слишком правильно, даже чопорно — сдвинув колени и выровняв носки изящных шпилек. Рассчитывает произвести впечатление на главу элитного заведения, подумал Роберт, отсюда и неестественная поза. Из-под юбки Эрин выглядывал кружевной край чулка, и Роберт улыбнулся: добрый знак. Все будет хорошо.

— Откровенно говоря, дорогие мистер и миссис Найт, хотелось бы мне побольше таких учениц, как ваша Руби. — Мисс Укотт сняла очки и прищурилась на фортепиано в дальнем конце комнаты.

Роберт едва не забыл о том, что Руби тоже здесь, хотя отзвуки только что сыгранной мелодии еще порхали бабочками по узкой, с деревянными панелями, библиотеке колледжа.

— Иди к нам, Руби. Садись. — Сильно напудренное лицо мисс Укотт от улыбки покрылось сеточкой морщин.

Руби соскользнула с круглого фортепианного табурета и двинулась к столу мисс Укотт. Роберт уловил, как изменилась поза жены — плечи чуть заметно, но расслабились, напряжение покидало мышцы. Ему захотелось победно пронзить кулаком воздух, схватить Руби в охапку, осыпать Эрин поцелуями, но он этого не сделал. Не имел права — до тех пор, по крайней мере, пока директриса официально не подтвердит, что Руби принята.

Его падчерица неуклюже шагала по полированному паркету, резиновая подошва одного ботинка заметно поскрипывала. Ей так несладко пришлось — пусть хоть здесь все сложится, подумал Роберт.

Руби присела на краешек кресла. Стоило ей отойти от фортепиано, как она превратилась в самого обычного подростка: застенчивая угловатость, крылья носа в крупных порах, два-три мелких прыщика на лбу. Взгляд Роберта на падчерицу, устроившуюся рядом с Эрин, светился любовью.

Он гордился силой воли своей девочки, мужественно перенесшей непростое испытание. Руби усмирила свою угольно-черную гриву и, по примеру матери, наряд выбрала подобающий. Однако, кроме схожих строгих костюмов, общего у этих двух женщин было на удивление мало. Стерев с губ довольную ухмылку — его надежда на успех явно оправдывалась, — Роберт сделал Руби знак, чтобы заправила выбившуюся из «хвоста» прядь. Обе его девочки должны быть безупречны и счастливы.

— Руби! Мы рады предложить тебе место в Грейвуд-колледже. Принимать новых учениц посреди учебного года у нас не принято, и тем не менее я согласна. — Судя по торжественному тону, мисс Укотт сделала редчайшее открытие. Вернув очки на нос, она уткнулась в папку: — В каждом из трех тестов — свыше девяноста семи очков из ста!

Результат отменный, доложу я вам, юная леди.

Покраснев, Руби опустила голову, но Роберт успел заметить мимолетную улыбку, уловил облегченный выдох, искру радости в глазах, на миг потемневших. Сейчас бы обнять ее, прижать к себе. Несмотря на свои тринадцать, Руби еще не отвергла «телячьей нежности».

— Однако прежде всего нас впечатлила твоя музыка. — Мисс Укотт подалась вперед, через стол из палисандра, легла грудью на скрещенные руки. Голос ее, упав, зашелестел, словно она опасалась спугнуть талант, выисканный специально для ее колледжа. Словно Руби — зверек дикий и редкостный, которого необходимо изловить и приручить. — Среди наших учениц много дарований... — Голос мисс Укотт сорвался от гордости: игра Руби, похоже, начисто лишила директрису обычного высокомерия.

— Мы знаем, что девочка у нас особенная, — вмещалась Эрин. — И музыка тут ни при... — Не договорив, Эрин протянула руку, сжала ладонь дочери. — Руби сама по себе особенная.

Послав жене взгляд, равноценный удавке на шее, Роберт кивнул мисс Укотт: слушаем вас, продолжайте.

— Ты будешь учиться в группе из восьми музыкально одаренных девочек, Руби. Мы предпочитаем объединять учениц в соответствии с их талантами. Занятия начинаются в половине девятого, заканчиваются в четыре часа. — Мисс Укотт шумно выдохнула и вновь сняла очки. — По колледжу вас всех провели, наш проспект вы видели. Есть какие-нибудь вопросы?

Роберт ожидал шквала вопросов, по-матерински тревожных, однако Эрин лишь молча пожала плечами.

— Выглядит все безупречно, — наконец произнесла она. — Грейвуд — идеальный вариант для Руби. Здесь она сможет начать с нуля.

— Н-да. — Голос мисс Укотт внезапно будто охромел. Глядя, как директриса, вернув очки на нос, перебирает листки в папке, Роберт с трудом сдерживал волнение — пульс у него зашкаливал. — Я изучила твою характеристику из прежней школы, Руби. Пожалуй, твоя мама права: начало с нуля — именно то, что тебе нужно. Ты готова посвятить Грейвуду всю себя без остатка?

— Даю слово, мисс! — Темные глаза Руби вспыхнули. — Я не виновата в том, что происходит со мной в школе... — добавила она, подпустив жалобную нотку.

Веко у нее чуть подергивалось — доказательство того, какая лавина чувств грозит вырваться наружу и все испортить. «Помолчала бы ты лучше, моя девочка», — беззвучно велел Роберт. Мисс Укотт — при желании — могла копнуть школьную жизнь Руби поглубже и пересмотреть свою готовность предложить ей место в колледже. Директриса, однако, подняла взгляд от досье Руби и дотянулась до пальцев девочки.

Руби улыбнулась и снова покраснела — то ли в замешательстве, то ли от облегчения, непокорный черный локон вновь упал ей на лицо. Звучно сглотнув и повинувшись руке мисс Укотт, она придвинулась.

— Грейвуд заполнит твою жизнь, — прошептала директриса. — И на всяческие выходки не останется времени.

Роберт готовился защитить Руби, мысленно собирая, по укоренившейся адвокатской привычке, свидетельства ее невиновности и формулируя обвинение противоположной стороне. Он уж и рот открыл, но жена послала ему взгляд сродни тому, которым он только что одарил саму Эрин. Роберт посмотрел на падчерицу: неужели вскипит и все пойдет

прахом? Щеки Руби пылали, опасный жар тлел и в глубине темных глаз. Но вот пухлые губы сложились в улыбку, а эта улыбка была способна затушить любой пожар.

— Я вас не подведу, — сказала Руби. Роберт и Эрин в унисон выдохнули.

— Значит, решено. Ждем тебя в понедельник, Руби. — И мисс Укотт развернулась к Эрин, заставив ту вздрогнуть: — Таким образом, миссис Найт, у вас есть целая неделя на подготовку школьной формы для дочери. Кроме того, вам необходимо заполнить анкеты и предоставить в нашу канцелярию копии справок о прививках и свидетельство о рождении. Желательно, чтобы секретарь получила все документы до начала учебы Руби. — Напоследок мисс Укотт обратилась к Роберту: — Мы пришлем вам счет за оставшийся до конца семестра период. Опять же, желательно, чтобы вы оплатили его как можно скорее.

— Разумеется. — Роберт понял намек и поднялся, протягивая директрисе руку. Переговоры подошли к концу. — Руби будет очень стараться. — Он задержал костлявую ладонь мисс Укотт в своей на миг дольше, чем позволялось этикетом. Зато его жена, когда подошла ее очередь для рукопожатия, не шелохнулась. — Эрин? — с нажимом произнес Роберт. — Нам пора.

Эрин будто окаменела, румянец стек со щек, светлые глаза обрели зеркальный блеск от пелены внезапных слез. Такой убитой, такой мертвенно-бледной Роберт видел жену лишь однажды, когда преподнес ей сюрприз — медовый месяц на Барбадосе. Увы, праздничный отпуск пришлось отменить: Эрин, как оказалось, до смерти боится летать.

— Пойдем, дорогая? — Роберт опустил ладонь на плечо жены, надеясь вывести ее из счастливого транса, или шока, — словом, из того состояния, в которое ее повергла радостная новость.

Эрин судорожно дернулась, будто очнулась от кошмара.

— Извините... — выдавила она с очевидным трудом и поднялась. — Я просто... — Игнорируя протянутую руку директрисы, она кинулась к двери.

Хмурясь, Роберт сопровождал свое семейство на выход из Грейвуд-колледжа, в твердой уверенности, что не позднее следующего понедельника Руби сюда вернется — в новенькой форме, с рюкзаком через плечо, готовая начать с нуля. Он шагнул из прохлады мраморного вестибюля в солнечный день, под купол летнего марева, что висело над городом, и замер, глядя на тех, дороже и прекраснее кого у него не было.

— Ты была бесподобна! — воскликнул он, одной рукой обнимая Руби, другой привлекая к себе жену. — Предлагаю выпить за твою победу по бокалу чего-нибудь холодненького.

Фирменная полуухмылка Роберта исчезла, так же как и бесстрастное, поистине адвокатское выражение лица. Сейчас Роберт светился гордостью и воодушевлением. Этот энтузиазм, однако, его жене не передался. Эрин не обняла его в ответ, ни словом, ни жестом не дала понять, что тоже рада за Руби. А ведь какой повод для радости! Шутка ли — дочь приняли в одно из самых престижных частных учебных заведений Лондона. Руби спасена. А ее мать, к большому недоумению Роберта, отличная новость будто и не тронула. Уронив руку с плеча жены, Роберт слегка отстранился и одним пальцем приподнял ее подбородок.

— У меня дико болит голова. — Болезненно щурясь от яркого солнца, Эрин прижала ладонь ко лбу. — Тут рядом есть бар.

Роберт и рта не успел открыть, а она уже бежала через дорогу, лавируя между машинами и увлекая за собой дочь.

— Выпивка — как раз то, что нужно при головной боли!

Напомянуть об осторожности Роберт не стал — в таком настрое Эрин вряд ли послушно вернулась бы на тротуар. Он торопливо купил букетик в цветочном киоске, сбросил светло-серый пиджак, закинул на плечо и зашагал вслед за своими женщинами, не в силах стереть с губ довольную улыбку, — счастье еще, никто из знакомых не видит его с таким идиотским выражением на лице.

Вытерев испарину, он вошел в бар, где липкая, изнуряющая уличная духота сменилась холодком кондиционеров, пропитанным запахом табака и пива. Эрин и Руби уже сидели за столиком в уютной кабинке. Роберт бросил пиджак на высокий табурет, сверху аккуратно положил букетик, заказал выпивку и, пока бармен наполнял бокалы, разглядывал жену и дочь, привычно изумляясь тому, что они есть в его жизни. Как это случилось? Откуда они явились, эти волшебные создания?

Руби была возбуждена, жестикулировала много и сумбурно; ее как будто стало вдвое больше. Казалось, душа ее просачивается сквозь поры кожи и рвется наружу, — то выплескивалось, Роберт знал, ликование девочки: она будет учиться в Грейвуд-колледже! Чувство вины изжогой жгло ему горло, но Роберт старался держать его в узде. Не стоит, твердил он себе, так уж казнить за то, что не отправил этого ребенка в Грейвуд раньше, хотя знал и о ее музыкальном даровании, и о проблемах в школе. До сих пор во всем, что касалось судьбы Руби, он упорно держался в стороне, оправдывая собственное бездействие отсутствием кровных уз. Руби ему не родная, в роли отца он выступал лишь полгода, а официально удочерил каких-нибудь полтора месяца назад и потому не ощущал за собой ни опыта, ни права вмешиваться в процесс воспитания. Протягивая бармену двадцатку, Роберт краем глаза следил за отражением Руби в зеркальной стене. Всего-то ничего и времени прошло, а эта девочка стала ему ближе, чем если бы была плодом его семени, его плотью и кровью. Она необыкновенная. Дети — большие мастера ловить в свои сети сердца, открытые для любви и нежности, а уж Руби в этом деле просто гений: об отце она страстно мечтала с младенчества.

Роберт ссыпал сдачу в карман и с букетиком под мышкой понес бокалы к кабинке.

— Для нашей умницы! — Он вручил цветы сияющей падчерице. — Ну, за Руби и ее будущее!

Громогласный тост вынудил не одну голову в баре повернуться. Роберт протянул Руби фруктовый коктейль, звонко чокнулся с ней и поднял бокал, салютуя Эрин. Жест пропал впустую: Эрин в два глотка осушила свой бокал и поднялась. Буркнув «прошу прощения», она выскользнула из кабинки.

Роберт проводил жену взглядом. Она заказала еще «Блэк Джек», двойную порцию, и выпила с такой легкостью, словно это был едва теплый кофе. Пальцы ее то и дело нервно ерошили песочные волосы, а носок туфли мелко-мелко постукивал по металлической барной подножке.

Поведение жены озадачивало, но Роберт не желал, чтобы странной настрой Эрин притушил радость Руби. Протянув руку через стол, он перебирал тонкие пальцы девочки, слушал ее восторженный щебет о Грейвуд-колледже и гадал, что могло до такой степени взвинтить Эрин. Она собралась опрокинуть очередную порцию, и Роберт, знаком попросив дочь обождать, подошел к стойке, обнял жену за талию зашептал ей в самое ухо. Коктейль Эрин тем не менее в один присест проглотила и лишь затем повернула голову к мужу.

— Херня, — любезно отозвалась она, проспиртованно дохнув на Роберта. Остановила на нем жесткий взгляд. — Все — херня! Иногда... редко, но все ж таки иногда мне хочется

раздолбать эту гребаную стену из кирпичей. — Эрин вырвалась из объятий мужа и на весь бар крикнула: — Руби, уходим!

Роберт успел подхватить ее под руку, вывел на улицу и не отпускал, пока они пытались поймать такси, что в час пик оказалось непросто. В конце концов повезло Руби, и все трое уселись в машину. Руби забралась последней — сжимая цветы, без единого слова, неотрывно глядя то ли на мать, то ли куда-то сквозь нее. Куда-то вдаль. Туда, где она предпочла бы оказаться прямо сейчас.

Снег. До Рождества всего четыре дня. Может быть, я ношу Иисуса? Назову его Ноэлем. Я повернулась на бок — уж очень неприятно, когда ребенок давит на аорту. Кое-что из школьной биологии я помню. Аорта. Главная артерия, по которой от сердца в организм поступает кровь. А тему про самые важные явления жизни я, наверное, пропустила. Понятия не имею, если я это делаю, то, значит, мне хорошо дается размножение? Или я делаю это просто потому, что я плохая? Опять зашевелился. Задрал свитер, я разглядываю натянутую как на барабане, почти прозрачную кожу живота, которая то рябит, то вспучивается. Это малыш пинается. Я его обожаю.

Снег залепил окно. Темно снаружи. Теперь я стою: локти на подоконнике, нос прижат к стеклу, глаза ходят по кругу, провожая здоровенные снежные чипсы, опускающиеся на землю. Смотрю на них как загипнотизированная. Ребенка, видно, мутит — я слишком резко поднялась, — и он лягается пяткой. Больно.

Тук-тук в дверь. Два раза. Подожду полминутки, чтобы она точно ушла. Или он. Ага, он — сегодня ж пятница, а вечером по пятницам у нее бридж, так что ее нет. Открываю. За дверью на паласе — поднос. Опять котлета. Еще пюре и морковь. И соус набрызган, будто блюдо из-под мяса напоследок потрясли над моей едой.

— Наш ужин, Ноэль. — Я нарочно сказала вслух — имя на вкус попробовала.

Заношу поднос в комнату, мы садимся на кровать и кормимся. Задача мудреная: на коленках-то поднос не умещается, пришлось на кровать поставить и тащить вилку ко рту. Хоть бы свитер не заляпать. Ну вот, заляпала. Соус — плюх прямо на Ноэля. Я вытерла, но пинок все равно получила.

В комнате я сижу три месяца. Ну почти три. Они сюда телевизор принесли, такие добрые. И книжек у меня много. Раз в неделю, чаще в пятницу, мать приходит с цветами и выпускает погулять в сад — если повезет и если я хорошо себя веду. Мать с отцом без понятия, что, когда их дома нет, я крадусь вниз и тибрю что-нибудь вкусненькое. На прошлой неделе стырила целую упаковку «Милк Трей» и всю слопала — одним глазом шоколадки пожирала, а другим за дверью следила, как бы не застучали.

Открыть окно, вывалиться в сад и удрать? Можно, конечно, да только наверняка ведь Ноэля ушибу. И вообще — бежать-то мне некуда.

Еще две недели, и у меня будет ребенок. А что потом? После рождения Ноэля будущего у меня словно и нет вовсе. Словно мою жизнь дальше еще не написали. Какие они, новорожденные дети? Откуда мне знать — я их никогда в руках не держала. Мать книжку принесла про то, как рожать, и жалкую кучку детских одежек из лавки для нищих. Шмотки допотопные, воняют плесенью и чуточку рвотой.

В книжке говорится, что очень важно правильно дышать, так что я иногда тренируюсь. Целая глава написана про всякие лекарства от боли, но мне-то ничего такого не светит, спасибо, если аспирин дадут. Рожать придется дома. Мать будет доставать меня — лепить мокрое полотенце на лоб, а отец протрет подошвы, выхаживая по площадке за моей дверью, но сюда носа не сунет: упаси боже увидеть голую дочь, орущую благим матом и с ногами врозь. Как будто я хочу реветь белугой и ноги раскидывать. Но выбора-то у меня нет, верно?

Поднос я возвращаю за дверь и раскладываю подушки на кровати так, чтобы лечь поудобнее. Включаю телевизор, а Ноэль вдруг давай лягаться, вроде надумал прямо сейчас

из меня выпрыгнуть.

— Что, зайка? Котлета паршивая?

Я как следует растираю живот. Ноэлю массаж понравился, и он притих. Мама из меня классная выйдет, хоть мне всего пятнадцать.

Роберт упал на обитый пестрым ситцем диван, устало откинул голову на мягкую подушку и прикрыл ладонью глаза. Он успел сдержать стон, но воспоминание явилось незванным гостем.

— Я абсолютно уверена лишь в двух вещах, Роберт. В твоей паранойе и собственной непроходимой глупости. — Дженна споткнулась, кружа по комнате на подкашивающихся ногах, но ключи от машины все же нашла и хлопнула дверью.

Миг спустя ее авто с ревом умчалось в ночь.

Сейчас, в плену воспоминаний, Роберт издал страдальческий рык, исторгнув его из самых глубин души и сопроводив потоком ругательств в адрес жены. К счастью, ни рев его, ни брань, ни жена не имели ничего общего с явью.

— Это шутка? Ты водишь меня за нос, точно? — Роберт был поражен своим ровным тоном. Умение сохранять спокойствие — привилегия его профессии. Прежде чем снова откинуть голову на спинку дивана, он долго, недоверчиво вглядывался в лицо Эрин. Она определенно не шутила.

— Это форменное бегство от проблем. А мы не должны учить Руби такому. — Эрин судорожно сглотнула.

Роберт встал и медленно выпрямился во весь свой немаленький рост. Он все еще был в расстегнутом халате поверх одних лишь трусов-боксеров. Волосы — очень темные и густые, обычно уложенные так, чтобы никто не заподозрил руку стилиста, — спереди торчали хохолком, а сзади накрывали воротник халата.

Он с силой тер лицо ладонями, безжалостно растягивая кожу вокруг глаз, массируя виски. Последние несколько дней нормально выспаться не удавалось — в основном из-за дела Боуменов. Не так-то просто отобрать двоих малышей у матери — сердце разрывается.

— Девочка завтра собралась в колледж! Дьявольщина! Что ты себе думаешь, Эрин?!

Роберт опустил взгляд на светловолосую голову жены. Одна его половина с наслаждением прошлась бы пальцами по золотистым прядям, зато другая с не меньшим наслаждением закрыла на замок эту упертую женщину в чулане вплоть до выпускного бала Руби в Грейвуд-колледже.

— Черт побери, я уже оплатил остаток семестра, и форму ребенку купили! — Роберт описывал петли вокруг кресла Эрин, и зловещая размеренность его поступи наводила страх сильнее любых слов.

Жена огорошила его своим заявлением в шесть утра. Роберт даже решил, что видит сон, когда теплые губы Эрин прошлись по его щеке и выдохнули в ухо слова, которые убьют их дочь. Если она их услышит.

— Руби не будет учиться в Грейвуде, — прошептала тогда Эрин. — Я запрещаю.

Дурной сон, только и всего. Роберт блаженно зарылся в подушку, однако двумя часами позже те же слова явственно зазвучали у него в голове. И он точно знал, что слышит их наяву. Глаза его были открыты. Эрин придвинулась к нему, футболка, в которой она спала, поползла вверх, оголяя бедра.

— Я не позволю ей спастись от проблем бегством.

— Ну, выбор-то у нас невелик. Собственно, иного я просто не вижу. — Роберт лениво потянулся. Еще полусонный, он все же был уверен, что запросто переубедит жену.

— Одним словом, все решено. Руби я сообщу позже. — И Эрин отвернулась, лишив Роберта шанса прочитать ее взгляд под приспущенными тяжелыми веками.

Уговоры Роберта оказались напрасны — как и требование назвать веские причины подобной смены курса. Нельзя бежать от проблем, твердила Эрин, и кроме этого шаткого морального резона Роберт ничего не добился.

Вскоре после их знакомства полгода назад Роберт понял, что Руби в школе очень плохо. Девочка по-настоящему страдала. Началось все, как это бывает, невинно, однако недобрые клички, издевки, подножки быстро сменились звонками с угрозами и воровством вещей Руби. Жалобы директорисе пользы не приносили — администрация школы списывала все на чрезмерную обидчивость Руби, к которой из-за очевидного музыкального таланта прочно приклеился ярлык ребенка со странностями. Если же с обидчиками и начинали разбираться, то расследование быстренько сворачивалось, поскольку называть конкретные имена Руби упорно не желала.

Роберт прошел на кухню, налил чашку крепкого кофе и поднес к губам, наблюдая за женой в открытую дверь. Хрупкая, с безвольно повисшими руками, она была похожа на одинокую жертву кораблекрушения, выброшенную на необитаемый остров. Медленно подняв голову, Эрин встретила взгляд мужа. Губы ее приоткрылись — и вновь сомкнулись, плечи уныло поникли, и она с рыданием упала на ковер.

Роберт никогда не хотел ее сильнее, чем в эту секунду. Шагнув обратно в гостиную, он поставил чашку на журнальный столик и обнял узкие плечи жены. Затем приподнял ее и донес-дотащил до дивана. Откинул волосы с искаженного болью лица.

— Я не позволю тебе так поступить. Пусть удирает от проблем, если иначе не выходит. Окажись ты на ее месте — разве не побежала бы?

За то, что она собралась сотворить с дочерью, Роберт врезал бы ей хорошенько. И вместе с тем ему неудержимо хотелось притянуть ее к себе, высушить слезы и добиться улыбки, унести обратно в постель и покрыть поцелуями.

Он не сделал ни того, ни другого.

— Я — побежала бы. Именно поэтому и не позволю удирать своей дочери. — Эрин оттянула рукав мешковатой футболки и вытерла мокрые щеки. — Выгоды это в конечном счете не приносит. Уж поверь мне, я точно знаю.

Роберт решил было, что она намекает на личный опыт, — но если бы над Эрин тоже издевались в школе, она не настаивала бы на повторении той же пытки для собственной дочери, верно? Он терялся в догадках.

— Не говори пока Руби. Подумай как следует — и ты изменишь свое решение.

— Не изменю. — Эрин поднялась с дивана. — В Грейвуд-колледж моя дочь не перейдет. И точка.

На несколько кратких секунд Эрин замерла, словно колеблясь и рассчитывая, что муж ее переубедит. А Роберт вдруг понял, что не узнает жену. Спиной к нему, неловко и неподвижно, чуть расставив ноги, стояла хрупкая женщина в поношенной длинной футболке. Разве на ней он женился полтора месяца назад? Да его просто одурачили. Игнорируя выжидающую позу жены, Роберт пошел в спальню одеваться.

Такие мячи не берутся. Он просвистел пулей, задев очки Дэна. Тот уронил ракетку, схватился за переносицу и прищурился, рассматривая стекла.

— Да сними ты их к чертям! — рявкнул Роберт.

Очередная подача, мяч мощно отрикошетил, Роберт размахнулся и промазал. Достал из кармана другой мячик и повторил тот же финт. Затем еще. И еще, и еще, пока не иссяк запас сил — и мячей в карманах. Дэн ретировался на край корта и, протирая стекла очков, ломал голову над загадочным поведением партнера и друга.

— Рабочую злость выплескиваешь? — поинтересовался он, дождавшись прекращения огня. — Или жена ночью продинамила? В любом случае заявляю официально: если будешь продолжать в том же духе — я пас.

Роберт стянул тенниску и вытер лоснящиеся от пота лицо и шею. Стрельба мячами не сняла тяжесть с души. Он мысленно послал себя по известному адресу за то, что последние три четверти часа потратил впустую, на игру с самим собой, словно Дэна на корте и не было. Дружеские матчи по пятницам, под конец рабочей недели, вошли у них в традицию, и Роберт дорожил ими.

— Я возьму нам по пиву, и ты все расскажешь. — Дэн собрал свои вещи, открыл дверь и придержал ее для Роберта, на ходу надевающего тенниску. — Если, конечно, ты не представляешь опасности для общества, в частности, для меня.

В раздевалке Роберт не произнес ни слова. Молча швырнул вещи на скамью и встал под обжигающий душ с ничего не выражающим лицом и немигающим взглядом, устремленным в никуда. Он знал, что Дэн следит за ним, пытаясь понять причину его настроения, — и все же не мог заставить себя поделиться с другом. Рассказать о том, что выкинула Эрин, значило обратить ее немислимое решение в реальность, вынести которую у Роберта не было сил.

Он ушел из дома, так и не увидев Руби. Схватил спортивную сумку, ключи — и смотался на утренний пятничный матч с Дэном задолго до нужного часа. Машину вел безобразно, едва не сбил каких-то бегунов, проскочил перекресток на красный, в итоге тормознул на автобусной остановке, прокручивая в голове несусветное решение жены, пока не подошло время ехать в клуб.

Под урчание мотора и радиобормотание Роберт думал о дочери. Представлял ее юное лицо, розовое, чуть припухшее со сна, ее фигурку в цветастой, поблекшей от многочисленных стирок ночной рубашке. Руби босиком прошлепает в кухню, глотнет сок прямо из пакета, смешает в тарелке шоколадные хлопья с молоком и позавтракает перед телевизором, забравшись в кресло с ногами. Тяжелые черные волосы наверняка выбьются из резинки, которой она стягивает их на ночь, а вокруг глаз, должно быть, расплывутся темные круги: юная мисс экспериментирует с макияжем, а смыть краску перед сном ей недосуг. Привычно прыгая по каналам, она вспомнит, что ждет ее завтра, — и вспыхнет улыбкой, впервые за школьные годы согретая уверенностью в будущем.

А потом мама объявит, что Грейвуда ей не видать и завтра она возвращается в свою школу — ту самую школу, где она вынесла столько издевательств. Руби замрет, не донеся ложку до рта. Ухмыльнется, наверное: «Классная шутка, мам!» И тут заметит серьезный взгляд матери, сумрачную морщинку, перерезавшую ее лоб. Заметит — и похолодеет от страха: неужели не шутит? Эрин повторит свою новость, и Руби, оставив тарелку, поднимется и шагнет к ней. «Мам?» — выдохнет она тоненьким, чужим голосом. Фыркнет недоверчиво, с вызовом. Вот тут и начнется... Визг, слезы, истерика.

— Руби не пойдет в Грейвуд! — гаркнул Роберт, перекрикивая шум льющейся воды. Он еще был весь в мыльной пене, когда Дэн отдернул полиэтиленовую занавеску кабинки.

— Что ты сказал? — Дэн тряс головой, пытаясь избавиться от воды в ухе.

Роберт смыл пену и обернулся полотенцем.

— С Грейвудом покончено. — Он с трудом растянул губы в фальшивой улыбке.

Одевались молча — Дэн слишком хорошо знал своего друга, чтобы ждать подробностей до первой кружки. Спустя десять минут они уселись за столик в баре клуба.

— Руби струсила?

Дэн pokrutil головой, махнул одному приятелю, кивнул другому. В этом весь Дэн: всецело завладеть его вниманием редко кому удается. А Роберту до смерти нужно выговориться. Поговорить с кем-нибудь, кто *выслушает*.

— Напротив. Мы решили, что убежать от проблем — форменная трусость. Мы намерены в очередной раз встретиться со школьным начальством. Поглядим, не удастся ли захватить кому-нибудь под зад коленкой. — Роберт выдул полпинты в три глотка.

— Тебе?! Не надейся. — Дэн прочесывал бар взглядом. Округлил глаза: мимо проплыли две прехорошенькие барышни в юбках на уровне его носа. — Видал? М-м-м. Роскошь. А Эрин — запросто. Врежет под зад и бровью не поведет.

Роберт мазнул ладонью по лицу. Быстро, но Дэн жест уловил. И встрепенулся:

— Хочешь сказать, это *Эрин* решила не отправлять Руби в Грейвуд? — Догадка не стоила Дэну особого труда. За годы дружбы, с поступления в юридический, он научился понимать Роберта без слов. — Что за бред? Чего она боится? За колледж-то бешеные бабки *ты* выкладываешь!

Роберт вздохнул: без продолжения никак.

— Мы вовсе не уверены в пользе платного обучения. Нам бы не хотелось, чтобы ребенок чувствовал свою избранность. Не дай бог, понимаешь ли, возомнит себя выше других. — Он хлопнул в ладоши, словно точку поставил. И осушил кружку. — Повторим?

Предложение опоздало: Дэн уже поднялся. Взял со стола обе кружки и направился к бармену.

А с другой стороны, подумал вдруг Роберт, как бы дело повернулось, если бы Руби сплеховала на тестах в Грейвуд-колледж?

При желании он мог просидеть с Дэном в баре до вечера — подогревшись полудюжиной пенистых пинт, выложить другу все свои путанные мысли, поболтать о былых временах, о временах нынешних, обсудить юридически заковыристые дела... Роберт подавил пивную отрыжку и откинулся на спинку обитого кожей кресла. Его грызло чувство вины. Он жаждал быть рядом с Руби, когда Эрин выложит ей свое решение, но знал, что проторчит в баре с Дэном как можно дольше, чтобы явиться домой после скандала. Таков, он вынужден был признать, его собственный трусливый метод воспитания. Зато когда Эрин испортит все что можно, он начнет выправлять положение. Возьмет, к примеру, Руби к себе в контору, пусть день-другой передохнет, оклемается от шока. Учителя в офис вызвать — тоже не проблема. Тане, между прочим, не помешает помощь с бумагами, а Руби — несколько лишних фунтов на карманные расходы. И главное, Эрин совершенно необязательно ставить в известность. О том, чтобы Руби вернулась в ту скотскую школу, и речи быть не может. Исключено. Появился Дэн со свежим пивом.

— Ну а как там наш приятель Фред Боумен?

Ухмылка засияла поверх пены в кружках, и ровный загар лица — из солярия — пошел тонкими морщинками. Темные, с проблесками серебра волосы, тронутые рукой виртуоза-стилиста, вкупе с безупречным вкусом Дэна в одежде довели его убийственный для женщин облик до идеала. Успешный бизнесмен, столь же успешный и потому неисправимый ходок, Дэн был всегда открыт для дамских посулов и щедр на ответные.

— Не сдается, — ответил Роберт. — И не виляй. Смена темы не пройдет. — Он не собирался обсуждать дело Боуменов. Сейчас ему не под силу сотрясать чужие жизни.

Ухватив меню, Дэн пробежал глазами список сэндвичей:

— Как насчет перекусить?

— Зависит... Конец недели как-никак. Сотрудникам ручкой на прощание помашем?

Напряжение чуть отпустило Роберта. Общаться с Дэном — все равно что в бомбоубежище сидеть: полная безопасность, только воздуха маловато. К тому же, будучи главой фирмы «Мейсон и Найт», он не позволял себе расслабляться — ни в офисе, ни вне его стен.

Дэн взглянул на часы.

— Честно? Я бы это дело пропустил. Тьюла опять бабье собирает.

Роберт скорчил гримасу. Тьюла Мейсон и ее девочки... сорок с лишним женщин, отчаянно бьющихся за физическое совершенство. Однажды он совершил катастрофическую ошибку, внедрившись в шабаш Тьюлы об руку с Эрин — куда моложе товарок Тьюлы и потому не нуждавшейся в ухищрениях, которыми эта сходка радостно делилась. Напитки и канапе еще не были поданы, а Роберт уже был сыт по горло разговорами о ботоксе и коллагене. Он ухмылялся, оставляя Эрин в когтях Тьюлы, и, чего греха таить, таял от восторга. В свои тридцать два его жена выглядела сногшибательно, никто не дал бы ей больше двадцати пяти.

— Отлично. Значит, надеремся, — с ухмылкой констатировал Роберт.

Пока они сидели в клубе, небо затянулось тучами, посерело и пролилось знобящим дождем. Июнь стоял на редкость сухой и теплый — и вдруг погода, словно отражая настроение Роберта, разродилась унылым, мутно-молочным киселем.

Поймав такси, Дэн и Роберт молча следили за кривыми дождевыми дорожками, черкавшими стекла. Все, что нужно, было сказано. Роберта высадили первым. Он ступил на тротуар и пошатнулся, слегка на взводе от выпитого. Нетвердыми шагами преодолел залитые водой ступеньки крыльца. Собственный транспорт он оставил у клуба, сунув портфель двадцатку и ключи. С утра машина будет у порога — привилегия члена привилегированного клуба, привилегия партнера привилегированной фирмы Дениса Мейсона. Роберт задержался в прихожей своего дома. Выстроенный в викторианском стиле особняк снаружи еще поражал воображение, но внутри уже мечтал о ремонте. Еще полгода назад, до переезда сюда Эрин и Руби, Роберт не слишком заботился об интерьере. Однако с течением времени дом превращался в семейный очаг, то есть именно в то, что Роберт мечтал обрести — помимо карьеры. Воспоминание о Дженне неожиданно захлестнуло его. Он увидел ее стоящей на площадке лестницы — в тюрбане из белого полотенца, хвост которого полоскался на спине, с розовыми от душа щеками, улыбкой приветствующей возвращение мужа домой. Живая Дженна. Они вместе — и счастливы. А потом она исчезла, оставив после себя колючий ком боли, который Роберту пришлось запереть глубоко внутри. Дженна нет места в его новой жизни. Так почему она упорно встает перед глазами?

Роберт уронил сумку на пол и тряхнул головой, прогоняя образ первой жены. Ну не идиот? Дженна здесь никогда не жила, и никакого права на этот дом у нее нет.

Вот тогда-то он и уловил этот звук, то ли глухой бубнеж, то ли вой на одной очень низкой ноте — стон раненого зверя. Едва слышимый, звук, однако, затопил весь дом, так что определить его источник было непросто. Роберт прошел сначала в кухню, где грязная посуда громоздилась на всех горизонтальных поверхностях, а посередине стояла корзина с

выстиранным бельем, отдающим ароматом свежести. Нашлось и объяснение странному звуку: включенное радио монотонно бубнило. Роберт повернул ручку до щелчка. Радио смолкло. Вой продолжался.

— Эрин! — позвал Роберт.

Ничего. Он налил себе воды и вышел из кухни. Гостиная была пуста. Быть может, подумал Роберт, озноб от сырой одежды или пиво натошак, сразу после физической нагрузки, виновны в том, что ему не по себе и чудится бог весть что.

Он решил переодеться и поднялся по лестнице. Наверху вой усилился, пробрав до мозга костей. Звук шел из комнаты Руби. Стукнув раз и не дожидаясь ответа, Роберт открыл дверь.

И попал в полный мрак. Шторы были задернуты, свет выключен. Лишь когда глаза привыкли к темноте, Роберт увидел дрожащую в углу дочь. Абсолютно голая, она подвывала монотонно, сипло, и от безумного напева духота комнаты искрила. Наготу Руби прикрывали лишь волосы, влажно струившиеся по плечам и груди. Ее била крупная дрожь — будто животные звуки, непрерывно срываясь с губ, отдавались в каждой клеточке тела. Появления Роберта она не заметила.

— Руби? — Он сделал несколько шагов, чувствуя себя неловко из-за ее наготы. — Руби, пожалуйста, не надо. — Роберт уже протянул к ней руки, но тут же отдернул и снял с крючка на двери халат: — Вот, возьми.

Никакой реакции. Только неумолчный вой, мотив тоски и отчаяния.

Роберт набросил халат на плечи девочки, но тот сразу сполз. Наклонившись, чтобы поднять халат, он заметил мурашки на бледной коже, и ему почудился странный сладковатый запах, с примесью металлической нотки. А потом он увидел кровь. По рукам, груди и спине Руби текли струи густых черных волос, а по внутренней стороне бедер такими же темными ручьями текла кровь.

— Руби, да ты вся в крови!

Он опустился перед ней на корточки и заглянул в лицо. Взгляд Руби был так неподвижен, что глаза казались стеклянными шариками, и в каждом — по громадному зрачку размером со всю радужку. Отбросив неловкость, не думая о том, что она совершенно голая, Роберт подхватил девочку на руки и уложил в постель. По-прежнему недвижимая, она продолжала тянуть свой напев, устремив взгляд сквозь потолок. Куда-то вдаль. Туда, где она всегда мечтала оказаться.

Весь вечер Роберт просидел с ноутбуком на коленях и открытой папкой с документами по очередному делу. Пытался работать, но не мог думать ни о чем, кроме горя своей несчастной девочки, — и о той, конечно, кто нес ответственность за ее страдания. Об Эрин.

Свет от включенного без звука телевизора бликами плясал на стенах, меняя рисунок со сменой картинок на экране. Роберт смотрел и ждал. Смотрел на стены гостиной, цвета увядшей магнолии, время от времени бросая взгляд на душераздирающие, не иначе как написанные кровью, письма жены своего клиента. Ждал — и терпение его ежеминутно убывало — возвращения Эрин.

Ее мобильник отсылал к голосовой почте. Ни у одной из подруг Эрин не было, а если она отправилась в свой магазин, то на звонки не отвечала. Руби, даже когда к ней вернулась способность связно говорить, не смогла ответить на вопрос, где мать.

После долгих дождливых часов небо выдохлось и повисло над городом изнемогшее, пепельно-серое. Жуткая, хоть и тихая истерика Руби тоже сошла на нет, и девочка пришла в себя, точнее, впала в состояние, которое с натяжкой можно было назвать нормальным. Роберт не отходил от нее целую вечность — массировал горестно поникшие плечи, укутывал и согревал, держал у губ чашку с горячим сладким чаем. Он не спрашивал, что случилось. Он знал.

Лишь убедившись, что падчерица уснула, Роберт вернулся в гостиную. Сейчас он со вздохом вытянул ноги на диване. Здорово устал — от бешеной схватки с самим собой в клубе, от возлияний, более долгих и обильных, чем обычно, от жестокого решения Эрин. Но более всего — от чувства вины. Он был обязан поддержать Руби. Сбросив туфли, Роберт натянул меховой плед на непривычно уставшее тело. Здоровый и сильный мужчина, он гордился своей отличной формой и способностью с легкостью переносить напряженные матчи в клубе и длительные тренировки в бассейне. Своих сорока без малого он не ощущал, а в спальне, раздеваясь по вечерам, с удовольствием ловил на себе одобрительный взгляд Эрин. Но сегодня, с утра ошарашенный необъяснимым поведением жены, Роберт почувствовал себя на добрый десяток лет старше. В который раз за день он представил себе лицо Руби в тот миг, когда Эрин сообщила ей, что перехода в Грейвуд-колледж не будет. Он оказался не готов к тому состоянию, в котором обнаружил Руби. Роберт любил падчерицу не меньше, чем ее мать, — временами даже сильнее. Сейчас — сильнее. Выступать в роли отца, не будучи им в действительности, — с более сложной задачей он в жизни не сталкивался. Если бы Руби была ему родной, он давным-давно остановил бы это безобразие. Эрин не получила бы даже малейшего шанса исковеркать судьбу дочери. Удастся ли ему хоть когда-нибудь ощутить себя настоящим отцом?

Должно быть, Роберт задремал, однако стоило щелкнуть замку входной двери, как он вздрогнул, сел и взъерошил волосы, собираясь с мыслями. Эрин остановилась в коридоре, на полпути к гостиной, но Роберт видел, несмотря на сумрак, что она промокла до нитки. Она подняла руку, чтобы включить свет, другая была занята букетом; Эрин держала цветы за длинные стебли, и яркие влажные головки едва не касались пола.

— Для Руби, — бесцветным голосом произнесла она, переворачивая букет, с которого посыпались дождевые капли.

— Отлично. Этим мы, конечно, все исправим. — Роберт резко поднялся, прошел в

кухню и шваркнул крышкой от чайника по рабочему столу. — Чашечку кофе? Полагаю, этим мы тоже все исправим?

Эрин прошла вслед за ним. Роберт вдохнул аромат дождя и летних цветов и услышал из-за спины:

— Я ей не сказала.

Роберт, с банкой кофе в руке, медленно развернулся и уставился на жену. Ее пшеничные волосы, намокнув, приобрели оттенок старинной меди, под глазами растеклись полукружья туши. Веки припухли — она плакала. Роберт сыпанул по ложке гранулированного кофе в чашки и залил едва теплой водой.

— Я ей не сказала... — повторила Эрин. — Она уже знала.

Роберт опустил за кухонный стол напротив Эрин. Она сидела, по-детски зацепив ножки стула носками туфель, подбородком упираясь в сложенные ладони. Роберт отметил непроизвольную дрожь ее рук, которую она пыталась усмирить. Надежда, вспыхнувшая было в нем, тут же угасла.

— Руби слышала наш утренний разговор. — Эрин со вздохом колупнула щербинку на чашке. — Нелегко ей сегодня пришлось.

Роберт фыркнул, качая головой:

— А ты вообще-то в курсе, что у нее сегодня первые месячные?

Эрин спрятала лицо в ладонях.

— И меня не было рядом...

Роберт мог бы и сам подписаться под этими словами, но предпочел сохранить полученный козырь. Кроме того, он нутром чувствовал, что Эрин необходимо высказаться, сбросить с души неведомую ему, но гнетущую тяжесть. Правда, он не привык безоговорочно доверять интуиции — как-никак юрист обязан выуживать истину из конкретных фактов.

Эрин — его жена, его половина. В апреле, стоя перед алтарем, они поклялись доверять друг другу и ничего друг от друга не скрывать. Перед ним все та же умница Эрин, работяга Эрин, трезвая и рассудительная Эрин. Так почему она настаивает на том, что правильное всего искалечить своему ребенку жизнь? Для Руби нет ничего важнее музыки, а значит, ей место в Грейвуд-колледже, где она к тому же избавится от малолетних садистов из прежней школы. Пианино — столь же неотъемлемая часть этой девочки, как волосы цвета воронова крыла или приподнятые уголки больших глаз. В Грейвуде дар Руби расцвел бы, как роскошный бутон в оранжерее. И что же делает ее мать? Одним махом перечеркивает будущее дочери. А Роберт терпеть не мог, когда талант пропал втуне.

Эрин снова вздохнула, плечи ее поникли.

— Как только ты уехал, она пришла ко мне и сказала: «Я знаю, что ты не позволишь мне перейти в Грейвуд». И все. Я хотела объяснить, но она вроде как и не переживала. Даже вызвалась сходить за продуктами. Я и не догадывалась, что у нее начались месячные... — Эрин виновато всхлипнула.

Что бы там ни было дальше, с этого дня для их дочери начался новый этап жизни. Роберт едва сдерживал себя, наблюдая за женой, а та принялась наводить порядок на кухне, словно разговор о Руби был окончен, словно аккуратно сложенное белье важнее счастья девочки. Казалось, она твердо решила, что ее приговор обжалованию не подлежит. Что-то бесповоротное было в том, как она расправляла и складывала полотенца и с неуместной педантичностью разбирала носки по парам. Каждое ее размеренное движение было как издевка над драмой, которую переживала сейчас ее дочь.

В половине второго ночи Роберт отправил жену в постель, принял душ и, заглянув к Руби, убедился, что она крепко спит. Свернувшись калачиком, прижимая к себе потрепанного зайца, девочка тихонько присвистывала, точно аккомпанируя своим сном. Ему хотелось прокрасться в ее мысли, развеять ночные кошмары и помочь воплотить в жизнь самые заветные мечты. Послав дочери воздушный поцелуй, Роберт вернулся в спальню и мгновенно уснул. Утро наступило слишком быстро, расписав небо на востоке розово-апельсиновыми мазками. Утро понедельника. От этой мысли у Роберта защемило сердце.

— Обещай, что сегодня не отправишь ее в школу. — Роберт провел ладонью по лицу. Умолять — не в его правилах. Надо действовать иначе. Он повернулся лицом к Эрин: — Пусть у меня в офисе побудет.

Как ни странно, Эрин кивнула:

— Хорошо. А я позвоню в Грейвуд, объясню ситуацию.

— Не беспокойся, я сам позвоню, из конторы.

Настаивать не пришлось: Эрин была только рада избавиться от необходимости врать директорше про внезапные «семейные обстоятельства». Роберт не спешил подниматься с постели. Глядя в потолок, он пытался постичь, не проклюнулись ли в нем первые ростки отцовского чувства? Не так ли должен ощущать себя настоящий отец, имеющий право голоса в воспитании ребенка? А затем, остановив взгляд на Эрин, уже набросившей кремовый атласный халат, он задался другим вопросом: не проклюнулись ли в нем первые ростки сомнения в правильности выбора?

Полчаса спустя в кухне к Роберту и Эрин присоединилась Руби — в форме своей прежней школы и с солнечной улыбкой на лице, чего они уж никак не ожидали. Она подвела глаза, накрашила ресницы и тронула губы блеском, а волосы собрала в «конский хвост», стянув его легкой голубой косынкой.

— Привет! — Руби бросила набитую учебниками сумку на пол и, распахнув холодильник, достала пакет с соком и яйца. — Помираю с голоду! — объявила она весело. — Кстати, подбрасывать до школы меня сегодня не нужно, я как раз успеваю на автобус.

Роберту показалось, что он уловил фальшь в ее улыбке. Почудилось — или ее голос дрогнул, выдавая страх, а под накрашенными ресницами блеснула слеза? Он шагнул к ней, ничего не желая сильнее, чем обнять и защитить от любой угрозы, что таил для нее этот день.

Нырнув вбок, Руби избежала его рук. Достала с полки сковородку, бутылку масла и одно за другим разбила три яйца, не заботясь, что держит их слишком высоко и брызги летят во все стороны. Роберт фыркнул, пытаясь сохранить лицо, пытаясь пересилить смехотворное ощущение, что его отвергла девчонка-подросток. Глядя, как Руби швыряет скорлупу в мусорное ведро, Роберт спрашивал себя, не ошибся ли он. Быть может, девочка действительно *хочет* вернуться в школу? Быть может, Эрин права и бегство лишь создаст в будущем еще большие проблемы? Ему-то откуда знать? Детей у него прежде не было, а собственный опыт подсказывал, что за схватку со страхами наградой были сила и способность побеждать, которую он больше всего ценил.

Роберт отвернулся к окну и оперся о подоконник. Вздохнул, устремив невидящий взгляд на яркую зелень сада. Он хотел выиграть время, чтобы подумать о Руби и прикинуть, как заставить Эрин изменить ее решение, а мысли то и дело возвращались к Дженне, словно намагниченные. Воспоминание, невесомое, как шифоновый шарфик, зацепившийся за ветку,

никак не отпускало. Роберт буквально воочию видел Дженну в саду, под куполом плакучей ивы: волосы подхватывает ветерок, на лице улыбка шириной с горизонт, рука приподняла длинные гибкие ветви. «Чего ты хочешь?» Вопрос звенел в нем снова и снова, пока он наблюдал, как Дженна, нагнувшись, выдергивает стебелек сорняка. «Ты здесь не живешь!» — беззвучно выкрикнул он.

Он ненавидел Дженну — за то, что так с ним поступает; еще больше ненавидел себя — за то, что позволяет ей. Его скорбь понятна, но, видно, скорбит он как-то не так. И желание примириться с потерей, тоже вполне естественное, видно, выходит ему боком.

На кухне продолжалась обычная утренняя суэта — словно ничего и не случилось. Кипел чайник, Роберт листал свежую газету, на коврик у входной двери с шелестом приземлилась почта. Руби готовила завтрак, чертыхаясь себе под нос, потому что раздавила желток, а Эрин не произнесла ни слова. Стояла недвижно, словно пойманная врасплох вспышкой камеры — рот приоткрыт, веки чуть опущены, — и смотрела, как дочь жадно уписывает яичницу. Роберт мог бы поклясться, что физически ощущает вину, затопившую Эрин. «Ну же! — мысленно подтолкнул он жену. — Сейчас ты можешь все исправить!» Но Эрин упустила момент, сохранив молчание.

Роберт подавил стон.

— Я в душ — и на работу. Дел по горло, — буркнул он и ринулся наверх, перескакивая через две ступеньки.

Он не успел еще преодолеть лестницу, когда перед его глазами вспыхнул образ — мимолетный, но такой силы, что Роберт споткнулся о верхнюю ступеньку и ухватился за перила. Мало ему воспоминаний о первой жене, благодаря которым он сам не свой, — окончательно разрушить его профессионально хладнокровный имидж грозили мысли о слезах двоих ребятишек, лишившихся матери. Дело Боуменов разрывало его сердце.

Роберт барабанил пальцами по рулю — машина ползла в плотном потоке часа пик. Рядом сидела Руби — очень чинно и собранно.

— Мама будет в ярости, — сказал Роберт, но одобрительный взгляд, искоса посланный дочерью, ее сияющие лукавым восторгом глаза убеждали, что он поступил правильно.

Руби чуть заметно кивнула; легкая усмешка приподняла уголок губ.

Подскочив сегодня спозаранку, Руби горела решимостью вернуться, как того требовала мать, в прежнюю школу, причем настаивала, что доберется туда на школьном автобусе, тем самым обеспечивая себе двадцатиминутный кошмар издевок — перед долгим и тоскливым днем в классах, где неопытные учителя безуспешно пытаются усмирить буйный молодежь. Роберту пришлось включить красноречие на полную силу, чтобы она согласилась доехать до школы с ним, однако предварительно Руби взяла с него обещание остановить машину за углом. Выйти у порога школы из новенького «мерса» с откидным верхом значило нарваться на пинок при первом же появлении в туалете.

Представив, как на его девочку налетает рычащая свора неуправляемых юнцов, Роберт отбросил все сомнения и сложил в багажник машины форму, спортивный костюм и охапку всяческих мелочей, которые, как ему подсказывала интуиция, могли пригодиться девушке в первый день учебы в новой школе.

Роберт вжал в пол педаль тормоза.

— Господи! — вырвалось у него. — Чуть не врезался.

— Не стоит устраивать аварию, чтобы помешать мне добраться до Грейвуда. Мама

говорит, нельзя все время бегать от проблем. — Руби подмигнула.

Какое счастье, подумал Роберт, что этому ребенку не изменило чувство юмора.

— Но ты ведь с ней не согласна, не так ли? — Роберт погладил дочь по плечу. Ему так хотелось, чтобы она верила ему и не сомневалась в правильности его поступка. Пробка на дороге начала рассасываться. — Когда она узнает, что мы сделали, всю вину я возьму на себя.

Руби нервно сглотнула.

— Угу. Но имей в виду — она точно взбесится. Уж если мама сказала «нет», — значит, «нет», и точка. Даже если она не права.

То-то и оно, мысленно подтвердил Роберт. А в данном случае Эрин кардинально не права.

Он свернул на заправку.

— Беги, переодевайся. В первый день опаздывать не годится.

Они обменялись ухмылками. Отец и дочь... Во всяком случае, на один шагок ближе к тому, чтобы ими стать.

Роберт донес до женского туалета сумку с формой Грейвуд-колледжа. В ожидании Руби он залил полный бак и купил фонарь, поскольку здесь их продавали с большой скидкой. Прошелся вдоль ряда уродливых корзин с безобразно дорогими, хотя и престарелыми хризантемами. Магазинчик Эрин был настоящим храмом свежих и редких цветов, роскошных букетов. Подобной безвкусицы Эрин у себя не потерпела бы. Роберт задумчиво тронул пальцем подсохшие тонкие лепестки, как раз когда из туалета появилась Руби — сияющая и вся такая новенькая, как только что выпущенная монетка.

— Иди сюда, — окликнул ее Роберт и рассмеялся. — На воротничке-то ценник болтается! — Он оторвал этикетку с серо-зеленого пиджачка и смахнул с плеча Руби нитку. — Фантастика, черт побери! — оценил Роберт и зыркнул на продавщицу, что пялилась на них круглыми глазами, не переставая перекачивать между зубов жвачку.

— Пап! — хихикнула Руби. — Не чертыхайся!

На душе у Роберта потеплело, как всегда, когда Руби называла его «папой». Обычно она обходилась именем, но сегодня он заслужил награду за толику внимания. Если бы тем же поступком он достучался и до жены...

Роберт довез дочь до колледжа и сказал, прежде чем высадить у входа внушительного здания:

— У меня большой сюрприз для вас с мамой. Держу пари, вечером я увижу улыбки на ваших лицах.

— Па-ап! — счастливо протянула Руби, выскочила из «мерседеса» и взбежала по ступеням.

Роберт смотрел ей вслед, вцепившись в колено, горло ему сдавил спазм. Как же сообщить жене, что он посмел ее послушаться?

А ему еще надо и сюрприз придумать.

Странно, конечно, только я не знаю, как забеременела. Честно-честно. Само собой, я в курсе, что *должно* произойти, если хочешь ребенка, но не стану сочинять байки о том, как парень засунул в меня эту свою штуку. Мать думает на Джимми — одного дурачка, который живет в конце нашей улицы. А отец объявил виноватыми всех мальчишек из моей школы и еще через газету проклял всех ребят в округе.

Когда моя школьная юбка не сошлась на талии, а живот стал сильно выпирать, я испугалась, что превращаюсь в кубышку. Мать все зудела, что я пухну на глазах и что обжорство — большой грех, а потом записала меня к доктору Бригсону, чтоб дал мне какие-нибудь таблетки для похудения. Я потащила с ней, хотя уже догадывалась. Решила, что им не удастся из меня ничего вытянуть. Доктор Бригсон заставил лечь на кушетку — между прочим, даже не сменил бумажную пеленку, всю мятую и мокрую от того, кто там до меня был, — задрал мой свитер и воткнул пальцы мне в живот, да так глубоко, что я чуть не заорала. Слава богу, прикусила язык — от страха, что шум на всю больницу поднимут. Он бы меня, наверное, поколотил. Ну, он позадавал мне разные вопросы, а я молчала. Тогда он выставил меня из своей вонючей дыры и нашептал матери, что у меня будет ребеночек. Только мы домой вернулись, как она мне прямо на пороге оплеуху отвесила. А отец целый месяц на меня даже не глядел.

Вот и сочельник наступил. А снег весь стоял. На улице за моим окном тусуются ребята из школы. Я их вижу: лица веселые и капельку оранжевые от моргающих уличных гирлянд. Как положено в канун Рождества, они бегают от дома к дому, распевая гимны и позвякивая монетами в коробке. И в животе у каждого наверняка сладко екает — завтра же праздник! У меня в животе тоже ералащ, но совсем не из-за Рождества.

Наш дом — следующий на очереди, но они к нам не зайдут. Не посмеют позвонить в дом Вайстрахов. Зато послоняться под окнами — это они с радостью. Надеются меня хоть одним глазком увидеть. Глянуть на беременную девчонку. Ту, из-за которой на Биггин-энд-Хай разгорелся скандал десятилетия. Победительницу конкурса «Шлюха года».

Я задергиваю шторы — отгораживаюсь от зевак вместе с их веселым Рождеством — и ложусь спать, чтобы скоротать время.

Порой мне снится, как все это случилось, и тогда я просыпаюсь вся мокрая от холодного пота. Хорошо, если под кроватью припрятана какая-нибудь вкуснятина, которую я таскаю из кухни, — леденцы там или сахарная пудра. Успокоиться куда проще, если сунуть палец в сладкий порошок и облизать. После этого я вижу клевые сны, вроде пасхального шествия в школе: плакаты первоклашек, забавные шапочки, цыплята из папиросной бумаги, кособокие шоколадные яйца с уроков домоводства. Вся школа гудит радостью весны, новой жизни.

Это могло случиться именно тогда. Меня поставили торговать «яйцами счастья»: на картонный поднос, устеленный соломкой, уложили свежие яйца, и среди них была парочка с нарисованными внизу веселыми рожицами. «Найди яйцо счастья! — выкрикивала я. — Всего-навсего десять пенсов — и удача тебе улыбнется!» Счастливчика ждал приз — корзинка с горой конфет и вязаным цыпленком посерединке. После, когда учителя уже прибирались, а все разошлись по домам, остались только мы — несколько человек, в том числе и хромоножка Джимми, который вечно криво ухмыляется, и у него слюна в углу рта

пузырится. Мы тогда в бойлерную прокралась — заранее разнюхали, где наш сторож выпивку прячет.

А может, это в другой раз случилось, на той дискотеке, где мистер Драйвер ко мне клеился и все допытывался, есть у меня уже парень или нет. За такой красоткой, говорит, пацаны хвостом должны бегать и в очередь выстраиваться, чтоб потискать. «Небось уже целовалась с мальчишками?» — спросил он и языком по губам провел. Внизу живота у меня так погорячело, вроде я уселась в вишневый пирог сразу из духовки. Только я на это ноль внимания и от мистера Драйвера улизнула. А он до конца дискотеки на меня пялился.

Мне еще снятся туалетные кабинки. Или как в бассейне мальчишка рукой мою грудь цапнул, а червячок-то его совсем рядом был. Или, может, Господь меня избрал, чтобы сделать мне ребеночка. А может, инопланетяне засунули в меня Ноэля. Или Чип — это наш Лабрадор, тот еще бабник, — махнул своей бесстыжей штуковиной слишком близко от моих трусиков. Мне страшно хочется, чтоб что-нибудь из этого было правдой. Хотя какая разница — со мной-то все уже случилось. Так что буду продолжать притворяться, будто ничего не знаю.

Роберт трижды набирал номер Луизы — и трижды захлопывал мобильник, не дожидаясь гудка.

Только не пропадай, Роб. Если тебе когда-нибудь что-нибудь понадобится...

Прощальные слова Луизы отчетливо звучали в ушах, словно и не прошел почти год с тех пор, как он видел ее в последний раз. Вчера, когда они с Дэном расправлялись с пивом в баре клуба, Дэн мимоходом заметил, что Луиза в Англии, приехала ненадолго — кое-какие дела утрясти и кухню замуж выдать. Луиза. Энергичная, деловая, с хрустальным искренним голосом. Мысль о ней преследовала Роберта. Вдруг она поможет?

— Алло! (Тот же чистый голос. Та же Луиза.) Алло?

Роберт отключился. Связь на подземной парковке все равно никудышная, да и Луиза наверняка слишком занята. На четвертый этаж, в офис фирмы «Мейсон и Найт», Роберт поднимался на лифте, стиснув в ладони сотовый, словно то был его спасательный круг в море безумия. Сколько Роберт ее знал, Луиза была для него как минимум щедрым источником логики и здравого смысла. Она учила его любви и доверию, учила проживать каждый день в полную силу, а о грядущих проблемах тревожиться лишь с их появлением. Как все это мило и правильно, подумал Роберт. Отключив телефон, он сунул трубку в карман. Как похоже на Луизу.

Роберт рассчитывал, что до появления Джеда Боумена с четверть часа у него еще есть — если тот вообще соизволит оторвать задницу от дивана. Вдолбить в башку двухметрового головореза, который так и брызжет яростью, что на предварительном слушании далеко не все может пойти по его хотению, — задача не из легких, да и удовольствия никакого, а уж в такой день, как сегодня, — тем более. Собственно, до слушания оставалась еще неделя, однако Роберт намеревался убедить Джеда хотя бы явиться на судебное заседание в костюме, не выражаться и не курить. Кроме того, желательно было разложить клиенту дело по полочкам и удостовериться, что он четко уяснил цель иска: получить опеку над своими детьми, лишив их мать, подозреваемую в наркомании, родительских прав, — а отнюдь не навесить ей тумачков прямо в зале суда.

Вообразив Джеда Боумена в парадном одеянии, Роберт расхохотался в голос и под звяканье дверей вышел из лифта. Хороша картинка: руки, по которым мыло давно плачет, с желто-сизыми от никотина ногтями, торчат из чересчур коротких обтрепанных рукавов, а узел старомодного узкого галстука болтается на пузе. Бездельник и полный кретин этот Боумен, но остолопу повезло: его обеспечили адвокатом, и Роберту вменили в обязанность защищать его права в суде. Последнее время в фирме из двух человек Роберту доставались самые мерзкие дела.

Своего клиента Роберт унюхал прежде, чем увидел. Секретарша Таня дернула головой в сторону двери и скорчила мину: вдоль стеклянной стены коридора, растрепанной вороной на фоне синего неба, взад-вперед выхаживал Боумен. Невыносимая смесь запахов — несвежей одежды, пива, дешевого табака — окутывала его почти ощутимым облаком. Услышав голос Роберта, он обернулся и мрачно свел брови:

— Неужто сподобился дожидаться. — Боумен утопил окурок в ополовиненной чашке чая. — Думаешь, ты один такой занятой, черт тебя дерит?

— Прошу прощения. — Неизменно корректен, неизменно профессионален, Роберт

безмолвно, но от души чертыхнулся, проклиная невесть откуда проклянувшуюся пунктуальность громилы-клиента. — Присаживайтесь.

— Штаны-то мне протирать некогда. На объекте дожидаться не станут, чтоб ты знал.

За клиентом тянулся шлейф серой пыли — цемента? А сам он источал ненависть.

— Вот как? То есть вы нашли работу? — уточнил Роберт.

Это многое меняло. Если бы у Джеда появилась постоянная работа, стабильный доход и мало-мальская упорядоченность в жизни, выиграть дело было бы куда проще.

— Не так чтоб нашел... — буркнул Джед. Короткие толстые пальцы заскребли по щетине — дошло, что ляпнул лишнее.

— Ясно. Постоянной работы у вас по-прежнему нет.

Нигде не числится, деньги кладет в карман, зло подумал Роберт, а пособие и бесплатного адвоката ему подавай. И ведь пальцем, мерзавец, не желает пошевелить, чтобы как-то наладить жизнь свою и детей и продемонстрировать суду, что человек он ответственный и болеет за семью. А желает Джед одного — искалечить, физически и морально, свою жену, которую в один прекрасный день застал в постели с собственным братом. Роберт многократно выслушал безобразную историю, всякий раз с новыми грязными подробностями, порожденными яростью рассказчика. Славный такой и добрый парень, Джед Боумен.

— Джед, когда вы в последний раз виделись с детьми?

Роберт сунул портфель под свой роскошный, сверху обтянутый кожей, письменный стол и снял пиджак. Тяжесть мобильного во внутреннем кармане вновь напомнила ему о Луизе. Как только расправлюсь с Боуменом — тут же ей позвоню, решил Роберт.

— Тыщу лет не видал. Она меня к ним не подпускает. — Джед извлек пачку сигарет из кармана вонючей рубахи.

— Здесь не курят. Я вас надолго не задержу. Потерпите?

Джед скривился:

— Потерплю, коли иначе никак. Короче. Моим малым в том доме нехрена делать. И я хочу их оттуда вытащить. У дуры этой новый чувак. Работенка у него клевая и тачка — полный писец.

— Вы уверены?

— Соседи сказали. Которые в смысле бывшие соседи.

К изумлению Роберта, кожа на лице клиента словно поползла вниз по костям черепа. Заросшие щетиной, темные от загара и грязи складки собрались на лбу, легли с затылка на шею, и Боумен стал до абсурда похож на старого, утратившего былую хватку бульдога.

— Я ж ее любил. Чес-слово, любил.

Роберт, повинувшись чувству, которому он толком и определения не дал бы, достал из ящика стола стеклянную пепельницу. Сам он не пользовался ею с тех пор, как расстался с вредной привычкой, сразу после свадьбы с Эрин. Странно, что события прошедших выходных не вернули потребность в никотине в десятикратном размере. Однако сейчас, глядя на Джеда, лицо которого при виде пепельницы почти пришло в норму, Роберт едва удержался, чтобы не стрельнуть у клиента сигарету.

Или его потянуло на курево из-за голоса Луизы? Все тот же серебристый колокольчик...

Роберт обговорил с Боуменом нюансы дела, хотя тот, похоже, совершенно не осознавал последствия в случае провала. Свидетели у него, мягко говоря, ненадежные, и за каждым, кроме одного, тянется хвост правонарушений, связанных с алкогольной или

наркозависимостью. Роберт предчувствовал, что его адвокатскому красноречию грозит серьезное испытание. Большой вопрос, сумеет ли он убедить суд в том, что Мэри Боумен — плохая мать детям Джеда, если их отец сам водит дружбу с социально опасными личностями.

В лучшем случае ребят отдадут на воспитание в приемную семью, а в худшем... Роберт нутром чуял, что худшим вариантом для детей станет жизнь с отцом. Впрочем, он пока не встречался с Мэри Боумен и не мог судить, насколько она порочна. До сих пор он был вынужден верить Джеду на слово.

— Итак, жду вас ровно в девять, выбритым и в приличном костюме. — Роберт поднялся, по привычке протянул руку для пожатия, сквозь клубы сизого дыма над столом, — и тут же брезгливо отдернул: пусть этот парень сначала ладони ототрет и грязь из-под ногтей выгребет.

— Поспрашаю, авось кто-нить выручит на часок.

Джед Боумен удалился, явно недовольный перспективой раздобывать костюм. А Роберт, сражаясь с желанием немедленно выхватить мобильник, подключил Таню к обсуждению других дел. Когда секретарша заявила, что все эти вопросы были решены еще на прошлой неделе, Роберт вломился в кабинет Дэна и расстроил тому конференц-связь. Наконец вернулся в собственный, провонявший табаком кабинет и налил кофе. Включил сотовый — и вздрогнул, услышав новое голосовое сообщение.

— Роберт, ушам своим не верю! Кто-то позвонил, но в трубке молчок, и я уж было решила, что не соединилось, а тут твой номер высветился! Ну как ты? Сто лет тебя не слышала. Ты в курсе, что я вернулась, — правда, ненадолго, но все же. Давай-ка созвонимся, организуем что-нибудь, а? Если хочешь, конечно. Или ты не хочешь? Или не можешь? Или можешь, но все равно нам лучше не встречаться? Словом, ты понял. В любом случае, дружок, жду твоего звонка!

В этом вся Луиза. Искренность и предельная ясность.

Он нажал кнопку повтора и обжег себе губы кофе — Луиза ответила сразу же.

— Роб?!

— Он самый. — Несмотря на ожог, губы Роберта расползлись в ухмылке. — А это мисс Форрест, не так ли? — Он вмиг осознал свою оплошность.

— Не-а! Боюсь, вы ошиблись номером.

— Боюсь, что нет. Ну и как жизнь замужней дамы, миссис... — Роберт поперхнулся. Произносить фамилию у него не было ни малейшего желания. — Миссис ван Холтен?

— Гм. Коль уж вы спросили, дражайший мистер Найт, жизнь замужней дамы восхитительна.

И переливчатый смешок в трубке. Смешок, воскресивший миллиарды воспоминаний. Не хихиканье безголовой девчонки или двадцатилетней ветреницы, но мягкий, уверенный смех женщины, которая знает, чего хочет от жизни. Получила ли она желаемое? Роберт мог лишь гадать.

— Позвольте ли задать вам аналогичный вопрос, мистер Найт?

— Ответ тоже аналогичный, миссис... ван Холтен. Моя жизнь просто восхитительна. В полном соответствии с вашим предсказанием.

Роберт будто воочию вновь увидел, как по лицу Луизы мелькнула тень душевной боли, виртуозно замаскированная улыбкой, когда он представил ей Эрин.

— Правда?! Я рада за тебя, Роб! Ты это заслужил... после всего, что было.

В трубке — чуть различимый вздох. Или всего лишь помехи в эфире?

— Ты тоже. — Если так дальше пойдет, сообразил Роберт, беседе грозит утонуть в сентиментальных соплях, что положит ей преждевременный конец. — А ты сейчас в Лондоне? — Он затаил дыхание, надеясь услышать «да» и зная, что шансы минимальны.

— Увы, увy. Иначе я уже тарабанила бы в твою дверь и тащила тебя на ланч.

Роберт на миг прикрыл глаза — благо Луиза не могла видеть его слабости.

— Я в Сомерсете, — продолжала она. — В выходные у кузины свадьба, еще несколько дней уйдут на семейные визиты, чтоб никого из старичков-родственников не обидеть.

Роберт уловил утомленную нотку в ее голосе. Словно она от чего-то здорово устала.

— А когда обратно в Амстердам?

Дэн уже просветил Роберта, что Луиза пробудет в Англии с месяц. Видно, от кого-нибудь из компаньонов узнал — из тех, кто время от времени привлекал Луизу к работе. Роберт точно не помнил — пять пинт уговорил как-никак.

— Ты же меня знаешь, Роб. Раз уж все равно сюда летела, не устояла против шанса проверить кое-какую работенку. Словом, у меня заказ от одного голландского агентства. Может, за неделю справлюсь, а может, и все четыре проторчу.

— Надо бы состыковаться, наверстать упущенное. — Роберт прикусил язык. Подумал об Эрин. Пожалел, что позвонил Луизе.

— Само собой, не отвертись. Какие планы на выходные?

Роберт медлил с ответом. Луиза ведь проводит уик-энд на свадьбе кузины в Сомерсете. Она что же, и его приглашает? Плюс Эрин с Руби? Забавно. Он усмехнулся. Денек-другой вне дома, на людях, — быть может, как раз то, что всем им нужно.

— Ничего конкретного, хотя все в руках Эрин. Она способна за час созвать гостей и закатить вечеринку. Это ей раз плюнуть. — Он хохотнул в надежде придать вес своей лжи. Последнее время Эрин слишком поглощена собственными мыслями, чтобы изображать из себя радушную хозяйку. — А что ты предлагаешь?

— Как насчет того, чтобы загрузить своих девушек в машину и махнуть на выходные за город? Уиллем тоже прилетает на свадьбу. Встретились бы все вместе... пообщались...

— ...и все такое, — закончил Роберт.

Идею оставили как вариант — Роберт обещал перезвонить после разговора с Эрин. Сам он очень рассчитывал на согласие жены. Она встречалась с Луизой лишь однажды, до свадьбы с Робертом и до того, как Луиза, выйдя замуж за голландца, переехала в Амстердам. В свое время Роберт был близок с Луизой, но прошлая страсть не в счет, и к тому же загородная поездка удачно вписывалась в ситуацию: свадебный уик-энд годился как обещанный Руби сюрприз и запросто мог подсластить пилюлю для Эрин, которой еще предстояло узнать, что муж и дочь нарушили ее запрет.

Эрин приняла душ, переоделась и возникла в кухне — свежая, как бутон на заре. Но внешность, как оказалось, обманывала: совершенно измотанная, Эрин с порога принялась жаловаться на безумный день. Роберт протянул ей бокал охлажденного белого вина. Вечер был необычно жарким и душным для начала июня.

— И представь, она заявила только в одиннадцать! Я ей сказала, прямо так и сказала, черт побери: «Вы уволены, дорогая!» — Эрин взяла бокал, улыбнулась: — Ты чудо! По какому поводу вечеринка? — Она обвела взглядом разноцветье продуктов на столе и шумно втянула носом пряные запахи.

— Без повода. Захотелось повозиться на кухне. — Роберт обнял жену, вдохнул аромат шампуня.

По правде говоря, повар из него никакой, а это была рискованная попытка поднять Эрин настроение, прежде чем выложить новость о Грейвуд-колледже. Попытка тем более рискованная, что могла и провалиться. Он попросил Таню выискать рецепт пооригинальнее — и попроще — в Интернете, а потом еще и послал закупить все необходимые ингредиенты.

— Руби сегодня на редкость весела. Да, кстати. Спасибо, что забрал ее после школы к себе, а то вечно слоняется по магазину. Надоело ей, должно быть, до смерти.

— Нет проблем.

Роберт выпустил жену из объятий и заглянул в лицо. Решив, что момент истины еще не настал, вернулся к плите и принялся обжигать цыпленка. Кухня наполнилась чадом.

— Корпит над домашними заданиями, можешь себе такое представить?! — Эрин, отступив от мужа, заметила перерезавшую его лоб морщинку. — Что-то случилось? Ты будто не доволен тем, что Руби в кои веки не дуется и не хамит.

— Доволен, доволен. — Роберт отложил нож, которым кромсал цыпленка на части, и прикрутил газ. Развернувшись к жене, опустил ладони ей на плечи. Господи, какая же она хрупкая... — Я должен тебе кое-что...

— Папа! Ты мне поможешь с заданием? Остальные давным-давно над ним работают, но мисс Дрейпер сказала, мне нужно постараться догнать их к концу семестра, так что...

— Минутку, Руби. Мы с мамой поговорим — и я к тебе поднимусь.

Руби остановила взгляд на матери. Перевела на Роберта. Наконец догадалась — и щеки ее покраснели.

— А-а-а... — И она ретировалась.

— Что за мисс Дрейпер? — Эрин выскользнула из-под ладоней мужа. — И почему Руби нужно кого-то догонять? — Она надолго припала к бокалу. — Роб?!

Он выключил газ полностью — на цыпленке все равно можно ставить крест — и придвинул стул для Эрин к кухонному столу. Она села, не сводя глаз с мужа. Он тоже сел, но стараясь не смотреть ей в лицо, сосредоточившись на тонких пальцах, нервно крутивших бокал.

— Эрин... Сегодня я отвез Руби в Грейвуд-колледж. В ту жуткую школу она не вернется. Ни под каким видом. — Он наконец заставил себя поднять глаза. И увидел паутинку недоверия, протянувшуюся между ним и Эрин, такую знакомую, провоцирующую сомнения. Эрин обожала поддразнивать его небылицами. Только на этот раз автором байки стал он.

— Ты... Что ты сделал? — Эрин встала и, прислонившись к раковине, устремила невидящий взгляд в окно, на крохотный садик с плакучей ивой, под которой они как-то занимались любовью, рискуя быть увиденными и оттого с особенной страстью.

— Эрин, я понимаю, что формально Руби — твоя дочь. Однако, выйдя за меня замуж, ты переложила на меня и часть родительской ответственности. Мы одна семья теперь, и мое мнение относительно будущего Руби...

— ...однозначно превышает моего, не так ли? — Эрин повернулась. Взгляд ее был тяжел, глаза, как это ни невероятно, стали еще светлее, а пухлые губы сжались в тонкую линию. — И тебе плевать на то, что действительно важно.

— Счастье Руби — вот что действительно важно. Она вся светилась, когда я забирал ее из колледжа!

Желание готовить уже пропало, как и аппетит, но в надежде притушить скандал Роберт вновь взялся за цыпленка: включил газ, свалил куриные части в сковороду, добавил заранее приготовленный соус. Эх, пропадет угощение — вряд ли кто даже попробует. Разве что Руби.

Выйдя из кухни, Эрин едва не столкнулась с дочерью. Руби вопросительно посмотрела на Роберта.

— Наша с тобой новость маму не обрадовала, ласточка, — честно признался Роберт и поднес к губам Руби ложку с соусом.

— Островато, но вкусно, — с тоской в голосе оценила она. — Мне придется вернуться в ту школу?

— Еще чего. Забудь ее как страшный сон. — Роберт глянул в окно, словно пытаясь догнать недавние мысли жены. От вида плакучей ивы защемило сердце. Какой желанной и какой жаждущей была тогда Эрин, с какой готовностью отдавалась ему. Любить ее так, как того требовало ухающее в груди сердце, — вот чего ему хотелось в этот миг больше всего на свете. — А я, между прочим, об обещанном сюрпризе не забыл!

Ликующе взвизгнув, Руби кинулась за матерью.

Цыпленок оказался съедобным — хотя был и впрямь островат для душного вечера. Самый обычный зеленый салат пришелся бы как раз кстати. Волнения первого дня на новом месте обеспечили Руби волчий аппетит, и она смела все до последней крошки, зато Эрин возила мясо по тарелке, размазывая соус, как ребенок, который пытается обдурить родителей.

Общались за столом скупно, а когда Руби, не стерпев, попробовала завести речь о колледже, Роберт остановил ее взглядом — мол, сейчас не самый подходящий момент. Эрин еще не отошла от тяжелого дня в магазине и время от времени бросала злобные реплики насчет никуда не годных сотрудников. Эрин работала в своем магазине не покладая рук. Предыдущий владелец был полнейшим профаном в цветочном бизнесе, и Роберт купил у него магазинчик в качестве свадебного подарка невесте. Он верил в ее таланты и считал, что у нее все получится: Эрин энергична, ее знания о цветах достойны изумления, а магазинчик пусть и невелик, зато выгодно расположен на оживленном перекрестке дорогого района.

— Я ее миллион раз предупреждала, но она, похоже, просто не желает работать. Придется дать объявление и искать замену. — Эрин схватила за голову: — Поверить не могу, что осталась без помощницы.

Роберт потянулся к ней через стол, чтобы помассировать плечи.

— А что, если позвонить ей и попросить вернуться? — предложил он. — Хотя бы на эту субботу. — Он подмигнул Руби: — Нашей маме не помешает передышка.

— Что ты несешь, Роберт?! — Все еще в ярости от самовольства мужа, Эрин сбросила его ладони с плеч, вскочила и принялась собирать тарелки.

Роберт усадил ее обратно:

— Сядь. Как тебе идея уик-энда в романтическом загородном отеле? Бассейн, спа-салон, катание на лошадях, гольф, теннис, а после всего этого можно насладиться массажем и всяческими косметическими штучками. — Луиза назвала Роберту отель, где устраивалась свадьба, и, заглянув на сайт, он уже успел справиться о наличии свободных номеров. — Я обещал Руби сюрприз, и, по-моему, уик-энд на природе — как раз то, что всем нам очень даже не помешает.

Эрин выслушала новость с бесстрастным видом. Даже бровью не повела — так и сидела неподвижно, сцепив на столе ладони, ничем не выдав своих мыслей. Руби же сорвалась с

места, повисла у Роберта на шее. Хотя один член его семьи доволен — и на том спасибо.

— Пап, а вы разрешите покататься верхом?

Она опять назвала его папой, и у Роберта потеплело на душе. Он стиснул пальцы девочки — ледяные, несмотря на вечернюю жару.

— Ну-ка, давай, неси письма из школы. Помнится, ты сказала, там что-то важное.

Кивнув, Руби побежала наверх за портфелем.

— Ты меня расстроил, Роб. Очень расстроил. — Эрин подняла взгляд на мужа.

Общение глаза в глаза, отметил он. Что ж, уже какое-то начало. А при данном положении вещей, можно сказать, — крупный прорыв.

— Речь всего лишь о выходных за городом, дорогая.

— Да я не о поездке... — Запнувшись, она взяла Роберта за руку: — Насчет уик-энда ты здорово придумал. Я расстроилась из-за Грейвуда. Бегство от проблем — не лучший выход из ситуации, — в очередной раз повторила она.

Вернулась Руби и сунула Роберту кипу бумаг.

— Тебе, как я погляжу, личный секретарь нужен, чтобы со всем этим справляться. — Роберт перекадывал листок за листком. — Гм-м. Требуется копия свидетельства о рождении Руби и копии справок о прививках. Отошлешь, Эрин? Ну а оплата крупного чека — это уж моя забота. — Роберт улыбнулся: с бешеными ценами за частное образование он уже смирился.

— Ты ведь, кажется, уже оплатил остаток семестра, — глухо произнесла Эрин.

— Верно. А этот чек — за экскурсию в Вену в августе. Поездка планировалась давно так что нам нужно срочно заполнить все анкеты и прочее, иначе Руби не возьмут. — «А девочка, — добавил он про себя, — должна принимать активное участие во всем, что Грейвуд может предложить».

— В Вену?! — тонким до прозрачности голосом отозвалась Эрин и уколола Роберта недоверчиво суженным взглядом.

С трудом скрывая восторг, Руби как ребенок скакала то на одной, то на другой ножке:

— Нас повезут в Венскую консерваторию, а там та-акие преподаватели музыки!! И еще я буду играть в Опера-Хаус! И всю Вену покажут, и дискотеку устроят, и...

— Вена — это в Австрии, — констатировала факт Эрин.

Констатировала едва слышно, но Руби на миг умолкла. Однако тут же продолжила:

— Представляешь, мам, я полечу на самолете! Впервые в жизни!

Самообладание не изменило Эрин — на лице не отразилось ничего, помимо вполне естественного удивления. Разве что легкий тик на челюсти выдавал более сильные эмоции.

— Для Руби эта экскурсия — источник знаний, а для нас с тобой — шанс побыть вдвоем денек-другой. — Роберт опустил ладонь на колено жены — та отдернула ногу. — Что за черт, Эрин? Тебе бы радоваться за дочь, а ты сидишь труп трупом.

Он встал и сам взялся убирать со стола, едва сдерживая злость. Да что с ней такое! Эрин, которую он знал и любил, должна была бы прыгать, от счастья, что ее ребенок попадет в мировой храм музыки. Ведь Эрин всегда уважала желания дочери и ставила ее интересы выше своих, и это ее качество Роберта неизменно восхищало. Загружая посудомоечную машину, он звенел тарелками, даже не пытаясь скрыть раздражение.

— Я и радуюсь... Конечно, я рада, — с мукой на лице выдавила Эрин. — Но дело в том... — Она уронила голову. — Дело в том, что Руби *не может* лететь в Вену.

— Чушь, — отрезал Роберт. Хватит с него загадочных истерик и необъяснимого

упрямства. Девочка отправится в Вену, даже если ему придется отвезти ее лично. — Руби, знаешь ли, уже в том возрасте, когда ее мнение тоже кое-что значит. Она не вещь твоя и не канарейка. — Он заметил, как Эрин вздрогнула. В ее остекленевших глазах мелькнул проблеск чувств. — Будь добра, не забудь заполнить все необходимые бланки и отправить секретарю колледжа копию свидетельства о рождении. Это важно.

Вытирая руки, он был почти спокоен: возня с посудой сняла напряжение. Эрин и сама отказывается летать, а за дочь, понятно, боится еще больше. Что ж, придется как-то справиться с ее предубеждением, чтобы она не стояла на пути будущего Руби. Надо надеяться, уик-энд в Сомерсете поможет. Вот только как бы выбрать удачный момент, чтобы упомянуть о связи этой поездки с Луизой?

Глава VIII

Автостраду М3 они пролетели птицей, и движение на шоссе в сторону Мартока радовало не меньше. Роберт, который в дорожных пробках смахивал на дикого зверя в капкане, был в прекрасном расположении духа — несмотря на более чем странную новость, что утром сообщила Таня. Ветер безжалостно трепал волосы Эрин, а улыбка словно навечно приклеилась к ее губам. Роберт был не прочь поднять верх машины, но его женщины предпочли порку ветром. Лондон остался позади, и казалось, уже сам этот факт поднимал всем настроение.

— Отвечаю прежде, чем ты опять спросишь, Руби, — еще минут сорок.

Роберт управился с самыми неотложными делами к обеду, чтобы забрать Руби, отучившуюся в колледже первую неделю. Они вместе заехали в «Маргаритку» — владения Эрин, и Роберт в который раз заверил жену, что Таня вполне способна один день продержаться в магазине.

Но сердце Эрин все же было беспокойно.

— По-твоему, на Таню можно положиться? — спросила она вновь, когда они свернули с шоссе на проселочную дорогу. Ехать осталось всего ничего, и она повязала голову легкой светло-вишневой косынкой, чтобы хоть как-то усмирить взъерошенные волосы.

— Таня работает у меня бог знает сколько лет. Она прекрасно справится со всем. — Роберт улыбнулся жене, остановив на ней взгляд, насколько позволяла дорога. — Забудь о делах хоть на выходные.

Пальцы его на миг с силой стиснули руль — не из-за крутого виража, но потому, что Роберт снова вспомнил непостижимую фразу Тани, сказанную утром. Уверенный, что разумное объяснение найдется, Роберт решил забыть о загадке до конца уик-энда и не тревожить Эрин расспросами до возвращения домой.

Окна отеля «Клены», расположенного возле деревенской церкви, встретили их, сверкнув отраженными лучами заходящего солнца. Западный угол здания, сложенного из местного красного камня, в вечернем освещении казался ярко-оранжевым; ветви кленов отбрасывали на фасад узорчатые пляшущие тени.

— Милое место, — равнодушно сказала Эрин, окидывая взглядом гостиницу, церковь и собирающихся группками гостей. — Луизе, должно быть, не терпится тебя увидеть.

Роберт вздохнул, уловив едкую нотку.

— Луиза приехала на свадьбу двоюродной сестры. А мы — чтобы отдохнуть. — Он вышел из машины, захлопнул дверцу и, прежде чем достать из багажника сумки, привлек к себе жену и прикоснулся губами к ее губам. Эрин не должна ревновать или испытывать хоть малейшую угрозу со стороны Луизы. — Встретить старого друга всегда приятно. Не думаю, чтобы ее муж, Уиллем... как его там... сильно возражал.

— Да? Что ж ты произносишь его имя так... — Эрин подняла на мужа глаза, сощурившись из-за солнца, бьющего ей прямо в лицо, — *кисло?*

Кисло, говоришь? А как ты сама произносишь имя Луизы, слышала? Вслух этого Роберт не сказал: семейная ссора — не лучшее начало романтических выходных.

— Здесь классно, пап! — Руби выбралась из машины. — Ой, смотрите! — Она увидела пегих лошадок, лениво цокающих по главной улице деревни. — А где мы будем жить? Пойдем посмотреть!

Нет, отдых определенно не должен быть испорчен, думал Роберт, провожая взглядом долговязую, немного нескладную фигуру дочери, вприпрыжку рванувшей ко входу в гостиницу. Девочка превращалась в женщину, но детство еще не было окончательно забыто. Подхватив две сумки — весь их багаж, — Роберт зашагал вслед за Руби.

Оформление затянулось — впрочем, Роберт не имел ничего против ожидания. Гостиница была явно переполнена из-за предстоящей свадьбы, так что заказанные им меньше чем за неделю два номера — чистое везение. Роберт прочесывал взглядом вестибюль, притворяясь — в основном перед самим собой, — что восхищен полотнами с изображением сцен охоты, деревенскими пейзажами и антикварными вещицами, украшавшими просторный холл, хотя на самом деле выискивал лицо Луизы среди десятков незнакомых лиц. Он всегда говорил ей, что она выделяется из толпы, что ее нефритовые глаза и волосы цвета осени просто невозможно не заметить. Казалось бы, такая внешность, при ее-то роде занятий, — изрядная препона, а вот ведь не помешала успеху Луизы.

Ага, кажется, вот она — мелькнула в другом конце вестибюля и скрылась в дамской комнате. Рыжий узел волос над длинной бледной шеей, редкий для женщины рост, грациозная поступь.

— Что ты там усмотрел? — Эрин проследила за взглядом мужа и пожала плечами. — Наша очередь, между прочим.

Она подтолкнула Роберта к стойке администратора и ждала, обняв его за талию. Интересоваться, в каком номере остановилась Луиза, он не рискнул.

Когда с формальностями было покончено, Роберт вместе с женой и дочерью направился к лифту, то и дело невольно поглядывая в сторону дамской комнаты. Двери лифта разъехались, пожилая пара с трудом выволокла гигантский чемодан из тесной кабинки, и Руби, запрыгнув внутрь, успела нажать кнопку, чтобы двери не закрылись. Эрин ступила в кабинку вслед за дочерью. Последним втиснулся Роберт с сумками.

— Роберт?

Безошибочно узнав голос, он сунул ногу между половинками двери — и увидел Луизу. Вначале улыбку в пол-лица, а потом и зеленые глаза в обрамлении черной оправы деловых очков.

— Так и думал, что это была ты. — Роберт не удержался от широченной ответной улыбки. Подавшись на полшага вперед, он встал в дверях, и те колотили его по плечам, с обиженным вздохом пытаясь закрыться. — Тебе к лицу. — Поскольку обе руки были заняты сумками, он подбородком указал на очки.

— Папа, лифт сломаешь!

Пару бесконечно долгих секунд они смотрели друг на друга. Роберт не мог решиться ни вернуться из лифта в холл, ни ограничиться скупым «увидимся попозже». Луиза сделала выбор за него:

— Мы собираемся в баре в семь часов. Тесной компанией. Присоединяйтесь! — И она окинула взглядом кабинку лифта, включая в приглашение Эрин и Руби, хотя и не назвала их.

— Отлично. В семь. — Роберт выдохнул и шагнул назад. Двери со злобным свистом захлопнулись.

Номера им достались маленькие, но по-деревенски уютные, — излюбленный стиль Эрин. Она прилегла на кровать — аккуратно, чтобы не нарушить безукоризненную поверхность покрывала, но утомление тяжелой недели взяло свое, и Эрин поддалась искушению вытянуться на удобном ложе.

— Горячая ванна — то, что нужно. Сейчас пушу воду, — сказал Роберт. — И принесу вина — в холодильнике очень кстати есть белое.

На часах — почти половина седьмого. Пока Эрин как следует расслабится в ванне, да пока наведет красоту... Хлоп — Роберт вытащил пробку из бутылки. Ему ведь и нужно-то всего несколько минут с Луизой наедине, чтобы спросить совета. А потом и Эрин с Руби присоединятся. Во всяком случае, он на это надеялся: хотелось вывести в общество своих красавиц.

— Ты что, действительно собрался в семь на встречу с Луизой и ее родней? По правде говоря, я рассчитывала на тихий ужин в ресторане. Руби можно заказать что-нибудь прямо в номер, а уж развлекательных каналов здесь более чем достаточно — от телевизора ее не оттянешь. — Эрин села на кровати.

— Речь шла всего лишь о бокале-другом перед ужином. Задерживаться не будем, и из бара сразу в ресторан. Боюсь только, Руби ты в четырех стенах не удержишь. — Роберт протянул жене бокал с вином и проводил в ванную.

Первые десять минут в баре он пытался вычислить Уиллема, мужа Луизы, среди полудюжины обступивших ее мужчин. В классической позе посетителя бара, локтем опираясь на стойку, Роберт держал в руке стакан с чистым виски и коротал время, наблюдая за музыкантами, которые настраивали инструменты. Он стоял достаточно далеко от Луизы, чтобы не выглядеть очередником на общение, но и не изолировал себя от остальных гостей.

— Роб! — То не был откровенный крик о помощи: не из тех Луиза женщин, кому без содействия не отбиться от мужской компании — неважно, воздыхателей или недругов.

— Привет тебе, — с мимолетной улыбкой откликнулся Роберт, но остался на месте.

Луиза закатила глаза — ох уж эти мужчины! — и выскользнула из плотного кольца. Мужа среди них, бесспорно, не было. Любопытно, кто из этих, ныне покинутых, первым отважился бы забросить удочку?

— Тонешь? — небрежно поинтересовался Роберт.

— Я неплохой пловец — выплыву. Да и опасности ноль. Вот увидишь, с появлением жен бросятся врассыпную. — Она приправила колкость усмешкой, и Роберт отметил тоненькие «гусиные лапки» в уголках ее глаз — возможно, давнишние, но увеличенные линзами новых очков. Луиза ткнула пустым пузатым бокалом в грудь Роберта: — Умираю — хочу выпить. Ненавижу свадьбы! — пожаловалась она.

Роберт с превеликим удовольствием предложил бы Луизе свою нетронутую порцию виски, лишь бы провести те минут пятнадцать наедине с Луизой, которые надеялся выкроить, как можно более продуктивно.

— А совсем недавно не возражала. — Он покорно развернулся к стойке.

К тому моменту, когда Роберт добился внимания бармена и расплатился за выпивку, Луиза уже устроилась за миниатюрным столиком, на диванчике, кожа которого соперничала блеском с отполированным деревом стола. Роберту досталось скрипучее кресло.

— Не возражала — против чего?

— Против свадьбы.

— Ты, кажется, тоже? — парировала Луиза, и оба расхохотались. — Все равно — ненавижу. — Она вздохнула и принялась накручивать на палец локон, выбившийся из прически. — Любовь тут побоку. Ритуал, демонстрирующий обладание, — вот что такое свадьба. По моему глубокому убеждению.

— Что-то не ладится?

Роберт подавил желание взять Луизу за руку. Привкус горечи в ее словах ему очень не понравился. Она молча кивнула в ответ. Если не будет настаивать на продолжении, подумал Роберт, лучше бы этим и ограничиться. Надо же — а ведь по телефону оба взахлеб расписывали счастье семейной жизни.

— А ты как? Погряз в супружеском раю? — Луиза заглянула в глаза Роберта.

— Все здорово, — без запинки ответил Роберт. Откуда только взялось чувство, что он бессовестно соврал? — Хотя должен признаться, что войти в сложившуюся семью непросто. Чужой ребенок как-никак...

— Отец рядом крутится? — Голос Луизы, мягкий, чистый, лучше всякого лекарства снимал головную боль, разыгравшуюся у Роберта после напряженного дня.

— Да в том-то и дело... Вообрази: никакого отца. Руби — замечательная девочка, хотя и не без проблем — в школе, к примеру. И все, закрыли тему. Больше ничего из меня не вытянешь. — Роберт с удовольствием врезал бы самому себе хорошенько — за то, что свернул разговор. Самое ведь время спросить совета Луизы, передав ей слова Тани. На здравомыслие Луизы всегда можно положиться.

— Кто бы мог подумать, что жизнь так повернется, а? — Луиза отвела глаза, словно пожалев о сказанном.

— Точно. — Роберт рассмеялся, скрывая шок от ее вопроса, суть которого не сразу уяснил. И припал к бокалу.

— Ты женился, я замуж выскочила, ты снова женился, да и я уже была второй раз замужем. Синхронность, я бы сказала... несуразная. — Луиза потянулась к нему, но Роберт отдернул руку. Расстраивать Эрин в его планы не входило. Чувство к Луизе он оставил в прошлом — решительно и навсегда.

— Для женщины, которая ненавидит свадьбы, ты явно перевыполнила норму по бракосочетаниям. — Роберт пригубил еще виски.

— Свадьба свадьбе рознь. Против *нашей* я бы не возражала. — Очередное смелое замечание, после которого оба надолго умолкли.

Роберта совсем не устраивал подобный поворот беседы, и он уже готов был вернуться к рассказу о Руби, как лицо Луизы вдруг вытянулось.

— Уиллем! — жизнерадостно произнесла она и поднялась, сияя, вмиг отгородившись от Роберта. — Познакомься с моим старым другом. Роб Найт — юрист. Когда-то я немало попахала на его фирму.

Уиллем, оказавшийся моложе, чем его представлял себе Роберт, протянул руку:

— Очень приятно.

Роберт не уловил ни угрозы в его голосе, ни хотя бы тревоги, что застал красавицу жену за выпивкой с человеком, ему незнакомым. Акцент, однако, уловил — приятный, кстати, акцент. И вообще, с первого взгляда Роберту не за что было зацепиться, чтобы невзлюбить супруга Луизы.

— Дорогая, нам пора. Все уже собрались и ждут в фойе.

Луиза обернулась к Роберту:

— Мы ужинаем с кузиной и ее женихом. Поскольку я — подружка невесты, нам с ней нужно кое-что отрепетировать.

— Заодно распиши ей все прелести замужества, — посоветовал Роберт с улыбкой, уверенный, что Луиза раскусит скрытый смысл его слов — в отличие от Уиллема,

иностранца, которому недоступны нюансы чужого языка. — Что ж, до встречи. Надеюсь, утром увидимся — у меня пробежка спозаранку. — Он не забыл фанатичную приверженность Луизы утреннему бегу.

Луиза ответила улыбкой, после чего позволила себя увести под локоток — совершенно немислимо для женщины, которую когда-то знал Роберт.

То ли виной всему вторая порция двойного виски, выпитая в ожидании Эрин и Руби, то ли это произошло бы в любом случае, — но крохотный, безобидный поначалу узелок, клубясь зловещими щупальцами, стремительно превратился в опухоль. Как бы там ни было, Роберт очень пожалел о том, что в первый же вечер семейного отдыха, за ужином с Эрин, коснулся утреннего разговора с Таней.

— Нашей Руби, похоже, вообще нет. — Роберт глотнул вина. Взгляд его, будто по собственной воле, то и дело стрелял в сторону бара, выискивая Луизу среди посетителей.

— Она в туалет убежала. — Эрин, истязавшая филе лосося, вскинула голову и отложила вилку. — То есть как — нет? Как Санта-Клауса, что ли? — Попытка разрядить сгустившуюся за столом атмосферу провалилась.

— Нет. Сказочные персонажи ни при чем. Я имел в виду... — Роберт запнулся. Еще один взгляд в сторону бара, еще один глоток вина. — Видишь ли, какая история: Таня не нашла свидетельства о рождении Руби. Даже намека нет на то, что девочка когда-то появилась на свет.

Молчание Эрин не было ни долгим сверх меры, ни заряженным особой тревогой.

— И по-твоему, завтра я смогу здесь отдохнуть со спокойной душой, зная, что эта твоя Таня хозяйничает в моем магазине? — Эрин вновь принялась ковырять розово-прозрачную рыбу, правда не положив в рот ни кусочка.

— Она вполне способна денек попродавать цветы.

— Угу. Зато не способна найти элементарный документ, хотя именно такого рода работа в основном и входит в обязанности секретаря. — Эрин улыбнулась вернувшейся за стол дочери.

— А можно мне сразу десерт? — Руби адресовала вопрос Роберту — женская интуиция подсказывала, что здесь шансов больше.

— Само собой. Таня не виновата, — продолжил он, понизив голос и упорно не глядя на жену, чтобы не нарваться на ссору в присутствии Руби. — Она ничего не нашла, поскольку свидетельства попросту нет.

Умница Руби в момент уловила самую суть:

— Это для паспорта, да? Чтобы я смогла поехать в Вену? — Она ерзала в кресле, пытаясь дотянуться до десертного меню.

Роберт кивнул:

— Я разберусь, не волнуйся.

— Какие волнения — с таким-то асом среди секретарш. — Эрин аккуратно вытерла салфеткой губы и поднялась. — Пусть особенно не напрягается, Роб, поскольку ни на какую экскурсию Руби не поедет. — И она направилась к выходу.

Роберт провожал долгим взглядом жену, не в силах посмотреть на Руби.

— Против большой порции мороженого с шоколадным сиропом не возражаешь? — наконец спросил он, прекрасно понимая, что даже самым любимым лакомством не подсластит пилюлю разочарования.

Эрин уже устроилась в постели, с горой подушек под спиной и книгой в руках. В комнате витали легкие запахи ее ночного крема и травяного чая. Роберт выложил ключи и бумажник на тумбочку у кровати, сбросил туфли.

— Она легла.

Эрин опустила раскрытую книгу рядом с собой. Глянув на алую тисненую обложку гостиничной Библии, он поинтересовался:

— Интересная книжка?

— Захватывающая. Полистай как-нибудь, не пожалеешь. — Эрин щелкнула выключателем бра и скользнула под одеяло, невзирая на духоту в спальне.

— Я сказал — она уже легла. — Роберт снял рубашку и прошел в ванную. Почистил зубы, умылся, посмотрел в зеркало, отметив, как заострились черты лица — то ли от ледяной воды, то ли от упругой нити подозрения, пульсирующей под кожей.

— Спасибо, — невнятно буркнула из-под одеяла Эрин.

Странностям нет конца. Она ведь всегда целовала Руби на ночь. Роберт подошел к кровати и откинул одеяло. Эрин свернулась в позе эмбриона, сквозь шелковистую ткань легкой пижамы Роберт видел, как напряжено ее тело.

— Ты что творишь с ребенком? — рявкнул он. — Девочка первую неделю отучилась в новой школе — между прочим, так и не дождалшись от тебя поддержки! — а ты продолжаешь гнуть свою дурацкую линию, запрещая ей лететь в Вену? — Роберт отвернулся — ладони так и горели. — Знаешь ведь, что я сам заплачу за поездку, если тебя волнуют деньги.

Тяжелое молчание нарушал лишь приглушенный музыкальный дребезг из бара на другом конце гостиницы. Теплый ночной воздух, казалось, сгустился до консистенции войлока, стеной разделившего двоих в спальне. Роберт со вздохом опустился на кровать. Хотел набросить на жену одеяло — Эрин спихнула его ногой. Ее словно выбросило за границу реальности.

— Позволь напомнить тебе, ради чего каша заваривалась.

Роберт выудил из своей сумки ай-под, который захватил из дома в качестве правдоподобного прикрытия своей утренней пробежки. Он не знал в жизни Луизы ни дня, который она не начала бы с бега. В тайном умысле, правда, Роберт и самому себе не признался бы.

Выбрав нужную цифру в меню ай-пода, Роберт собственноручно вставил жене наушники. Ресницы ее дрогнули, губы шевельнулись — Эрин окунулась в музыку дочери.

Роберт знал эту вещь наизусть. Руби назвала свой опус «Полет». Композиция о человеке, который внезапно обращается в бегство, бросая все, как будто жизнь — одноразовый стаканчик из-под кофе. Слова самой Руби. Какой гордостью светилось ее лицо, когда она рассказывала Роберту о своей музыке. Восхитительное произведение, как и эта девочка.

Роберт смотрел на жену — в уголках ее глаз блеснули слезы. Конечно, Эрин помнила, как дочь работала над своей композицией, часами склоняясь над фортепиано, каким-то чудом втиснутым в гостиную Роберта. Итогом ее вдохновенного творчества стали мелодии, которые Роберт записал, объединив в альбом. Руби была счастлива: он отнесся к ней как к профессионалу.

Эрин, дав наконец согласие жить вместе с Робертом, поставила единственное условие:

инструмент Руби тоже переезжает. «Нас в семье трое, — сказала тогда она, — и мы неразделимы». Роберт не колебался ни секунды: музыку Руби он обожал. Эти две женщины, мать и дочь, принесли весну в его жизнь.

— Ну? — Роберт убавил звук. — Я освежил твою память? Теперь ты вспомнила, почему мы так мечтали отправить ее в Грейвуд?

Эрин кивнула. Она казалась маленькой и хрупкой, как ночной мотылек на свету. — Вроде и опасно, и надо бы спастись бегством, но огонек так и манит.

— Я просто не понимаю, что случилось со свидетельством, — мягко добавил Роберт, поглаживая светлые волосы жены.

Эрин села на кровати. Из левого глаза скатилась слезинка, она вытерла щеку простыней.

— Кто-то ошибся — вот и все. — Она выдавила улыбку — чахлое подобие улыбки, приправленной сомнением, — и прошлепала к туалету. — Ясно же — что-то где-то пошло не так, — крикнула она из-за полуприкрытой двери.

Роберт, постеснявшись войти следом, застыл снаружи, словно забытая строителями подпорка.

— Ты права, — вздохнул он, каясь, что расстроил Эрин. — Что-то пошло не так. Где-то. Подозрения растаяли. Роберт поплотнее закрыл дверь ванной.

Даже в семь утра воздух был по-прежнему душен и пропитан тошнотворно сладким ароматом роз и начинающей отцветать жимолости. Под ритмичный топот двух пар ног Роберт время от времени бросал взгляды на шею Луизы, где россыпью мелких бриллиантов блестели капельки пота.

— Отлынивал, а-а? — хохотнула Луиза. Роберт ответил кривой улыбкой — на большее его не хватило. А партнерша по пробежке за четверть часа даже не запыхалась. Он незаметно скорчил гримасу: мог бы ведь, между прочим, до сих пор нежиться в постели в обнимку с Эрин.

— Играю в сквош по воскресеньям и стараюсь выкраивать время на тренажерный зал.

Роберт притормозил и согнулся, упираясь ладонями в колени, но остановить бег стройных женских ножек ему не удалось. Луиза на ходу повернула голову и улыбнулась: белоснежная вспышка на фоне синего-синего неба.

— А как там наш Дэн? О-о, я тебя умоляю, не халтурь, иначе до сорока не дотянешь!

Не сбиваясь с ритма, Луиза вернулась, подцепила Роберта под влажную подмышку и попыталась потащить за собой. Оба расхохотались: Роберт определенно не вытягивал всю дистанцию.

— А что Дэн? Дэн — он и есть Дэн. — Роберт вновь затрусил рядом с ней. — Бизнес идет.

— И кто у вас теперь за ищейку? — Луиза подтянула широкую резинку облегающих «велосипедок» — своей формы для утренних пробежек.

— Брайан Хоук. Тот еще ловкач — форменный клоун на похоронах. — Сделав выпад вперед, Роберт ухватил локоть Луизы, размеренно двигавшийся взад-вперед. — Какая жалость, что ты больше у нас не работаешь.

Ряд домиков из рыжего камня закончился, дорожка сузилась, и бегунам пришлось перестроиться гуськом и держаться самой обочины — впереди ждали крутые повороты.

— Окрестностями полюбоваться не хочешь? — Роберт остановился в воротах из пяти мощных бревен и махнул обернувшейся Луизе. — А то и не поговорим, — крикнул он,

задыхаясь.

— Поговорим? Я считала, мы вышли на пробежку.

Бок о бок в воротах, они смотрели на раскинувшееся до горизонта лоскутное одеяло разноцветных полей. Оба молчали, выравнивая дыхание и ощущая, как утреннее солнце подсушивает кожу. Момент из тех, когда хочется воскликнуть: «Остановись, мгновенье...» У Роберта так много всего было на уме, что он не знал, с чего начать, сомневался, стоит ли вообще заводить этот разговор, и опасался усложнить ситуацию.

— Вы с Эрин вправду счастливы? — Луиза встала лицом к Роберту. — Как-то ты меня вчера не убедил. — Дыхание ее было ровным, о пробежке напоминал лишь влажный блеск щек да испарина в ложбинке груди.

Вопрос с подвохом, решил Роберт, — удобная затравка для беседы о ее собственном браке.

— Нам хорошо вместе. — В груди у Роберта болезненно екнуло. — Мы обожаем друг друга. И Руби — прелесть. Эта девочка — выдающаяся пианистка.

— Но вы счастливы?

Боль в груди усилилась, буквально раздирая ребра.

— Конечно.

— А почему я тебе не верю? — Носком кроссовки Луиза пнула ворота и ладонью прикрыла глаза от солнца, бывшего из-за спины Роберта.

Он пожал плечами.

— Без проблем ни у кого не обходится. — Луиза молчала, и он продолжил: — Вступая в брак, тем более во второй раз, никто и не рассчитывает, что будет рассекать хрустальной чистоты воду в бассейне.

— Да уж, — задумчиво отозвалась Луиза. И рассмеялась: — Плаваешь скорее в грязном пруду.

— Вот-вот. И очень быстро обнаруживаешь, что таится в тине на самом дне. А если случайно зацепишься за что-то ногой, то невольно начинаешь гадать, какие сюрпризы тебя еще ожидают в мутных водах. — Роберт рассеянно побарабанил по створке ворот и наконец решил: — С Эрин что-то не так, Лу! Она ведет себя очень странно, будто что-то скрывает.

Пауза была долгой — над их головами пролетела стая уток, протарахтевший в ворота грузовик оставил клубы пыли и сизую бензиновую гарь.

— Опять? — простонала Луиза. — Боже, только не это!

Роберт фыркнул и с силой оттолкнулся от ворот, сбросив с планки ногу Луизы. Вскинул руку, словно отмахиваясь от ее догадки.

— Вот, значит, о чем ты подумала? Считаешь, урок прошел для меня без толку?

— Нет, просто мне кажется...

— Знаешь, я ведь тебе кое-что так и не рассказал о смерти Дженны. — Глубокий голос Роберта упал до едва слышного шепота.

Луиза терпеливо ждала, понимая, что это признание для него куда тяжелее многокилометровой пробежки.

— Я услышал сообщение на автоответчике. От мужчины. Мол, он ждет не дождется их следующего свидания в гостинице.

Ладонь Луизы легла на его плечо:

— И тебе стало легче?

— От того, что я оказался прав насчет ее измен? От того, что не зря гонялся за ней день

и ночь, устроил слезку, как одержимый, рылся в ее письмах, мейлах, эсэмэсках... — У него перехватило дыхание. — Спрашиваешь, стало ли мне легче, когда я получил доказательство того, что имел все основания превратиться в ревнивца, в натурального параноика, который в итоге довел ее до бегства из дома, который не остановил ее, когда она после бутылки вина прыгнула в машину и помчалась куда глаза глядят — лишь бы подальше от меня?!

Луиза покрылась мурашками, хотя день обещал быть жарче вчерашнего. Тысячи раз она все это слышала, но легче не становилось.

Дженну вдавило в рулевое колесо... Шейные позвонки раздроблены... Душа покинула ее пепельно-серое тело... Из внешних повреждений — лишь царапина на правом виске...

— Мне все кажется, что я ее вижу, — признался Роберт — таким ровным тоном, вроде в суде выступал. — На площадке лестницы. Под ивой в саду. Она совсем как живая. — Он остановил взгляд на Луизе, ожидая ее реакции.

— Да ведь прошло-то чуть больше года, Роб. По мне, так со второй женьбой ты поторопился. — Луиза вытерла взмокшую шею краем футболки. — Неудивительно, что твои призраки вторгаются в реальность.

— Я поторопился?! Отлично сказано, Лу. В самом деле — превосходно! — Роберт пнул ворота, шагнул в сторону, будто собрался уйти, вновь вернулся. — Моя жена погибает в апреле прошлого года. За два месяца до того ты высказываешь за своего гребаного как его там... Уильяма, с которым и знакома-то была пару недель, с рождественской вечеринки...

— Уиллем, — оборвала его Луиза. — Моего мужа зовут Уиллем ван Холтен. А в остальном ты прав: мы познакомились в Рождество, поженились через восемь недель, а еще через два месяца Дженна погибла... — Она запнулась. Сделала глубокий вдох. — Правда и то, что нам, черт побери, не светит быть вместе, потому как один из нас непременно окольцован!

И Луиза, как скаковая лошадь, с места в карьер, рванула прочь, уверенная, что Роберт и попытки не сделает ее догнать.

Еще минут двадцать, прежде чем направиться обратно в Марток, Роберт вглядывался в синее до самого горизонта небо. «Не светит быть вместе», — вновь и вновь повторял он про себя, задаваясь вопросом, что же вызвало всплеск эмоций у Луизы, обычно невозмутимой, как буддистский монах.

Эрин и Руби он нашел в ресторане: Руби на полную катушку наслаждалась разнообразием шведского стола, а Эрин потягивала кофе. Реакция дочери на появление Роберта вывела Эрин из задумчивости, хотя глаз от крахмальной скатерти она так и не подняла.

— Привет. — Роберт поцеловал жену в макушку. — Решила пропустить завтрак?

Он принял душ и переделся в джинсы и зеленую полосатую рубашку. Еще влажные волосы блестели в приглушенном свете потолочных ламп.

Роберт собирался свозить семью в замок Шербурн. Не хотелось торчать поблизости во время предстоящей свадьбы. Луиза, пусть и не в подвенечном платье, но все же в наряде подружки невесты, — зрелище для него невыносимое. За столом он устроился между женой и дочерью.

— Хорошо пробежался? — Вопрос Эрин был горек, как черный кофе в ее чашке.

— Неплохо, спасибо. — Роберт развернул салфетку; официантка приняла его заказ.

— С Луизой, — выдохнула Эрин.

— Папа, ты вчера обещал показать нам какой-то старинный замок! — Руби наколола на вилку кусок сосиски.

— Мог бы и меня пригласить. — Эрин прикрыла чашку ладонью, молча отказавшись от добавки кофе, предложенной официанткой.

— Не думал, что ты любишь бегать по утрам.

— А ты — *любишь*? — Эрин поднялась и быстрым шагом покинула ресторан.

— Само собой, Руби, в замок мы съездим.

Помешивая ложкой чай, Роберт увидел, как Луиза и Эрин разминулись в фойе гостиницы. Ни словом, ни жестом не признав друг друга.

Просыпаюсь от того, что мокрая с ног до головы. Даже простыни и пижама с начесом пропитались чем-то теплым и пахнут зверьком. Вот мать разозлится, что я такое натворила. Я ведь уже несколько лет в постель не мочилась. Включаю настольную лампу — ой! — еще и крови полно. Пока разыскиваю халат, из меня все льется и льется. Сделаю шаг — по ногам течет и не перестает, сколько ни старайся.

Я хнычу. Обидно — я ж не виновата вроде, а влетит так, что мало не покажется. Стягиваю пижамные штаны, все в моче и крови, сую под кровать. Вытаскиваю ведро, оседлала его, но с такими темпами еще пара минут — и через край польется. Вчера-то они его не выносили. Может, в окошко выплеснуть?

На часах почти полночь, до Нового года всего двадцать минут. Мать сказала, сегодня они с отцом отмечают праздник у дяди Густава и тети Анны. Там будут такие малюсенькие *piegogies* — вкуснятина! — а еще мясо *swibak* и медовый пирог *piegnik*, а детям разрешат глотнуть сладкого *miod pitny* из крохотных пиалочек в форме рыбок, которые пахнут пылью буфета тети Анны, — он у нее деревянный и весь в дырочках от жука-древоточца. Ровно в полночь дядя Густав протрубит в рожок, как на прошлый Новый год и все другие на моей памяти.

Расписывая праздничные планы, мать все заглядывала мне в глаза — вдруг расплачусь — и, затаив дыхание, надеялась хоть какой-нибудь знак увидеть, что я тоже мечтаю туда попасть. Там ведь соберется столько народу, и все будут танцевать, петь, смеяться, есть и пить, отмечая Новый год. Мои двоюродные братья и сестры устроят кучу-малу, будут подкалывать друг друга и втихаря таскать выпивку. Я очень старалась не замечать удовольствия на лице матери, не видеть, как сжались ее губы и сузились злобные бесцветные глаза, когда она поняла: до ее дочери наконец дошло. Меня даже не пригласили. Хотя, сгорая от стыда, я все равно должна была отказаться.

Матери невдомек, что меня *не тянет* на подобные сборища: слишком страшно. Изо всех сил пытаюсь не выдать ей разочарования, я отворачивала свое бескровное, распухшее лицо шюхи — и пропустила миг, когда в душу вполз страх.

А вдруг *он* вздумает меня искать?

На рассвете родители пойдут домой, пошатываясь и держась за руки, румяные, помолодевшие, уставшие и продрогшие, но согретые изнутри. Семейство Вайстрах — мои дядья, их жены и сестры, кузены и кузины, тетки, моя *babka* — встречает Новый год под неусыпным надзором моей матери и ее невестки, тети Анны.

Меня скрючивает от боли, я валюсь на кровать. В животе дикие спазмы — то ли от паршивой еды, а скорее просто с голоду. Я тычусь лицом в подушку, вгрызаюсь в нее — боль уходит, будто и не было. Зато меня начинает трясти, а когда я поднимаюсь, по ногам опять текут горячие струи. Закутываюсь в халат и снова забираюсь в постель. Утром все наладится, как говорила мать, когда еще любила меня. И я засыпаю. Мне снится Рождество. На подносе сегодня принесли чуточку больше еды и крекер. А с кем мне его было ломать, спрашивается? Во сне крекер превращается в длиннющий нож, и, когда они приходят за подносом, я втыкаю нож по очереди каждому в живот — и внутренности послушно вываливаются, потому как крекерный нож ну просто жутко острый. А мой живот пронзает такая боль, что я сучу ногами и ору во все горло. Хватаюсь за перекладину кровати над головой с такой силой,

что железный прут обжигает ладони. И снова кричу. Откуда-то из самой глубины. Я даже не уверена, что это мой крик.

Пробую встать, но падаю с кровати и стукаюсь головой об пол. Больно не очень, не считается. А вот та боль, что раздирает живот, клещами рвет поясницу и выдергивает хребет из спины... не стерпеть. В промежутках между приступами меня осеняет, что это ребенок решил родиться. Где же мать?! Я зову ее, пока хватает сил. Пока боль не возвращается.

Стащив с кровати подушку, я дремлю прямо на полу, урывками. Под кроватью свалены старые игрушки — кукла Патриция, плюшевый заяц, когда-то розовый, а теперь просто грязный, стопка детских книжек и та самая игра «Змейки и лестницы», которую *он* подарил мне на позапрошлый день рождения. Завернул в обычную фольгу, а ленточку снял с коробки конфет. А теперь говорит, чтобы я забыла. Про «Змейки и лестницы» забыла, что ли? Нет, про другое, — и смеется еще!

Я подтягиваю ноги к животу — не помогает. И тут же вся скукоживаюсь, потому что новая волна боли хлещет по телу.

— *Мама...*

Каким-то чудом встаю. Ухватившись за край кровати, раскачиваюсь из стороны в сторону, когда наваливается боль. Жмурюсь до искр в глазах и хватаю ртом воздух галлонами, даже голова начинает кружиться, а весь мир кажется вверх тормашками. Тошнит, но в желудке пусто. Не рвота — пустая вода хлещет на покрывало. Совершенно обессилив, я падаю на колени.

— Помогите! Кто-нибудь! *Мама...*

Снова заснула, на карачках, обхватив шар живота руками и упираясь лбом в голые половицы. Мне снится *он*, и я просыпаюсь в поту и задыхаясь от ужаса: неужели он здесь? Оглядываюсь. Его нет.

Будет этому конец? Я вою по-собачьи, высунув язык, я тужусь, выворачиваясь наизнанку, и визжу, визжу, утопая в океане боли, потому что дышать нечем, а я одна, совсем одна, и никто не приходит помочь мне. Я снова бьюсь лбом об пол и снова тужусь. У меня все получится.

Опять «Змейки с лестницами» лезут на глаза — в упаковке, так и не открытая коробка, новехонькая. Сунув руку под кровать, нащупываю в пыли коробку и подтаскиваю к себе. Игра для двоих и более участников. Снимаю крышку, достаю доску. Лестницы желтые, змейки — зеленые и красные. Есть еще запечатанный пакетик с фишками и два кубика. Разрываю пакет, бросаю кубик и двигаю фишку на пять клеток, но тут боль возвращается, и я снова зверею, рычу как раненый медведь, и выгибаюсь, и тужусь, зная, что раскаленные стержни, прожигающие мое тело насквозь, меня убьют. Наверняка.

Попала на лестницу, которая ведет в клетку 34. Ура! Бросаю кубик — шесть очков. Затем три очка, и опять лестница, а змейка, на которую я попала бы, если бы выбросила два очка, здорово напоминает *его*. Кожистая, скользкая морда с черными глазами-бусинами под слишком большими веками. Веки у него смахивают на шторы в нашей гостиной. Нелепые, потому что слишком тяжелые.

Опять вспышка боли. Выплюываю кусочек зуба — откололся, когда я присосалась к железной перекладине кровати. А как еще охладить тело, если я вся горю? Сейчас я — отсек космического корабля, вернувшийся в атмосферу Земли.

Ставлю другую фишку на старт — за *него*. Понарошку *он* тоже играет. Но я должна победить. Использую оба кубика сразу — так быстрее. Как безумная, бросаю и бросаю, по

очереди двигаю фишки, свою, затем *его*, поднимаюсь по лестницам, падаю — и снова выше, выше, к вершине. *Он* догоняет, несмотря на мой первый ход. Лысый, в родимых пятнах череп все ближе: *он* наступает мне на пятки. Я обогнала *его* всего на один пролет, и если *он* протянет руку — визжу от боли, — то схватит меня за лодыжку, пока я корчусь на клеточке 57.

Я сунула кулак между ног, а там что-то шерстяное, выпуклое и мокрое. Я заливаюсь хохотом — и вдруг оглушительный рев исторгает какая-то часть меня, о которой я и не подозревала. Тужиться. Сейчас я могу только тужиться, иначе умру. Я горю, горю! Зову свою *babka*. Она поможет. Она ничего не знает про моего ребеночка. Три часа тридцать шесть минут. Где *все*?! Можно отдышаться. Бросаю кубик. *Он* меня обыгрывает, ясное дело. Отстал всего на три клеточки.

Я действую по наитию. Подтягиваю поближе подушку, сдергиваю с кровати покрывало. Сооружаю гнездышко. Это моя единственная надежда. Слышу тихие звериные стоны — мои, наверное. А внизу булькает и пахнет молоком. Это он, мой ребеночек, точно. Я полулежу, полусижу, опираясь на локти, раздвинув ноги шире некуда. Страшный толчок изнутри. Мир на миг чернеет и стихает — эпицентр бури, — и вот я уже вытянулась до предела, наедине с болью, которая кажется — в сравнении с «Лестницами и змейками» на пару с *ним* — почти терпимой.

Громадная, грозная фигура нависает надо мной, смотрит, как меня раздирает надвое, хохочет, и слюна блестит в углах широкого жадного рта, а блестящий ботинок елозит по моему бедру, и руки шарят там, где не должны. Головка вышла полностью. Боли нет, только я с двумя лицами: одно морщится, щурится у меня между ног, другое запрокинуто кверху, багровое, измученное.

Вдруг — незнакомый звук. Писк. Я слышу его и чувствую мельтешение тельца внутри. Последний укол боли — и оно выплескивается из меня на волне слизи и крови. Я хватаю своего ребеночка, чтобы опередить *его*, чтобы *он* не добрался первым. Обнимаю крепко, даже глазком не взглянув на медленно разворачивающийся клубочек, — прячу от той фигуры, что теперь присела передо мной и толкает меня на покрывало, ищет тонкими губами мои губы, возит гладкими влажными ладонями по моему опавшему животу. Прижав губы ребенка к своему соску, я удерживаю бледные лапки, которые злобно молотят воздух, и наконец понимаю, что родила девочку в первый день нового года.

Что-то еще выплывает из меня, теплое и плотное, как сырая печенка, и остается лежать между ног. А *он* исчезает, прижав палец к губам, чтобы я молчала до конца своих дней. Тает в воздухе, оставив на моих губах горечь трубочного табака. Я грею ребеночка своим телом, не переставая молиться, чтобы *он* не вернулся. Я дрожу. Покрывало мокрое, но я все равно набрасываю его на плечи. Устала. Так устала, что нет сил шевелиться. Уже проваливаясь в сон, я соображаю, что благодаря дяде Густаву моя дочь — она же и моя двоюродная сестра.

Роберт велел Джеду Боумену вернуться через полчаса. Клиент, мягко говоря, остался недоволен — багровые щеки приобрели лиловый оттенок; громила окинул адвоката свирепым взглядом, точно примеривался, куда бы врезать. Как только он вышел из офиса, Роберт запер дверь приемной. У Дэна все утро занято деловой встречей, а Элисон, его секретарь-референт, заболела, так что офис в полном распоряжении Роберта и Тани.

— Ну-ка, садись за телефон!

Роберт поморщился. Стыдно, конечно, обращаться с Таней как с нерадивой ученицей, но ничего не поделаешь. В «Маргаритке», замещая Эрин, она справилась превосходно, и все же к концу недели из фирмы вылетит — если не раскопает свидетельство о рождении Руби. Пока секретарша набирала номер, Роберт стоял рядом как приклеенный.

— Включи громкую связь.

— Доброе утро. Отдел регистрации актов гражданского состояния Нортгемптона. Чем могу помочь?

— Здравствуйте. Я подавала заявку на получение копии свидетельства о рождении.

— Оставайтесь на линии, пожалуйста. Переключаю.

— Вечно у них запарка — не дожدهшься, пока соединят, — пожаловалась Таня, прикрыв ладонью микрофон.

Молчание Роберта и поза истукана со сложенными на груди руками подсказали Тане, что босс не примет никаких отговорок, пока лично не услышит ответ. Редкий случай: работая с ним не один год, она привыкла считать его человеком разумным.

Механический голос сообщил, что они пятые на очереди. Убивая время, Роберт перечитал бумагу из архива: «...не имеем возможности предоставить копию свидетельства о рождении, исходя из имеющейся информации... среди актов нет записи о рождении Руби Элис Лукас, дата рождения 01.01.1992...» Данные верны. Все абсолютно точно. Разве что у Руби, помимо Элис, есть еще одно имя, которого он просто никогда не слышал? Или же Руби — вообще семейное прозвище? Надо бы спросить у Эрин. Факты нужны, факты. Пока двигалась телефонная очередь, Роберт придумал еще одну гипотезу: вполне возможно, что после разрыва с отцом девочки Эрин переписала ее на свою девичью фамилию — и тем самым демонстративно разрубила последнюю нить с человеком, которого больше не было в ее жизни. Вполне в духе гордой и независимой Эрин. В этом случае изначально Руби была записана под фамилией отца — понятно, что свидетельства о рождении Руби Элис Лукас не существует. Роберт даже позу сменил, машинально ослабив хватку рук на груди: кажется, разумное объяснение все же можно найти.

Эрин никогда не упоминала об отце Руби, и Роберт, уважая ее чувства, не горел желанием выпытывать детали, однако для себя почему-то решил, что фамилия Лукас досталась Эрин от первого брака. Особого значения это не имело, а ворошить прошлое (что Роберт знал по собственному горькому опыту) — занятие неблагодарное и чреватое. Вот почему в отношениях с Эрин, как до, так и после свадьбы, он касался лишь мизера личных нюансов, сознательно скользил по самой поверхности — из страха сокрушить что-то хрупкое и невозвратимое. Подобная тактика самосохранения удручала, но Роберт предпочел закрывать глаза на это чувство.

— Старший инспектор службы регистрации актов гражданского состояния. Чем могу

помочь?

Таня открыла рот, но Роберт вырвал у нее трубку. Секретарша не оправдала его доверия — не дай бог, опять что-нибудь напутает, а время поджидает.

— Добрый день. Э-э... Около недели назад я отправил в адрес вашего отдела срочную заявку на получение копии свидетельства о рождении моей падчерицы и получил отказ. Якобы свидетельство не обнаружено. Будьте так любезны, взгляните еще раз. Уверяю вас, девочка существует. Не далее как сегодня утром я видел ее собственными глазами. — Юмор не помешает, чтобы расположить к себе чиновницу. В противном случае без проволочек не обойтись.

— Код ответного письма, пожалуйста?

Роберт отчетливо продиктовал цифры и замер в ожидании, прислушиваясь к дыханию женщины и щелканью клавиатуры.

— Нет. Мне очень жаль, но запись не обна...

— Это мне известно, я внимательно прочитал ваше письмо. Хотелось бы узнать, *почему* запись не обнаружена.

Присев на край секретарского стола, Роберт перечислил все данные Руби: родилась тогда-то, полное имя, родители развелись... Старшего инспектора, однако, детали не интересовали — очередь из абонентов росла с каждой минутой.

— Прошу прощения, — оборвала она Роберта, — в заявке вы предоставили исчерпывающую информацию. Могу предположить, что либо вы перепутали имя ребенка, либо, что более вероятно, ее рождение не было зарегистрировано в нашем отделе. Иных объяснений у меня нет. Попробуйте уточнить все детали у ее матери — возможно, вкралась какая-то ошибка.

— Думается мне, имя падчерицы я все-таки знаю, — кисло отозвался Роберт. — А нельзя ли попросить кого-нибудь из ваших служащих проверить всех детей, родившихся в этот день?

— Нет, сэр, извините. Для такого рода поисков у нас нет ни людей, ни времени. Если бы нам пришлось...

— Благодарю за помощь. — Швырнув трубку, Роберт до боли закусил губу.

От этой бабы определенно больше ничего не добиться. Он налил себе кофе — едва не забыв предложить и Тане чашку. Секретарша кивнула в ответ на его вопросительный взгляд, и какое-то время оба молчали, мысленно прокручивая недавний телефонный разговор. Пока Роберт, обжигая рот, пил кофе, еще одна мысль пришла ему в голову: а вдруг он неверно запомнил день рождения Руби? Как ни крути, а к Эрин обращаться придется, хотя ее реакцию предсказать нетрудно, когда она услышит, что муж запутался в датах. Женщины подобных ошибок не прощают. Упаси боже, к примеру, прозевать день свадьбы — не помогут ни ссылки на забывчивого ювелира, ни разнос агента из бюро путешествий, безмозглого растяпы.

— Первое января тысяча девятьсот девяносто второго, — произнес он вслух. — Тридцать первое декабря девяносто первого.

Первое января, решил он, без сомнения. Да, но, может быть, девяносто первого года?

Эрин должна его извинить — в конце концов, отец-то он, так сказать, по стечению обстоятельств. Полюбил Эрин, а Руби вышла довеском. Очень милым довеском, слов нет, но все же на дочь-подростка в придачу к жене он как-то не рассчитывал. Отцовство — дело нелегкое, а зачастую и неблагодарное. Впрочем, сейчас обе его девочки ему одинаково

дороги.

Роберт набрал номер магазина Эрин.

— Магазин «Маргаритка»!

Роберт слушал голос жены, чувствуя, как уходит напряжение. После всего, что он пережил с Дженной, подумал он, его подозрительность естественна. И Луиза была права: он действительно поторопился, хоть признавать это и не хотелось. С другой стороны, если бы он тогда не сделал решительный шаг, если бы не вернулся за своим зонтом...

— Привет, малыш. Это я. Говорить можешь?

— Запросто. В магазине ни души. А что?

— Да вот опять загвоздка с датой и местом рождения Руби. В отделе регистрации так и не могут разыскать нужную запись, а для поездки в Вену нужно поторопиться с паспортом. — Роберт открыл ящик секретарского стола, достал ручку и, прижав трубку телефона к уху плечом, приготовился писать. — Эрин?

— Роб, не начинай все заново. По-моему, мы уже решили, что вопрос о Вене на повестке дня не стоит.

Роберт, глянув на Таню, улыбнулся, вновь пожалев, что так с ней обошелся. Эта женщина всегда была предана фирме, да и лично ему. Таня улыбнулась в ответ и забарабанила по клавиатуре своего компьютера.

— Не стоит на повестке дня? — повторил он в трубку, понизив голос, хотя в данный момент готов был зарычать. — Ты не забыла, что речь о твоей собственной дочери?

— Вот именно. *Моей* дочери.

Роберт вздохнул. В присутствии Тани семейная ссора исключалась.

— Можешь по крайней мере подтвердить, что Руби была зарегистрирована под фамилией Лукас в Нортгемптоне? Ты ведь говорила, она там родилась, верно? Независимо от школьной экскурсии, паспорт ей необходим. Или ты твердо решила не выезжать из страны до конца своих дней?

— Роберт, мне надо бежать — покупатель ждет. Пока. — Эрин звучно чмокнула трубку и отключилась.

Джед Боумен в офис не вернулся. Время, отведенное на общение с клиентом, Роберт провел, перечитывая дело Боуменов, от которого его с души воротило.

Затянулось оно что-то. Давно пора ставить точку. К тому же тяжба азбучная — на таких юристов учат, — хотя и перевернутая с ног на голову в сравнении с бездной процессов об опекунов. Отец добивается исключительного права на проживание со своими двумя детьми. Мать страдает алкогольной и наркотической зависимостью и не занимается детьми, мнением которых, между прочим, даже не поинтересовались. С кем предпочли бы остаться сами дети? У истца на данный момент имеется жилье и постоянная работа. Конец истории.

— Точно. Конец истории. И нечего ломать голову. Победа уже в кармане. — Роберт откинулся на спинку кресла. — Жаль, в победителях будет Джед Боумен, чтоб ему провалиться.

Высказавшись вслух, Роберт попал в глупейшее положение: на пороге кабинета стояла Таня.

— Мистер Найт, к вам посетитель. Мэри Боумен.

Ужом выскользнув из-за стола, Роберт прикрыл дверь.

— Мэри Боумен — то бишь в скором времени бывшая жена Джеда?

— Она самая. — Вид у Тани был до крайности довольный: скандалы она обожала.

— И чего хочет?

— Поговорить с вами. Впустить?

Заманчиво, ох как заманчиво. Роберта раздирали сомнения. Дэн еще не вернулся со встречи, а Таня, если не хочет потерять место, будет держать язык за зубами. Роберт отлично понимал, что встречей с ответчицей нарушит профессиональную этику, тем более в отсутствие своего клиента. И все же... не для протокола... Человек внимательный и отзывчивый, Роберт нутром чуял, что не так все просто в этом деле, от результата которого к тому же зависела судьба детей. Решившись увидеть конфликт глазами Мэри Боумен, он думал о Руби.

— Пригласи.

Миниатюрная, не выше метра пятидесяти, миссис Боумен была в допотопном бежево-голубом кримпленовом платье — нечто похожее Роберт видел в гардеробе своей матери. Следовательно, прикинул он, платицу уже далеко за полвека. Возраст самой Мэри он помнил из дела — тридцать пять. Личико Мэри, маленькое, как у ребенка, едва ли не полностью скрывали гигантские — тоже старомодные — солнечные очки и жидкие, мышинового цвета, кое-как обкромсанные волосы. Усилия приодеться ради визита к адвокату были очевидны, но в итоге она производила впечатление женщины, живущей на грани нищеты, давно потерявшей самоуважение и уверенность в себе. На первый взгляд она выглядела до того жалко, что Роберт был удивлен, как это она рискнула переступить порог фирмы. В общем и целом Мэри Боумен казалась человеком, который цепляется за жизнь кончиком одного-единственного пальца. Пожав протянутую руку, Роберт отметил и отсутствие колец, и ледяную сухость кожи, и дрожь пальцев. Таню он отослал в приемную, сделав вид, будто не заметил ее любопытства.

— Присаживайтесь, прошу вас.

Мэри Боумен чопорно опустилась в кожаное кресло, дождалась, пока Роберт, выкатив свое кресло из-за стола, устроится напротив, и лишь тогда подняла голову и сняла очки. Жесты ее были вымучены, словно она двигалась в жидком бетоне, а взгляд отстранен и пуст. Собственно, лицо Мэри Боумен поведало Роберту все, чего он еще не знал о деле «Боумен против Боумен». Нос Мэри был изуродован переломами, свежими и застарелыми шрамами через всю переносицу, а глаза напоминали подгнившие сливы, утопленные во вздувшуюся плоть, скверно замазанную тональным кремом.

Роберт втянул ртом воздух — во-первых, просто не удержался, а во-вторых, не смог иначе проглотить восклицание, готовое сорваться с губ. Семейным правом он занимался с момента получения диплома, представлял несколько дел об ужасающем супружеском насилии, но Мэри Боумен, явившаяся перед ним живым свидетельством зверств мужа, породила в Роберте серьезные сомнения в том, что он способен и согласен защищать на суде интересы Джеда Боумена. Причем сомнения эти не были связаны с шатким финансовым положением клиента. В свое время Роберт раскрутил несколько не менее тошнотворных дел клиентов, которые раскатывали на авто стоимостью в восемь тысяч фунтов — и при этом били жен смертным боем. Странно лишь, что прежде это обстоятельство его не трогало.

— Чем могу помочь?

Идиот. Нашел что спросить. Кто и чем поможет этой женщине?

— Я пришла сказать вам, что сдаюсь. — Мэри аккуратно сложила руки на коленях, словно точку поставила. Машинально подцепила и дернула заусенец на ноге. — Отдаю

детей. Я плохая мать.

Она показала на свое лицо, задев ладонью губы и оставив розовый мазок помады на щеке, и без того украшенной багровыми пятнами побоев.

Роберт был потрясен — такого поворота он не ожидал. Казалось бы, куда уж лучше — дело закрыто, гора с плеч... Но Роберт видел Мэри Боумен, видел ее лицо. Распрощаться с ней сейчас, подумал он, — все равно что отправить Руби назад, в ее старую школу.

— Решать суду, — возразил он. — Ваш поверенный представит дело в самом выгодном для вас свете. Инспектор по делам несовершеннолетних узнает, чего бы хотелось вашим детям. А уж судья, взвесив все факты, примет решение, исходя из интересов детей. Как поверенный вашего мужа я обязан...

Роберт загнулся. Обязательства перед Джедом Боуменом, в присутствии самой убедительной улики, как-то затуманились и расплылись.

Роберт сидел лицом к лицу с женой своего клиента, в своих личных владениях — просторном кабинете с письменным столом красного дерева, элегантным сине-серым паласом и акварелями на стенах в дубовых панелях, — и внезапно дело «Боумен против Боумен» обрело третье измерение. Человеческий фактор, который отныне Роберт вряд ли сможет игнорировать. Он продолжил после глубокого вдоха:

— ...обязан изложить в суде свои требования. Поскольку в деле имеются доказательства того, что дети брошены, а ваше поведение — в частности, супружеская измена...

— Теперь у вас есть доказательства и поведения Джеда. — Мэри откинула волосы и повернулась лицом к окну. Слова были излишни. — Я отказываюсь от борьбы, потому что Джек превратил мою жизнь в ад. Даже если я верну детей, он не оставит меня в покое. И никакие ваши предписания ему не указ. Теперь, когда он застал меня со своим братом, он нас с детьми из-под земли выкопает. Он тогда просто взбеленился. Совсем умом тронулся. — Она вновь повернулась к Роберту, вынула из сумочки пачку «Ройаль» и закурила, не спрашивая разрешения. — Я всегда буду вещью своего мужа, что бы там ни решил ваш судья. А вы, надеюсь, будете по-прежнему крепко спать по ночам.

— Стоп, стоп, минуточку! (Женщина она несчастная, спору нет, однако подвергать сомнению собственный профессионализм Роберт никому не позволил бы.) Ваши с Джедом отношения — это ваше личное дело. Даже если Джек пожелает дубасить вас ежедневно и до гробовой доски — меня это никоим образом не касается. — Роберт поморщился от кислого привкуса во рту. Крепкий ли кофе, сигаретный дым или чувство вины были тому причиной, но сглотнуть кислятину не получалось. — Ваш муж в качестве моего клиента обязал меня подать исковое заявление. Он требует развода и опеки над детьми. С кем останутся дети — вот в чем вопрос. Беззащитные дети, которым, я уверен, не хотелось бы видеть, как папа колотит маму, и не хотелось бы знать, что мама занимается «этим» с их родным дядей. И я уж молчу о наркотиках, пьянстве, о том, что детей не водят в школу... — Роберт оборвал себя — не в суде, парень, находишься. Этой женщине и без его нотаций туго приходится.

Мэри фыркнула, выпустив облачко дыма.

— Это он наговорил? Про пьянство и наркоту — его байки?

Роберт прошел к окну и поднял фрамугу. Кабинет наполнился шумом городских улиц и бензиновым смрадом, особенно ощутимым в зное летнего дня. Роберт смотрел на беспорядочный поток пешеходов. Молодые мамы с колясками, служащие, туристы — и каждый занят своим делом, причем без ежеминутной угрозы здоровью и самой жизни. Руби и Дженна, обе тоже затравленные, хоть и каждая по-своему, занимали мысли Роберта, пока

чувство вины, разраставшееся со скоростью снежного кома, не заставило его развернуться к Мэри.

Роберт пересек кабинет и придвинул свое кресло вплотную к креслу Мэри. Поддержав бьюки, сел и взял ее ладони в свои. Тревожная сирена завывала в его голове на полную мощь. Роберт слышал возмущенный голос Дэна, обнаружившего, до какого идиотизма докатился его партнер по бизнесу. Видел себя собирающим вещи, перед тем как освободить кабинет в престижном офисе, который достался им с Дэном потом и кровью. Затем увидел Руби, совершенно несчастную в своей прежней школе, запуганную и неустанно преследуемую юными джедами боуменами. Как и Мэри, она была жертвой, пока Роберт не вмешался и не перевел ее в школу, которой она заслуживает. А Дженна? Он ведь изводил ее собственными комплексами, пока не добился своего, пока истина не выплыла наружу. Он оказался прав в своих подозрениях, но теперь это не имело значения. Смертный приговор был вынесен Дженне без суда и следствия — и в этом полностью его, Роберта, вина. Он возомнил себя бесстрастным судьей — и погубил Дженну. Роберт потряс головой, прогоняя мысли, которые сейчас лишь мешали ясности разума.

— Расскажите мне все, Мэри. С самого начала.

Мэри опустила голову. Прежде чем начать свой рассказ, она попросила стакан воды.

Роберт покинул офис гораздо раньше обычного. После ухода Мэри Боумен несколько часов назад его работоспособность упала до нуля. Появление этой женщины у него в кабинете подняло муть со дна его персонального озера — осадок, о котором он очень старался не вспоминать.

Щурясь на выезде с подземной стоянки, Роберт нашарил в бардачке солнечные очки и надел, прежде чем пересечь загруженное шоссе и вывернуть в другую сторону. Послеполуденная духота не подняла ему настроение, лоб моментально покрылся испариной, а рубашка прилипла к телу, еще прохладному от офисных кондиционеров. Застряв в пробке, Роберт поискал что-нибудь приличное по радио, но не нашел ничего под настроение. Злобно ткнул в кнопку, поднимая крышу «мерседеса». Хотелось отгородиться от всего мира. «Дом!» — рывкнул он в микрофон мобильного и долго слушал гудки. Эрин забыла включить автоответчик, но главное Роберт узнал — дома никого — и утвердился в том, ради чего, собственно, и улизнул из конторы, если не считать желания избежать встречи с Дэном. Тот запросто мог учуять неприятеля, посетившего фирму.

Роберт не склонен был обманывать самого себя и отрицать дурные предчувствия насчет метрики Руби. Сомнения, которые он упорно топил, со временем могли бы благополучно уйти на дно — если бы не разговор с Мэри Боумен и не странное поведение Эрин, увиливающей от темы о паспорте для дочери. И Роберт, поневоле бросая вызов этим булькающим на поверхности озера гнусным эмоциям, тыкал их острием палки: какотреагируют? Эрин восстала против экскурсии, едва о ней услышала, — это факт. Но что за ним кроется? Естественная тревога матери за безопасность девочки, которую в ее тринадцать еще рано отпускать за границу без родителей? Быть может, Эрин перенесла на ребенка собственный страх перед самолетами? Или причина все же более материальна?

Быть может, Эрин опасается неприятных воспоминаний — неизбежных во время получения метрики дочери, зарегистрированной под ее прежней фамилией. Вполне вероятно, что Руби не знала отца вовсе, — при Роберте она, во всяком случае, о втором родителе никогда не вспоминала — и представления не имеет, что «Лукас», собственно, не настоящая ее фамилия. Словом, причин для странного поведения Эрин уйма. Одно бесспорно: узнать настоящую причину необходимо — потому, во-первых, что в отношениях с женщинами истина от него вечно ускользала, но главное, чтобы его паранойя, погубившая Дженну, не разрушила и второй брак. Докопаться до фактов — значит уничтожить бурлящее варево подозрений. Другой вопрос — каким образом добыть эти самые факты, не раскачивая семейную лодку.

В десять минут четвертого Роберт затормозил у своего дома. Четырехэтажное здание на солнце выглядело слегка обшарпанным и тусклым, на оконных рамах кое-где шелушилась краска, когда-то кремовая кладка выцвела, а по углам, из-за протекающих сливов, покрылась ржавыми пятнами.

Захлопнув дверцу «мерседеса», Роберт вновь глянул на часы. Руби вернется через час. Чирикая себе под нос, плюхнет портфель в коридоре и после набега на кухню помчится наверх, заниматься уроками или музицировать. Пообвыкнув в Грейвуд-колледже, она теперь пользовалась школьным автобусом — в округе жили еще несколько учеников. А Эрин раньше шести дома не появляется. И все же надо соблюдать осторожность.

— Руби? Эрин? — на всякий случай окликнул Роберт, запирая входную дверь и опуская дипломат на пол у стены. Замер на мгновение, вдохнув густой цветочный аромат — утром Эрин с такой любовью расставляла фрезии на мраморном столике в прихожей.

Цветы всегда были ее страстью, особенно простенькие, полевые, белые или пастельных оттенков. «Маргаритка» обрела популярность лишь благодаря новой хозяйке — Эрин оправдала ожидания Роберта и превзошла их. Впрочем, он и не сомневался в редком трудолюбии и целеустремленности жены. Вскоре после знакомства он поинтересовался ее профессией и удивился, обнаружив, что у нее нет высшего образования. А потом в спорах всегда поддразнивал: мол, адвокат из тебя вышел бы абсолютно неукротимый.

Несмотря на ранний час, Роберт открыл стенной бар в гостиной и щедро плеснул чистого виски. Дожил — пьет днем, да еще и в одиночку. Впрочем, чувство собственной вины перевешивалось ощущением предательства со стороны Эрин.

«Да что за дьявольщина, парень. Глоток виски — не преступление. А жена твоя, черт возьми, не изменяет тебе!»

Роберт выпил и налил еще.

Прежде чем направиться к лестнице, потоптался перед баром в сомнениях, медленно поворачивая в ладонях хрустальный бокал из набора — свадебного подарка от родителей Дженны. Стоило вспомнить о покойной жене — и она не заставила себя ждать: в эркерном окне размытой акварелью мелькнуло ее укоризненное лицо. Роберт замедлил шаг и пригляделся: ничего, лишь сияющий веер солнечных лучей. Он пожал плечами, чертыхнулся мысленно — опять воображение с ним шутки шутит — и решительно зашагал наверх. Нет у него времени на призраков из прошлого, что бы они ни порывались ему сказать.

Начал он с компьютера Эрин, от нетерпения терзая мышь, пока машина загружалась. Мансарду дома, недавно переоборудованную, разделили на два кабинета: один для Эрин — чтобы она не засиживалась допоздна в магазине со своей бухгалтерией, другой для Роберта, поскольку он нередко изучал дела клиентов дома.

«Ну наконец-то», — вздохнул Роберт, в очередной раз косясь на часы. И немедленно взялся за дело: прошерстил аккуратно систематизированные папки и бухгалтерские отчеты, не зная, что, собственно, ищет, но в полной уверенности, что поймет, как только обнаружит. Открыл почтовую программу и рассортировал письма так, чтобы сразу обнаружить чаще всего встречающийся адрес. Письма от мужчин открывал все подряд — оптовые заказы на цветы, жалобы на несвоевременную поставку. Проглядел переписку Эрин с владельцем дома, где располагалась «Маргаритка», — о повышении арендной платы. Наткнулся на развлекаловку мамы-дочки, причем в одной цепочке шуточных записочек, начало которой положила Руби, девочка так расхваливала самого замечательного отца на свете — Роберта, что он едва не сгорел со стыда. Но ведь он и сейчас старается ради Руби. Ради сохранения семьи.

Почта Эрин не дала ровным счетом ничего интересного, зато продемонстрировала Роберту, как нелегко ей управлять в одиночку магазином. Нелегкий бизнес для женщины, а Эрин справлялась, и великолепно справлялась. Восхищение женой, однако, Роберта не остановило. Он продолжал копать, прочесывая все подряд — системные файлы, программные файлы, документы, созданные Эрин, историю ее блужданий по Интернету. Пригубил виски, распустил галстук. На верхнем этаже было жарко, он встал, чтобы открыть люк стеклянной крыши, и оцепенел: кто-то поднимался по лестнице. Глянув на часы, Роберт в панике выдернул вилку компьютера из розетки, и компьютер со вздохом отключился,

монитор погас. В кабинет вошла Руби.

— Ой. — Она остановилась на пороге. — А я думала, это мама. Услышала, что тут кто-то есть. — Девочка нахмурилась, пораженная присутствием Роберта во владениях матери. Реакция Эрин в мягком варианте.

— А это всего лишь я.

Роберт наконец выдохнул. От него уже прилично пахло спиртным. Объяснить девочке свое появление здесь, решил он, будет несложно, а вернее всего, и полезно.

— Ты что тут делаешь? — с вызовом поинтересовалась Руби.

Даже интонации материны, усмехнулся про себя Роберт. Однако нежелательно, чтобы она передала все Эрин.

— Ищу твое свидетельство о рождении. — Умение быстро соображать — как-никак часть работы Роберта. — Без него паспорт тебе не выдадут. А ты ведь хочешь попасть в Вену?

— Спрашиваешь! — Подозрение на лице девочки сменилось ликующей надеждой.

— А у тебя вообще когда-нибудь был паспорт?

Она дернула плечом:

— Понятия не имею. Я ж еще не летала на самолетах.

— Ты что-то сегодня рано, — заметил Роберт, скрывая разочарование, что не удалось завершить начатое.

— Теннисный матч отменили. Ребята из другой школы не смогли приехать, нас и отпустили по домам, готовиться к экзаменам. Я на маршрутке доехала, прямо к дому, — прибавила Руби, переминаясь с ноги на ногу.

Взбучки боится, догадался Роберт, — за то, что общественным транспортом воспользовалась, а может, и вообще пешком домой топала. Он решил опустить этот момент — в надежде расположить Руби к себе и добиться помощи.

— Ну а где может быть твое свидетельство о рождении, ты не в курсе?

— В глаза его не видела. Зато я знаю, где мама держит нужные бумажки и всякое такое.

К удивлению Роберта, девочка направилась к столу Эрин, — с виду он выглядел как старинный французский письменный столик, но его конструкция позволяла разместить и стационарный компьютер. Руби полностью вынула средний ящик и, присев на корточки, сунула руку вглубь, до самой задней стенки. Пошурудила секунду-другую, с довольным видом достала обшарпанную черную жестяную кассовую коробку, положила ее на круглый коврик, прикрывающий крашенные половицы, затем вытащила из-под коврика ключик и открыла коробку.

— Ты ведь маме не расскажешь? — Глянув на него, Руби подняла крышку. — Я просто однажды случайно увидела, как она достала эту коробку и что-то туда положила. Мама меня тогда не заметила. Еще подумает, что я специально подглядывала, и рассердится. — От волнения у Руби задергалось левое веко. — А я ведь не нарочно. Я вообще не сую нос куда не надо.

Роберт опустился на коврик рядом с дочерью. Взгляд его был прикован к коробке, словно Руби только что раскопала неизвестную гробницу фараона.

— Не волнуйся. — Он потрепал девочку по плечу. — Пусть это будет наш с тобой секрет, идет?

— Ага. Гляди-ка, точно! Куча бумажек. Между прочим, и мамин паспорт тут. У нее есть, а мне, значит, нельзя?

Руби обиженно потрясла паспортом: очень нечестно со стороны мамы запрещать ей экскурсию в Вену!

— Что ж, считай, начало положено, — как можно спокойнее проговорил Роберт и открыл паспорт Эрин на странице с фотографией.

Срок действия паспорта истек не так давно — первое, что он для себя отметил. Пролистав страницы, понял, что документом почти не пользовались: лишь две выцветшие марки свидетельствовали о давнишних визитах в Испанию и Грецию. В отпуск, должно быть, ездила, подумал он, возвращаясь к снимку юной Эрин. Несмотря на тревогу, поселившуюся в душе, по лицу Роберта расплзлась улыбка. А Эрин-то в свои двадцать с хвостиком была просто серой мышкой, да еще и с надутой недовольной мордочкой, как будто необходимость сфотографироваться ее достала. Эрин, которую он знал, не носила длинные волосы, а тем более челку, и благодаря регулярным походам в салон стильная стрижка, пшеничная с пепельным отливом, стала ее личным фирменным знаком. Пухлые щечки и многослойная косметика тоже остались в прошлом его жены. Сейчас Эрин весила килограммов на восемь меньше, чем — судя по фото — в те годы, а косметики, как правило, вообще избегала.

Впрочем, объективности ради надо признать, подумал Роберт, что и он на паспортных снимках сам на себя не похож. Усмехнувшись, Роберт вернул паспорт в коробку. Толку от него в данном случае никакого.

— Что мы тут еще имеем? — произнес он шутливо, хотя к опасению, что Руби не выдержит и проговорится матери о том, как они копались в ее личных бумагах, добавлялось беспокойство насчет самой Эрин: вдруг она тоже придет пораньше и застукает его на месте преступления?

Не обнаружив в коробке метрики Руби, он решил, что разумнее продолжить расследование в другой раз, когда дом будет в полном его распоряжении. «Продолжить расследование», — с отвращением беззвучно повторил он, невольно вспомнив Луизу и их совместную утреннюю пробежку в Мартоке в прошлые выходные. Позвонить ей, извиниться? А смысл? В их отношениях никогда не было места всяческим «прости» и «виноват». Они так часто расставались и так редко были вместе, что любые напряжения и неясности забывались. И каждый раз они начинали с чистого листа. А не поможет ли Луиза в розысках загадочно пропавшего свидетельства о рождении? Она ведь частный сыщик, если на то пошло, у нее связи.

Роберт проследил, как Руби закрыла коробку на замок, сунула ключ под коврик, аккуратно пристроила коробку в глубине ниши стола и вернула ящик на место. Ему не понравилась собственная мысль попозже проскользнуть в кабинет жены и как следует изучить содержимое коробки, но он твердо решил это сделать — невзирая на то, что свидетельство там не нашлось, а остальные бумаги, судя по тайнику, были личного характера.

— А не выпить ли нам чего-нибудь холодненького у Луиджи? Да и от булочки я бы не отказался. Ты как? Я угощаю.

Роберт сам себя ненавидел в этот момент, но Руби согласно ухмыльнулась, и они отправились в кафе «У Луиджи», всего в квартале от дома. С полчаса учеба Руби могла и подождать.

Заняв столик на улице, Роберт заказал два клубничных коктейля и датские пирожные. Сам он чувствовал, что от него несет виски, хотя Руби, похоже, запаха не уловила.

Солнце, немислимо палящее, несмотря на ошутимый смог, казалось, довело угрызения совести Роберта до кипения, одарив его безумной головной болью. Уж слишком его предстоящее копание в бумагах Эрин смахивало на то, как все начиналось в первый раз. Признайся он в своих нынешних подозрениях Луизе... их дружбе, пожалуй, придет конец. Моргнув, Роберт с трудом поднял набрякшие веки и отхлебнул из бокала с коктейлем.

— А знаешь что? — Руби птичкой примостилась на краешке металлического стула. Робко опустив глаза, она размешивала соломинкой коктейль.

— Что? — отозвался Роберт с улыбкой. Боль раскаленным прутом пронзила виски.

— Я нравлюсь одному мальчику из колледжа! Он пригласил меня на свидание.

Роберт понимал: эти слова дались ей не легче, чем ему далось бы признание Эрин, что он вломился в ее компьютер.

— Так это же прекрасно, солнышко. Как его зовут? — поинтересовался он небрежно, хотя и подозревал, что через месяц-другой все закончится сердечной травмой.

В памяти всплыли его собственные юные романы, и Роберт мимолетно прикоснулся к руке дочери. Интересно все же, кто ее родной отец, какой он? И что он подумал бы об этой первой влюбленности?

— Зовут Арт, он на два года старше меня, играет в школьной рок-группе. — Руби шумно потянула коктейль через соломинку. — Арт получает стипендию — мозги у него что надо. А то не видать бы ему Грейвуда — отец не смог бы платить за обучение.

Руби зарделась. Это жизнь, напомнил себе Роберт. Так и должно быть. И все же он с трудом остановил поток банальностей: не задерживайся с ним допоздна, не оставайся наедине, целоваться вам еще рано и так далее по нарастающей. Руби поделилась с ним самым сокровенным — и этот бесценный подарок помог Роберту обуздать отцовские инстинкты. К тому же Эрин сама наверняка поговорит с дочерью об отношениях с ребятами, о свиданиях и вытекающих последствиях. А сейчас Руби вся светится — было бы обидно оборвать ее душевный подъем.

— Забавное имя — Арт. Откуда он родом?

— И ничего не забавное. Он мне сказал, что его имя на гэльском означает «камень».

Солнце тонуло в бездонных глазах Руби и, купаясь в ее длинных, рассыпанных по плечам волосах, искрило рыжими бликами. Лизнув палец, девочка собрала с тарелки сладкие крошки и стряхнула на тротуар. Парочка голубей проковыляла к столику и устроила драку за лакомство. Тут же слетелись еще желающие, Роберту пришлось их шугануть. Он промокнул салфеткой влажный лоб. Боль разлилась уже по всему черепу, и жалящее солнце отнюдь не помогало. Роберт открыл зонт над столиком.

— Так откуда он все же родом, из какой части Лондона?

— Вообще-то они приехали из Уэльса.

— Ах, вон что. Замечательно. С побережья? — Пора сворачивать тему Арта — не слишком-то Руби разговорчива.

— Они как бы путешественники — переезжали с места на место, пока Арт не получил стипендию. Его отец уверен, что Арт станет знаменитым музыкантом.

Подняв руку, чтобы вытереть влажное лицо, Роберт задел тарелку с ножом и уронил на тротуар. Голуби взметнулись в разные стороны. Салфетка Роберту не понадобилась — кровь отхлынула от лица, и пот моментально высох. Боль сменилась головокружением и чувством нереальности происходящего, а в уши долбил голос, настаивая, что бродяги — это круто, хиппи — отличные ребята, цыгане — бесподобный народ.

— Путешественники? — Роберт старался настроиться на подростковую волну.

— Ага! Типа в фургонах или там в автоприцепах, только они все бросили в Уэльсе на время, пока Арт учится. А здесь вселились в пустой дом — и живут.

— Вселились... в пустой дом? — У Роберта пересохло во рту. Воды бы сейчас, похолодней и побольше.

— Арт говорит, там клево. Теперь у них есть свет и все такое. Он меня к себе пригласил — летнее солнцестояние отметить. У них вечеринка будет.

— Вечеринка?..

Махнув официантке, Роберт знаком попросил счет, расплатился и повел Руби домой. По дороге она уже захлеб расписывала Арта, но Роберт слушал вполуха — и так узнал достаточно, больше ему просто не вынести.

Эрин его избегала. Единственным доказательством того, что жена дома, была ее «мазда» цвета электрик, припаркованная под окнами, да букет апельсиновых гербер на столике в прихожей. Где-то внутри дома хлопнула дверь, Роберт окликнул жену, но его голос заглушили звуки новой композиции Руби. Он прикрыл дверь гостиной, где звучало фортепиано, и прислушался. В ванной наверху лилась вода. Вздохнув устало, Роберт побрел вверх по лестнице. На пороге спальни остановился, глянул на ворох сброшенной одежды, втянул знакомый аромат Эрин — и решил уединиться у себя в кабинете. С каждым пролетом лестницы горячий воздух сгущался. Летом здесь всегда дышится с трудом. На маленьком пятачке между двумя кабинетами Роберт невольно остановился, отметив, что Эрин в своем уже побывала — у стены стоял ее портфель. Она и компьютер загрузила, собираясь, видно, поработать после ужина. Не обнаружила ли чужого вторжения? Правда, перед уходом с Руби он незаметно включил компьютер в сеть.

Как же давно они не проводили вечер вдвоем, не тревожась ни о его горящих делах, ни о ее документах, ни о школьных проблемах Руби... Подумать только — женаты всего-то пару месяцев, а жизнь уже превратилась в сплошную рутину.

Волей-неволей мысли его вернулись к Дженне. Вот уж с кем его семейная жизнь не потеряла новизны. Просто не успела. Все было кончено прежде, чем они докатились до обыденности. Быть может, из семейной рутины как раз и растет доверие друг к другу? Быть может, если бы они успели вырваться в заурядную колею заурядного супружества, Дженна осталась бы жива?

Роберт очень старался отогнать сомнительные чувства по отношению к Эрин, но они просачивались, как настырный солнечный луч проникает в любую щель, и Роберта переполняло то же подозрение, с какого началась его пресловутая паранойя, погубившая Дженну. Пока еще не слишком явное или ощутимое, вроде бы и говорить не о чем. Да и если на то пошло, у него уж иммунитет выработался к подобным чувствам. И все же бесконечные неувязки, мелкие, но досадные, словно занозы, убеждали его: Эрин что-то скрывает. Туман в отношениях — вот что доводило Роберта до бешенства.

У себя в кабинете он первым делом открыл люк стеклянной крыши. Парочка ос, злобно прожужжав, вылетела вон из спертых духоты. Роберт рухнул в кресло, не в силах даже думать о работе, пока в мозгах такая каша из мыслей об Эрин.

— Спроси ее, — произнес он негромко. — Возьми и задай вопрос, черт бы тебя побрал!

Роберт стукнул по столу — клавиатура подпрыгнула. Отношения с первой женой Дженной он раскромсал на миллион кусочков, так что даже останься в живых сама Дженна,

их брак все равно был обречен.

Быть может, настороженность, подозрительность, недоверие — чисто профессиональные качества? За годы работы он столкнулся с достаточным количеством сомнительных личностей, чтобы понять: Эрин, полная противоположность омерзительным типам, с которыми ему обычно приходится иметь дело, не до конца с ним откровенна. Так в чем проблема? Будучи юристом, он обязан верить в невиновность Эрин, пока не доказано обратное. Проще некуда — если бы не проклятое *ощущение*, что все идет наперекосяк. Роберт не прислушивался к себе и не ждал уколов интуиции, однако предпочитал их не игнорировать.

Сегодня же позвоню Луизе, решил он и потянулся к бару за бутылкой виски, которую держал в кабинете на крайний случай — вроде сегодняшнего.

Впервые в жизни он почувствовал, что его карьера и жизнь вне фирмы смыкаются. Прежде он фанатично разделял их, хотя частенько и приносил работу на дом. А сейчас в семью просочились и свойственные юристу подозрительность, осторожность, привычка перепроверять факты. Обещание, данное им самому себе — строить новый брак на доверии и уважении, — уже начало терять смысл. А этические нормы его бизнеса, основа репутации фирмы «Мейсон и Найт», в свете истории с Мэри Боумен, похоже, существенно потускнели. Какая-то частичка жизни Роберта пошла под откос, и это ему ни в малейшей степени не нравилось: уж слишком сильно было сходство с недавним прошлым.

Эрин, приняв ванну, крикнула снизу, что сбегает в соседний магазин. Она уже бог знает когда вернулась с работы, а Роберта до сих пор не видела. Музыка Руби порхала по дому, добираясь и до мансарды, — девочка сочиняла для Арта. При воспоминании об этом парне у Роберта сжало желудок. Эрин еще предстоит узнать, что ее дочь приглашена на «вечеринку» к бездомным бродягам. Как-то жена воспримет новость? Она ведь над Руби буквально трясется, вряд ли она позволит дочери отправиться в трущобы. Эрин... Желудок Роберта вовсе стянуло узлом. Она ушла за продуктами — а значит, есть шанс заглянуть в ее секретную коробочку. Однако надо спешить, магазин совсем рядом. Роберт встал.

В голове у него все еще гудело и звякало от жары и чувства вины, не говоря уж о третьей порции виски, что плескалась внутри, перемешиваясь с клубничным коктейлем. На пороге кабинета жены Роберт подбадривал себя обещанием, что это в последний раз. Сегодняшний случай — исключение из правила, крохотное пятнышко на их с Эрин отношениях, в целом безупречных. Здравое объяснение без вести пропавшей метрике наверняка найдется. И Роберт решился.

Бросив быстрый взгляд за спину, он опустился на колени и вынул средний ящик из письменного стола Эрин. Вот он и заструился снова, тоненький ручеек эмоций профессиональных, перетекающих в личные. И снова прошлое вторгается в настоящее. В офисе или в зале суда Роберт автоматически отделял себя от низких типов — своих клиентов, красноречиво оправдывая их гнусности бременем обстоятельств. Но убедить себя, что он имеет право рыскать среди вещей жены, искренне поверить, что если найдется хоть какое-нибудь подтверждение — *чего* подтверждение? — то все наладится?! Невозможно. Немыслимо. Да и что наладится?

И тем не менее Роберт продолжал действовать — быстро, нервно, на подсознательном уровне понимая, что тревога его — скорее признак повторения уже однажды происходившего, эдакий условный рефлекс, как слюноотделение перед рвотой. Лоб взмок не

от стыда, который ему предстояло пережить, если Эрин узнает о низости мужа, а от борьбы разума с инстинктами.

Роберт нащупал жестяную коробку и вытащил ее, как это два часа назад сделала Руби. Замер, прислушиваясь к звукам в доме. Ничего, одна лишь музыка. Достал из-под коврика ключ и вставил в замочек коробки. Сердце билось в унисон с энергичной мелодией Руби.

Он поднял крышку и аккуратно вынул всю кипу бумаг — их надо будет вернуть в том же порядке. Перед глазами на миг встала Эрин: сейчас она, должно быть, уже выбирает в магазине вино, или банку любимых оливок, или салат на ужин. Минут двадцать у него, пожалуй, есть.

Коробка хранила старые поздравительные открытки, сложенный вчетверо аттестат по музыке, с именем Руби, тонко выписанным черной гуашью, несколько снимков маленькой девочки — лет трех, прикинул Роберт — на галечном пляже. Без сомнения, Руби: эти шоколадные глаза и подбородок с ямочкой нельзя не узнать. Роберт пробежал глазами школьные табели, незаконченное письмо, которое Эрин, судя по дате, писала десять лет назад. Начиналось оно, как ни странно, со слов: *Дорогая Эрин...* Душу на бумаге пыталась излить, решил Роберт, поток горьких слов, а по сути — бессмыслица. Наконец он добрался до пухлой пачки писем, перевязанной фиолетовой ленточкой. Помня о цейтноте, Роберт не знал, за что браться в первую очередь. Открыл наугад. Открытка ко дню рождения.

С любовью моей дорогой доченьке на ее пятилетие. Целую. Мама.

Роберт улыбнулся, отложил открытку, взял другую — на семилетие Руби. И снова подписано «Мама».

«А где же папа?» Пожав плечами, Роберт вложил одну открытку в другую, как они хранились. К делу не относится. Роберт точно не помнил, когда, по словам Эрин, она развелась с первым мужем — такие подробности ее прошлой жизни его не интересовали, — однако произошло это, судя по всему, довольно скоро после рождения Руби.

Роберт принялся перебирать письма. В основном они были посланы на прежний лондонский адрес Эрин, в квартиру, где она жила до знакомства с ним, но на полудюжине конвертов значился адрес «Маргаритки». Краткие записки на почтовых карточках или послания в несколько страниц. Все их, однако, красной или зеленой шариковой ручкой писал некто с инициалами «Б. К.». Почерк жуткий, едва поддающийся расшифровке, а на первом письме, которое Роберт вынул из конверта, каракули вились поперек печатного бланка.

Роберт глянул на обратный адрес: «Королевские цветы», Маркет-стрит, Брайтон. Чувство вины, так и застрявшее комом в горле, не помешало ему любопытствовать, что имел сказать Эрин этот самый Б. К.

Дорогая моя Эрин,

Я скучаю по тебе безумно. Все спрашивают, куда ты подевалась. Очень, очень рад, что ты теперь работаешь в столице. Только берегись разных грязных типов, которых там не счесть. Сама понимаешь — меня ведь рядом нет, чтобы тебя защитить. Через месяц-другой, наверное, выберусь к тебе. Заранее позвоню. Ложись пораньше, детка.

Как ты исчезла — все цветы вянут.

С вечной любовью. Целую.

Б. К.

С вечной любовью? Роберту стало тошно от слов, адресованных его жене. Вечная любовь к Эрин — только его, Роберта, право, верно? Он просмотрел еще несколько посланий: опять Б. К. скоро приедет, и как всем в Брайтоне не хватает Эрин, и что там поделявает малышка Руби, да какой она подарок для своей мамы. Под одним из писем стояло: «Дядя Бакстер».

Дядя? Значит, ни о каком романе речь идти не может. Странно, однако, что она ни разу даже не упомянула о родном дяде. Узнав в самом начале знакомства, что родители Эрин умерли, близкой родни у них не осталось и она была их единственным ребенком, Роберт больше не задавал вопросов о ее семье. Эрин и Руби — вот и вся семья. То есть «дядя» — наверняка фамильярное обращение, и кровное родство тут ни при чем.

Среди прочих нашлись два письма, которые Эрин написала в ответ «дяде Бакстеру», да так и не отослала. Она рассказывала о своей жизни в Лондоне, о том, как ей стыдно, что она сбежала из Брайтона после пожара — это был самый тяжелый шаг в ее жизни, — об учебе Руби в новой школе. Тысячу раз благодарила за все, что для нее сделал Б. К. Писала, что была счастлива встретиться с ним на выходные, и делилась радостью: ей удалось найти новую работу, теперь она составляет свадебные букеты. В том цветочном магазине Роберт с ней и познакомился...

Перед глазами возник образ Эрин в тот миг, когда Роберт увидел ее впервые в жизни, — и тут же исчез, стертый стыдом, обидой, гневом. Не самое лучшее время лелеять счастливые воспоминания, если ты роешься в личных вещах жены, подозревая, что у нее интрижка на стороне.

Отложив письмо, Роберт уставился в потолок. Глаза отчаянно щипало. Он понятия не имел, что Эрин когда-то жила в Брайтоне, о своей любви там она ни полусловом не упоминала, как, впрочем, и о пожаре. Предполагалось, что после разрыва с первым мужем у нее больше никого не было. Только вот кем предполагалось, спрашивается? Поскольку Эрин помалкивала, Роберт уцепился за версию, для него самую удобную и безобидную, не представляющую ни малейшей угрозы.

Так, может, отсутствие интереса с его стороны к ее личной жизни Эрин истолковала как равнодушие, а оно, в свою очередь, толкнуло к роману на стороне? И все это — прямой результат его трусливого отказа признавать ее предыдущих возлюбленных? Ведь именно первая любовь Дженны в конечном итоге вбила роковой клин между ними. А о прошлом Эрин он и впрямь знал на удивление мало. Защитный механизм в действии, и его надо ломать, решил Роберт.

Он вернулся к бумагам Эрин, бегло проглядел еще несколько писем, попытался прочесть одно — глаз зацепился за обращение «Дорогая Эрин», — но почерк был слишком корявым, чтобы разобрать за те секунды, что были в его распоряжении. И вдруг истина осветила его сознание — медленно, как восходящее из-за горизонта солнце озаряет все вокруг. Да Эрин просто-напросто не списала «дядю Бакстера» в прошлое. Он не бывший любовник. Он любовник нынешний. Совершенно очевидно, что они и сейчас встречаются.

Лишь хладнокровие юриста не позволило ярости овладеть им, обуздало неистовство, которое толкало на что-нибудь абсолютно безумное: порвать в клочья чертовы письма и немедленно, сию же минуту, прямо в магазине разобраться с Эрин.

Стиснув зубы, Роберт прочел еще два письма, где Эрин обменивалась с Бакстером

электронными адресами и обещала регулярно заглядывать в интернет-кафе. Роберт фыркнул: потому-то в ее компьютере и не обнаружилось ни единого подозрительного письма. Ума ей не занимать — во всем на шаг его опережает. Увы, дата не на всех письмах стоит — не определишь, какие из них последние. Однако, судя по обсуждаемым темам — к примеру, Бакстер сожалел о школьных проблемах Руби, — и поскольку некоторые послания были адресованы в «Маргаритку», вывод напрашивался бесспорный: эта связь продолжалась и после замужества Эрин.

Еще минуты три-четыре до ее возвращения...

Повторив брайтонский адрес, Роберт мысленно захлопнул и отложил папку, как сделал бы с документами очередного клиента. Собрал все открытки и письма и уложил в коробку. Несколько мгновений взгляд его был прикован к пачке бумаг, настолько дорогих сердцу его жены, что она не нашла в себе сил с ними расстаться. И вновь юрист в нем победил, не позволив упустить существенную улику: прежде чем закрыть крышку, Роберт наугад выдернул из пачки одно письмо. Затем он повернул ключ в замке и сунул под коврик, коробку убрал в нишу стола и задвинул ящик на место в тот самый миг, когда снизу донесся голос Эрин:

— Я уже дома!

Роберт метнулся к себе в кабинет, ткнул краденое письмо в папку и открыл первый попавшийся на глаза файл в своем ноутбуке.

— Решила, что ты не откажешься. — Бесшумно возникнув у него за спиной, Эрин протянула Роберту бокал с вином, и ее пальцы принялись массировать плечи мужа. Он застонал, раздираемый противоречивыми чувствами. В душе клокотала ярость, но тело жаждало прикосновения ее рук. — А не подождет ли твоя работа до завтра? Пойдем вниз, а? На ужин, между прочим, лососина!

Роберт, как ни старался, не устоял против массажа. Откинулся на спинку кресла, расслабился. Его уже одолевали сомнения. Что ж он себе насочинял? Это ведь *его* Эрин. Он любит ее. Он ее *обожает*. Да разве она способна предать?! А он заподозрил ее в неверности... С каждым движением пальцев жены голос совести Роберта звучал все громче. Эрин — замечательная женщина: легко ли в одиночку воспитывать ребенка, а она справилась. И сейчас делает для Руби все, что можно, даже если с ног валится от усталости, вкалывая в своей «Маргаритке». Роберт вздохнул. Что-то не то он вычитал в этой переписке...

В последний момент перед капитуляцией Роберт вспомнил обещание, данное самому себе, когда погибла Дженна. Повторения он просто не имеет права допустить.

Развернувшись к Эрин, он обнял ее голову ладонями и притянул к себе.

— Боюсь, лососине придется подождать.

Поцелуй был долог и нежен; давно они так не целовались. Роберт наслаждался привкусом вина и мяты на губах Эрин, исходящим от нее ароматом трав и шампуня. Она упала ему на колени, и что мог поделать Роберт, если ее лицо, на миг расплывшись, превратилось в лицо Дженны?

— Фу, потный какой! — Эрин ухмылялась, расстегивая ему рубашку. — Могу тебе спинку в душе потереть, если очень попросишь.

По губам Роберта скользнула бледная улыбка. Мысль об измене жены успела пустить корни, и ее не так просто было вырвать. Он заглянул в глаза Эрин: бледно-голубые, с поволокой, они дразнили и влекли сдать. Тело тотчас отозвалось на призыв, но Роберт

поднялся, вынудив Эрин соскользнуть с его коленей. Подозрение манило его, как бутылка — завязавшего алкоголика. Он ведь видел улики, держал в руках.

— Мне еще нужно поработать, очень запутанное дело. — Роберт отвернулся, зная, что против взгляда Эрин ему долго не продержаться. — Извини.

Он с озабоченным видом перебирал папки на столе, пока Эрин не вышла из кабинета, с такой силой грохнув дверь, что Роберта затрясло от злости.

Он опустился в кресло и достал письмо без адреса, что наугад выхватил из коробки Эрин. Вчитывался в строчки, пока не зарябило в глазах, но чернила за годы стерлись на сгибах листка, а то, что сохранилось, было написано дикими каракулями — Эрин вновь поверяла бумаге свои чувства и, похоже, опережала собственную руку.

...кто бы знал... наконец спасены... какое горе... моя малышка опять со мной...

— Эрин, Эрин... — Он со вздохом откинул голову и закрыл глаза.

Не жена, а форменная головоломка. Сколько времени угроблено на слезку за каждым шагом Дженны — и какой роковой конец. Повторения ему не пережить.

Поскольку я упала, в больнице мне сделали снимок черепа, убедились, что сотрясения нет, перевязали голову и накачали таблетками. Я целые сутки была не в себе и полицейским несла всякую чушь.

Самые первые часы — оказывается, важнейшие для расследования — толку от меня не было никакого. Похититель, говорили мне, с каждой секундой увеличивает расстояние между мной и моей малышкой. Я слушала, пыталась постичь эти слова обезумевшим мозгом, но не видела в них смысла. Когда мне сообщили, что мой муж Энди сейчас у своих родителей, Шейлы и Дона, я удивилась — почему не здесь, в больнице, рядом со мной? Помню, мне хотелось прижаться к Энди; помню, меня рвало от каждого глотка воды. Мало что помню, если честно. Тот день словно размытая клякса.

Следующим вечером (тридцать часов без Наташи) меня отправили домой в сопровождении двух офицеров полиции, констебля Миранды Хоббс и детектива Джорджа Ламли.

Миранда была очень добра, зато этот Ламли пялился во все глаза — видно, думал, что матери хуже меня в целом свете не найдешь. Пока констебль Хоббс заваривала чай, Ламли возился с моим телефоном, что-то там к чему-то подключал, а я сидела как манекен и смотрела на его широкие детективные плечи. И на пустую люльку.

Констебль Хоббс пробыла со мной до конца своей смены, потому что Энди куда-то пропал, а бросать меня одну Миранда не хотела. Она постоянно набирала домашний номер Шейлы, но слышала в ответ одно и то же: Энди исчез.

Исчез, исчез. Помню, я без конца твердила это слово, пока констебль Хоббс не закрыла мне рот кухонным полотенцем. Разве так бывает, чтобы столько людей сразу исчезло? Хотя Энди-то наутро вернулся. Грязный, пьяный, он зарыдал на пороге, а потом рухнул на пол, и мы плакали вместе, в обнимку на ковре, а очередная пара дежурных полицейских то топтались над нами, то бросались к телефону на звонок. Припав к плечу Энди, я заметила под стулом Наташину расчесочку. Моя девочка родилась с густыми волосами и всегда гулила весело, пока я водила по ее головенке мягкими зубьями. Я поднялась на четвереньки, подползла к креслу и достала расческу.

— Не надо, родная, — сказал Энди.

Я все равно поднесла расческу к самому лицу и втянула носом слабый, едва ощутимый запах Наташи. А потом вытащила несколько темных волосков. Я до сих пор храню их в конверте. Это все, что осталось от моего ребенка.

Шейла и Дон появились за час-другой до журналистов, которые вскоре разбили лагерь перед нашим домом. Шейла принесла запеканку в жестяной форме. Дон чуть не раздавил меня в объятиях, а Шейла прожигала взглядом и качала головой, а сама все гладила Энди, своего дорогого мальчика. Я еще подумала: счастливая ты, твой ребенок с тобой. Шейла никогда меня не любила, просто терпела ради сына. Нет, он ничего особенного из себя не представлял, подумаешь, звезда какая — автомеханик. Шейла же в нем души не чаяла, и в ее глазах никто его не был достоин, тем более я. Ну а теперь что ж... я доказала ее правоту: потеряла ее единственную внучку.

Шейла взяла руководство на себя. Девушку из полиции, которая приглядывала за мной, свекровь отправила в магазин на углу с приказом купить коробку чая на сто пакетиков, два

фунта сахара и три литра молока. «В ближайшие дни чаю тут выпьют порядочно, так что запас не помешает», — сказала она.

В считанные минуты Шейла уничтожила все следы присутствия Наташи в гостиной нашего крохотного домика. Мягкие пушистые зверушки, пластмассовые игрушки всех цветов радуги она без разбору запихивала в пакет для мусора. Почти все совсем новенькие: в два месяца ребенку только погремушки и нужны. Шейла разобрала «прыгунки» — Энди их купил в «Детском центре», хотя Наташа и сидеть еще не умела. Я привесила несколько ярких вертушек там, где пеленала свою девочку, — чтобы она не скучала, — но Шейла и эти игрушки содрала с потолка.

Так-то вот. Через каких-нибудь полчаса комната снова стала царством взрослых. И ни намек на младенцев. Ящик для игрушек отправился на чердак вместе с искусственной елкой. Охалки блестящей мишуры, которую мне удалось развесить, когда Наташа замаялась вопить и уснула, Шейла вынесла на улицу. «Рождеству конец», — объявила она, отряхивая руки.

Едва мы с Энди забылись сном, как нас разбудил телефонный звонок. Два часа ночи. Тридцать восемь часов без Наташи. В полицию поступило сообщение о том, что на крупной магистрали замечен водитель автофургона с плачущим младенцем на руках. Пожилая чета, возвращаясь с новогодних каникул в Шотландии, заехала на заправку и увидела, как мужчина с грудным ребенком — тот громко плакал — вошел в мужской туалет. Супругам это показалось странным, но в полицию они позвонили, только когда добрались до центральных графств и услышали по радио о похищении ребенка. Вот и все. Шофера так и не нашли.

Плачущий младенец. Боже, до чего я ненавидела эти слова. Я не хотела слышать о том, что Наташа плачет. Она ведь *меня* звала. Маму звала — рыдала, выгибалась, заходила в воплях. Еще в больнице мне дали какие-то таблетки, чтобы молоко остановить. Без толку. Горячие и тяжелые, груди рвались из лифчика, и даже прикоснуться к ним было страшно больно. Пока констебль Миранда, снова дежурная, караулила меня за дверью ванной, я сцеживалась в раковину. Материнское молоко в канализацию, думала я, — какое расточительство. И расплакалась от его запаха. Теперь уже слезы и молоко вперемешку лились в трубу; мое тело рыдало о дочери вдвойне.

Констеблю Миранде пришлось звать подмогу, чтобы открыть ванную — я сползла по двери на пол и придавила ее изнутри. Миранда, Дон и Энди, втроем навалившись на дверь, по кафелю сдвинули коврик, на котором я лежала кулем. Когда Энди помог мне подняться, меня сложило пополам от истерического хохота. Я была голая до пояса.

Через несколько часов — новый звонок. Полиция Хертфордшира получила два сообщения от автомобилистов с шоссе М1 в сторону юга. Маленькая фигурка, то ли женская, то ли мужская, не понять из-за множества слоев одежды, с грудным ребенком на руках, голосовала на пересечении магистрали с проселочной дорогой. Констебль Миранда, взяв меня за руку, добавила, что к тому времени, когда полицейские Хертфордшира добрались до указанного перекрестка, подозреваемый исчез.

Но потом она улыбнулась и согрела мое заледеневшее сердце, уверив, что все окрестные поля и деревни прочесываются с собаками-ищейками.

— Полиция соседних графств тоже поднята по тревоге. Делается все возможное, так что теперь уже недолго ждать... — Констебль Миранда запнулась и отвела глаза. — Недолго ждать новостей.

— У вас есть дети? — спросила я. Если у нее двое — может, поделится?

Она кивнула:

— Четыре года. С ним бабушка сидит, пока я на работе.

Хорошо, что констебль Миранда сказала правду про ребенка. В моей сюрреалистичной действительности гигантские дозы чего-нибудь нормального, будничного мне были необходимы, как больному — сладкая микстура. Не уверена, пережила ли бы я те дни, не будь рядом Миранды. А сейчас мы совсем не видимся.

Детектив Джордж Ламли вновь появился у нас во вторник утром (трое суток без Наташи) и объяснил, что мы должны выступить по телевизору. Насквозь пропахший табаком, темнолицый и морщинистый, он выглядел гораздо старше своих — как я узнала позже — сорока лет. Он сказал, что, судя по имеющимся у полиции фактам, похититель действовал спонтанно, а не по заранее обдуманному плану и, скорее всего, уже сыт по горло заботой о постоянно орущем младенце. Мы с Энди скорбно жались друг к другу на диване, а детектив Ламли, такой большой и умудренный полицейским опытом, нависая над нами, втолковывал, что в ряде случаев...

— В ряде случаев обращение родителей по телевидению принесло положительные результаты. Не далее чем год назад, к примеру, мы работали над делом о похищении ребенка из яслей. Через два дня после того, как мать выступила по телевидению со слезной мольбой к похитителю, малыша обнаружили под пандусом служебного входа «Макдоналдса», здоровым и веселым. Что скажете? Согласны выступить?

— Да, — ответил Энди.

Сегодня у меня новая клиентка. По телефону назвалась Сарой — без фамилии. И своего номера не дала. По голосу — совсем молоденькая и очень застенчивая. Не придет, думаю я, но все же готовлю поднос — чай с печеньем у меня получает любой клиент, — когда раздастся стук в дверь. Я стаскиваю резинку, распуская длинные волосы, пальцем вытираю влагу под глазами, одергиваю блузку. На крыльце мнется девочка-азиатка лет пятнадцати, не старше.

— Сара?

Она кивает, оглядывается вправо-влево и лишь затем переступает порог. Я замечаю, что она все сглатывает, словно ее тошнит и вот-вот вырвет. В гостиной я предлагаю девочке устраиваться в кресле. Клиентов я всегда принимаю в своей небольшой гостиной, усаживаю в кресло, сама располагаюсь на диванчике, а чай с печеньем успешно сглаживает неловкость первых минут.

Поначалу все волнуются — до тех пор, пока не убедятся, что я не кусаюсь и в основном попадаю в точку. И все же я крайне осторожна в том, что говорю клиентам. На мне лежит ответственность, своего рода космическая подотчетность: откроешь слишком много — и баланс вселенской бухгалтерии не сойдется.

— И как же тебя зовут на самом деле? — интересуюсь я. — Чаю выпьешь?

Чаю я ей наливаю, не дождавшись ответа. Два вопроса подряд, похоже, — бремя для ребенка непосильное. Я успела откусить печенье и запить чаем, прежде чем она открыла рот:

— Вы ж гадалка. Должны знать.

Глаза ее бездонны, а взгляд потухший. У девочки проблемы — она мне сама сказала по телефону. А впрочем, без проблем ко мне редко приходят.

— Пусть я буду Сарой.

Наклонив голову, Сара сцепила пальцы. Тыльные стороны ладоней расписаны хной, но узоры давнишние, выцветшие. Ногти нежно-вишневого цвета.

— И что бы ты хотела узнать, Сара?

Я еще не решила, чем воспользуюсь. Достать таро? Или хрустальный шар? Что ее больше впечатлит? Обратиться к рунам? Погадать по руке?

Сара абсолютно неподвижна, взгляд приклеен к сцепленным пальцам, длинные темные волосы обрамляют лицо. Я смотрю на нее и жду. Проходит минут пять, прежде чем она резко, с усилием вздергивает голову. Глаза цвета корицы смотрят прямо в мои.

— Я беременна и хочу знать, кто это, мальчик или девочка, потому что если мальчик, тогда отец меня не так сильно убьет. — Выдав фразу на одном дыхании, она набирает полную грудь воздуха и продолжает: — Ненавидеть будет, но не убьет совсем.

Я и бровью не повела. Мне уже не страшно слышать про детей. Тринадцать лет прошло как-никак. Жизнь идет своим чередом. Не одна женщина родила после меня. И не один малыш умер после моей девочки. Моей историей уже никого не удивишь.

— В таком случае, у тебя будет мальчик. — И я тоже делаю вдох поглубже, поскольку роль консультанта по семейным отношениям, в отличие от экстрасенса, мне незнакома. Черт бы побрал эту девчонку. — А твоя мама знает?

Сара вновь опускает голову.

— Мама умерла.

— Давай спросим, что она обо всем этом думает.

— Нет! — Она сползает с кресла на колени и, спрятав лицо в ладонях, завывает: — Стыд, стыд, стыд...

— Если мама умерла, разве...

Разве это имеет значение, хотела я сказать, но осеклась. Для Сары имеет, и еще какое. Мама умерла, а она беременна.

— Сколько тебе лет?

— Пятнадцать.

На два года старше Наташи.

— А когда умерла мама?

— Когда меня родила. — Вытерев лицо рукавом, Сара садится в кресло. — Почему ты столько всего спрашиваешь? Ты мошенница? Настоящая гадалка сама бы узнала.

— Я знаю лишь то, что мне открывается, Сара.

Теперь мой черед опускаться на колени. Так удобнее читать по руке. Я переворачиваю руку Сары ладонью вверх. Шесть детских линий, три из них прерывистые или ломаные. Рискнув, я прикладываю ладонь к ее животу. Месяцев шесть, должно быть, или около того. Совсем незаметно под свободным платьем и кофтой, да и тело юное, тугое, так что животик небольшой. И все же я чувствую внутри младенца — и знаю точно, что это девочка.

— Определенно мальчик.

Мука на лице Сары тает, а я невольно отвожу глаза.

— Правда? — Она обнимает ладонями живот и улыбается. — Скажу отцу, что назову ребенка его именем. Может, тогда он меня простит. Не сразу, но простит. Только я все равно не смогу выйти за Фархада, как хочет отец. Теперь меня никто не возьмет.

Я тасую карты таро и протягиваю Саре:

— Сними.

Что угодно — лишь бы положить конец этому сеансу психотерапии. Сара снимает, я выкладываю крестом пять карт на столик рядом с подносом. Смерть, Шут, Император, Тройка Мечей и Сила.

Истина открывается мне без помощи карт:

— Ты его любишь, верно?

Сара кивает. Глаза цвета корицы заволакивает дымка.

— Но он белый, а твой отец не позволяет тебе встречаться ни с кем, кроме парня, которого он тебе выбрал в мужа?

Еще один кивок. Я злюсь сама на себя — уж больно все просто. Я не в будущее ее заглядываю, а пытаюсь заменить ей мать.

— Возьми печенье, Сара.

— Что говорят карты? Здесь смерть. Я боюсь. — Сара тычет пальцем в крест из карт, засыпая крошками Безумца.

— Смерти бояться не надо. Эта карта может означать и что-то новое в жизни. Точнее, смерть прошлого.

Пресс-конференцию организовали на следующий день, в центральной гостинице Нортгемптона. Я была поражена стремительностью событий. Уже через несколько часов мой родной город заполнили журналисты и телерепортеры. Зато я потратила следующие сутки на то, чтобы принять душ и одеться. Меня будто набили мокрым песком, и даже по дому я передвигалась как со свинцовыми гирями на ногах. Неужели столько народу понаехало сюда только ради того, чтобы увидеть меня?

Нас с Энди привезли в «Мариотт-Отель» на полицейской машине и проводили в отдельный номер. Сюда доносился рабочий гвалт: в зале для пресс-конференции проверяли оборудование, воевали за наилучшую точку, откуда бы снять меня, умоляющую, в слезах.

Я надела бледно-голубой костюм, в котором была на крестинах Наташи, и пожалела о своем выборе. На правом плече остался крохотный след от Наташиной отрыжки. Помню, я все прижималась щекой к белесому пятнышку. Детектив Ламли сунул мне в руки листок:

— Ваше заявление прессе, миссис Варни. Прошу вас читать громко и отчетливо. Пусть негодяй услышит каждое ваше слово.

Ламли снова бросил на меня такой взгляд, словно подозревал в сговоре с тем, кто украл мою дочь. Я оглянулась на Энди, но поддержки не получила: вытянув шею, он поверх моего плеча читал заявление и кивал согласно.

— Это не мои слова, — сказала я.

— Да, миссис Варни, текст составляли специалисты. Видите ли, нужно соблюдать осторожность. Мы не хотим, чтобы преступники поняли, насколько много нам известно, но не хотим также, чтобы они поняли, что нам, собственно, не известно ровным счетом ничего.

Я была сбита с толку. Мое сердце прошла жгучая искра. Пока одна-единственная, но, думаю, с нее занялось пламя моего гнева. И от Энди опять никакой помощи: вместо того чтобы наотрез отказаться от кем-то написанной за нас речи, он ее одобрил. Я пробежала глазами несколько строчек, уже понимая, что это совсем не те слова, которые мне хотелось произнести. Они были недостаточно убедительны, а убедительность — я это знала точно — главное в обращении матери, лишенной ребенка. Я должна растрогать всех и каждого, превратить всю страну в своего союзника.

— Мистер Варни, будет лучше, если это сделает мать. — Детектив Ламли стукнул

кулаком в грудь и стиснул губы. Может быть, он нас искренне жалел и просто не знал, как показать?

Официантка гостиничного ресторана вкатила в комнату накрытый столик. Я не хотела чаю, но выпить заставили, чтобы унять нервы. У констебля Миранды, которую я просила позвать, оказался выходной. Доньшко чашки позвякивало о блюде в моей дрожащей руке, пока мы ждали начала пресс-конференции.

Все часы в мире восстали против меня. Я жила без Наташи уже четыре дня и три с половиной часа. Что я буду делать, когда пройдет неделя, месяц, год? Как переживу ее день рождения, следующее Рождество, ее первые школьные каникулы?

— Верните мне мою девочку... умоляю... — взывала я, уткнувшись лбом в колени.

Инспектор Ламли счел момент удачным для демонстрации меня прессе — я вышла из прострации, но в любой миг могла вновь оцепенеть. Полсотни журналистов и телевизионщиков молча ждали моего призыва к похитителю, а я стояла перед ними на возвышении, обливаясь потом, задыхаясь, не в силах унять крупную дрожь.

Как только я села за стол и наклонилась к микрофону, вокруг защелкало, застрекотало, озарилось вспышками. Скомкав шаргалку инспектора Ламли, я разжала пальцы, уронила ее на пол. И заговорила, обращаясь ко всей стране.

— Так что Смерти совершенно нечего бояться, Сара. Давай-ка лучше дальше разбираться... Шут лег на место, где ты сейчас находишься в своей жизни. И заметь, он перевернут.

Я следила за Сарой. Как она отреагирует? Сожмет губы или поведет бровью? Примется наматывать прядь волос на палец или грызть ноготь? Любой нечаянный жест мог стать подсказкой. Глаза девочки расширились, и она подалась вперед.

— Это значит, Сара, что ты попала в передрыгу.

Я знала, что задену за живое.

— Еще в какую! — Слой недоверия исчезает с лица юной клиентки, точно верхняя одежда. Сара даже сделала первый глоток чая — явный признак, что оттаивает.

— Здорово ты запуталась, судя по тому, что говорят карты. В тупик угодила. В свои-то пятнадцать! — До чего же я ненавижу себя за то, что снова утыкаюсь в карты, но это лучше, чем тонуть в горящих надеждой бездонных глазах.

— Когда родится ребенок?

Прелестно. Теперь она интересуется тем, что легко подсчитывается в уме. Обратилась бы за ответом к семейному врачу. Я продолжаю сверлить взглядом карты.

— Несладко тебе пришлось. (Ничем не рискую: она сама говорила о том же.) Боже, сколько горя и боли. Ты очень страдала.

Возможно, перебор, но вариантов у меня немного. Однако Сара заглатывает наживку:

— С самого рождения. Скажи, это когда-нибудь закончится? Я буду счастлива?

— Конечно, — отвечаю я без запинки. Вряд ли, но всякое бывает. — Младенец принесет тебе много радости, и твой отец сменит гнев на милость, как только увидит, какого замечательного малыша ты ему подарила. — Мне еще не приходилось предсказывать судьбу совершеннейшему ребенку, девочке, впереди у которой сплошной мрак. — Кроме того, на твоей стороне сила. Это очевидно. Карты не врут.

— Правда? — Она запивает вопрос вторым глотком чая.

Следующие сорок минут я описываю Саре ее достоинства, советую, как справляться с

нападками отца, как обходиться с возлюбленным, как правильно дышать во время родов. За все это время я ни разу не обратилась к картам, но чувствую себя стопроцентной мошенницей, гораздо большей, чем на самом деле. Гадание забыто. Мы с Сарой просто женщины — опытная и юная. Мать и дочь. Иначе я не нашла бы в себе сил удержаться. Я на коленях умоляла бы Сару отдать мне ее новорожденного ребенка.

Со слезами на глазах я попросила каждого жителя Великобритании о помощи. Я призналась в собственной глупости и непростительной халатности. Я заклинала матерей ни на секунду не оставлять детей без присмотра. Я описала Наташу вплоть до длины ее ноготков и оттенка бледно-розового язычка в молочных крапинках. Но я еще не закончила свою речь. Я объявила, что буду говорить с человеком, у которого сейчас моя дочь. Один на один. Глаза в глаза — через телекамеру.

Инспектор Ламли открыл рот, вскинул руку, ухватил меня за локоть. И передумал. Сделав шаг назад, застыл недвижимо надо мной: позволил мне высказаться, несмотря на загубленный труд специалистов, скомканной бумажкой белевший на полу. Инспектор Ламли доказал, что у него есть сердце.

Я устремила взгляд в самую глубь камеры и сделала глубокий вдох.

— Когда вы впервые прикоснулись к моей девочке — надеюсь, вы помните, что ее зовут Наташа Джейн Варни, — от нее наверняка немножко пахло мной. На костюмчике, быть может, остался запах стирального порошка, а распашонка впитала аромат моих духов. Знаете, что меня сейчас тревожит? Что Наташа пропахнет вами. Когда я снова обниму свою малышку, она будет пахнуть чужим человеком. А еще меня очень тревожит, что после вашего бегства я нашла пинетку Наташи, а значит, у моей девочки мерзнет ножка. И я боюсь, что, покормив Наташу, вы не будете держать ее вертикально, пока она отрыгнет. Впрочем...

До сих пор поверить не могу, что заставила себя рассмеяться.

— ...Впрочем, возможно, вам и в голову не пришло ее кормить. Но все же... на всякий случай... Она ест шесть раз в сутки, но ей пока ничего не давали, кроме груди, так что с кормежкой из бутылочки у вас возникнут трудности. После еды Наташа любит, чтобы ее приложили к плечу и легонько похлопали по спинке. И она просто обожает, когда ее кладут на ноги и качают, напевая колыбельные. Только не забывайте при этом строить ей забавные рожицы. «Кач-кач-кач, мой малыш» — самая ее любимая песенка. От прогулок в коляске Наташа в восторге — полагаю, коляску-то вы купите? — но если на улице очень холодно, укутывайте ее в одеяльце потеплее, ладно? За ночь Наташа просыпается девять-десять раз. С самого рождения плохо спит. Точнее, плохо спит ночью, а днем как убитая, но вам-то днем надо переделать кучу дел, так что самому уснуть не удастся.

Чья-то ладонь легла на мою руку и поползла вверх.

— Можно вызвать детскую медсестру, но они не всегда приходят — слишком заняты.

Ладонь остановила движение, и пальцы впились в мое плечо, придавливая назад, к стулу. Не заметив, когда поднялась, я тем не менее не собиралась ни садиться, ни умолкнуть — только не теперь, когда меня наконец слушали!

— А если совершенно выбьетесь из сил — не отчаивайтесь. Просто оставьте малышку в машине и на минутку заскочите в магазин. — Я запнулась и подняла голову, чтобы удержать слезы в глазах. — Возможно, кто-нибудь ее украдет.

Что-то вязкое стало поперек горла, глушило слова, и сколько ни сглатывай, эту замазку не протолкнешь. А потом и слезы хлынули горячими струями. Фотографы впали в

неистовство; под аккомпанемент вспышек и щелчков камер Энди обнял меня за талию.

— Прекрасно, мистер Варни. Поближе к жене!

И снова вспышки, вспышки — до черноты в глазах, испещренной миллиардами пронзительно-синих точек, словно я неслась сквозь вселенную.

Шум удалялся, комната погружалась в тишину. Я опустила веки и привалилась к Энди. Откуда-то издали очень смутно доносились вопросы, на которые я не собиралась отвечать. Мой мир наполнился игристым блеском, — быть может, таким его видела Наташа в хрустальных искорках вертушки, которую я вешала над ее колыбелькой.

Безмолвие. Меня затягивало в звездную воронку, в самом центре которой — беспроглядность, и абсолютная пустота, и избавление от боли.

А затем посреди возникает Наташа — такая прелестная в своих кружевных одежках, она беззубо хихикает и ждет, ждет меня. Она не плачет, совсем нет. И, протянув руки к своей малышке, я молю ее меня простить.

Саре пора уходить, но ей не хочется, я вижу. Я выразительно поглядываю на часы и со звоном собираю пустые чашки на поднос. Мои обычные сигналы на Сару не действуют. А сказать ей без обиняков, что сеанс окончен, с тебя двадцать пять фунтов, мне недостает смелости. Она ведь не одна. Она с малышом, которого в этом мире не ждут.

— Клиентов у меня сегодня больше нет, так что можем просто поболтать, если не возражаешь.

Жаль ведь так и не узнать, что скрывает ее будущее. Или что скрывается за ее жаждой общения. Боюсь, правда, чувство вины, что меня гнетет, бросается в глаза Саре со слепящей назойливостью неоновой рекламы. Хотя мое предложение девочка принимает без колебаний:

— Ладно. Только не больше часа, потому что отец с братьями ужинают в шесть, а я еще ничего не приготовила.

Нотка безнадежности в ее голосе подсказывает, что Сара смирилась со своей участью. Она носит свою вину, как повседневное платье, — за то, что убила мать, придя в этот мир, за то, что опозорила семью внебрачным ребенком.

— А уроки тебе делать не нужно?

Я забираю поднос и кивком приглашаю Сару в кухню. Хорошее место для общения. Почему бы здесь всех клиентов не принимать? Сложив посуду от нашего чая в раковину, надеваю резиновые перчатки, а Сара, уже гораздо спокойнее, устраивается за кухонным столом.

— В учебе я не очень... Папа мне с детства обещал, что я выйду замуж за богатого человека и буду счастлива без всякой школы. — Сара скорчила гримасу — мол, если б знать, как все на самом деле сложится. — А теперь вот придется об экзаменах думать. Матери-одиночке ведь надо работать, правда?

Тонкие ее пальцы, ни на секунду не замирающие, мимолетно тронули живот, стянули полы просторной кофты. У меня перехватило дыхание — так захотелось тоже прикоснуться, еще раз ощутить твердую округлость, может быть, даже нащупать пятку или локоток.

— Только на работу меня теперь, наверное, не возьмут. И замуж... тоже. Что я буду *делаааать*?

Уронив голову на стол, укрывшись от меня и всего света темной завесой волос, Сара рыдает на протяжении двух часов. Я даю ей выплакаться, а потом умываю лавандовой водой,

отпаиваю чаем и отправляю домой. Девочке стало лучше. Даже рассмеяться удалось, когда я уже в дверях наклоняюсь, чтобы поцеловать ее животик.

Глава XIII

Автострада М23 стояла. Сплошная лента из машин — будто разноцветные металлические стежки намертво прошили горячий гудрон шоссе. Роберт приподнялся за рулем, пытаясь высмотреть, что стряслось. Подумал, не закрыть ли крышу — слишком уж печет. Половина одиннадцатого, а жарило всюду, доводя злость водителей до точки кипения. Легкий музыкальный фон резко сменился, и в мысли Роберта ворвалось объявление: движение по М23 в сторону юга перекрыто из-за аварии — самосвал вывалил груз на все три полосы.

Передняя машина проехала метра два. Лишь когда водитель сзади принялся сигналить, Роберт завел двигатель и сдвинулся на те же два метра. Ярость, знакомая всем, кому хоть раз повезло угодить в дорожную пробку, сегодня была для него слишком большой роскошью. Сегодня он не имел права ей поддаваться. Роберт достал карту. Пересечение дорог недалеко, можно попробовать свернуть, хотя и второстепенная дорога будет забита — отчаявшийся народ на колесах наверняка уже ринулся искать объезд.

Как только машина слева тронулась, Роберт вывернул руль и перебрался на соседнюю полосу. Игнорируя моргание фар сзади, он сам включил и дальний свет, и аварийные огни, сполз на обочину и двинулся к перекрестку. Он должен попасть в Брайтон, а значит, просто обязан как-то выбраться из пробки. Его нервной системе не выдержать больше ни секунды промедления. Обочина, конечно, предназначена для экстренных случаев, но у него как раз такой случай. Вопрос жизни и смерти. Роберт мчался спасти свою семью.

Обострившаяся сегодня интуиция подсказывала, что через Кроули не проедешь — час пик растянулся из-за пробки на шоссе. Приблизившись к перекрестку на опасной скорости, беспрерывно сигналив и с включенной аварийкой, он свернул на восток, затем на юг и, наконец, ведомый подсказками электронного навигатора, выбрался на благословенно пустую проселочную дорогу.

Через двадцать минут, проехав очередной шлагбаум, Роберт выключил двигатель. Заблудился окончательно. Со вздохом сдвинув солнечные очки на макушку, рукавом вытер пот со лба и откинул голову на сиденье. Чертово пекло, взвинтив нервы до предела, изрядно подточило решительный настрой, с которым он утром вышел из дома.

Эрин отправилась на работу первой. Роберт попрощался с ней, скользнув губами по губам — не поцелуй, а дань приличиям, — и ни словом не обмолвился о поездке на южное побережье. Затем посадил Руби на школьный автобус. Все как обычно. Роберт лишь молился в душе, чтобы он не понадобился сегодня ни жене, ни дочери. Не хотелось бы объяснять Эрин, что он находится в Брайтоне. Это вызовет массу вопросов, придется врать о срочной деловой встрече, и в итоге они окажутся на равных. Два лжеца.

Яростно скрутив пробку, Роберт припал к бутылке с водой и в пять секунд почти опустошил. Вышел из машины, чтобы размять ноги и собраться с мыслями.

Кто бы подсказал дресс-код для встречи с любовником жены? Утром Роберт, как всегда, облачился в деловой костюм, но, проводив Эрин и Руби, переделался. Выбрал джинсы с рубашкой навывпуск, мокасины из мягкой кожи и завершил наряд солнечными очками. Хотелось сбросить по возможности больше лет: терзало предчувствие, что Бакстер окажется раза в полтора моложе и гораздо привлекательнее.

Роберт с размаху опустил кулак на капот «мерседеса» — и тут же пожалел. Вмятина на

серебристом металле злорадно мигнула навстречу палящему солнцу. В этот момент он возненавидел бы Эрин — за ложь, за скрытность, а особенно за беспощадность к Руби, страдать которой придется сильнее всех. Возненавидел бы... если бы мог. Взамен он возненавидел себя — за то, что тайком едет в Брайтон.

Час спустя Роберт втиснулся в ряд машин, вытянувшийся вдоль набережной. Галечный пляж пестрел разноцветными лоскутами плавок и бикини — бледно-розовая плоть поджаривалась на гладких камешках. Закрыв «мерседес», Роберт невольно хмыкнул: «Если поиски Бакстера успехом не увенчаются — куплю плавки и устрою заплыв, хоть поостыну».

Он вытащил из кармана джинсов сложенный листок. Найти в Интернете «Королевские цветы» не составило труда, так что в Брайтон Роберт приехал с распечатанной картой нужного района городка. Магазин Кинга располагался всего в паре кварталов от набережной, и буквально через несколько минут тенистые аллеи старого Брайтона привели Роберта к изящному старомодному зданию на Маркет-стрит. По кремово-зеленому фасаду вилась золоченая вязь букв: *КОРОЛЕВСКИЕ ЦВЕТЫ. На любой вкус. В будни и праздник Владелец Бакстер Кинг.*

Роберт прошелся вдоль витрины. Букеты и цветочные аксессуары Бакстера Кинга оказались дорогим удовольствием, даже в сравнении с лондонским магазинчиком Эрин. Но замереть перед гигантским стеклом его вынудили не цены. Миниатюрные изогнутые побеги бамбука, сказочно расцветшие орхидеями, дерзкие композиции из антуриума хрустального и медвежьего лука на деревянных палитрах с небрежными мазками краски, лилия восточная, устлавшая пяточки песка и морских гольшей, — вся эта цветочная роскошь, сбрызнутая сахарной водой, казалось, истекала бисеринками росы под рассветными лучами весеннего солнца. *Витрина Бакстера Кинга была точной копией витрины магазинчика Эрин.*

Роберт сделал шаг назад, наткнулся спиной на фонарный столб и застыл, не в силах ни смотреть на цветочный пейзаж, ни оторвать от него взгляд. Вариантов всего два: то ли Бакстер Кинг воспользовался идеей Эрин, то ли Эрин, ослепленная изобретательным мистером Кингом, любовно повторила брайтонский шедевр в Лондоне. Впрочем, разница невелика. Роберта затошнило от совершенно очевидной близости этих двоих.

И что теперь? Раздумывая над ответом, Роберт занял столик в летнем кафе через дорогу от магазина и заказал кофе покрепче. «Королевские цветы» пользовались успехом. Прошло пятнадцать минут — и примерно столько же покупателей покинули магазин с великолепными букетами в руках. Две молоденькие продавщицы — обе в джинсах и коротких топиках, с зелеными фартучками на бедрах — споро, улыбаясь и приговаривая, обслуживали клиентов. Затем одна из них, светловолосая, скинула туфли и с пульверизатором в руке забралась в витрину — сбрызнуть пейзаж. Сколько раз Роберт видел Эрин за тем же занятием. Должно быть, у Бакстера Кинга и научилась, решил он. А где интересно бы знать, этот хозяин-король? Слишком важная шишка, чтобы лично заниматься каждодневной рутинной? Эдак его вообще не удастся увидеть, и, значит, зря потрачены время и силы. А Роберт рассчитывал как следует рассмотреть противника — благо наблюдательный пункт выигрышный, — прежде чем обнаружить себя. Знание, как известно, — сила. Роберт кивнул мудрой мысли, рассеянно вертя чашку с остатками кофе.

Он уже поднялся было из-за столика, но остановился. Пузатенький коротышка в рубашке, расписанной гигантскими лилово-оранжевыми цветами — писк моды семидесятых, — влетел в цветочный магазин. По очереди облапил обеих продавщиц, нырнул под прилавок, выудил какие-то бумаги и просмотрел их, хохотнул с девушками и покатился по салону,

хозяйской рукой что-то на ходу подправляя.

— Его королевское величество собственной персоной, — пробормотал Роберт, медленно опускаясь на стул.

Слава богу... Этот тип метра полтора в высоту, да и в ширину, пожалуй, не меньше. Роберт прищурился. Даже отсюда, через улицу, через толстое витринное стекло, что отбрасывало солнечные блики на тротуар, Бакстер Кинг выглядел смехотворно: багровая физиономия, клочковатая, пегая — соломенная с коричневыми вкраплениями — бороденка и жидкие остатки седоватых волос, зализанных на темной от загара голове. Весело фыркнув, Роберт заказал еще кофе. Хорош Бакстер, ничего не скажешь. Просто редкостно уродлив — в своем роде уникам. И что в нем нашла Эрин? Правда, учитывая ее выбор мужа, она все же предпочитает мужчин с более традиционной внешностью. Роберт поморщился — определение ему не понравилось. Да, в одежде он консерватор, хотя и одевается исключительно в дорогих магазинах; и стрижется в одном стиле, сколько себя помнит, — и все равно ему хотелось верить, что Эрин видит в нем личность и красивого мужчину. А если этого недостаточно? — неожиданно пришло ему в голову. А если Эрин нравятся такие фрики, как этот Бакстер Кинг, экстравагантный до абсурда, явно плюющийся на мнение окружающих? Цветочник в данный момент хлебал из кружки, зажав телефонную трубку между ухом и плечом. Быть может, это вовсе и не Бакстер Кинг. Быть может, магазином владеет двухметровый красавец, мускулистый, загорелый, заядлый яхтсмен...

— Пойди и проверь — чего проще, — пробормотал Роберт.

Соседи по столикам оглянулись. Роберт расплатился и вышел в пекло улицы. Прежде чем открыть дверь «Королевских цветов», он надел темные очки, пригладил волосы и сделал глубокий вдох.

От волны холодного воздуха Роберт покрылся мурашками, но не утратил решимости. Странное дело — ступив на вражескую территорию, он обрел спокойствие. То ли безмятежность музыки, негромко льющейся из колонок во всех четырех углах магазина, то ли гладкая прохлада мрамора под ногами подействовали умиротворяюще, только Роберту вдруг показалось, что он заглянул в гости к другу. Или же ассорти из двух десятков тщательно подобранных расслабляющих ароматов пролилось бальзамом на его душу.

Роберт окинул взглядом зал магазина. Флора во всем разнообразии — от нежно благоухающих полевых цветов Англии до пряных тропических экземпляров. Эрин была бы в восторге. Любовалась бы яркой палитрой красок; замирая от восхищения, трогала бархатистые лепестки или глянцево-лиловые листочки. Роберт невольно ухмыльнулся, представив, как она ахает и хлопает в ладоши.

— Чем могу помочь, сэр?

Роберт вздрогнул — не заметил, как рядом возникла продавщица-блондинка. Хорошенькая, отметил он. Мистер Кинг явно питал слабость к женской красоте.

— Хочу послать цветы жене. — Краем глаза Роберт видел, что Кинг — если это Кинг — еще не расстался с телефонной трубкой.

— Что-нибудь конкретное? — Блондинка улыбнулась игриво — флирт с клиентами, очевидно, значился пунктом в контракте — и указала на букет, составленный из одних только, на взгляд Роберта, лекарственных трав. — Рекомендую. Незаурядно и в последнее время входит в моду. По желанию клиента композиция может быть подобрана на основе лаванды или даже розмарина, в сочетании с другими травами. На кухне смотрится восхитительно. Или желаете что-нибудь экзотическое? Бамбук с лилией восточной, к

примеру?

Блондинка умолкла в ожидании его выбора, но Роберт был занят совсем другим — приглядывался к Бакстеру Кингу.

— Дайте фрезии. Два букетика, — наконец сказал он и шагнул к прилавку.

Лилово-оранжевый клоун, любовник Эрин, был в каком-нибудь метре от него. Роберт втянул носом аромат его одеколона и скрипнул зубами: не Эрин ли выбирала запах? Физиономия Кинга, мало того что багровая, так еще и оспинами изрыта, а одна щека, до самой шеи, обезображена шрамом от ожога. Под пристальным взглядом Роберта хозяин магазина закудаhtал в трубку — у этого фигляра и смех соответствующий, — обнажив редкие желтоватые зубы. Продавщица тоже подошла к прилавку и, мягко отстранив Роберта, открыла журнал заказов.

— Когда доставить цветы? — На фоне своего уродя-босса девушка казалась еще очаровательнее.

— Завтра.

— Как зовут вашу жену?

— Эрин Лукас, — повысил голос Роберт, умышленно назвав прежнюю фамилию жены и не отрывая глаз от Бакстера. Сейчас он чувствовал себя актером эпизода, свистнувшим ключевую реплику главного героя.

Блондинка взяла ручку, но прежде, чем она успела что-либо записать, Бакстер Кинг закрутился с разговором и лег животом на прилавок.

— Салли, детка, я сам оформлю заказ. Летите, птички мои, освежите вместе с Элисон товар на уличных стойках. — Жестом отослав помощницу, Кинг поднял взгляд на Роберта: — Эрин Лукас? Душа моя, цветы для *Эрин Лукас*?

Всего несколько слов — а Бакстер Кинг словно врос в землю, став еще ниже ростом. Дурацкая клумба на аляповатой рубашке вмиг засохла, пухлые щеки и ладошки скукожились, как сосиски-гриль, серые глаза заволокло тоскливой пеленой дождя, а между оспинами рябого лица вспыхнули сотни пунцовых прожилок.

— Верно. Цветы для моей жены. — Роберт демонстративно вскинул голову, расправил плечи. И снял очки.

— Что с ней? Она в порядке? Заболела?! — Бакстер Кинг суматошно побарабанил пальцами по губам и вцепился в бородавку. — Неужели я пропустил ее день рождения?

Роберт фыркнул, придавив Кинга тяжелым взглядом. Распластав ладони на прилавке, подался вперед:

— Эрин здорова. И до ее дня рождения время еще есть. А цветы я ей посылаю просто так. Потому что хочу дарить ей цветы. Потому что люблю ее.

— Уф-ф, утешил, котик! — Кинг облегченно выдохнул и нашел в себе силы улыбнуться. — Но почему фрезии? Нельзя слать *Эрин* фрезии — нет, нет и нет! — Бледная улыбка засияла в полную силу, и цветочник, просеменив из-за прилавка, сунул Роберту ладонь с кустиками шерсти на пальцах. — Бакстер Кинг. Душа моя, а ты не иначе как Роберт? Наслышан, наслышан.

Застигнутый врасплох, Роберт ответил на рукопожатие и безмолвно — поскольку онемел от наглого признания Кинга в связи с Эрин и поскольку тот трещал без остановки — двинулся в обход зала, внимая лекции о вкусах собственной жены.

— Лично я выбрал бы для Эрин геликонию, — разливался цветочник. — Вот хотя бы «мексиканскую золотую». Умопомрачительно хороша в высокой вазе, увитая бусами. Или же

возьми несколько веточек красного имбиря, мальчик мой. Дорогая, правда, штука до ужаса — из Пуэрто-Рико выписываю. — Бакстер звучно шмыгнул и утер нос ладонью. — Но Эрин того стоит!

— Благодарю. Я останусь при своем мнении. Фрезии, будьте любезны, — с металлом в голосе произнес Роберт.

— А как же геликония?! — Бакстер Кинг отступил на шаг, театрально подбоченился и вздернул брови. Обветренные губы сложились в горизонтальный вопросительный знак, водянисто-серые глаза молили Роберта передумать — и он едва не согласился на геликонию.

— В день знакомства я подарил ей фрезии. — Нет уж, в этой битве цветов победа останется за Робертом. — Я хорошо знаю *свою жену*. И могу вас заверить, что она будет рада букетику фрезий.

— Угу. Будет рада. То-то и оно. Каждый день сталкиваюсь с одним и тем же. Мужчины приходят ко мне за хризантемами для жен, любовниц, подружек. — Бакстер Кинг выбросил руки в сторону Роберта и на долю секунды замер. — А *я хризантемы* не держу! Зряшная трата денег на никчемные лепесточки. Моя задача — убедить мужчин выбирать цветы, которые дамам действительно приятно получать. *Экзотику!* Я спрашиваю клиента: если б ваша дама сердца была цветком — то каким именно? Я допытываюсь, какая у нее фигура, какого цвета глаза и волосы, какие духи любит. Интересуюсь, кто она в сексе — женщина-мать или...

Роберт смотрел на Кинга, растекающегося пудингом по тарелке, даже ощущал Кинга, поскольку цветочник ухватил его за руки, — но ничего не мог сделать, чтобы остановить Кинга. Тот смахивал на плющ, буйным энтузиазмом оплетая клиента. Истинный мастер своего дела, вынужден был признать Роберт. Если бы не четкая цель — вытрясти из Бакстера Кинга душу за роман с чужой женой, — Роберт поддался бы на уговоры и заказал пуэрто-риканский красный имбирь. И по фигу заоблачная цена.

Роберт неловко глянул на свои ладони, все еще в хватке рук Бакстера, правда слабеющей — влажные пальцы цветочника соскальзывали.

— Понял, котик? Моей любимой Эрин нельзя... никак нельзя дарить фрезии! В них нет ничего особенного, а Эрин — девочка особенная, единственная в своем роде! — Кинг наконец освободил Роберта, прислонился спиной к прилавку и в ожидании ответа принялся возить носовым платком по взмокшим лбу и шее.

Роберт не знал, что и сказать. Озадаченный, еще покругил по небольшому залу, словно бы приглядываясь к редкостным растениям, а на деле гадая, не ошибся ли он адресом. Точнее — не нарвался ли на какого-то другого Бакстера Кинга. На память пришли письма Эрин к Кингу, которые она так тщательно прятала у себя в кабинете. Не приходилось сомневаться в близких отношениях между этими двумя людьми, как и в том, что их связь продолжалась и после замужества Эрин.

— Давно вы знаете мою жену? — Роберт остановился перед цветочником, скрестив руки на груди. Тон его обвинял.

Бакстер Кинг задумался, вперив взгляд в потолок.

— Э-э... Да уж тыщу лет. Познакомились, когда ее дочке всего-то года три было, ну разве что четыре. — Он задрал голову, обнаружив рубцы от ожогов в складках толстой шеи, и тяжело, с присвистом, вздохнул. — На воровстве нашу куколку застукал — цветочки мои тырила. (Бакстер не позволил сказать и слова Роберту, возмущенно открывшему рот.) Бедняжка упала прям на пол и давай носом хлюпать, слезы лить. Рассказала мне все про себя

— и до того мне ее жалко стало. Совсем девонька отчаялась, ей-богу. Сама еще птенчик, а уж ребятенка кормить надо.

Роберт захрипел с открытым ртом, словно подавился невысказанными словами. Готовые сорваться с губ возражения застряли в горле мерзким непрожеванным куском. Нет, здесь определенно какая-то ошибка. Миг спустя, когда Бакстер Кинг погрузился в воспоминания, пустым взглядом уставившись на пурпурные рододендроны, Роберт в голос расхохотался.

— Надеюсь, вы тоже поняли, что произошла путаница? — Он обмяк от облегчения шумно выдохнул. — Мы говорим о двух совершенно разных женщинах!

Роберт недолго радовался. Цветочник ведь упомянул о дочери Эрин... И кроме того, нельзя просто закрыть глаза на письма, которыми Кинг — владелец «Королевских цветов», то есть *этот самый* Кинг, — забрасывал Эрин.

— Секундочку, давайте уточним: Эрин Найт... в смысле — Эрин Лукас? Рост приблизительно метр шестьдесят, очень бледная кожа, золотистые волосы примерно вот такой, — Роберт очертил зигзаг вокруг шеи, пытаясь воспроизвести прическу Эрин, — длины?..

Треклятый непрожеванный кусок пополз вверх по пищеводу и прочно встал в глотке. *Эрин воровала цветы?* Немыслимо даже предположить подобное — шестеренки мозгов заклинит.

— Точно. Эрин Лукас. А нынче Эрин Найт. Она мне все-все про тебя рассказала, душа моя. Вот счастье-то, думаю, что девочка нашла приличного человека. Наконец у нее жизнь устаканилась.

Лоб Роберта немилосердно защипало — капли пота, проступая сквозь кожу, от прохлады кондиционера вмиг засыхали солеными крошками. Хорошенькое дело. Полюбуйтесь — стоит лицом к лицу с человеком, которого подозревал в интрижке со своей женой, а тот и не собирается вилять и отпираться от знакомства с Эрин. Напротив, Бакстер Кинг без зазрения совести бахвалится этой связью. Присесть бы... срочно. У Роберта кружилась голова и путались мысли. Совершеннейшая нелепица.

— Можно... стакан воды? Путь был неблизкий, и я...

— О чем речь! Давай-ка сюда, ко мне на задворки. Там и поговорим без помех.

Бакстер окликнул продавщиц и, когда девушки вернулись в магазин, провел Роберта через кухню на тенистый мощеный дворик. Среди ведер, полных цветов, и глиняных горшков с декоративными деревцами нашлось место для столика с двумя стульями.

Роберт, чувствуя себя не в своей тарелке и совсем не так, как предполагал по дороге сюда, занял один из стульев и с благодарностью осушил бокал с ледяной минералкой. Вытер губы ладонью и подался вперед, упираясь локтями в колени. Аккуратно, парень. Напролом переть не стоит.

— Вы правы, с мужем ей повезло, — усмехнулся Роберт. — А в придачу она и «Маргаритку» получила, чтобы уж наверняка с кривой дорожки свернуть. — Легкомысленный тон его был щедро приправлен горечью, но Бакстер, похоже, купился на шутку.

— Ах, котик, твоя правда! Я ж с ходу понял, что у девоньки талант — чуть только она у меня работать стала. Истинный божий дар: цвета подбирает на раз! А уж букет составить из травок каких, веточек — ей равных нет. Она у нас тут здорово прогремела со своими придумками. Патрик в нее натурально втрескался, едва она у нас появилась. Оно и к

лучшему, потому как детка-то с нами аж восемь лет прожила!

Бакстер Кинг издал гогот, какого Роберту еще слышать не доводилось. Ослиный вопль, хмыкнул он про себя.

— Бедный, бедный Патрик. — Бакстер со вздохом глянул на гостя, а тот сверлил взглядом булыжники у себя под ногами, пытаясь расшифровать информацию цветочника. — Жуткий конец...

Придется подлаживаться под этого чудилу, решил Роберт. Иначе с ним каши не сварить.

— Патрик?.. — небрежно бросил он: мол, имя на слуху, да что-то запомнил.

— Ага, Патрик. Дружок мой. Погиб в том жутком пожаре. — Бакстер уронил голову и застыл воплощением скорби, по закону подмошников выдерживая паузу.

— Деловой партнер? — осторожно уточнил Роберт.

— Зачем партнер? Дружок мой незабвенный. Любовь всей моей жизни!

Роберт очень медленно поднял голову и так же медленно опустил. Суперкивок выглядел по-идиотски, зато позволил Роберту переварить новый гигантский ломоть информации. Любовь всей жизни Бакстера Киша — *мужчина?*

А если с некоторых пор Бакстер переключился на женщин? Это первое, что пришло Роберту в голову. Крайне маловероятно, возразил он сам себе после минутного размышления. Бакстер Кинг — явный и откровенный гомик, и не заметить очевидного мог лишь человек, чьи мозги отравлены идеей об измене жены.

И вновь камень свалился с души Роберта. И вновь на смену облегчению пришла тревога — вслед за миллионом вопросов.

Сомнений нет — они имеют в виду одну и ту же Эрин. А как в образ этой Эрин вписывается эпизод с воровством цветов из магазина Кинга? Впрочем, теперь, когда вера Роберта в искренность жены пошатнулась, он не готов был отместить даже такую чудовищную историю.

— Мои соболезнования, — из вежливости произнес Роберт.

— Спасибо. Ничего. Я уж отошел чуток, что поделаешь? Добро хоть Эрин с Руби не пострадали. — Бакстер Кинг красноречиво потер изуродованную кожу на левой щеке и шее.

Роберт не мог отвести взгляда от рубцов, словно надеялся вытянуть правду из блестяще-розовых, как жвачка, отметин.

— Думаю, Эрин нелегко об этом говорить. — Роберт намеренно подзуживал Бакстера, но тот и сам был не прочь все выложить. — А я вот попал в Брайтон и не удержался, решил к вам заглянуть. Жена так много о вас рассказывала.

Притормози, велел себе Роберт. Что тебе известно о Кинге? Ничтожно мало, а надо быть убедительным. Один неверный шаг — и заложишь себя с головой.

Бакстер Кинг глянул на часы и ослабился:

— Как насчет пообедать, душа моя? Маленько рановато, ну да ладно. Уж больно охота про Эрин послушать. И все-все про малышку Руби.

Роберт поднялся и перехватил инициативу, растянув губы в ответной улыбке:

— Я угощаю!

Все в том же кафе заказали легкий ланч — подогретый салат с цыпленком под острым соусом. Прежде чем наброситься на блюдо, Бакстер вдоволь налюбовался на него, словно ему подали роскошный букет.

Пока официант наполнял кружки пивом и подавал горячее, болтали о том о сем. Как

идет торговля в магазине? Как жизнь в Брайтоне? А как у вас, в столице? Эх, жаль беднягу Патрика, только-только актерская карьера в гору пошла — и на тебе, пожар, катастрофа.

Понимая, как много им надо друг другу рассказать, оба инстинктивно оттягивали разговор, дожидаясь, пока рядом не будет чужих ушей. За эти двадцать минут Роберт проникся симпатией к Кингу. Было в чудеке что-то притягательное — открытость, пожалуй. Открытость, которую трудно ожидать от возможного любовника своей жены. Однако Роберт должен был знать наверняка.

— Извините за вопрос, Бакстер... Видите ли, Эрин всегда отзывается о вас с таким чувством, что я невольно задумался, насколько вы близки. Скажите, у вас с ней роман? В смысле — у вас с ней был роман? — Чувствуя себя полным кретином, Роберт опустил глаза и вонзил нож в кусок цыпленка.

Опять этот ослиный вопль, извергнутый из глубин объемистого живота Кинга: недоверчивый бульк — и взрыв гогота, как выплеск лавы из жерла вулкана.

— Чтобы мы с Эрин... любовники?! Такая куколка не для старого жирного гея вроде меня. Да я бы ни в жизнь и дотронуться не посмел. Не дрейфь, золотце, с дядей Баксом твоей половине ничегошеньки не грозит. Ваше здоровье! — Бакстер Кинг высоко поднял кружку с шапкой пены, звякнул о кружку — нетронутую — Роберта и в один присест высосал почти пинту пива.

Роберт последовал его примеру.

— Ну а как там наша Руби? Малышка-то небось вытянулась? Совсем леди? — Цветочник отер губы.

— Точно. Копия мамы. (Зачем, спрашивается, соврал? Ничего общего — Руби ни капельки не похожа на мать.) Растет не по дням, а по часам, — добавил он, умолчав о школьных проблемах Руби: в роли отчима он и без того чувствовал себя не слишком уютно.

— Но?.. — Кинг уловил колебание собеседника.

— Без всяких «но». Недавно мы перевели ее в другую школу, и она прекрасно справляется. Эрин, правда, пришлось уламывать... С трудом убедил, что для девочки так будет лучше.

— Шавки из класса достали малышку?

Бакстер в курсе, и отлично. Наверняка Эрин в письмах рассказывала. Роберт кивнул:

— Еще как. Зато теперь она в частном колледже с музыкальным уклоном. Вскоре планируется поездка в Вену, с занятиями в консерватории, а...

— ...а Эрин и слышать не желает, так, душа моя?

— Так... — изумленно протянул Роберт. — Она ведь даже в Грейвуд-колледж дочь не пускала. Дескать, Руби не должна убегать от проблем.

— Ну, котик, это меня как раз не удивляет. Эрин сама набегалась от проблем — будь здоров. А над своей дочкой она всегда кудахтала как наседка. Когда Руби совсем крохой была, вообще из виду ее не выпускала, даже в ванной.

Рука Роберта с вилкой застыла на полпути ко рту. Вот вам и очередная новость.

— И откуда это в ней, как по-вашему? — До сих пор Роберт не позволял себе действовать настолько прямолинейно, но как не задать этот вопрос, пусть даже в лоб? Другого шанса у него может и не быть.

— Мы оба знаем ответ, мой мальчик.

Бакстер явно пребывал в заблуждении, что Роберту известно не меньше, чем ему. Он аккуратно пристроил приборы на пустую тарелку и, водрузив локти на стол, запрокинул к

потолку изрешеченное оспинами лицо.

— Само собой. — Роберт постарался, чтобы его согласие прозвучало убедительно, но взгляд просил Бакстера продолжать.

Бакстер Кинг заговорил, негромко, но веско роняя слово за словом, — и уже через несколько секунд Роберт не слышал ничего, кроме гула в ушах. Кровь ударила в голову, в висках застучало. Пусть лучше мигрень, решил Роберт. Любую боль можно стерпеть. Все что угодно можно стерпеть — только не этот кошмар из уст Бакстера.

Перед глазами Роберта все поплыло, словно кафе опустилось под воду, и он сразу взмок — но от холодного пота. По зданию его жизни ахнуло ядро, и ремонт теперь вряд ли поможет. Он невидяще смотрел в стену напротив. Дышать было тяжело и больно.

И отчаянно хотелось поговорить с Луизой.

Луиза отменила деловую встречу в Бирмингеме — исключительно ради Роберта. Кто угодно другой дождался бы окошка в ее плотном графике.

С пластмассовым стаканчиком остывшего кофе в руке Роберт сидел на скамье Юстона. Выглядел он так, будто не мылся и не спал минимум двое суток. Типичный бродяга, один из многих, обитающих на вокзале, — если бы не дизайнерские солнечные очки и ключи с брелоком «мерседеса» в свободной руке.

Луиза длинными решительными шагами разрезала суматошную толпу пассажиров и вскоре уже стояла рядом с Робертом. Вчера по телефону Роберт — он позвонил прямо с шумной брайтонской набережной — был краток, но достаточно убедителен, чтобы Луиза поняла: история действительно повторяется.

Роберт не умолял, не вдавался в подробности. Изложил только факты. «Нужно встретиться, — закончил холодно. — Завтра. Я тебя нанимаю как частного детектива».

— Итак. — Голос Луизы был, как всегда, свежим и легким. — Вот и я.

На миг отгородившись от утренней вокзальной суеты, они быстро обнялись, но Роберт успел отметить, что сердца их не перестали биться в одном ритме. Прикосновение мягких волос к его щеке было для Роберта мукой. Сегодня Луиза не забрала их в привычный пучок — густые рыжие локоны свободно падали на плечи. И пахло от нее малиной.

— Итак. — Роберт невесело рассмеялся. — Вот и я. — Он отвел взгляд, потер ладонью колючий подбородок. Вид у него тот еще, особенно на взгляд женщины, которая слишком хорошо его знает. — Моя машина у входа. Пойдем?

Беседа, по существу, не имела смысла, пока вокруг шумит вокзал. Нужно найти место потише и поспокойнее, где ни одному из них не придется напрягать слух, переспрашивать, возвращаться к уже сказанному. А значит, даже салон роскошного авто, несмотря на благодатную прохладу в сравнении с духотой снаружи, для их сегодняшнего разговора не подходил.

— Эрин забыла? — Чуть сдвинув шифоновый шарфик, Луиза скользнула на сиденье рядом с водительским.

Роберт кивнул, почти надеясь, что Луиза примет его к прозрачному лоскуту и возьмет след, который приведет к разгадке. Хотя не факт, что она вообще согласится на него работать. Какие слова найти, чтобы сломить предубеждение Луизы и не нарваться вновь на обвинение в паранойе, как это было в случае с Дженной?

— Я не слишком рассчитывал, что ты ответишь на звонок. Спасибо. — Выруливая со стоянки на дорогу, Роберт сдвинул очки с макушки на переносицу.

— А я могла и не ответить. — Луиза тоже надела очки и мимолетно прикоснулась к его руке на рычаге переключения скоростей.

В винном погребе царили прохлада, полумрак и порядок — бар только-только открылся, и стулья еще чинно окружали столики. От еды оба отказались — чем явно обрадовали официантку, — взяли по бокалу белого и устроились на кожаном диванчике у дальней стены.

— Я знаю, о чем ты думаешь, но ты ошибаешься. — Роберт опустил бокал на мраморную столешницу.

Луиза сидела рядом, забросив ногу на ногу. Одна штанина льняных капри поддернулась,

обнажив гладкое колено.

— Признай, Роб, что человек ты крайне подозрительный.

— И что? Я был не прав насчет Дженны?

— Пресловутое сообщение на автоответчике ничего не доказывает. — Жужжание кондиционера заглушило вздох Луизы.

— Доказывает. Хотя бы то, что она встречалась с мужчиной без моего ведома...

— Эрин знает о нашей с тобой встрече?

— Разумеется, нет.

Луиза пожалала плечами. Затем наклонилась к столику и взяла свой бокал.

— Выходит, у нее не меньше причин обвинять тебя в романе на стороне, чем у тебя по отношению к Дженне.

— Разница *лишь* в том, что у нас с тобой нет романа. — Роберт помолчал, пережидая, пока новый клиент не пройдет мимо их столика. — И вообще — при чем тут все это? Я нанимаю тебя для расследования. Ты согласна или нет? — Он припал к бокалу, остужая губы, охлаждая мысли.

— Как в старые добрые времена? — рассмеялась Луиза. — Вот только меня грызет смутное опасение, что на сей раз речь не о повестке, которую надо кому-то вручить, и не о беглом стервеце-муже, которого надо разыскать.

Роберт еще не сообщил Луизе об услышанном от Бакстера Кинга. Сказал просто, что она ему нужна. И что необходимо встретиться с глазу на глаз.

— Собственно, разыскать-то кое-кого как раз желательно. Человека, которого я знал. Думал, что знаю, — быстро уточнил Роберт. — Никак не могу откопать метрику Руби.

— Я в курсе, ты уже говорил. Есть одно агентство — я постоянно пользуюсь их услугами, — которое на основе минимальной информации организует поиск подноготной Руби по всей стране. Полагаю, ты просто-напросто не туда обратился или нарвался на тупого клерка. Следующая проблема?

— Эрин. — Он тяжело вздохнул. — Она что-то от меня скрывает. Понимаешь, секретарь Грейвуд-колледжа нам уже телефон оборвала и забросала письменными просьбами вернуть заполненные анкеты, а Эрин и пальцем не пошевелила.

— Если не ошибаюсь, ты сам упоминал, что Эрин не очень-то рвалась переводить Руби в Грейвуд.

— Не совсем так. Сначала буквально загорелась. — Роберт недоуменно покачал головой. — Именно Эрин добыла проспект колледжа и условилась с директрисой о встрече. Но как только дело дошло до официально-документальной части — тут же дала задний ход. А эта поездка в Вену? Говорить о ней с Эрин...

— ...все равно что пытаться прошибить лбом стену.

Внимание Роберта отвлек блик от обручального кольца Луизы — простенькой гладкой полоски золота. Помолчав, он кивнул:

— В точку.

— Бедняжка, должно быть, так замоталась со своим магазином, что ей просто-напросто не до «официально-документальной части», как ты выразился.

— Допустим. Потому-то я и загрузил Таню. Сказал, чтобы занялась паспортом Руби. Так вот, моя секретарша не взяла даже первую высоту: нет свидетельства о рождении.

— Роб, если я найду чертову метрику, тебе это поможет? Ты успокоишься? — Ладонь Луизы легла на его плечо.

— Вчера ровно в это же время я ответил бы — да, поможет. Я поверил бы, что Эрин в переездах потеряла метрику, а восстановить руки не дошли. Поверил бы даже в то, что она не пускает Руби в Вену из материнского страха. Да, я бы успокоился. — Роберт потянулся за своим бокалом, ладонь Луизы соскользнула, оставив ощущение холода на его плече. — Увы, после того, что мне вчера рассказали, я вообще ни в чем не уверен.

Луиза махнула официантке, и пару минут спустя им принесли еще вина — но уже целую бутылку.

— Что ж... Давай выкладывай все по порядку, Роб, — со вздохом предложила Луиза и отвела глаза.

Все это они уже проходили, но не обижать же Роберта. Она открыла большой блокнот в кожаном переплете и выжидающе занесла ручку над листом.

— Обещаешь не прерывать и не спешить с выводами?

От энергичного кивка роскошные волосы Луизы накрыли ей щеки. Она заправила их за уши и привычно сунула кончик ручки в рот.

— Как ты уже знаешь, вчера я был в Брайтоне. Поехал туда с определенной целью — разыскать человека по имени Бакстер Кинг, который последние несколько лет активно переписывался с Эрин по почте и электронке. Обнаружил я это, когда пытался найти свидетельство о рождении Руби в кабинете Эрин — думал, вдруг у нее где-то копия завалялась, а она забыла. Собственно, Руби-то мне и показала, где мама хранит всякие нужные бумажки. Метрики там не было — только просроченный паспорт самой Эрин да письма от Бакстера Кинга. Из них следовало, что мистер Кинг — владелец магазина «Королевские цветы» в Брайтоне. Вот я и поехал — взглянуть, познакомиться. Видишь ли, уж больно места в письмах попадались... гм... скажем, *наводящие на мысли*. Кинг разливался, как он любит свою малышку Эрин да как ему без нее тоскливо, напоминал, чтобы она ему помягче постель стелила, когда он в следующий раз приедет.

— Ох, Роб... — шепотом вырвалось у Луизы; он не услышал.

— Оказалось, однако, что романа между ними нет и не было. — Губы Роберта изогнулись в усмешке, от уголков глаз разбежались смешливые лучики. — Мистер Кинг предпочитает мужчин.

— Гомик? — весело ахнула Луиза. — Видишь? Объяснение всему можно най...

— Самое интересное впереди. Эрин в самом деле несколько лет жила с Кингом и его любовником — тот погиб во время пожара, — а в Брайтон, между прочим, приехала из Лондона. Кинг буквально за руку ее поймал, когда она воровала в его магазине цветы. Но парень он душевный, выслушал ее слезную историю, пожалел и взял вместе с Руби под свое крылышко. Получилась счастливая, хоть и нетрадиционная семейка.

— И что? — Луиза черкнула несколько слов в блокноте. Роберт допил второй бокал и вновь наполнил.

— А то, что карьеру воровки цветов Эрин, похоже, начала осваивать только в Брайтоне. А в столице, по словам Кинга, зарабатывала на хлеб насущный, раздвигая ноги.

Он осушил и третий бокал, откинулся назад, вытянув руки вдоль пухлой спинки диванчика, пристроил лодыжку одной ноги на колено другой. И скосил глаза на Луизу: что скажет? опять обвинит в подозрительности до степени паранойи? Или фыркнет: мол, снова делаешь из мухи слона?

Луиза молчала. Серебристая ручка недвижно зависла над блокнотом. Жужжание кондиционера и приглушенные голоса других посетителей казались единственными звуками

в мире. Роберт не выдержал:

— Луиза! Моя жена — проститутка. Публичная девка. Шлюха. Девочка по вызову.

Удивление на ее лице сменилось изумлением, потрясением, шоком. А Роберт, сбросив груз информации, заметно успокоился. Дышать стало легче, и даже мысли вроде как шевельнулись в трясине мозга. Он не зря поделился с Луизой. Ему нужна гарантия того, что прошлое не повторится.

— Ну и ну, — наконец выдохнула Луиза. — Серьезное обвинение. Думаешь, это правда? — Она жестом попросила долить ей вина.

Роберт пожал плечами:

— Скажу «да» — ты обзовешь параноиком. Скажу «нет», как сделал бы, пожалуй, любой здравый человек, который хочет сохранить семью, — встанет другой вопрос. *Что в таком случае скрывает Эрин?*

— Почему обязательно скрывает? А если ничего?

— Так и знал, что услышу от тебя эти слова. — Роберт запустил пальцы в волосы, и без того всклокоченные. Сейчас он походил на рок-звезду, чья слава лет десять как померкла.

— Ладно. Предположим, Эрин была проституткой. Ты верно сказал — зарабатывала на хлеб насущный... Возможно, у матери-одиночки с младенцем на руках просто не было иного способа выжить.

Роберту вдруг смертельно захотелось, чтобы знакомство с Эрин случилось гораздо раньше. На много лет раньше — еще до рождения Руби. Он спас бы Эрин и стал бы настоящим отцом этой чудесной девочки.

— Хочешь сказать, что у каждой юной мамы одна дорога — на панель?

— Нет же, Роб! Но в случае с Эрин, возможно, так и было. Она оказалась в отчаянном положении. И, судя по всему, не менее отчаянно стремилась порвать с такой жизнью. Иначе не уехала бы из Лондона в Брайтон, чтобы промышлять воровством.

Роберт повел бровью — дескать, в жизни, конечно, всякое бывает, — но уже миг спустя так скривился, вроде прищемил палец дверцей машины.

— А Руби? — спросил он, будто у Луизы в запасе были ответы на все вопросы. — Думаешь, она в курсе, чем занималась ее мать?

Решительно помотав головой, Луиза выудила из сумочки трезвонящий мобильник. Глянула на дисплей, где высветилось имя абонента, вздохнула и нажала кнопку отбоя. Роберт кивнул благодарно. Если Луиза сочла разговор с ним важнее, чем с тем, кто звонил, значит, есть надежда на ее помощь.

— Кто знает, Роб? Смотри сколько было в то время малышке.

— По словам Кинга, девочка была совсем маленькой — всего года три, — когда Эрин появилась в Брайтоне. Понимать она вряд ли что могла, но ведь дети все чувствуют... Боже, да она же наверняка была где-нибудь за стенкой, когда это все происходило!

Роберт побледнел. Жуткая мысль обоим пришла в голову одновременно, но вслух ее осмелилась высказать Луиза.

— Не надо об этом думать, Роб. Девочка не виновата, верно? Теперь она твоя дочь.

А ее отец, кто бы он ни был, скорее всего, даже не знает о существовании Руби.

— Угу. Сунул полсотни фунтов, получил что хотел, а Руби — бесплатный, так сказать, довесок. — Роберт не сдержал стога, вызвав изумленные взгляды посетителей бара.

Он согнулся пополам, уткнулся лбом в колени. Его тошнило. Как теперь общаться с Руби — и не видеть в ней побочный продукт давнишней постельной сделки? Как

прикоснуться к жене — не задаваясь вопросом, сколько у него было предшественников? Роберт поднялся.

— Мне нужна твоя помощь, Лу, чтобы докопаться до истины, не развалив еще один брак. Я хочу нанять тебя как профессионала, на полный рабочий день, на неопределенный срок — пока все не выяснится.

Оставив Луизу обдумывать предложение, смахивающее на приказ, Роберт скрылся в туалете. Согласится ли она? И если согласится — насколько искренна будет ее готовность помочь ему спасти семью? Вопросы множились. Торговля телом, конечно, безнравственна, но насколько морально его использование услуг Луизы, учитывая, что он в курсе ее профессионального лозунга — «Ради достижения цели все средства хороши»? Нет, решил Роберт, все же это вещи несравнимые и он не станет себя казнить.

— Мне кое-что потребуется, — сказала Луиза, как только Роберт опустился рядом с ней на диванчик. — Кабинет. Машина. Доступ в Интернет. Пятьсот фунтов задатка и еще тысяча — на покрытие ущерба за ту работу, от которой придется отказаться. — Она сняла очки в тонкой темной оправе и остановила на Роберте взгляд фантастически зеленых глаз, не оставив ему выбора. Он кивнул.

Час спустя, устроив Луизу в отеле, Роберт смотрел, как она, прижав к уху мобильник, расхаживает по фойе — договаривается, чтобы ее вещи доставили из предыдущей гостиницы сюда, в лондонскую. Провожать ее в номер он не собирался, но и уйти не попрощавшись тоже не хотел, потому и топтался рядом. Время еще есть, подумал он, мельком глянув на часы. Его еще не хватились.

Холодно. Так холодно, что мы с ребенком слепились в одно целое внутри моей грязной парки. Я приткнула малышку носиком себе в шею и чувствую кожей, как она часто дышит. От нее сладко пахнет молоком, а глаза круглые-круглые — ей нравится бежать со мной на ручках. Да, мы бежим. Удрали из дому и теперь скользим по обледеневшей парковке супермаркета, несемся по главной улице, мухой свистим сквозь толпу покупателей — в субботу здесь всегда полно народу, — сворачиваем и несемся дальше к муравейнику домиков в конце Холтс-аллеи. Классно я придумала, чтобы сбить со следа ищеек.

— Не бойся, птенчик мой. — Я целую лобик под крохотной шерстяной шапочкой. — Мама их обхитрит. Они нас с тобой не получают.

Понятия не имею, куда мчусь. Знаю одно: я так замерзла и устала за это ледяное, безумное утро нашего бегства, что мне срочно нужно где-нибудь отдохнуть, согреться и покормить свою девочку. Вот и двинулась к железнодорожному вокзалу — там на второй платформе есть кафе. А потом — очень удобно — можно сесть на поезд и уехать подальше.

Я больше не бегу, а иду быстрым шагом и стараюсь отдышаться. Мне не под силу мчать через весь город с ребенком на руках. Я ведь только неделю как родила, внутри еще все болит, и груди тяжелые от молока. Так что особенно непобегаешь — хотя придется, иначе пропало дело.

В журналах про мам и детей пишут, что, когда родишь, нельзя сильно перетруждаться — пускай, мол, родня и подружки помогают, носятся вокруг вас и все такое. А я вот сама несусь куда-то, несусь... и, наверное, привлекаю к себе внимание, но иначе никак. Я им в руки не дамся. Это моя девочка. Только моя.

Я назвала ее Руби — за губки, ярко-красные, как рубин. Говорят, роды быстро забываются — такой фокус природы, чтобы женщины не боялись еще рожать, — а я все-все помню, до последней секундочки. Зато от следующих дней в голове осталась такая путаница, что по полочкам не разложишь.

Мать с отцом здорово отметили Новый год у дяди Густава и тети Анны. Домой пришли, когда уже солнце всю светило. Я проснулась то ли от яркого света в комнате, то ли от веселья, которым вдруг весь дом загудел (мать только на Новый год и веселится по-настоящему). Проснулась — и на минуту даже забыла про то, что ночью случилось.

Только когда что-то между животом и коленями зашевелилось, меня стукнуло: ребенок-то больше не внутри меня! Под всеми тряпками, которые я на себя навалила, моя лялька уползла вниз — может, хотела обратно в живот залезть, а может, проголодалась и сисю искала. Ну, я ее на грудь положила, она сразу поняла, что надо делать, пососала раз десять — и уснула как ангел.

Вот и вокзал, добрались наконец. Я всего два раза на поезде ездила. Первый — в десять лет, мы тогда в Лондон пустились, к папиному двоюродному брату, который из какой-то деревни под Варшавой переехал. А еще — когда отдыхали в Бродстерсе. Только мы через два дня вернулись, потому что мать застукала отца: он горничную на лестнице нашего гостевого домика изловил и за сиськи хватал.

В кафе на второй платформе я сажусь за столик, а Руби пристраиваю на коленках так, что ее еле-еле видно, будто из-под парки выглядывает рюкзачок. Достая из кармана деньги. Две бумажки по двадцать фунтов и немножко мелочи. Больше у матери в кошельке не было

— потратила почти все, что отец ей на домашние расходы дает.

Покрепче прижав к себе Руби, я подхожу к продавщице. Покупаю горячий шоколад и батончик «Дейри Милк». Какая она хорошая девочка, моя Руби, — спит себе и спит. Тетка за стойкой даже не заметила, что у меня ребенок под курткой. Точно не заметила. Потому что, если б увидела, наклонилась бы и засюсюкала, правда же? А она брякнула сдачу на стойку и орет: «Следующий!» Я для нее пустое место.

Пока пью шоколад, изучаю расписание поездов — повезло, кто-то оставил на столике в чайной луже. В Лондон поезда уходят каждые полчаса. Следующий через двенадцать минут, нужно на него успеть.

Мать ко мне еще не скоро поднялась, только где-то к обеду стукнула в дверь и оставила поднос на полу. Я думала, что не вылезу из своего мокрого гнезда на полу, но голод погнал — поползла как миленькая на карачках. Никто еще не знал, что я из себя ребенка выпихнула. Не помню, что там на тарелке было, проглотила все как бродячий пес и сунула поднос обратно за дверь, чтобы все как всегда. И опять заснула. Наверное, надолго. Руби была умницей, не плакала, радовалась, что живая и что разрешают сосать и спать.

Я уже на платформе, у самого края. Поезд гудит в метре от нас с Руби, несет за собой всякий мусор и восторг, восторг! Скоро и мы уедем. Громкоговоритель бубнит, что следующим прибывает поезд до Лондона. Что мы с Руби будем делать в Лондоне? Без понятия. Главное — нас там никто не знает. Значит, там безопасно.

Никто не догадается, что я сбежала от родителей — от матери с отцом, которые велели отдать моего ребенка чужим людям. В Лондоне до нас никому нет дела, потому я и надеюсь, что там мы будем в безопасности.

Я дышу осторожно, проживаю каждую минуту с моей бесценной малышкой будто на цыпочках, будто это моя последняя минута. Мне кажется, вот еще миг — и на мое плечо ляжет тяжелая рука отца. А мать станет рыдать и обзывать гадкими словами. Потом рядом вырастет громадный полицейский, заберет мою Руби и отдаст чужой женщине, а мать с отцом будут кивать, страшно довольные. Меня посадят в тюрьму и даже навещать никому не разрешат. Никому, кроме дяди Густава...

Поезд гроыхает вдоль платформы и с лязгом тормозит. Я поднимаюсь по ступенькам в вагон, прижимая к себе сверток с глазками, моргающими из-под края одеяльца. Что они видят, эти блестящие глазки? Я где-то читала, что новорожденные младенцы ничего не видят, кроме лица своей мамы.

Руби вдруг встрепенулась, зашевелилась в своем шерстяном коконе. Головой вертит и глядит вокруг, вроде все понимает. Ой, не могу. Смешная. Я улыбаюсь, целую ее в лобик и, страшно гордая своей умной девочкой, иду по узкому проходу.

Вагон полон, но мне удастся найти свободное место рядом с молодым человеком с газетой в руках и наушниками. Не глядя на меня, он кладет руку на подлокотник, чтобы я не заняла. Руби совсем изъерзалась. Я ее разворачиваю, замечаю, что у нее ножка замерзла, — по дороге мы потеряли одну вязаную пинетку — и растираю крохотные пальчики. У меня болят руки — все-таки я несла Руби через весь город. И вообще мне как-то не по себе, вроде я грипп подхватила.

Я пытаюсь устроиться поудобнее, и мой сосед, покосившись на меня, замечает Руби. Она что есть сил изгибается и дергается — хочет вытащить ручки из одеяла. Не получилось, и она обиженно кричит. Странно — молодой человек сначала улыбается ей, а только потом отворачивается. *Тс-чч-тс* несется из его наушников. У кого-то звонит мобильник. Еще один

детский визг раздаётся в другом конце вагона.

Если бы я не удрала из дома, если бы не хотела сохранить в тайне, что у меня есть ребенок и мы бежим в Лондон, то с удовольствием пересела поближе к другому малышу, пусть бы Руби на него поглядела. А я с мамой поговорила — какие она использует подгузники, кормит грудью или смесями? Я ведь теперь тоже мама, хотя вроде и права не имею, раз мне только пятнадцать. Я не чувствую себя *настоящей*. Та, другая мама небось нос задрала бы и ребенка своего подальше от меня отодвинула.

Состав тронулся. Оказалось, я сижу спиной по ходу поезда.

Через двадцать минут Руби уже кричала во все горло. Наш сосед сделал музыку погромче. Бабуля через проход от нас пялится — злится. Мне жарко в парке, я вся мокрая. Двери в конце вагона разъезжаются, контролер останавливается у первой пары скамеек, пассажиры лезут в сумки и карманы за билетами. Еще шесть скамеек — и контролер захочет продырявить мой билет. Которого у меня нету. Я поднимаюсь со скамейки, притискиваю к груди орущую Руби и иду в сторону контролера. Меня болтает из стороны в сторону, будто пьяную, хоть я и хватаюсь по пути за ручки на спинках сидений.

Бочком-бочком протискиваюсь мимо дядьки в форме, который как раз допытывает такого же зайца. Отодвигаю вбок половинку двери — и шмыг в туалет. Воняет тут будь здоров, и пол — сплошная лужа. Ногой пихаю крышку, та хлопается на унитаз, а я — сверху. В сортире есть окошко, крохотное, но все-таки. Выпрыгнуть можно. Я ведь уже один раз выпрыгнула. Села на подоконник, ноги перекинула и свалилась на кусты. Наверное, своих я больше никогда не увижу.

— Ну, что? — спрашиваю я Руби. — Что кричишь?

Она кукует мордочку, плачет, изгибается. Руки умудрилась вытащить, а ножками сучит внутри кулька из одеяла. Я поднимаю ее так, чтобы мы оказались лицом к лицу. Заглядываю Руби в глаза, а она смотрит прямо в мои! Удивительно, мы и вправду родные, я это чувствую. Но через миг она становится красная-красная, вся сморщивается и ревет, будто ее пытаются. А я еще думала, что буду хорошей мамой.

— Кушать хочет моя девочка?

Одной рукой тяжело раздеваться. Я дергаю замок молнии, с трудом расстегиваю. Под курткой я одета как капуста, приходится задирать кучу свитеров и футболок. Наконец добираюсь до груди — она горячая и болит. Вопли Руби обрываются, теперь она ворчит, как звереныш, и принюхивается. Неужели чует молоко, которое пропитало насквозь все мои одежды? Сосок она сразу находит ртом, но, вместо того чтобы ухватить по-нормальному, начинает его жевать и возить вокруг губами. Вижу, что голодная, а сосать почему-то не может, только что ей мешает — никак не пойму. Кулачки стиснула, молотит ими в воздухе. Вся облилась молоком, пытаюсь накормиться, я ей мордочку вытерла — и зря. Она еще пуще развопилась. Молоко у меня невкусное, что ли?

— Ну а другого нет, — говорю я и опускаю все штотки.

Мы минут двадцать сидим в туалете, чтобы контролер уж точно прошел весь вагон. Перестук колес и покачивание убаюкивают. Руби неохотно, но все-таки закрывает глазки. Я очень стараюсь ее не тревожить, когда выскальзываю из туалета на пяточок между вагонами. Пожалуй, здесь и простою до самого Лондона. Почему я удираю? Потому что мать и отец меня обдурили. Я всю беременность торчала взаперти в своей комнате, а они козни строили — как отобрать у меня ребенка.

— Давай его сюда, Рут, — проскрипела мать, вроде не про ребеночка говорила, а про

пакость какую-то, которой в мусоровозе место.

— Рут, детка, будь умницей. Подумай — а как же школа? Что с тобой будет в жизни? — Отец маячил надо мной, скрестив руки на груди, — копия своего брата.

Пока они меня держали под замком, я притворялась смирной, вроде все в норме. Но времени даром не теряла, мозгами шевелила. И когда родила, решила — баста. Наплясалась под их дудку, хватит. Теперь я женщина с ребенком, мне нужно найти работу и жилье. У меня будет совсем другая жизнь, новая. И они думают, что я в школу вернусь?! А больше они ничего не хотят? Я даже не удержалась, плюнула от возмущения — и тут опять увидела контролера: он появился в переднем вагоне с дальнего от меня входа.

Кажется, поезд тормозит. Я дергаю вниз окно и высовываю голову, прижимая покрепче Руби, чтобы ее не вытянуло наружу. Впереди станция! Всего полмили, не больше. Контролер уже посреди вагона, приближается быстро, потому что билеты не проверяет — думает, у всех есть. Мелькнул знак с названием станции — «Милтон-Кейнз», вместо чахлого кустарника за окном поплыла бетонная платформа. Я ухватилась за ручку двери и, едва поезд затормозил, как раз в тот момент, когда контролер ступил в тамбур, выскочила из вагона. Голова Руби дернулась назад и снова вперед. Малышка стукнулась лбом об мою ключицу и как закричит! И вот мы опять бежим. Бежим от поезда, напрямиком в унылый зал ожидания.

В зале ожидания нужно ждать. Мы садимся и ждем. Я дрожу, моя лялька хнычет.

Ну наконец. Руби начала есть. Я ее полчаса уламывала, зато теперь она работает как насос. Я тоже проголодалась. Хорошо, вспомнила про «Дейри Милк», выудила из кармана и развернула одной рукой. Маленькая головка лежит на моей левой ладони, коленки Руби подтянула к животу — такой клубочек из ляльки и одеяльца. Шоколадные крошки падают прямо на нее, я их аккуратно собираю и сую в рот, думая о том, что когда-нибудь Руби тоже будет есть шоколад. Только вот когда? Откуда мне знать? Я понятия не имею, когда она сможет есть взрослую еду, когда начнет ходить, говорить. Когда ее надо отдавать в школу? Или начинать учить музыке? А когда она забеременеет, уйдет из дома и начнет новую жизнь?

Руби сосет все медленней, почти лениво, и я рада, потому что к соску будто спичку поднесли, так жжет. До сих пор мы были в зале ожидания одни, а теперь мужик вошел. Пустых стульев завалились, а он уселся напротив меня. Очень мне приятно, чтобы чужой дядька на мои сиськи глазел.

— Сколько лет? — спрашивает.

Самому мужику лет сорок, пакетов всяких тыща, он их на пол свалил, чтобы нас с Руби лучше видеть. Дышит тяжело, пахнет от него морозом. Я не знаю, он про Руби спрашивает или про меня? Мол, слишком мала для матери? Поэтому молчу, типа оглохла и ослепла.

— Моей четырнадцать... — Он откидывается на спинку стула. Вздыхает.

Я чуть-чуть опускаю руку — вдруг Руби выпустит наконец сосок. Иначе отсюда не уйти. Но Руби крепко присосалась, мне даже кричать от боли хочется. Раз уйти не получается, я натягиваю край одеяла на голову Руби и свою грудь.

— Это самое замечательное время, — продолжает дядька. — Наслаждайтесь. Потом не вернешь. — Достает из одного пакета банку колы, дергает кольцо. — И удобства такого больше не будет... — кивнув на мою грудь, он отхлебывает из банки, — когда краник с молоком всюду с собой.

Хохочет — думает, смешно. А мне страшно. Вокруг ни души, и за окнами сереет, хотя

на часах в зале всего полтретьего. Снег, что ли, пойдет? Я замерзла, и из носа течет.

— Далеко едете? — Уставился на меня поверх своей банки, глаз не сводит.

— Вообще-то я мужа встречаю. Он приедет на следующем поезде. А потом мы все домой.

Я вру с таким видом, будто и не вру вовсе. Даже сама на секунду — вкусную, как шоколадный батончик, — поверила, что это правда. Я представляю симпатичного парня, капельку растрепанного с дороги, но с красивой стрижкой и в дорогом костюме. Он сходит с лондонского поезда после рабочего дня в своей процветающей фирме в Сити, обнимает любимую жену и чудесную дочку и везет семью сначала в ресторан, а только потом — в наш уютный, теплый домик...

— Значит, на том самом, которого я жду. Пара минут до прихода. Пойду, пожалуй. Всего вам доброго, малышу не болеть.

Он уходит. Я хочу его окликнуть — он пакет под стулом забыл, — но молчу. Его поезд подошел и уехал, Руби снова уснула. Только тогда я цепляю носком ботинка пакет и вытаскиваю из-под стула. Там битком всяких продуктов. И я думаю: неужели специально оставил?

Теперь мне еще тяжелее: надо нести и Руби, и пакет. А у меня изнутри вроде что-то вываливается. И разве столько крови должно течь? Но даже если и не должно, в больницу я ни за что не пойду. Они ж меня домой отправят или, чего доброго, полицию вызовут.

На автобусе добираюсь до центра Милтон-Кейнз. Мы сюда за покупками в Рождество ездили, с мамой и тетей Анной. Им не понравилось — только и делали, что ныли про жуткую дороговизну. А мне казалось, я в сказку попала.

Сегодня никакой сказки. Все витрины кричат «Распродажа!!!», и у меня дурацкое чувство, будто я продираюсь сквозь слипшиеся ириски — такая кругом толкучка. Захожу в «Джон Льюис» и иду напрямик в детский отдел. Здесь тепло и весело от всяких вещичек для малышей — абажурчики под цвет простынок и полотенец, яркие стопки мягких комбинезончиков и ползунков. С потолка, правда, свисает потрепанный рождественский «дождик», а елка завалилась набок, вроде по горло сыта праздником и мечтает об отдыхе.

— Чем-нибудь помочь, милая?

Голос приятный, но все равно продавщица, пари держу, следит, чтобы я чего-нибудь не стибрила. Я укладываю Руби на плечо — пусть все видят, что у меня есть ребенок. Имею полное право разгуливать по детскому отделу, так ведь?

— Спасибо, я кое-что подыскиваю.

— Если вам нужно перепеленать малыша — комната матери и ребенка в конце зала. — Улыбается и морщит нос. Я ее понимаю — от Руби воняет. А у меня подгузников нет.

— Руби, солнышко мое! Тебя и вправду нужно переодеть, а мамочка твоя — вот глупая! — забыла сумочку с твоими вещами дома. — Я так в жизни не сюсюкала.

— В комнате матери и ребенка вы найдете все необходимое. За счет заведения.

В комнате никого. Пахнет детской присыпкой и теплым молоком. Положив Руби на пеленальный столик, я трясусь руками — совсем затекли и гудят от усталости. Разворачиваю одеяльце. Костюмчик моей девочки промок насквозь, неудивительно, что она хныкала. Кому приятно?

Я стаскиваю с нее все, до самого нижнего байкового комбинезончика с кнопками между ножками.

— Мамочка тебя быстренько вымоет, зайка моя.

Я пощекотала ей попку, но Руби не в настроении. Смотрит на меня сердито, и одна слезинка скатывается из уголка левого глаза. Я надела ей чистый подгузник — неуклюже, кое-как, но все же. А остальные одежки пришлось надеть грязные: у меня не было времени собрать сумку. Удирать нужно было немедленно — или сейчас, или никогда. Вот только что я лежала на кровати, а через секунду — уже в кустах под окном. Какие уж тут сборы теплых вещей.

Пока я кормлю Руби, вдруг понимаю, что нам негде ночевать. Моя подруга Рэйчел как-то убежала из дома. Правда, всего три дня бегала. Так она пошла на ночь в приют для женщин, которых мужья бьют. Ее никто не бил, и вообще ей только тринадцать в то время было, но в приют ее пустили. А потом сообщили в полицию — догадались, что сама сбежала. Вернули, конечно, родителям.

Рэйчел взбунтовалась из-за того, что ей не разрешали завести щенка. Я взбунтовалась из-за того, что мне не разрешили моего собственного ребенка.

В комнату заходит еще одна мама. «Привет», — говорит. Смотрит на меня. Потом на Руби. Кажется, она хотела поболтать, но передумала и занялась своим ребенком. У нее классная коляска — большая, удобная, со специальной сумкой для подгузников, бутылочек и всякой малышовой всячины. Вот бы мне такую, руки бы не отваливались.

Руби вроде как переодета, я ее покормила, завернула в одеяльце и пристроила на левой руке. Пока другая мамаша не видит, напихала подгузников, сколько влезло в пакет с продуктами.

«Счастливо», — говорю. И еще целый час брожу по магазину, глазею на полки с разными прелестными штучками. Честное слово, не хотела, но как-то само вышло — стянула губную помаду. У меня никогда не было губной помады. Из магазина выхожу спокойно, никто меня не хватает за кражу, и вот я уже сижу в «Макдоналдсе», пью чай и смеюсь.

На улице совсем стемнело. Мы с Руби на пару хихикаем — моя девочка довольна, потому что сыта и в сухом подгузнике. А когда я намазала губы ярко-красной помадой, она даже начала пузыри пускать от радости. По-моему, ей нравится ее мамочка.

Никогда не думала, что убегу из дома. Никогда не думала, что это будет так просто. Наверное, это и есть моя самая большая ошибка — я просто *не думала*. Не думала, что забеременею: кому может *настолько* понравиться такая серая мышь, как я, чтобы он сделал ей ребенка? Но об этом я и сейчас думать не хочу... поэтому зажмуриваюсь и жду, пока картинка не исчезнет.

Я сижу напротив окна. На улице темным-темно, поэтому в стекле видно мое отражение. Большие дыры вместо глаз, кости, обтянутые кожей, — слишком... костлявые, что ли. К настоящему парикмахеру меня никогда не водили, так что прически никакой, даже челка кривая. Мать считает — нечего у зеркала вертеться. И вообще, мирская суета — зряшное дело. Сколько себя помню, она долбила про немыслимые страдания польского народа в войну, про нацистов, про варшавское гетто, про восстания. Из-за всего этого, говорила она, про мирской вздор в нашей семье и думать забыли. Мол, деды такие тяготы перенесли, чтобы я могла жить на этом свете, а у меня и капли нет мужества, которое понадобилось им, чтобы сбежать из Польши. О чем речь — я никак в толк взять не могла. Про войну я знаю, на истории проходили. Ничего хорошего, конечно, даже ужасно, но я-то ни при чем.

В «Макдоналдсе» я дала себе обещание, что весь мирской вздор будет моим. Война ведь давно кончилась. И матери больше рядом нет.

Я классно справляюсь. Мы с Руби сейчас в «Холидей-Инн». Обязательно нужно было найти где переночевать — у меня ж ребенок, не станешь ведь малыша на ступеньках магазина до утра морозить. Когда я вышла из «Макдоналдса», впереди маяком мигало неоновое название гостиницы. Мне всегда хотелось пожить в настоящем отеле, а мать с отцом, когда мы куда-нибудь уезжали, выискивали что подешевле — какую-нибудь ночлежку с затхлым бельем и задрипанными паласами. А в «Холидей-Инн» просто здорово. Вообще-то видок у меня, наверное, немного подозрительный — старая куртка, штаны тренировочные, — но все-таки губная помада... Надеюсь, с покрашенными губами я выгляжу почти на двадцать. Здесь красивый бар с уютными диванчиками и лампами на каждом столике, и музыка не гремит, а порхает вроде бабочек, хотя какие бабочки посреди зимы? Руби здесь точно нравится. Она вопила во все горло, а как только музыку услышала — притихла сразу же.

Дядя Густав как-то говорил, что добиться можно всего чего твоей душе угодно, главное в этом деле — выглядеть уверенно. А уж он-то всегда получает чего хочет, так что ему виднее. Ну и я нос кверху, улыбаюсь администраторше, а сама мимо стойки топаю. Еще и Руби повыше подняла, головкой на плечо к себе положила. Когда ты с ребенком — я уже заметила, — к тебе доверия больше.

На табличке вверху написано: «К бассейну». Поплывать я бы не прочь. Я дошла до женской раздевалки, где две тетки лет по пятьдесят в купальники втискиваются. Тепло. Пахнет женщинами и хлоркой. Я на скамейку села и возилась с Руби, пока тетка свою одежду в ящички складывали и еще ругались, что монетки замок-автомат не принимает. Не принимает? Я уши наострила. Потом они к бассейну ушли, а по дороге про внуков говорили.

Вместо бассейна мы с Руби в душ пошли. Я ее голенькую к себе одной рукой прижимала, а другой намывливала нас, намывливала, пока мы обе аж скрипеть не стали от чистоты. Очень удобно, что мыло жидкое было, кнопку нажмешь — и полная ладонь. И полотенца такие мягкие, пушистые. Надеюсь, те две бабушки не сильно обиделись, что я кое-что из их вещей взяла. Сами виноваты — надо было шкафчик выбирать, где замок работает.

В их спортивных сумках оказались здоровенные трусы и лифчики, махровый спортивный костюм, пара футболок, юбка размера не меньше восемнадцатого и косметичка со всякими совершенно обалденными штучками. Я на себя свою грязную одежду натянула, а ляльку завернула в махровый костюм — уж больно ее вещички провоняли. Я их постирала в раковине и вместе с продуктами, которые тот дядька на вокзале оставил, сложила в свою новую спортивную сумку. Руби подхватила и пошла по коридорному лабиринту. В гостинице с сумками все ходят, верно ведь? Обычное дело. В коридорах через каждые несколько шагов — двери. Ведут не только в простые номера. На некоторых таблички «Люкс Балморал»^[1] или «Люкс Виндзор». Я по пути дергаю дверные ручки — всюду закрыто. Мы с Руби поднимаемся в лифте на следующий этаж и опять идем по коридору. Впереди болтают две горничные. Рядом тележка с бельем постельным и пакетиками разными — с чаем, печеньками. А комната, куда они все это привезли, похоже, кладовка или что-то в этом роде. Видно, пополняют запасы для гостей отеля.

— Утром все разложим, Сандра, — говорит одна.

Я медленно иду мимо, приглядываюсь — что да как. Держусь уверенно, как дядя Густав советовал, и горничные не замечают, что я пялюсь в крохотную уютную кладовку. Они не

замечают, что метрах в трех я торможу, вроде мне что-то на самом дне сумки потребовалось. И ясное дело, когда они, затолкав тележку внутрь, идут к лифту, думая, что дверь сама захлопнется, они не замечают, что я успеваю прыгнуть в сторону и ногой придержать дверь.

— Ну, Руби? Как тебе?

Здесь все забито стопками постельного белья, полотенец. Мой голос звучит как-то странно, глухо.

Я страшно горжусь собой — ловко добыла нам комнату на ночь! До утра сюда навряд ли кто заглянет, и, значит, у нас с Руби куча времени! Будем валяться на грудах подушек, покрывал, простыней, я могу пробовать виски из малюсеньких бутылочек, и печенье из разных пачек, и сахар из крошечных пакетиков — если палец сунуть и облизать, то смахивает на сухую шипучку.

Я укладываю Руби на подушку, а сама кружусь, разбросав руки. Места только-только хватает, чтобы покружиться, — из-за тележки и полки вдоль стен. Снимаю кроссовки, стаскиваю стопку сложенных покрывал на пол и устраиваю из них и подушек гнездышко, совсем как мама-птица для своих птенчиков. Потом расстегиваю спортивную сумку и вытаскиваю еду, которую нам на вокзале оставили. Первым делом разрываю пачку крекеров и запихиваю в рот сразу три. Там еще есть банка горошка — это мне ни к чему, потому как открывалки нет, — кочанный салат, пакет морковки, консервированная ветчина «Спэм» — обожаю! — и пачка сливочного печенья.

— Руби, пируем! — Я даже взвизгнула от восторга, а Руби срыгнула молоко — пришлось под ней на подушке простынку поменять.

Я устроила себе ранний ужин: сжевала крекеры с ветчиной и салат, похрустела морковкой. На сладкое — сахар, а запила виски. И спать, спать. Кажется, тыщу часов проспала с Руби под бочком. Нет, она у меня все-таки чудо-девочка.

В конце концов все же пришлось оттуда уйти. Я убирала липкие покрывала и складывала подушки на место, стараясь, чтобы все выглядело как было, но после двух ночей в кладовке меня наверняка очень скоро вычислили бы. Наутро после пира я проснулась совсем больной. Прибрала как сумела и улизнула. Весь день проторчала в торговом центре. Пришлось истратить пару фунтов на прокладки потолще и чашку горячего шоколада. Еще я чуть не увела детскую коляску, да только мамаша слишком быстро из туалета вышла.

Вечером я проделала все в точности, как вчера. Мы с Руби даже снова вымылись в душе. Засыпая в гнездышке из покрывал и подушек в кладовке, я мечтала о собственном домике и хорошей работе, где мне платят по несколько сотен фунтов в месяц. А рано утром мы незаметно смылись, потому что уж слишком долго везло, а удачу, говорят, искушать нельзя.

Сейчас мы тащимся по скользкой обочине какой-то дороги. Я тяну руку, оттопырив большой палец, — может, кто подвезет до Лондона. Шоссе где-то совсем рядом гудит, я слышу. Несколько машин притормаживают, шоферы на нас с Руби глядь — и дальше, не останавливаясь. Фургончик проехал мимо, а метров через тридцать, смотрю, тормозные огни у него мигают, вроде он не уверен — то ли остановиться, то ли нет. Все-таки остановился, и снова я бегу с Руби у груди и спортивной сумкой, которая колотит меня по спине. Горло жжет от холодного воздуха.

— Куда путь держишь, куколка? — Шофер громадный, белобрысый и грязный, на каменщика смахивает.

— В Лондон. — Я пытаюсь отдышаться, привалившись к пассажирской дверце.

— Могу довезти только до пересечения с шоссе, а дальше мне сворачивать. Но хоть на

пару миль ближе будешь.

Бугай-каменщик ухмыляется. Зубы у него отвратные, такого же буро-желтого цвета, как и волосы. Но вроде добрый, и мы с Руби забираемся на сиденье рядом с ним. В фургончике тепло, маслом машинным пахнет и немножко кофе.

— Ну и что такая малышка делает на дороге с самого ранья в понедельник?

Он смотрит на дорогу, но и на меня косится время от времени. Хмыкает весело, и я понимаю, что ему в общем-то до лампочки, хотя послушать он не возражает.

Я смотрю прямо и молчу — прикидываю, что бы такое сочинить. Руби верещит и крутится у меня на коленях.

— Симпатяга, — говорит шофер, кивая на мою дочку. — Сколько уже?

— Совсем мало. — Я рада, что он забыл про первый вопрос, даже если ему и все равно.

Шофер-каменщик мычит себе под нос — напевает что-то — и в такт барабанит пальцами по рулю, но я чуть ли не слышу, как у него мысли скрипят.

— И ты, значит, голосуешь на дороге с ребенком, которому *совсем мало*? — Песня оборвалась.

— Ага.

Я вгрызаюсь в ноготь. Перекресток уже виден впереди, так что я быстренько сую Руби — хоть она продолжает вопить — под куртку, застегиваю молнию и перекидываю сумку через плечо. Надо отсюда поскорее выбираться. Белобрысый верзила больше ни о чем не спрашивает. Высаживает меня на придорожном пятачке автостоянки, гудит на прощанье и газует.

Пальцы на ногах у меня как деревянные, ничего не чувствуют, а щеки будто осы жалят — такой ветер хлещет ледяной и колючий. Мы с Руби стоим прямо на съезде с шоссе на проселочную дорогу. Почти час стоим, прежде чем первая машина останавливается — великанский грузовик. Колес у него штук сто, не меньше. Он пыхтит и плюется дымом, пока тормозит.

— Лондон? — кричу я шоферу, и тот мне кивает — залезай.

Без лестницы в кабину черта с два заберешься, но шофер нас с Руби втягивает и даже пристегивает ремнем. Кабина огромная, за сиденьями даже что-то вроде кровати есть. Губы меня почти не слушаются — застыли на холоде, но я умудряюсь спросить у шофера, куда он нас сможет довезти — до самого Лондона? Он вскидывает обе руки, вроде сдается:

— Э-э-э... Инглиш — нет. — Гогочет хрипло и трогает свою махину.

Через два с половиной часа мы уже в Северном Лондоне. У какого-то завода попрощались с шофером грузовика, а складской сторож объяснил, где ближайшая станция подземки. Мне всегда хотелось прокатиться в подземке, и сейчас меня просто распирает от гордости, что я все сделала сама. Мы с Руби трясемся в вагоне до центра города, который нас спасет. Выходим на «Тоттенхем-Кортруд» — без понятия, почему именно здесь, просто название понравилось. Пока я волочусь по платформе, Руби, кажется, тяжелеет с каждой минутой. Меня давит к земле, а живот такой болью стянуло, вроде меня пополам раскромсали. Я взмокла под кучей одежек, все тело горит, и дышать нечем, и голова капельку кружится, и сердце бухает, и печет в груди от молока, но я все тащусь и тащусь. Эскалатор, спасибо, вывез нас из-под земли. Сойдя с эскалатора, я немного постояла, а народ обтекал нас со всех сторон.

Передохнув, я сунула билетик в турникет, вышла — и сразу стало немного легче, когда воздух остудил лицо. Я продолжаю идти, сама не зная куда и едва удерживая свою девочку

— такая она тяжелая! Сейчас самое главное — избавиться от людей, которых вокруг безумные толпы, и от звона в моей собственной голове, поэтому я сворачиваю в первый же проулок, но здания, кажется, наваливаются на меня, а звон только усиливается, будто через каждое ухо по поезду проезжает. В конце проулка стоит несколько баков, из них воняет кислотой и гнильем. Из двери одного дома появляется дядька в шеф-поварском халате с колпаком и швыряет в ближайший бак два полиэтиленовых пакета. Таращится на меня с полминуты, верно, принял за пьянчужку — ужас, а еще с ребенком. И с треском захлопывает дверь.

А в следующий миг я уже лежу навзничь. Помню сильный удар затылка о землю — и все. Кромешная чернота и тишина длились целую вечность.

Потом кто-то силком открывает мне глаза, я не вижу кто, потому что яркая лампа с потолка светит мне прямо в лицо.

— Просыпайся, просыпайся.

Я рывком сажусь — ой, как больно в голове! — и оглядываюсь в поисках Руби. Я в отчаянии — где моя девочка? Я ору во все горло:

— Где мой ребенок?!

Запах крови вокруг. И запах моего собственного страха.

Роберт опустился в кресло и забросил ноги на обтянутую кожей столешницу. В офис он поехал напрямик из отеля. В номере Луизы выпил кофе, позвонил на работу, оставил голосовое сообщение на мобильнике Эрин. И едва не захлебнулся апельсиновым ароматом, когда Луиза в гостиничном халате выплыла из ванной. Уходить не хотелось, но пришлось. Луиза обещала позвонить уже на следующее утро. Роберт не был дома с отъезда в Брайтон — переночевал в офисе. Семья и дом превратились в полнейший хаос в его сознании, словно откровения Бакстера Кинга, как ржа, разъели самые их основы.

Не в силах сосредоточиться на работе, все в той же одежде, которую надел вчера утром, и все с тем же выражением мрачного неверия на лице — его жена оказалась дешевой шлюхой! — Роберт пытался усвоить полученную информацию, как если бы перед ним лежало дело нового клиента. Но сколько ни тасовал факты, одна безнадежно очевидная истина выплывала во всех раскладах: Эрин его обманула. И все-таки знать правду — одно, но целиком и окончательно принять эту правду Роберт не мог, пока не услышит подтверждение от самой Эрин.

Истерзанный недосыпом и переизбытком кофеина, Роберт ткнул кнопку внутренней связи и попросил Таню сварить новую порцию кофе.

— И принеси дело Боумена, — добавил он. Отвлечься — вот что сейчас необходимо.

Уйдет с головой в дело мерзавца Джеда — глядишь, и собственные проблемы побледнеют.

— Мистер Найт, у вас совершенно измученный вид, — отметила Таня, входя в кабинет с папками. Роберт редко видел ее с распущенными, как сегодня, волосами — обычно секретарша стягивала их в хвост.

— Работал всю ночь. — Голос Роберта выдавал его усталость, да и двухдневная щетина, всклокоченная шевелюра, мятая одежда не были для Тани привычным зрелищем. От него еще и пованивало — ну и плевать. — Никаких звонков, никаких клиентов. Мне нужно сосредоточиться. Ясно?

Таня кивнула и неслышно прикрыла за собой дверь.

— А где кофе? — крикнул он ей вслед.

Роберт открыл папку с делом Боумена и минут десять пялился на первую страницу, не прочитав ни слова. Наконец поднялся из кресла, прошел к окну и, ткнувшись лбом в стекло, устался вниз. Любопытно, сколько людей из тех, что спешат сейчас по улице, несчастливы? Похоже, без проблем ни у одного не обходится — лица безрадостные.

Мысли Роберта переключились на Мэри Боумен. Вспомнилось, как она плакала, сидя напротив, как заявила, что отказывается от детей, поскольку больше нет сил бороться, и готова согласиться с претензиями Джеда, лишь бы все кончилось, лишь бы прекратились побои, которыми муж осыпал ее каждый божий день из одиннадцати лет брака. Мэри призналась, что переспала с братом Джеда. Да, было. Один раз, в минуту отчаяния. Хотелось доброты и участия — от кого угодно, все равно от кого. От заместителя Джеда требовалась лишь капелька любви, которой Мэри не видела в семье.

Естественно, обнаружив измену, Джек отколотил жену даже не до полусмерти — жизнь Мэри висела на волоске. А брата Джек простил. Более того, сочувствием проникся к бедолаге, соблазненному развратной Мэри Боумен. Не следует, однако, забывать один-

единственный душевный порыв Джеда. Машинально поглаживая разбитое лицо, массируя виски, Мэри рассказала Роберту, что в приступе небывалой сердечности Джед преподнес ей дар любви, чтобы помочь пережить черные времена. У приятеля своего Джед купил какое-то лекарство и обещал, что больше ее пальцем не тронет, если она будет принимать таблетки, когда он прикажет. В итоге Мэри серьезно подседа на валиум. А побои не прекратились.

Следующий час Роберт провел, прикидывая наилучший способ представить в суде своего клиента-сквернословия. Крутил и так и эдак — результат один: от дела Боумена разило мерзостно. Если бы Роберт не познакомился с Мэри, если бы собственными глазами не увидел последствия бешеного нрава Джеда Боумена, он легко всучил бы дело Дэну: на лесть старший партнер фирмы падок. Но все сложилось иначе, и теперь Роберт, как ни странно, чувствовал ответственность за Мэри. Ощущение было схоже с тем, что он испытывал по отношению к Руби, особенно после того, как узнал правду о прошлом ее матери. До какой степени отчаяния должна дойти женщина, чтобы выйти на панель? Быть может, Эрин попала в еще более беспросветную ситуацию, чем Мэри? Роберта передернуло от мысли, что его жена могла оказаться в шкуре Мэри Боумен. Какую же ниточку подбросить адвокату Мэри, чтобы Джед наверняка не получил детей?

Нет, о работе сегодня и думать нечего. Роберт оставил попытки сосредоточиться на делах и поехал к «Маргаритке». Пока он кормил монетами парковочный автомат, в памяти всплыл тот день, когда Эрин впервые увидела собственный магазин.

Свою задумку Роберт держал от Эрин в строжайшем секрете. Они припарковались вот на этом самом месте, и Роберт повел новоиспеченную жену через дорогу, прикрыв ей глаза ладонью. Остановившись перед дверью небольшого и довольно ветхого здания, он отнял ладонь, протянул Эрин коробку в подарочной упаковке, куда требовалось немедленно заглянуть. Эрин не догадывалась о том, что недавно закрывшийся цветочный магазин, хозяин которого разорился, теперь принадлежит ей. Увидев в коробке комплект ключей, она подняла глаза на мужа, губы дрогнули в неуверенной полуулыбке, а восторженный стук ее сердца, казалось, был слышен на соседней улице. Эрин покрутила головой, выискивая глазами подарок — что-то же должны открывать эти ключи?! — и тогда Роберт, раскинув руки, словно в попытке обнять магазинчик, выкрикнул: «Сюрприз!» Эрин потеряла дар речи, не сразу поверив то, что сбылась самая заветная мечта всей ее жизни.

Сейчас, прокручивая в памяти те волшебные минуты, Роберт подумал, что был... *был* среди них едва ощутимый миг сомнения. Должно быть, решил он, Эрин сочла, что не заслуживает такого роскошного свадебного подарка.

Проскочив забитую машинами дорогу, Роберт нырнул в благоухающие владения жены — и перед глазами тут же встал магазин Бакстера Киша. Дело было только вчера — а словно вечность прошла. Его мозг перестал воспринимать естественный ход времени, бросив все силы на битву с мощнейшим желанием накинуться на жену сию же секунду, в приступе ярости. Странное состояние. Такое бывает, когда загриппуешь, — весь мир видится густым как кисель, шатким и тусклым. А ведь день яркий, солнечный.

— Милый, вот это сюрприз! — Эрин, с пластиковым пульверизатором в руке, спиной спрыгнула с лестницы. — А сказал, допоздна не вернешься! — Она обняла Роберта. — Дэн совершенно совесть потерял — отправить человека на конференцию с бухты-барахты! Я соскучилась! А ночью без тебя совсем тоскливо. — Она потянулась было к губам Роберта, но передумала: — Да вам душ необходим, мистер Найт! — И со смехом брызнула ему в лицо водой из пульверизатора. — Напомните, чтобы я вас дома хорошенько отдраила.

Роберт разрывался на части — тело требовало ответить на ласку Эрин, а в мозгу вновь и вновь звучал рассказ Бакстера Кинга.

Отстранив жену, он прошелся по тесному магазину. Перевернул на ходу ведро с какими-то желтыми цветами — не заметил. Чуть было не стукнул кулаком по прилавку — сдержался. Остановился спиной к Эрин, натянутый как струна. Очевидная любовь Эрин, ее радость при виде мужа, ее удивительное трудолюбие, превратившее руины цветочной фирмы в преуспевающий бизнес, связали Роберту руки. Нет, сейчас он не может устроить Эрин допрос.

Он обернулся, и на лице, больше похожем на маску — маску, которую, возможно, носил всю жизнь, — появилось подобие улыбки.

— Душ — как раз то, что надо. Чувствую себя развалиной.

Эрин игриво улыбнулась:

— Дай мне пару минут, чтобы внести товар с тротуара, — и я устраиваю короткий день!

Подмигнув Роберту, она принялась затаскивать внутрь тяжелую тару с цветами. Следовало бы помочь, а он стоял и смотрел на стройную фигурку. Сверху — маечка в облик, джинсы на бедрах, шлепки со стразами, а под этими декорациями — изысканная, тонкая, уверенная в себе женщина. У его жены тело проститутки.

Не годится в магазине начинать серьезный разговор. Заглянет кто-нибудь из покупателей, отвлечет — и Эрин легко увильнет от правдивого ответа, а ничего иного от нее Роберту, собственно, не нужно. Пока ехали домой — каждый на своей машине, — сомнения жалили Роберта, как солнце пустыни. В висках стучало, в горле от избытка кофе стоял привкус дегтя. Следуя за автомобилем жены, он насвистывал злобный мотивчик — личный номерной знак на «мазде» тоже был презентом умирающего от любви супруга.

— А у тебя ведь день рождения через пару недель, — неожиданно вслух произнес Роберт, до боли в пальцах стиснув руль. — И что тебе подарить на этот раз, а-а-а? — Он уже орал во все горло в сторону «мазды», кривясь от головной боли. — Как насчет гребаного красного фонаря? Будет что повесить над парадной дверью магазина!

Он двинул локтем в дверь и заскрипел зубами. Плотный поток машин стопорил и вновь дергался, медленно, но все же приближая Роберта к истине.

В доме царил благословенная прохлада, умерившая зашкаливавший пульс Роберта. Он сразу прошел в гостиную, рассчитывая, что Эрин последует за ним, хотя у нее, как он догадывался, были свои причины закрыть магазин пораньше. И минуты не прошло, а наверху уже зашумела вода в ванной. Эрин окликнула его несколько раз — Роберт сделал вид, что не услышал. Пусть примет душ, и тогда все случится. Он все узнает. Сможет ли он после этого лечь с Эрин в постель — вот вопрос.

— Роберт, на помощь! Скорей!

Услышав тревожный зов жены, он не раздумывал ни секунды — кинулся наверх через две ступеньки в их спальню и распахнул дверь ванной. Роберту не понравилась собственная бездумная реакция. К тому же от долго сдерживаемого гнева, тревоги и сомнений мозги плавилась в черепной коробке.

— Что случилось?! — Роберт с трудом разглядел тонкую фигурку за матовым, в каплях и налете пара, стеклом душевой кабинки.

— Сюда! — позвала Эрин. — Открывай.

Роберт рванул стеклянную панель вбок. Его окатило горячей водой, а глазам предстала обнаженная жена в мыльной пене, с откинутой на кафельную стену головой и обеими

ладонями между бедрами.

— Стаскивай с себя все и давай ко мне. — С тихим смехом она огладила груди. — Ты черт знает на кого похож! Уж я тебя вымою так вымою! — Золотистые волосы Эрин потемнели от воды и облепили голову.

Роберт прищурился. В облаках пара Эрин казалась еще прекраснее, еще таинственнее. Тайна этой женщины прежде всего и привлекла его к ней — он это понял сейчас. Ее загадочность, ее статус безупречной незнакомки, из которой он мог вылепить все что угодно по своему вкусу. Эрин не распространялась о своем прошлом, делясь лишь совершенно необходимым. До сих пор Роберта это не тревожило. Скорее дразнило, как наживка рыбу, хотелось проводить с ней все больше и больше времени, пока он окончательно не попался в сети. Взяв Эрин в жены, Роберт чувствовал себя мореплавателем, бороздящим неведомые моря на красавице-яхте. Каждый день, проведенный с Эрин, был сладок и мучительно короток: Роберту ее всегда было мало. Сейчас, в ванной, он испытывал схожие чувства, с той разницей, что вдруг оказался в шторм на тонущем корабле. Пока жена пыталась расшевелить его, Роберт думал о том, что в мире вряд ли найдется столько мыла, чтобы она вновь стала чистой в его глазах.

Эрин захватила его врасплох, неожиданно прыгнув вперед и дернув за руку. Роберт потерял равновесие и как был, в одежде, ввалился в кабинку. Эрин с хохотом отпрянула от него под струи горячей воды.

— Я ведь обещала вымыть тебя как следует!.. — Продолжая смеяться, она прижалась к нему скользким от мыла телом. — Ну же, снимай рубашку! Сейчас потрем тебе спинку.

Она ухватила за верхнюю пуговицу, но Роберт оттолкнул ее руку и сам расстегнул рубашку. Выбора у него не было — рубашка промокла насквозь, — хотя среди воображаемых сценариев серьезного разговора подобный уж конечно не значился: какой допрос в полуголом виде, в душевой кабинке с обнаженной женой?

— Ой-ой, какие мы сердитые, — продолжала свою игру Эрин. — Плохой мальчик весь извозился. А плохих мальчиков всегда ждет наказание.

И вновь этот изгиб точеной шеи, и вновь этот порочный смех. Роберт изо всех сил старался отводить взгляд от изящных линий женского тела, но боковое зрение доказывало, что Эрин так же бесподобна, как и прежде. Пеннистая влага струилась по высокой груди, плоскому животу, длинным стройным ногам, и тело Роберта отреагировало против его собственной воли, вопреки грозovým тучам, что застлали его мысли, не оставив ни малейшего просвета.

— Нам нужно кое о чем поговорить. — Роберт уперся ладонями в стену, поймав Эрин в ловушку своих рук. — И предупреждаю — это очень серьезно.

Эрин опять рассмеялась.

— У грязного мальчика и речи грязные. Продолжай в том же духе! — приказала она, размазывая гель по его груди. — Только *не вздумай* нудить! Все твои серьезные разговоры подождут. — Она повернула душ, направив его прямо на грудь Роберта, смыла гель и провела языком по чистой коже.

Роберт отшатнулся, насколько позволяло пространство кабинки, и ударился локтем о стеклянную панель, чем заслужил новую серию поцелуев — в ушибленный локоть. Он и глазом моргнуть не успел — а Эрин уже расстегнула ремень и стянула влажные брюки до щиколоток.

— Раз уж я все равно оказалась внизу... — Она улыбалась, глядя на мужа снизу вверх и

намыливая ему ягодицы.

Ее нужно остановить, и немедленно. В противном случае он точно сдастся... а если одна его частичка молила о продолжении, то другая — профессиональная — требовала запретить. Роберт подхватил жену под мышки и поднял. Их лица находились почти рядом, окутанные паром и ароматом лайма. Роберт попытался — и тщетно — пробиться к сердцу Эрин, заглянув ей в глаза. Мало ли — вдруг он прочел бы там что-то такое, что вынудило бы его передумать.

— Как по-твоему, сколько раз мы занимались любовью? — услышал Роберт собственный голос. Он не представлял, каким образом подступиться к Эрин, знал лишь, что это придется сделать.

— Ну-ка, ну-ка, прикинем... — Приняв его вопрос за продолжение игры, она загнула по очереди свои пальцы, затем пальцы Роберта и опустила на колени, чтобы продолжить счет на пальцах его ног. Вскинула глаза: — Двести? Нет, триста! — И прошлась кончиком языка по его голени.

Роберт вновь поставил ее на ноги — на этот раз очень грубо. Эрин нахмурилась, потирая предплечья.

— Эй, парень...

— Ну и сколько набежало на круг, учитывая обслуживание в долг? — Роберт сдвинул Эрин в сторону и выключил душ. Затем подтянул брюки — с трудом, поскольку они напитались водой, — и потер ладонями щеки. Остановил взгляд на жене, выискивая знак — пусть самый ничтожный — ошибки Бакстера Кинга. Чудовищной ошибки.

Ничего.

Эрин не шевелилась, устремив взгляд на усеянную каплями стеклянную панель.

— Пожалуй, пора расплатиться по счетам. — Шагнув вперед, Роберт оттолкнул жену к стене. Не отдавая себе отчета в том, что делает, он схватил ее за запястья и прижал руки к кафелю. Придвинул к ней лицо, но Эрин отвернулась и закрыла глаза. — Сколько я тебе должен за весь наш секс? Ну? Почему берешь? — Его голос рикошетил от стекла. — Говори!

— Я тебя не понимаю, Роб. Пожалуйста, прекрати. Ты меня пугаешь. — Эрин открыла глаза — в них стоял страх. Шея мужа вздулась венами, лицо побагровело и пошло морщинами, которых она прежде не замечала. — Дай мне полотенце. Холодно.

То ли голос жены, то ли вид ее трясущейся фигурки подействовал на Роберта, но что-то в нем дрогнуло, и он позволил ей выскользнуть, даже понимая, что замерзнуть в наполненной горячим паром кабинке она вряд ли могла. Эрин трясло *от страха*.

Он шагнул следом. С его одежды на пол ванной натекла лужа, пока он стоял и смотрел, как Эрин надевает халат. Она завернулась в белоснежную махровую ткань, подтянула ворот к горлу. Ее взгляд метнулся к спальне, но Роберт загородил дорогу:

— Так сколько с меня?

— Роберт... ч-что вчера... произошло? Ты ведешь себя... странно. — Голос Эрин звучал визгливо, она запиналась на каждом слове, что не укрылось от Роберта.

— Я не был на конференции, — медленно произнес он, не двигаясь с места, решив не выпускать Эрин, пока не добьется признания. — Я ездил в Брайтон.

Это ощутили оба: воздух в ванной словно вмиг задубел, как белье на морозе, и ничтожное пространство, разделяющее их, превратилось в непрошибаемую глыбу льда. Роберт не сводил глаз с Эрин — следил за реакцией, но силуэт жены был очерчен солнечными лучами, бившими сквозь матовое стекло за ее спиной. Правда, ледяную

атмосферу в ванной летнее тепло не растопило.

— В Брайтон?

— Где познакомился с Бакстером Кингом. — Роберт проигнорировал вопрос, явно рассчитанный только на то, чтобы потянуть время.

Эрин молчала, лишь туже затягивала халат. Дрожь сотрясала тело, вода капала с волос. Эрин даже попытки не сделала вытереть лицо. Секунды показались Роберту вечностью.

— Кто это? Твой коллега? — наконец произнесла она. — Или клиент?

С легкостью гениальной актрисы она вошла в роль, Роберту неведомую. Голос зазвучал уверенно, и даже росту вроде бы прибавилось. Она хладнокровно шагнула к Роберту и поднырнула под его рукой — на свободу, в спальню.

— Ты раньше не упоминал о таком, — проговорила она, не оборачиваясь. Достав из шкафа одежду, бросила на кровать.

Роберт развернулся в дверном проеме. Он ничего не понимал, он не верил собственным ушам. По-прежнему спиной к мужу, Эрин надела джинсовые шорты и топик на узких бретельках, соорудила чалму из полотенца. Она вела себя так, будто и впрямь впервые слышала о Бакстере Кинге. Сев перед трюмо, протерла лицо косметическим молочком и чуть подкрасилась. Со стороны — женщина в прекрасном настроении, абсолютно безмятежна. Казалось, Роберт вскользь назвал несущественное имя, которое вряд ли впоследствии еще возникнет.

Роберту дьявольски хотелось окунуться в волну облегчения, что была так близко. Его душе требовалась передышка, ведь последние двадцать четыре часа он жил на одном адреналине. Как просто сейчас поверить словам Эрин, что она не знает Кинга, и как просто — еще проще! — упасть с ней вместе в постель и продолжить начатое в душе. Его измученное тело молило об этом. Роберт пережил момент слабости и постарался стереть воспоминания о Дженне, цеплявшиеся за каждое его слово.

— То есть... ты заявляешь, что человек по имени Бакстер Кинг тебе незнаком? — Роберт принялся шагать по спальне — судебная привычка адвоката брала свое.

— Именно, — не двигая губами, подтвердила Эрин — она как раз взялась за помаду.

— И, если я правильно понял, в Брайтоне ты тоже никогда не жила?

— Никогда. Я даже проездом не бывала в Брайтоне. — Эрин щелкнула замочком ручных часов.

— Ну а если я скажу, что уверен в обратном, что ты отлично знаешь Бакстера Кинга и довольно долго жила в Брайтоне? — Роберт остановился за спиной жены, глядя на ее отражение.

— В таком случае я отвечу, что ты ошибся. Или тебя ввели в заблуждение.

Эрин врала, в буквальном смысле не моргнув глазом, непринужденно, как дышала. И взгляд Роберта в зеркале вернула с хладнокровием и искренностью, в которой и усомниться-то было неудобно. Ладони она сложила на коленях и замерла недвижно — если не считать легкого тика под левым глазом.

Роберт заметил подергивание, как заметил и то, что жена, невольно сглотнув, стиснула челюсти, — многолетний опыт адвоката не позволял упускать подобные мелочи. Роберт отсидел достаточно часов в полицейских комнатах для допросов, чтобы распознать симптомы. Эрин была *слишком* сдержанна, наигранно невозмутима.

— А если я задам еще один вопрос... вопрос, который может изменить между нами *все*, — клянешься сказать правду?

— Конечно, но...

— Ты когда-нибудь зарабатывала на жизнь сексом?

Ты была проституткой? Не в силах произнести вслух *такое*, Роберт выстрелил свой вопрос, будто автоматную очередь выпустил прямо в шею жены.

Эрин круто развернулась на банкетке и встала. Они смотрели друг на друга в упор. Эрин выбрала идеальную форму защиты: ее голубые глаза-льдинки таяли слезами — чтобы добиться от Роберта жалости, чтобы выиграть драгоценные секунды на размышление. Ее губы чуть приоткрылись. Нет, она ничего не собиралась говорить, то была вновь игра на публику, исключительно женский прием: продемонстрировать, что она потрясена до глубины души. В качестве заключительного штриха, подумал Роберт, ей стоило бы вяло вскинуть руку, приложить ладонь ко лбу и грациозно опуститься на ковер в глубоком обмороке.

Эффектной сцены не получилось: оба вздрогнули от грохота двери внизу и звонких голосов. Несколько секунд спустя дом наполнился музыкой: Руби играла свой новый опус.

Роберт не знал, как поступить. Момент атаки упущен. Словно генерал на поле битвы, в окружении своих воинов, с оружием наизготовку, Роберт быстро оценил обстановку. И так, на ратном поле, помимо двух вражеских сторон, неожиданно появилась третья, ворвалась без предупреждения в зону военных действий, где уже миг спустя гремели бы орудия, курился пороховой дым и истекали кровью тела. Избавляя юношеские души от неизбежной травмы, Роберт позволил Эрин спастись бегством. Выскочив из спальни, она уже с лестницы окликнула дочь:

— Дорогая! Что это ты так рано из школы?

Роберт опустился на банкетку и уставился на свое отражение. Мрачное лицо в зеркале скривилось, взгляд был устремлен на дверь, куда ускользнула жена. Роберт еще ощущал ее запах, банкетка еще хранила ее тепло. Он думал о том, что не ошибся: Эрин себя выдала. Прокрутив в голове события недавних минут, убедился в собственной правоте.

— И так, подбьем итоги, — обратился он к своему отражению. — Твоя жена — лгунья и шлюха. А сам ты — полный идиот, раз не раскусил ее раньше. Дело закрыто. — И он опустил кулак на трюмо.

А что еще он мог сделать? Эрин ответила на его вопросы — молчанием своим ответила. Теперь ему бы вернуться в офис и обдумать приговор. Увы, поскольку мозги напрочь утратили способность соображать и будущее никак не просматривалось, вряд ли он придет к какому-нибудь решению. Будет сидеть за столом и пялиться на картины, украшающие стены кабинета.

Роберт переоделся в сухое, спустился в прихожую и уже взялся за ручку входной двери — да так и замер, услышав незнакомый низкий голос, подпевающий мелодии Руби и вторящий смеху девочки. Заглянув в гостиную, он обнаружил Руби за инструментом. К пианино прислонился нескладный подросток. Ребята поддразнивали друг друга и хихикали, не замечая Роберта.

— А вот и *нет!* — настаивала Руби. Глаза она прикрыла ладонью, зато ее чудная улыбка сияла в полную силу.

— А по мне, так очень даже *да!* — Парень с ухмылкой взял несколько нот.

— Ну разве что самую малость, — уступила Руби. — И все равно это не совсем песня любви — не так уж я тебя хорошо знаю. Пусть будет... песня восторга!

Оба опять зашлись смехом, и Руби мотнула головой, забрасывая волосы за спину до

боли знакомым Роберту нервным движением. Эти дети явно были без ума друг от друга, а Роберт был опустошен душевно и сомневался, что остатков его гнева хватит, чтобы отшить неряшливого юнца.

— Папа! — радостно вскрикнула Руби, а мальчишка обернулся и выпрямился; глуповатая улыбка мигом исчезла с его лица. — Это Арт! Помнишь, я тебе о нем рассказывала?!

Роберт угрюмо кивнул, разглядывая парня. Дранные джинсы едва держатся на костлявых бедрах, линялая футболка, длинные волосы цвета пыльного каштана, на кончиках выцвели до грязно-желтого оттенка.

— Рад познакомиться, мистер Найт, — произнес он голосом слишком низким и насыщенным для своего субтильного телосложения и, к изумлению Роберта, первым протянул руку. — А Руби как раз играла свою новую композицию. Классная вещь.

Роберт заставил себя пожать протянутую ладонь, но не потрудился ответить.

— Ты почему не в школе, Руби? — бросил он резко.

— Нас отпустили пораньше — заниматься дома, мистер Найт, — отозвался Арт, когда стало ясно, что Руби онемела.

— И почему, в таком случае, не занимаетесь? — Роберт ненавидел себя за жестокость по отношению к девочке, которая еще минуту назад выглядела абсолютно счастливой.

— Мы и собирались... заниматься... у меня, наверху. — Руби наконец обрела голос, но побагровела от стыда, запинаясь через слово.

— Нечего вам делать наверху. Занимайтесь здесь. Полагаю, и мама так же считает.

— Глупости, Роберт. — Из кухни в гостиную прошла Эрин с подносом в руках — принесла пиццу и колу в банках. — Комната Руби — самое лучшее место для занятий, там можно сосредоточиться. Вот, возьми, солнышко. Донесешь? — Передав поднос дочери, Эрин скользнула взглядом по мужу.

Подростки испарились, будто их и не было. Эрин тоже. Вернулась на кухню, где устроила шоу, звеня тарелками, стуча кастрюлями и хлопая дверцами шкафчиков.

— Ну а я попытаюсь сосредоточиться в офисе, — выплюнул Роберт в сторону кухни и, закрыв за собой дверь так нежно, что дрогнули стены, вернулся в «Мейсон и Найт».

Не приходилось сомневаться, что Дэн общается по телефону с женщиной: он отъехал в кресле от стола, колени в стороны, локти на коленях, узел галстука распущен. Идеально загорелое лицо светилось довольством, а пятерня прохаживалась по волосам, уже прилично разлохмаченным за время флирта с собеседницей.

— Ах, проказница! Держу пари, вы это говорите всем абонентам-джентльменам! А вот это уже несправедливо! Уверяю вас, я джентльмен до мозга костей, что и докажу, дайте только шанс! — Заметив Роберта в дверях, Дэн стер ухмылку и жестом пригласил компаньона устраиваться в кресле напротив. — С удовольствием. Очень может быть. Чуть позже звякну, договоримся о времени, а сейчас мне надо бежать. Пока-пока.

Дэн развалился в кресле и добил галстук — развязал полностью, и тот повис, как кашне, на расстегнутом воротничке.

— Фью! — присвистнул он. — Горячая куколка! — И улыбнулся, ожидая соответствующей реакции Роберта. Убедившись, что друг не собирается демонстрировать мужскую солидарность, Дэн свел брови: — Что с тобой?

Роберт вдохнул полной грудью — впервые, кажется, за последние сутки — и даже

закашлялся от избытка воздуха. Закинув руки за голову, впился пальцами в напряженные мышцы шеи и плеч, помассировал со вздохом. *Еще одному браку — крышка*, Роберт не произнес этого вслух, как ни хотелось.

— Забери у меня дело Боумена, — сказал он без предисловий. Объяснения подождут — прежде нужно увидеть, как отреагирует старший партнер.

— Теперь выкладывай, *что* у тебя на уме, весельчак ты наш. — Дэн закрыл дверь кабинета, достал из мини-бара красного дерева бутылку «Джека Дэниэлса» и плеснул в два бокала. — Держи, пей и рассказывай. — Он пристроился на подлокотнике кожаного «честерфилда» и обратил выжидающий взгляд на друга.

Роберту удалось выжать из себя более-менее связные слова о том, что терзало его душу, но речь его была сбивчива и туманна, а самая суть так и не прозвучала. Мыслимое ли дело — признаться, что взял в жены бывшую проститутку.

— Коротко говоря, не ладится у нас. А точнее — все вдруг кувырком полетело. Проблемы из прошлого... — Роберт залпом осушил бокал.

Дэн поерзал в кресле и вновь замер. Клиенты ему попадались самые разные, в том числе и зажатые до предела, но терпения Дэну было не занимать. Он четко уяснил: чтобы добыть факты, способные обеспечить победу в суде, нужно дать человеку время и возможность собраться с мыслями. После нагромождения вранья непременно наружу выплывет правда и картина прояснится.

Однако минуты шли, а Роберт все ходил вокруг да около, ни на шаг не приближаясь к существу дела. Убедившись, что привычная тактика дала сбой, Дэн произнес властно:

— Так. Сегодня ужинаем у меня. Позвоню Тьюле, предупрежу. А захочешь — и переночуешь.

Кивнув, Роберт протянул бокал за второй порцией виски. От спиртного лед в груди начал таять, а образы Эрин и Бакстера Кинга, Джеда Боумена и Руби с ее приятелем размылись по краям.

Дэн отправил партнера прогуляться, так сказать, проветрить мозги, пока сам он подчистит последние шероховатости по делу, которое слушалось завтра с утра.

— Возвращайся к шести, старик, вместе и уедем. Тьюла подает ужин ровно в семь, так что мы еще успеем выпить и поболтать тет-а-тет у меня в библиотеке.

Роберт послушно отправился «проветривать мозги» в Гринвич-парк. Дошел до Римских развалин, где они с Эрин сразу после знакомства не раз устраивали пикники. Вспомнил, как гулял с ней по аллее Влюбленных, сгорая от страсти к этой загадочной женщине, встречу с которой ему подарила судьба. Если рядом была Эрин, любой намек на секс — в кинофильме ли, в книге, в песне — возбуждал его до иступления. И все же самым сладким было ожидание — Роберт как гурман смаковал каждый миг, когда Эрин еще не принадлежала ему полностью. Он лелеял Эрин, словно редчайший цветок из магазина, где впервые ее заметил. Она составляла композиции, отмечала продажи, а он все разглядывал ее исподтишка, делая вид, что выбирает букет. Он любовался ею, затаив дыхание, словно опасаясь повредить эту экзотическую красоту. Но уже тогда он знал, что будет любить ее. И уже тогда он знал, что цветы со временем вянут.

Роберт прошел назад к лодочной станции и на автобусе — уникальный случай — вернулся в офис. Дэн оказался прав, прогулка пошла на пользу. Ближайшие полчаса Роберт сумел заставить себя думать только о том хорошем, что было у них с Эрин, и все уже не выглядело настолько безнадежно. Пусть даже Бакстер Кинг прав и прошлое Эрин, мягко

говоря, небезупречно, в сплошном мраке для Роберта словно блеснула искорка оптимизма: быть может, ему удастся справиться с ситуацией.

Чуть позже, стоя в особняке Мейсонов посреди кухни — тридцать квадратных футов, сплошь хром и сталь, полы в черно-белую плитку, — Роберт ждал, пока Дэн откупорит бутылку «Фаустино».

До чего же мелкотравчатое существо, думал Роберт, глядя, как Тьюла снует по громадному помещению, где все было столь же масштабное: холодильник и тот смахивал на двустворчатый шифоньер. Тьюла была затянута в черные лосины, кружевной топик выгодно подчеркивал недавно обновленный бюст, а масса золотых цепочек — изящество шеи, возмутительно красивой для женщины ее возраста. Край темно-синего в белую полоску фартука, не рассчитанного на таких Дюймовочек, болтался ниже ее коленок.

— Бедный ты мой мальчик! — пропела она при виде вошедших в дом мужчин. Роберт решил, что Тьюла обращается к мужу, но миниатюрная женщина, вытянувшись на носочках, обняла за шею гостя. — Дэн сказал, у тебя опять с женой нелады. Ах, как жаль — только-только ведь поженились! — Тьюла вернулась к плите величиной с автомобиль, чтобы помешать соус. — Я бы на твоём месте, котик, последовала примеру Дэна: стоит нам с ним погрызться, как он отсылает меня чистить перышки. Отправь-ка и ты жену в институт красоты, поверь, ботокс — лучший друг женщины в стрессе. — Тьюла опустила палец в кастрюлю, попробовала соус. — Хочешь, телефончик дам?

Роберт тепло улыбнулся. На дружеский треп и поток бесполезных советов от Тьюлы он всегда мог рассчитывать. В самой этой женщине абсолютно все было переключено, подправлено, подтянуто, пересажено или удалено. Если она не торчала в клинике на Харлей-стрит, умоляя своего обожаемого пластического хирурга *ну еще самую капельку уменьшить ей носик или сделать еще одну небольшую подтяжечку*, то ее можно было найти либо в Мэдлиз, частном клубе, где они с Дэном играли в сквош, наслаждались массажем, антицеллюлитными обертываниями и прочими полезными процедурами, либо в ресторане, где она за ланчем обсуждала с друзьями очередной экзотический отпуск. Дети? Исключено. Вопрос был закрыт раз и навсегда, несмотря на мечту Дэна о наследнике. Ее тело, заявила Тьюла, подобного варварства не перенесет.

Роберт обожал Тьюлу. Эта женщина была ходячей коллекцией всего, что Роберт не принял бы в своей избраннице, и потому они чудно ладили.

— Что-то я сегодня безобразно груб. — Роберт поставил бокал на мраморную столешницу, шагнул к Тьюле и, стиснув ее плечи, приподнял над полом. Зарылся лицом в роскошные, сияющие золотом волосы и поцеловал. — Ты уж прости старого брюзгу и невежу. Спасибо за приглашение. Кстати, пахнет... — Он вынул деревянную ложку из пальцев Тьюлы, зачерпнул соус из красной смородины с розмарином, попробовал. — М-м, и вкус под стать. Божественно!

— Ягненок, — разулыбалась Тьюла. — Язык проглотишь.

Пока ужин не поспел, Дэн увел Роберта в библиотеку. По гулкому коридору, где эхо их шагов отражалось от керамогранитных стен, друзья прошли в обшитую дубовыми панелями личную берлогу Дэна.

— Добро пожаловать в зону, свободную от ботокса, — сказал Дэн во время ознакомительной экскурсии по своему приобретению — особняку в псевдогеоргианском стиле. — Тьюла с товарками сюда не допускаются. Для них, считай, на двери висит табличка «Вход строго запрещен».

Здесь все соответствовало вкусу и потребностям хозяина: плазменный телевизор, скрытый за полотном со сценой охоты, бар-холодильник, письменный стол красного дерева, с виду старинный, а на деле напичканный последними достижениями компьютерных технологий, стол для мини-бильярда, диван темно-зеленой кожи, такие же кресла по обе стороны камина и тщательно подобранная библиотека. На взгляд Роберта, в этой комнате было все, что нужно человеку для комфортной жизни, а остальное пространство особняка — чистой воды излишество, ну разве что кроме кухни и ванной.

Нет, Роберт не завидовал другу. Отец Дэна, покойный Уильям Эдмонд Фредерик Мейсон, вместе со своим отцом основал фирму «Мейсон и Мейсон» около полувека назад. Дэн, со свеженьким дипломом юриста в кармане, занял место умершего деда.

Роберт защитился в том же году, но в отличие от Дэна, перед которым гостеприимно распахнулись двери семейного бизнеса в Сити, ему пришлось пробивать себе дорогу в небольших фирмах на окраинах Лондона. Зато опыт, полученный в начале пути, был бесценен, и, когда у старшего Мейсона внезапно отказало сердце, Дэн выбрал именно Роберта. Так «Мейсон и Мейсон» превратилась в «Мейсон и Найт». Увы, за последние годы жизни Уильяма Мейсона фирма утратила былую репутацию. Старшему Мейсону все чаще нездоровилось, и, доверив бразды правления наследнику, он постепенно растерял крупных клиентов, которых пестовал десятилетиями. Бизнесу Дэн предпочитал развлечения, а в результате пострадала фирма. Сейчас «Мейсон и Найт» занималась в основном семейными тяжбами — серьезные клиенты попадались лишь изредка. И все же это был хлеб, а в последнее время не без солидного куска масла: брачное право прославило «Мейсон и Найт» на международном уровне.

Дэн наконец-то остепенился, скорее всего по причине возраста и отсутствия свободного времени. Впрочем, пару раз в год он позволял себе развлечения в стороне от супружеского ложа, но друг Дэн был верный, соратник несравненный, так что Роберт на этот счет помалкивал.

Больше книг на сайте - Knigoed.net

— Она что, рога тебе наставляет? — Дэн опустил в кресло.

— Все не так просто. — Роберт не был готов обнародовать прошлое Эрин, и ему вовсе не улыбалось сознаваться Дэну в том, что он рылся в письмах Эрин. Уж слишком очевиден был привкус истории с первой женой. — Если позволишь, распространяться не стану. Скажу главное: она мне лгала. И раньше, и теперь продолжает, прямо в глаза. Я сказал, что все знаю, но она отпирается.

— А где она сейчас?

— Дома. Приглядывает за Руби... надеюсь. У Руби парень появился. Не поверишь — цыган, черт бы его побрал. — Роберт подался вперед, кожаная обивка кресла закрипела. — Как мне это удастся, Дэн? Жена оказалась не той, за кого я ее принимал, а дочь, которую я устроил в один из самых дорогущих частных колледжей Лондона, втюрилась в полоумного хиппи. — Он безрадостно хохотнул, до того дико все это звучало.

— Не той, за кого ты ее принимал? — Профессиональный нюх не подвел: из скудной информации Дэн выхватил самую суть.

— Она темнит насчет своего прошлого, а я не знаю, чему верить — ее утверждениям или тому, что мне самому удалось узнать.

— Утверждениям? То есть она настаивает на... — Дэн запнулся, подыскивая точное слово, — на своей невинности?

Хороший вопрос... У Роберта щелкнуло в голове. Эрин невозмутимо отрицала, что знакома с Бакстером Кингом, что жила в Брайтоне, но основное обвинение так и повисло в воздухе. У нее ведь была пусть крохотная, но все же лазейка для отпора — прежде чем она убежала из спальни, — а она предпочла увильнуть от ответа. Роберт вздохнул:

— Нет. Не настаивает.

— Понятно, — задумчиво отозвался Дэн. Он блуждал в потемках, пытаясь расшифровать иносказания Роберта. Давить на друга он не мог. — Может, выдернуть того парня из фирмы Гритчли? Как бишь его... ну, ты помнишь — спец по добыванию информации.

Сказать или не сказать?

— Когда ты сообщил мне, что Луиза в Лондоне, я ей позвонил, — медленно произнес Роберт. — Мы виделись за городом, на свадьбе ее кузины. Сегодня утром я ее вызвал, поселил в отеле...

— Попридержи коней, старина! — оборвал его Дэн. — Ты развлекался с Луизой за городом, ты сегодня снова устроил с ней рандеву в отеле — и ты катишь бочку на Эрин? — Верный себе, Дэн одобрительно расхохотался.

— Да нет же! — Впрочем, Роберт понимал, что любое объяснение Дэн истолкует в меру своей испорченности. — Я обратился к Луизе как к специалисту. Нанял ее, чтобы все выяснить. Согласись, это лучше, чем беситься... как в прошлый раз, — добавил он. — Только учти — строго между нами. Если Эрин узнает, что Луиза работает на меня, все будет кончено.

Лишь в этот момент он отчетливо осознал, что не хочет потерять Эрин. Как осознал и другое: сражаясь со скорбью и чувством вины за гибель Дженны, он упустил явные и бесспорные знаки неискренности Эрин. Он тогда очень страдал; горечь потери была так остра, что он не жил, а бездумно проживал дни без Дженны. И ночным мотыльком полетел на свет Эрин.

Тьюла пригласила к ужину, и за столом темы сменились. Говорили о халтурщиках садовниках, которые напортачили с посадкой японских кленов — понавтыкали черт знает куда, стонала Тьюла. Вспомнили дело Боумена: Роберт снова попытался сбagrить его Дэну, тот отказал.

— И без этой хрени зашиваюсь, старик. Давай уж как-нибудь сам.

— Тогда я его буду представлять на слушании — и баста. Если повезет, закружимся за одно заседание. Детей вот только жалко. Каково им будет жить с человеком, который у них на глазах постоянно избивал мать?! — Роберт сообразил, что брякнул, — и готов был язык себе откусить.

— Откуда сведения? Клиент сознался? — прошепелявил Дэн с полным ртом.

Роберт со вздохом положил вилку и нож.

— Недавно ко мне приходила его жена, Мэри Боумен. Сказала, что согласна отдать детей мужу. Видел бы ты ее... Форменная жертва автокатастрофы.

Пока Дэн жевал мясо и усваивал информацию, Роберт прокручивал в голове собственные слова. Мэри Боумен согласна отдать детей мужу. А какое она имеет право их отдавать? И главное — какое право имеет Джед Боумен их забирать? Ясно же, что решение должны принять сами дети. Старшему уже тринадцать, младшему одиннадцать — оба вполне способны разобраться, с кем хотят жить. Представив Руби в такой же ситуации, Роберт убедился, что прав. В случае развода и он, и Эрин наверняка учли бы мнение Руби,

хотя у отчима, конечно, прав куда меньше, чем у родного отца. Однако сути дела это не меняет: ни один из родителей, тем более таких, как Джек и Мэри Боумен, не должен решать судьбу детей.

— Знаешь, старик, я как-то не уверен, что стговор с противоположной стороной...

— Забудь, Дэн. Я справлюсь. — Роберт вскинул руки, давая понять, что тема закрыта.

Роберт расплатился с таксистом и нетвердыми шагами поднялся на крыльцо. Хороший ужин, избыток вина и коньяка, — словом, он был сыт, пьян, приятно расслаблен и готов к мирной встрече с Эрин.

После десерта — Тьюла подала печеные фрукты с охлажденными взбитыми сливками — Дэн увел Роберта обратно в библиотеку, и они еще добрых два часа проговорили под прекрасный коньяк. С помощью Дэна — который, впрочем, так и не услышал всей правды — Роберт решил держать курс на презумпцию невиновности и оставить Эрин в покое. В конце концов, он юрист? А как юрист он не может оскорблять жену из-за голословных заявлений невесть кого. В итоге Дэн убедил друга, что нужно извиниться перед женой, а утром спокойно все обсудить.

В доме, как и предполагал Роберт, было темно и тихо. Часы на микроволновке мигали зелеными цифрами: половина двенадцатого. Роберт налил себе воды, помедлил, собираясь с мыслями, прежде чем подняться в спальню. Завтра его ждет расплата за сегодняшний перебор со спиртным — обычно он и за неделю столько не выпивал.

Эрин не задернула шторы, и уличный фонарь заливал спальню зловеще-янтарным светом. Роберт внезапно остановился, будто наткнувшись на стену: кровать была пуста. Как последний идиот он откинул идеально ровное, без единой морщинки покрывало. Убедившись, что Эрин в нетронутой постели и впрямь нет, повернулся к двери: должно быть, она легла в гостевой спальне или приткнулась рядышком с Руби. Тихо пересек лестничную площадку и, затаив дыхание, приоткрыл дверь. В гостевой никого. А на пороге комнаты дочери Роберт вообще забыл как дышать. Залитая тем же янтарным светом, кровать Руби тоже была пуста.

Дьявол! Роберт вернулся в спальню, рывком распахнул дверцы шкафа. Большая часть одежды Эрин исчезла, остальная грудой валялась внизу. С трюмо пропала шкатулка с украшениями, а из ванной — зубная щетка Эрин и все женские туалетные шгуковины. Он ринулся в комнату Руби. Здесь вещей осталось больше, но самое необходимое тоже исчезло.

Роберт ничком рухнул на кровать Руби, зарылся лицом в подушку. Такой пустоты в душе он не чувствовал с момента, когда в доме не осталось ни единой вещишки, принадлежавшей Дженне. День за днем он упаковывал память о ней, отправлял в благотворительные магазины, раздавал скорбящим родственникам, запихивал в мусорные мешки.

Роберт.

Он вскинулся на кровати: Эрин здесь! И лишь узнав голос Дженны, умолявшей его не повторять прежних ошибок, Роберт наконец понял, что Эрин и Руби от него ушли.

Сара приходит ко мне каждую неделю, и эти встречи нужны мне не меньше, чем девочке. Денег я с нее не беру, но таро непременно раскладываю, чтобы, в очередной раз сжульничав, подсластить крупинкой надежды ее безрадостную жизнь. Девочка так и не решилась сказать отцу, что ждет ребенка, а сам он ничего не замечает. Факт сам по себе примечательный: сразу понятно, сколько внимания отец уделяет своей красавице-дочери — животик-то у нее выпирает, как опара из кастрюли.

На этой неделе она приходит в субботу в шесть. Отец с братьями отправляются на какое-то семейное торжество, а Сара, как и полагается Золушке, естественно, не приглашена.

— А там вообще одни мужчины, — объясняет она, когда наконец наступает вечер субботы.

Я едва дождалась, за два часа до ее прихода все уже было готово. Неделя тянулась как резиновая, клиенты ко мне не спешили.

— И я рада, — продолжает Сара. — Мне сегодня что-то нехорошо.

Я усаживаю ее в кресло и включаю электрокамин на минимум. Солнце как-то быстро закатилось, и вечер на удивление прохладен для июня. Мы с Энди мечтали о крохотном, но настоящем камине, да так и не собрались. А потом Энди ушел.

Я обнимаю ладонями живот Сары — здороваюсь с малышом. Девочка улыбается моему жесту.

— Все чувствую, представляешь? — говорю я. — Вот пяточка, а вот тут, похоже, локоток. — Я прикладываю тонкие пальчики Сары к холмикам на ее животе, и улыбка будущей мамы становится еще шире. Со мной она счастлива. И я счастлива, потому что в доме снова появился ребенок. — Ты ведь все равно будешь бывать у меня, даже когда он родится? — Мне вдруг приходит в голову, что она отдаст всю любовь малышу, а я стану лишней в ее жизни.

— А ты будешь его крестной. Согласна?

Мой игрушечный домик вмиг вырастает до дворца. Мое жалкое серенькое существование озаряется золотым светом.

После пресс-конференции мы с Энди словно приклеились к телевизору и телефону. Шейла перебралась к нам, Дона же отправила домой — уж слишком явно он меня жалел, а по мнению Шейлы, я меньше всего заслуживала сочувствия.

На следующий день наше горе растиражировали на первых страницах все газеты, и местные, и центральные. Когда стало очевидно, что развития событий, вроде найденного тела моей девочки, не случилось, репортерский табор возле нашего дома свернулся и исчез — папарацци ринулись за новыми сенсациями. Собственно, на этом все и закончилось, если не считать пары фраз в теле- и радионовостях. Наша история скатывалась все ниже, пока не оказалась на самом рейтинговом дне. Неделей позже в центральных газетах появились небольшие заметки и фотографии Наташи: стране напоминали о том, что моя малышка до сих пор не нашлась. Но страна очень скоро о нас забыла, народ переключился на новости посвежее, предоставив заботу о нас полиции.

Разумеется, если бы Наташа нашлась живая и невредимая, это вызвало бы всплеск

интереса — но лишь на день-другой. Вот если бы обнаружили труп... Мертвой Наташе досталось бы вдесятеро больше внимания, ну а пока в мире происходило много иных важных событий, например заявление России о ядерных запасах.

Несмотря на вечно поджатые губы, монашескую прическу и диктаторский тон, только Шейла помогла нам пережить бесконечно мучительные недели после исчезновения Наташи. Она бегала по магазинам и готовила, убирала и стирала, отвечала на звонки и выдворяла непрошенных гостей. Приняв на себе всю рутину, Шейла оставила меня и Энди наедине с нашим горем. А паутинка надежды тем временем становилась все тоньше и тоньше, пока не лопнула окончательно. К концу февраля (семь недель без Наташи) мы поняли, что нашу малышку больше никогда не увидим.

Энди потерял работу. Случилось это на той же неделе, когда полиция заподозрила меня в убийстве собственной дочери. Не могу сказать наверняка, когда инспектор Ламли и констебль Миранда потащили меня на допрос — до или после того, как Энди появился дома среди дня и злой как черт, с сообщением, что его уволили за частые и длительные визиты в туалет. А он там плакал, в туалете, я точно знала — достаточно было взглянуть на его серое, в ранних глубоких морщинах лицо. Мы оба много и часто плакали, только в одиночестве и по разным причинам.

Шейла вернулась к себе, но приезжала часто — проведать сына и загрузить для него в холодильник замороженные пузыри с супом и рагу. В тот день, когда мне устроили допрос, она заглянула неожиданно, сунула мне коробку с ужином — на магазины у меня все еще не было сил, — а войти отказалась: к чему, если Энди нет дома?

Буквально через пару минут после ее ухода в дверь снова постучали. Помню, во мне вспыхнула надежда, что Шейла передумала и что не такая уж я в итоге безответственная невестка, даже если лишила ее единственной внучки. Я ринулась к двери, навстречу любви Шейлы. Ведь искра надежды была первым светлым пятнышком в беспроглядном мраке последних недель, и в тот миг я поверила, что это начало чего-то хорошего в моей жизни.

А за дверью стояли полицейские. Детектив Ламли и констебль Миранда, оба крайне серьезные, приказали мне следовать за ними в участок для допроса. И вновь мой мир затянуло в бездонную воронку чужих голосов.

Мне позволили надеть ботинки и пальто, запереть дом, а затем усадили в полицейскую машину на заднее сиденье, в компании с констеблем Мирандой. Я была готова вытрясти из нее душу, выдрать волосы, выцарапать глаза; я на все была готова, лишь бы заставить ее вспомнить, сколько мы пережили вместе в первое, самое тяжелое время после исчезновения моей девочки. Миранда была надежным союзником в дни моей бесконечной тоски по Наташе, она поддерживала меня, утешала и все говорила, говорила о будущем — о моем счастливом будущем с дочерью. Однажды она даже купала меня, после жуткой рвоты. Констебль Миранда была мне другом. Теперь она была только полицейским, исполняющим свой долг.

— Ты не арестована, Черил. Инспектор всего лишь хочет прояснить кое-какие моменты, связанные с исчезновением ребенка. — Констебль Миранда похлопала меня по колену и натужной улыбкой подтвердила мои подозрения об аресте.

В полицейском участке меня провели в комнату для допросов и велели ждать. Констебль Миранда осталась со мной, но хранила молчание. В комнате, стылой как подвал, все было грязно-серое. Заметив, что я дрожу, констебль Миранда принесла мне колючее — и тоже грязно-серое — одеяло. Предложила чаю. Я не смогла выпить ни глотка. Я сидела,

ждала и думала: неужели *я и есть* тот преступник, которого искала вся страна?

Детектив Ламли появился в сопровождении еще одного полицейского, которого я прежде, кажется, не видела. Ламли высок и широкоплеч, на лице с мелкими чертами навечно застыло раздражение. Глубоко посаженные глаза блестят как леденцы, а хищный нос крючком слишком тонок для человека такой внушительной комплекции. Я его с самого начала сторонилась. Теперь же, когда он явно не на моей стороне, он внушал страх.

Констебль Миранда подвела меня к обшарпанному столу, усадила с одной стороны, а полицейские устроились напротив. Оба приготовили блокноты и ручки, в центр стола детектив Ламли поставил магнитофон. Включив его, сообщил дату, время, номер дела, перечислил присутствующих. Все это мне было знакомо — видела по телевизору допросы арестованных преступников. Я пыталась вспомнить, за что меня могли арестовать, но в голове билась одна мысль: моей девочки больше нет.

Моей девочки больше нет, молча твердила я.

Наверное, меня арестовали за беспечность. Наверное, это злодеяние — оставлять машину без присмотра, а главное — оставлять в машине младенца. Наверное, я преступная мать, место которой за решеткой.

— Мы не отнимем у вас много времени, миссис Варни. Нам необходимо уточнить кое-что касательно... — детектив Ламли запнулся, глянул на своего коллегу, — касательно того дня, когда пропала ваша дочь. Понимаю, как вам нелегко. Позвольте заверить, что над этим делом работают мои лучшие люди. Однако нам почти не за что зацепиться, и поэтому хотелось бы прояснить пару моментов...

— Да, конечно. — Я сидела сгорбившись, никак не могла расправить плечи, они ныли в любой позе. С тех пор как Наташа пропала, я усохла и сморщилась. В последнее время мне удавалось что-то проглотить из еды или выпить чаю, и все равно кости выпирали и болели так, будто вот-вот раскрошатся. Да и от волос у меня мало что осталось. — Я постараюсь помочь.

— Начнем, пожалуй, с пинетки. — Ламли вновь посмотрел на коллегу и кивнул. Тот достал из-под блокнота полиэтиленовый пакетик с вязаной Наташиной пинеткой, которую я нашла на улице. Правда, сейчас она была сплющена и не такая яркая, как мне помнилось. — Знаком ли вам этот предмет, миссис Варни?

Если бы я только могла... Если бы я могла пнуть каждого из них, врезать по подбородку, ткнуть ручкой в глаз — возможно, они ощутили бы хоть слабое подобие той боли, которую испытывала я и с которой мне предстояло жить до конца моих дней. Но тем самым я лишь помогла бы им приблизиться к цели — найти подозреваемого. Я была идеальным вариантом, ведь в поисках настоящего преступника они не продвинулись ни на шаг. Горы папок с незакрытыми делами вряд ли радовали глаз детектива Ламли. Симпатии он ко мне никогда не испытывал и явно решил найти самый легкий выход из ситуации. Бесплодные усилия всех его сыщиков в итоге обратили внимание Ламли на меня.

Я взяла пакетик с Наташиной пинеткой, грязноватой, но несомненно той самой, что я подняла на улице в самый страшный день моей жизни.

— Конечно, этот предмет мне знаком. Я вам уже говорила.

— А вы взгляните еще раз. Рассмотрите как следует, миссис Варни. Быть может, пинетка только похожа на вашу?

— Нет. Это Наташина пинетка, — твердо повторила я, не отрывая глаз от пакетика. — Шейла, моя свекровь, связала для внучки комплект, пинетки и шапочку. Эту пинетку я

нашла на улице, когда поняла, что мою дочь украли, и увидела, как человек с ребенком на руках бежит к выходу с парковки. Должно быть, пинетка упала с ножки Наташи, когда... — Боже, как тяжело! Но они меня жутко разозлили. — Упала, когда похититель убежал с моей девочкой. Эти пинетки вечно сваливались.

— Ясно. — Детектив Ламли что-то черкнул в блокноте, снова подал знак помощнику, и тот протянул ему лист бумаги. — А если я скажу вам, миссис Варни, что вы ошибаетесь и пинетка не принадлежит вашему ребенку? Вашу свекровь, Шейлу Варни, мы, разумеется, допросили, и она подтвердила ваши слова. У нее даже осталась пряжа, из которой она связала комплект, и мы отдали образец этой пряжи на анализ. Так вот, миссис Варни, данное изделие связано из пряжи абсолютно иного сорта. — Он вынул пакетик из моих пальцев и потряс — пинетка внутри подпрыгнула. — В результатах экспертизы сомневаться не приходится. Шейла Варни не вязала эту пинетку.

Детектив Ламли по столу подтолкнул ко мне листок. Я смотрела на печатные строчки, ничего не понимая в протокольном жаргоне.

— Клянусь... это Наташина... — Голос дрожал, глаза наполнились слезами. Что они за люди? Что они творят со мной? Лишают меня единственной надежды, единственной ниточки, ведущей к моей девочке. — Не может быть, чтобы кто-то связал точно такие же. Наверное, Шейла просто не ту пряжу вам дала. У нее столько мотков, целая корзина. — Я была готова на коленях умолять их поверить мне.

— Мы не исключили и такую возможность, поэтому провели тест на ДНК частичек кожи с пинетки. — Ламли умолк и пожевал губами, будто с трудом удерживал на языке слова, которые собирался швырнуть мне в Лицо. Его коллега пододвинул ко мне еще один листок с такими же туманными фразами. — Мы надеялись, что результаты совпадут с ДНК-тестом волоса вашей дочери.

— И?.. — Я справилась с дрожью в голосе. Пусть не думают, что я волнуюсь, это лишь усилит их подозрительность.

— Результат отрицательный, миссис Варни. Ничего общего. Пинетка не принадлежит вашей дочери.

«Откуда вы все знаете? — думала я. — Откуда такая уверенность в том, что именно вы правы, а я ошибаюсь?»

Я вышла из магазина. Моя девочка пропала. Ее не было в машине. Ее нигде не было. Кто-то бежал к выезду с парковки... Я нашла пинетку...

— Кстати, о магазине, миссис Варни. Давайте-ка разберемся с тем пирогом...

— Вы и пирог мне подсунете в пакете? Боюсь, я его не узнаю, — должно быть, он слегка заплесневел за столько месяцев.

Я упала головой на стол, стукнувшись лбом о его край, и шумно выдохнула. Констебль Миранда, вмиг оказавшись рядом, принялась гладить меня по спине — думаю, хотела предупредить об осторожности, ведь каждое мое слово могло обернуться против меня. Полиция не раз арестовывала невинных людей, арестовывала за преступления, которых они не совершали. Детектив Ламли с помощником подмечали все симптомы моего отчаяния. Сложив их, в сумме они получили бы неопровержимую улику и с радостью защелкнули на мне наручники. Только вот... за какое злодеяние? Что я такого совершила, чтобы бросать меня за решетку? В чем они пытаются меня обвинить? Как можно украсть собственного ребенка?

— В заявлении от четвертого января вы сообщили, что заехали на стоянку

супермаркета, и указали на плане точное место парковки своего автомобиля. Припарковавшись, вы взяли сумочку и направились в магазин, чтобы купить пирог для предстоящего визита к родителям мужа. Ваша дочь Наташа спала, и вы оставили ее в машине. За пирог вы расплатились наличными в экспресс-кассе, после чего вернулись к автомобилю и обнаружили, что ребенка там нет. — Взгляд натасканной ищейки воткнулся в меня.

— Все верно.

— В таком случае, миссис Варни, объясните, почему в супермаркете зафиксирована оплата пирога вашей кредитной картой «Виза» через *двадцать минут* после того, как вы, согласно вашему заявлению, купили пирог за наличные.

Объяснить... А как объяснить детективу Ламли и его бессловесному коллеге, что я заплатила за пирог дважды? Да они тут же сделают стойку, почуяв добычу, когда услышат, что сидящее перед ними жалкое существо во второй раз покупало пирог, вместо того чтобы звать на помощь, звонить в полицию, бросаться на поиски своего пропавшего ребенка.

— Это вышло случайно... Она снова просканировала пирог, а я только хотела ей сообщить...

— Кому? — рявкнул Ламли.

— Девушке... Кассирше.

— Сообщить о чем?

— О Наташе... Что она пропала.

— Однако не сообщили. Почему?

— Потому что... — Я накидывала петлю на собственную шею, но выбора не было — Ламли ждал от меня правды. — Потому что решила, что я ошиблась! Кассирша ткнула сканером в пирог, сняла код... все как обычно... как будто совершенно ничего не произошло. Как будто я только что зашла в супермаркет за пирогом, а пустая машина мне просто почудилась. Понимаете, я не хотела верить в этот кошмар и убедила себя, что Наташа спит себе в машине, пока я покупаю пирог.

— В первый раз покупаете? — уточнил Ламли.

— Да! Я покупаю пирог, а Наташа спит в машине.

— А на самом деле вашего ребенка в машине уже не было, а вы во второй раз расплачивались за покупку.

— Да.

Как я себя ненавидела. Хотела ведь сообщить кассирше о том, что у меня украли ребенка. Она бы сразу позвонила в полицию... Но я ей ничего не сказала. Это была моя первая ошибка.

— Откуда такая путаница в голове, как по-вашему, миссис Варни? Вы купили пирог — в первый раз, — подошли к машине и увидели, что дочь исчезла. Что же заставило вас подумать, будто ребенок по-прежнему спит в машине, пока вы во второй раз покупаете пирог?

Я сглотнула слюну. Закашлялась. Констебль Миранда пододвинула чашку, но чай был ледяной, и я не стала пить.

— Не знаю, — просипела я наконец. — Я очень устала. Всю ночь не спала. В голове был туман.

— А почему вы не спали всю ночь? — Ламли откинулся на спинку стула, тот жалобно заскрипел. Детективу, должно быть, приходилось покупать одежду очень больших размеров

в специализированных магазинах.

— Наташа плакала, я не могла ее успокоить.

«Неужели предчувствовала, что с ней завтра случится? Может, поэтому и заходилась в крике?»

— Такое часто бывало? Она вообще плохо спала или та ночь скорее исключение?

— Почему... *спала*?

— Потому что речь идет о том периоде, когда ваша дочь пропала. Ничего иного я не имел в виду. Итак — она хорошо спала?

Я кивнула, а Ламли с помощником вдруг принялись что-то бешено строчить в блокнотах. Бросив взгляд на коллегу, Ламли снова обратился ко мне:

— Миссис Варни, согласно отчету патронажной сестры, с ноября, когда родилась ваша дочь, вы звонили или вызывали сестру тридцать семь раз и в основном жаловались на то, что у ребенка проблемы со сном и он часто плачет. Наташа часто плакала, миссис Варни? Она ведь была совсем крошкой. Новорожденным младенцем. Все младенцы плачут.

«Не *была*! Она и сейчас совсем крошка!» — завопила я беззвучно.

— Вам случалось когда-нибудь причинить вред дочери за то, что она долго плачет или не засыпает?

Я уставилась на Ламли ледяным взглядом. Ну нет. Этот номер у них не пройдет. Моего ребенка украли!

— К примеру, трясли ее или зажимали ей рот? Быть может, накрывали подушкой лицо на пару секунд, чтобы немного отдохнуть от ее плача, а однажды самую капельку переусердствовали? — Ламли лег грудью на стол,дохнул на меня запахом кофе. — Так все и было, миссис Варни?

Собравшись с силами, которых, если честно, почти не осталось, я тоже подалась вперед, нос к носу с Ламли.

— Я не убивала свою дочь, если вы на это намекаете, инспектор. А беседую с вами вот так спокойно, вместо того чтобы закатить истерику, только потому, что у меня нет желания даже просто дышать. Если бы вы знали, какой это труд — заставлять себя жить, вы забрали бы свои слова обратно. А если бы вы были *способны* на сострадание, то позволили бы мне уйти домой, к мужу, оплакивать своего ребенка.

Но Ламли был беспощаден.

— Оплакивать, миссис Варни? А не рановато ли? Мы не должны терять надежды найти Наташу живой и невредимой. Ваши собственные слова, между прочим. Не вы ли говорили, что живы только благодаря надежде?

— Я имела в виду...

— Беседа с миссис Черил Варни закончена в четырнадцать часов семнадцать минут. — Поднявшись, Ламли навис надо мной свинцовой тучей. — Можете идти. Благодарим за содействие. И не сомневайтесь, если узнаем хоть что-нибудь о ребенке, мы с вами свяжемся.

Мужчины ушли, а констебль Миранда проводила меня до приемной, где мне пообещали дать машину и отвезти домой. Через полтора часа, так ничего и не дождавшись, я вызвала такси. Вернулась домой и заснула.

Спустя два дня Ламли возник у меня на пороге в шесть часов утра — с тремя офицерами полиции и ордером на обыск. На протяжении двенадцати часов я наблюдала, как они просеивали содержимое ящиков и шкафчиков, разбирали мебель, выуживали откуда-то давно потерянные вещи, возились на чердаке, копались в старых фотографиях и книгах,

любовались моим нижним бельем и паразитально долго распахивали по мешкам всякие мелочи из комнаты Наташи.

Затем они вышли в сад. Я заварила себе чаю, устроилась за столом на кухне и смотрела, как они гигантскими жуками ползают по неухоженному клочку земли перед домом. Помню, их здорово взбудоражила единственная находка — останков нашего давно усопшего кота. Больше ничего стоящего они не выкопали.

— А как твой папа посмотрит на то, что его внук станет христианином? — спрашиваю я у Сары.

Она печально отмахивается: к этому времени отец, обрушив на нее всю свою ярость, вышвырнет из дома, так что о крестинах и не узнает. А она непременно хочет крестить ребенка, из любви к его английскому отцу, Джонатану. Он учится в одной школе с Сарой, только классом старше. На самом деле его по-другому зовут, как и Сара — не настоящее имя девочки. Она признается, что любит ко мне приходиться, потому что со мной ей спокойно и только здесь она чувствует себя в безопасности.

— А настоящее имя ребенка ты мне хотя бы скажешь?

— Конечно. — Она хрустит вафельной трубочкой моего приготовления, крошки сыплются на ее животик.

Мне немножко обидно и грустно: вот уже шесть или семь недель, как мы знакомы, а девочка так и не назвала своего настоящего имени. Она боится, что я выдам ее отцу, но ведь он так или иначе все узнает, когда дочь явится в дом с младенцем.

— Может, как-нибудь приведешь и Джонатана? Буду рада с ним познакомиться.

Сара смущенно опускает глаза. Хрустит трубочкой.

Мы болтаем еще часа два, смотрим телевизор. Потом я приношу из гостевой комнаты старые фотографии и мы вместе их разглядываем. Я придвигаюсь поближе к девочке, обнимаю. Лопатки у нее торчат, и плечи — кожа да кости. Я подсовываю ей блюдо с трубочками. Не дай бог, малышу не хватит питания. Ей ведь совсем скоро рожать. Одну коробку со снимками я оставила наверху. Там только фото Наташи.

— Это мы с Энди в отпуске. Ну и видок у меня тут!

— Энди был твоим мужем?

— Да. Мы развелись. Давно.

— У тебя был муж — и ты разрешила ему уйти?! — Сара вскидывает голову. Глаза у нее круглые-круглые, а на губах вафельные крошки. Она прелестна, и ее малыш, я знаю, тоже будет очень красивым.

— У нас было тяжелое время, — объясняю я. — И серьезные проблемы. К сожалению, неразрешимые.

Я не делюсь с Сарой воспоминаниями о том, как Энди превратился в мешок дерьма, в неврастеника, истекающего ненавистью; как он изрыгал проклятия, бросался на меня с кулаками, уродовал мою одежду и кромсал волосы, пока я спала.

Я избавляю Сару от рассказа о том, как Энди покопался в моей машине — и я едва не отправилась на тот свет, врезавшись в дорожное ограждение, или как он пытался отравить меня скипидаром. Вряд ли девочка способна осознать мощь злобы Энди, такую колоссальную мощь, что я кожей ощущала ее накал, даже когда мужа не было дома. Злоба отравляла его, как гнойная инфекция, а он упорно отказывался вскрыть нарыв. В исчезновении Наташи он винил меня и только меня.

— У нас с Джонатаном не будет никаких проблем. Мы любим друг друга.

Сара подставляет ступни теплу электрокамина, шевелит пальцами. Сегодня на ней сари — идеальный вариант, чтобы скрыть фигуру, — и забавные зеленые носки с вывязанными пальчиками. Ее малыш прячется под изумрудными и густо-красными складками расшитого золотом сари. На лице Сары ни намека на косметику, кожа бархатная, густые волосы так и сияют. В конце беременности женщины всегда прекрасны. Боже, как я жду появления ее ребенка.

— Погадай еще по ладони. — Сара со смехом прижимается ко мне. — Где линии ребенка?

Она пахнет кардамоном, тмином, корицей. Я вдыхаю пряные ароматы, будто склонившись над экзотическим блюдом.

Потом беру ее руку, всматриваюсь в темные борозды на желтоватой коже.

— Вот он, видишь, — твой малыш. — Как всегда, я не говорю ни о том, что линия рваная, ни о линиях других ее детей.

Сара расплывается в улыбке и, взяв мою левую руку, проводит длинным ногтем по ладони:

— Значит, вот это — линия *твоего* ребенка. Ой, смотри, Черил! У тебя будет малыш!

Я тоже улыбаюсь и медленно поднимаю на нее глаза. Наши лица совсем близко, а мысли такие разные...

— Конечно, будет. — И, приподняв ее руку, я прикасаюсь губами к ладошке.

Эту ночь Роберт провел на кровати Руби, в одежде, скрючившись на узком ложе. Проснулся со стоном — шея болела, ноги свело судорогой. Прошлый вечер не сразу всплыл в памяти, но, пока глаза привыкали к свету, сонный туман в голове рассеялся. *Эрин и Руби исчезли*. Он сел на кровати — слишком резко, и вчерашние возлияния вкупе с тошнотворной реальностью возмутили его желудок. Спустя несколько минут Роберт принял душ, оделся и, мысленно набрасывая план действий, влил в себя пол-литра крепчайшего кофе.

Прежде всего он набрал домашний телефон Дэна и не слишком удивился приветствию автоответчика. В половине восьмого Дэн наверняка еще дрыхнет, а в офисе появится часа через два, не раньше. Роберт оставил короткое сообщение, предупредив партнера, что берет выходной. Еще одно сообщение наговорил на голосовую почту Тани, наказав отменить все встречи. Наконец, позвонил Луизе. Она ответила уже после второго гудка, бодро, хотя и слегка запыхавшись:

— Привет! Тебе повезло, что поймал меня, я только что из тренажерного зала. Бегать по лужам — радости мало.

Роберт глянул в окно: по стеклу уже застучали крупные капли летнего дождя. Он подумал о жене и дочери — где-то их застигла непогода? — и желудок вновь стянуло спазмом.

— Упорная ты женщина. — Роберт помолчал в расчете на ответную реплику в том же духе, но Луиза промолчала. Должно быть, сработал ее внутренний детектор лжи и в праздном тоне Роберта она уловила напряжение. — У меня кое-что произошло, — признался он, отбросив притворство.

— М-м? — Судя по звукам в трубке, Луиза открыла бутылку и глотнула воды.

— Эрин и Руби ушли из дома.

— М-м... — Еще один глоток. — Неприятная новость.

— Ты приедешь?

Роберту самому не понравилось, как это прозвучало — будто он упал духом. Собственно, это было недалеко от истины, но Роберт хорошо знал Луизу. Слабаков она не терпела и запросто могла отказать в помощи. Он потер колючий подбородок, напомнил себе, что надо непременно побриться перед встречей... Хотя почему его волнует, каким его увидит Луиза?

У него есть жена. Она ушла из дома, но она у него *есть*.

— Я хочу, чтобы ты начала расследование немедленно, — продолжил он ровным тоном. — Мне нужно знать, куда отправились Эрин с дочерью. Мне также нужно знать правду о прошлом Эрин. Если я сам займусь, непременно все испорчу. Ты мне позарез нужна, Луиза.

— Потерпи полчаса. Я привезу ноутбук, к тому времени уже должен прийти ответ насчет свидетельства о рождении Руби. — Теперь она что-то жевала.

— Оперативно. — Железной самодисциплине Луизы можно только позавидовать, думал Роберт, наливая очередную чашку кофе.

— Профессионалы, — отозвалась Луиза. — Дальше копать и не стоит, Роберт. Когда мы найдем метрику Руби, а Эрин, поджав хвост, вернется домой, самое лучшее, что вы можете сделать, — поцеловать друг друга и заняться...

— Как-то все у тебя просто.

— Послушай, Роб, я не могу вот так, с ходу, сообщить, куда подались Эрин и Руби, зато я могу доказать тебе простыми и достоверными фактами, что ничего страшного в твоей жизни, по сути, не произошло. — Она не позволила Роберту вклиниться. — Полчаса, Роб, — и я у тебя.

Роберт вздохнул, прижимая к уху умолкнувшую трубку. Луиза есть Луиза. Она по-прежнему поступает как друг, а не как частный детектив.

Внушающее оптимизм обещание Луизы не принесло покоя в сердце Роберта. Мерзкое чувство, угасшее после смерти Дженны и почти истребленное магией любви Эрин, встрепенулось и расправило крылья, как злобная птица Феникс. Время словно повернуло вспять, и Роберт вновь горел в адовом огне подозрений. Казалось, Дженна опять рядом — ожила, чтобы заставить его претерпеть те же муки... и исправить прежние ошибки.

Перескакивая через две ступеньки, Роберт взлетел на верхнюю площадку и нырнул в письменный стол Эрин за коробкой с письмами Бакстера Кинга. В переписке Эрин с Кингом наверняка найдется какая-нибудь зацепка... Тайник был пуст. Эрин забрала то, что было дорого ее сердцу.

Роберт сел за стол. В ожидании Луизы он еще раз просмотрел компьютерные файлы, и с тем же результатом — ничего существенного. Перебрал бумаги на столе — бухгалтерские документы, с которыми Эрин работала дома. Тоже ничего, заслуживающего внимания. «Маргаритка» так много значит для Эрин, подумал он. Откроет ли Эрин магазин, как обычно, — или бросит его, как бросила мужа? А что со школой Руби? Роберт очень надеялся, что хотя бы ради дочери Эрин не станет круто менять свою жизнь. Как только Луиза примется за работу, надо будет съездить в «Маргаритку», решил он.

Прошло сорок минут, Луиза не появилась. Обыскав все до последнего угла, Роберт вышел из кабинета Эрин, чтобы вернуться вниз.

У приоткрытой двери в комнату Руби он замедлил шаг. Как пусто здесь без девочки... Роберт вошел и вытянулся на кровати.

— Эрин, Эрин...

Он провел ладонью по глазам, вдохнул витающий сладкий аромат дезодоранта Руби и улыбнулся невольно, глядя на постеры, вкривь и вкось залепившие обои. Рок-звезды и красавцы-актеры соседствовали здесь с котятками и медвежатами: девочка выросла, но в юной женщине все еще нет-нет да и проглядывал ребенок.

Роберт посмотрел вверх и, впервые увидев потолок в таком необычном ракурсе, поразился, какое радужное, искристо-хрустальное мироздание сочинила Руби у себя над головой. Сверкающие висюльки, рассыпая огни, крутились и приплясывали каждая в собственном причудливом ритме. Парочка штуквин непременно цеплялась за его волосы, когда он заходил сюда пожелать Руби спокойной ночи, но лишь сейчас, лежа на кровати, Роберт понял, почему она собирала все эти безделушки. Они завораживали. Манили в сказку. Недаром Руби всегда казалась ему пришлицей из иного, волшебного мира. Внимание Роберта привлекла одна из драгоценностей Руби. Два-три десятка кристаллов горного хрусталя висели над изголовьем кровати, как антикварный канделябр, однако в самом центре, полностью спрятанный гранеными хрусталиками, если смотреть на него сбоку, блеснул тусклым золотом кругляш, налитой и тяжелый, словно перезрелый фрукт, готовый упасть с ветки.

Роберт поднялся, чтобы рассмотреть как следует. Даже крупная информация сейчас

была бы бесценна, иначе Луизе просто не за что ухватиться. Издалека выглядевшая цельной, на деле круглая штучка оказалась медальоном из низкопробного золота и изначально явно не была частью хрустальной композиции.

Осторожно поддев звено цепочки, Роберт снял украшение. Судя по слою пыли, к медальону давно не прикасались. Роберту удалось просунуть ноготь между двумя половинками безделушки, и медальон открылся. Внутренняя, с узорной гравировкой, створка была выщерблена по краю и поддалась не сразу, но, когда Роберт все же ее отколупнул, в углублении за ней обнаружилась размытая черно-белая фотография: молодая женщина в меховой шапочке на аккуратных кудряшках, подбородок спрятан в меховой воротник. Снято годах в сороковых, прикинул Роберт, а женщине... лет двадцать пять, не больше.

Роберт вынул круглый кусочек картона из медальона, где он, без сомнения, пролежал десятилетия. На обороте вислась надпись старомодным затейливым почерком. Роберт прищурился, вглядываясь в выцветшие, едва видные буквы. *Babka Wystrach*.

«Бабка Вайстрах», — прочитал он медленно. Возможно, иностранное имя произносилось и по-другому. Он перевернул фото. Молоденькая женщина улыбалась, но как-то нервно, а легкая морщинка меж бровей придавала ей озабоченный вид. Роберт вернул снимок на место, защелкнул медальон и сунул в карман брюк. Спустившись в холл, он выглянул в окно — Луизы так и не было — и позвонил в Грейвуд-колледж. Секретарша сообщила, что Руби отсутствует, и он попросил отметить в журнале посещений, что девочке нездоровится.

Отсутствует... Роберт со вздохом сел за кухонный стол. Набирая номер «Маргаритки», он заметил брошенные у раковины грязные тарелки и кастрюлю — Эрин и Руби не вымыли после ужина. Если бы не исчезновение вещей, он бы уже обратился в полицию и в страхе обзванивал больницы, разыскивая жену и дочь, возможно попавших в аварию. А если бы не его болезненная подозрительность, Руби была бы сейчас в школе, а Эрин — на работе.

В трубке звучали длинные гудки. «Маргаритка» закрыта. Заранее зная результат, он все же позвонил на мобильный Эрин, а потом и Руби. Оба раза нарвался на голосовую почту. Сообщения он не оставил.

Луиза прошла в кухню и без промедления включила ноутбук. Пока он загружался, окинула взглядом грязную посуду, переполненное мусорное ведро.

— Боже! Уборщицу нанять еще не думал?

Молча проглотив колкость, Роберт налил черный кофе. Луиза, он помнил, с молоком не любила.

— Прощу. — Он поставил перед ней чашку и вынул медальон: — Вот, нашел только что в комнате Руби. Может, пригодится.

— А травяного чая нет? Мята, ромашка?

Роберт раздраженно мотнул головой. Он ей платит не за капризы.

— Открой. Там фото. И имя написано.

— Всеу свое время, Роб, — с нажимом произнесла Луиза. — Итак... — Закусив губу, чуть подалась к монитору. — Письмо из агентства, насчет метрики.

Роберт склонился над ней, упираясь ладонями в стол. Затаив дыхание, пробежал глазами письмо.

— «Поиск не дал результатов. Запрошенный документ не обнаружен». И что это

значит? — Он и сам отлично понял смысл ответа, но хотел получить подтверждение.

— Хм... Такого я никак не ожидала... — прошептала Луиза, словно забыв о присутствии Роберта. — А я-то считала их спецами.

Звонок в агентство лишь подтвердил: да, именно так, свидетельство о рождении на имя Руби Лукас нигде не зарегистрировано. Самый расширенный поиск ничего не дал. Отключив телефон, Луиза хмуро глянула на Роберта:

— Ты уверен, что Руби официально носит фамилию Лукас?

— Абсолютно, — кивнул Роберт. Еще бы не уверен — с каким трудом он вытянул из Эрин эту информацию!

Придвинув стул, Роберт устроился рядом с Луизой, очень стараясь не касаться ногой ее ноги. Оба уставились на монитор, словно рассчитывая, что оттуда посыплются ответы на загадку Эрин.

— Тогда я не понимаю, Роб, как...

— Неужели? Совершенно очевидно, что Эрин не сочла нужным регистрировать появление на свет плода продажного секса, — оборвал ее Роберт. — Возможно, она даже собиралась отдать ребенка, да бумажная волокита помешала.

Луиза отхлебнула кофе.

— Давай-ка обдумаем, Роб... — Зазвонил мобильник, она посмотрела на дисплей и без колебания ответила: — Привет. Нет, не могу. Я работаю. — Долгая пауза — Луиза слушала собеседника. — Дней пять как минимум. — Нетерпеливый вздох. — Знаю, знаю. Прости. Пока. — Она захлопнула телефон и обратилась к Роберту, словно и не прерывалась: — Надо все основательно обдумать, Роб...

— Это Уиллем?

— Да. — Одно-единственное слово она умудрилась произнести как добрую сотню.

— Что-то ты не слишком рада его звонку.

— Он хочет, чтобы я вернулась домой.

— Вполне естественное желание. — Роберт тоже многое отдал бы, чтобы Эрин и Руби вернулись домой.

— На данный момент свидетельство о рождении отошло на второй план, верно? Основная проблема — туманное прошлое твоей жены? — Луиза не желала продолжать разговор об Уиллеме.

Роберт вздрогнул, случайно коснувшись бедра Луизы. Черные слаксы, обтягивающие ее ноги бегуньи, оставляли открытыми лодыжки — на левой поблескивала серебряная цепочка.

— Угу, — ответил он рассеянно, заинтригованный реакцией Луизы на звонок мужа. — А ты что же, не хочешь домой?

— Я работаю, — резко сказала Луиза. — Между прочим, работаю на тебя. Как только мы с тобой закрутимся, я вернусь домой... к Уиллему. — Имя мужа определенно царапало ей язык. — Хотя, по правде говоря, я не совсем представляю, чего ты от меня, собственно, ждешь.

— Для начала можешь выяснить, кто эта женщина на снимке. — Он постучал ногтем по медальону на столе. — Затем, к примеру, можешь поручить своим умникам из агентства раскурочить комп Эрин и выжать из жесткого диска всю стертую информацию.

— По-моему, ты слишком далеко заходишь. Повторяешься, Роб, тебе не кажется? — Луиза открыла медальон и вынула фотографию, перевернула снимок. — Имя необычное. За день что-нибудь выясню.

Роберт кивнул. Однако насчет компьютера она его не убедила.

— Работай, используй все, что нужно, — Интернет... словом, чувствуй себя как дома. Я дам тебе ключ.

— Спасибо. Я загляну в кабинет Эрин — не возражаешь?

— Да пожалуйста, сколько угодно. Все улики она забрала с собой, но я могу просветить тебя относительно Бакстера Кинга, который рассказал мне о... ну, ты поняла.

— Эрин в любую минуту может вернуться. И как вы будете выглядеть, мистер Найт? Как объясните присутствие в доме женщины? — Луиза улыбнулась. — Ладно. Валяй в офис или куда там тебе нужно, а поле деятельности оставь мне. Учти — я не позволю тебе утонуть во всем этом. — И она застучала по клавиатуре, начисто забыв о присутствии Роберта.

«Я уже тону», — подумал Роберт, вперив невидящий взгляд в пространство.

Об исчезновении жены и дочери, наверное, следовало сообщить в полицию. Но ведь полиция, размышлял Роберт, занимается преступлениями, а Эрин, с какой стороны ни посмотри, ничего не натворила, — по крайней мере, в глазах служителей закона. Ушла от мужа-параноика? Ну так полиция тут ни при чем. Эрин ушла по собственной воле, забрав личные вещи. Да полицейские просто-напросто поднимут его на смех.

Роберт на такси доехал до дома Дэна, пересел в свою машину и отправился в «Маргаритку». Он захватил запасной ключ, которым и воспользовался, надеясь, что Эрин не изменила код сигнализации. Не изменила. Магазин встретил его непривычной темнотой — все освещение, даже витринное, было отключено — и ароматом цветов вперемешку с запахами сахарного сиропа и затхлой воды.

Дождь усилился. Роберт добирался сюда медленно, затаив надежду, словно следуя примеру тяжелых, насыщенных влагой туч, что неспешно собирались над Лондоном. Луиза уже принялась за его дело, и это успокаивало, но... Луиза в тепле и безопасности у него дома, а Эрин с Руби неизвестно где. И в этом только его вина.

Роберт подошел к витрине, глянул на свинцовое небо. А что сейчас видит Эрин? — мелькнула мысль. Заметила ли сполохи молний на горизонте? Или бежит, опустив голову, по улице — насквозь вымокшая, бесприютная? Вместе с дочерью... Роберт стукнул по стеклу, и низкий вибрирующий звук удара совпал со вспышкой молнии, осветившей небеса.

— Черт бы тебя побрал, Эрин Найт!

Только любовь способна причинить такую боль.

Надо найти себе дело, решил Роберт, иначе точно можно свихнуться. Понимая, что в офисе от него в таком состоянии толку никакого, он решил заняться цветами. Он примерно представлял себе стоимость товара; позволить двадцати с лишним корзинам цветов погибнуть было бы ошибкой, и не дешевой. А вдруг Эрин почувствует, что он пестует ее цветы, вдруг воспримет волны любви, которая переполняла сердце, вопреки всему, что он узнал о жене?

Любовь к Эрин для него жизненно необходима, как вода для цветов, думал Роберт, бережно вынимая орхидеи цвета шафрана и неспелой вишни. Он словно держал в объятиях прекрасных женщин в экзотических шелковых одеяниях, и каждая кивала ему, нежно и благодарно. Он вылил отдающую тиной воду в раковину, налил свежей и один за другим опустил плотные стебли в ведро. Сменив воду во всех ведрах, Роберт обрызгал из пульверизатора композиции и привел в порядок витрину, убрав увядшие цветы. Покупатели время от времени пытались открыть дверь, но Роберт запер ее сразу как вошел, повесив табличку «Закрето». Сделав все, на его взгляд, возможное для питомцев Эрин, он еще раз обошел магазин и с тоской опустился на стул за прилавком. Сейчас бы сигарету...

На ветровом стекле его машины белела бумажка — штраф за неправильную парковку. Роберт в сердцах пнул носком колесо и двинулся по улице, не имея представления, куда его несет. Занесло в пивную, где он заказал бурбон и, сунув пару монет в автомат, курил одну сигарету за другой. Не купив ни пачки с тех пор как бросил курить — сразу после знакомства с Эрин, — сейчас он злорадно втягивал дым, с жадным удовольствием никотинового неофита. Так он и провел следующие часа два — в одиночестве, безмолвно

протестуя против всего того, что выглядело таким стабильным в его жизни, а на деле оказалось построено на песке.

Покинув наконец паб, Роберт не замечал, что идет под проливным дождем. И лишь проведя ладонью по разгоряченному выпивкой лицу, понял, что по щекам текут струи воды. Он плелся по улицам, нереальным и ненастоящим, будто нарисованным на карте. Мокрая рубашка, облепив тело, мельком напомнила ему о том, как он набросился на Эрин в душе... а ведь отлично понимал, что отталкивает ее. Он все равно что собственными руками вышвырнул ее из дома. Его замутило — то ли от сигарет, то ли от выплеска той горечи, что он пытался удержать внутри с тех пор, как появился в Брайтоне и услышал правду об Эрин.

Правду ли? А если да — то всю ли правду? Вихрь мыслей в затуманенных алкоголем мозгах неожиданно родил решение немедленно дозвониться до Бакстера Кинга и выпытать у того все, что ему известно о прошлом Эрин.

Роберт нырнул под навес у входа в какую-то лавку и сунул руку в карман. Телефона не было. Исчерпав проклятия и отбив кулак о стену, он сообразил, что оставил мобильник в пабе. Нетвердой от изрядного количества виски походкой он кружил по улицам до бесконечности, но безуспешно. Пивная как сквозь землю провалилась. Слава богу, бумажник остался при нем, а телефон-автомат обнаружился неподалеку.

Роберт ввалился в провонявшую мочой кабинку и облегченно вздохнул: здесь хотя бы дождь не поливает. От мокрой одежды и дыхания стекла быстро запотели. Грязная трубка противно липла к рукам. Он уже собрался набрать номер справочной, да так и замер, увидев с десятков розовых, красных, черных визиток, прилепленных над аппаратом.

Горячий массаж... Сауна с сексапильной медсестричкой... Экзотические иностранки... Длинноногие блондинки... Пышногрудые девушки... Малышки на любой вкус...

Буквы и рекламные фото на захватанных немытыми пальцами карточках поплыли перед глазами. Некоторые из девушек выглядели ровесницами Руби. Он наугад сорвал одну из визиток и на миг зажмурился, словно в глаза сыпанули песком: вульгарно намазанное лицо далеко не юной женщины вдруг превратилось в смеющееся лицо Эрин, какой она запомнилась ему на свадьбе.

— «Хелена, — с трудом шевеля губами, шепотом читал он. — Мой массаж заставит тебя забыть обо всех проблемах».

Несмотря на вызывающую позу и клоунский макияж, Хелена была привлекательной женщиной с красивым телом и высокой грудью. Не соображая, что делает, выкинутый спиртным из реальности, Роберт набрал номер, на который указывали соски жрицы любви. В эту секунду он знал только одно: ему *необходимо* хоть кто-нибудь, способный ответить на его вопросы и избавить от этой невыносимой муки. Возможно, Хелена и есть тот самый, нужный ему человек.

Роберт поймал такси и назвал адрес Хелены. По телефону она ему понравилась — приятный голос, подкупающая готовность услужить. Роберт сгорал от нетерпения, хотя и по иным причинам, нежели Хелена. Ей нужны деньги, ему — объяснения.

По дороге к цели воображение рисовало Роберту полуобнаженную женщину в спальне: благоухая ванилью и миндалем, она поправляла атласные простыни в ожидании клиента... как сотни раз, должно быть, делала и Эрин. Вот только у него не было ничего общего с клиентами шлюхи, кроме отчаянного желания.

— С тебя тридцатка, приятель. — Затормозив на улице из домиков-близнецов, таксист опустил заградительное стекло. Роберт расплатился и выступил под дождь. Огибая лужи,

дошел до крыльца Хелены, позвонил в дверь. Он *уже* чувствовал себя так гадостно, будто вывалился в грязи.

До ночи далеко, а окна в доме зашторены, крыльцо замусорено, в окурках. Пока ехал сюда, Роберт слегка протрезвел, но не настолько, чтобы отступить. Он пригладил спутанные мокрые волосы, потер щетину — так и не побрился. Хорош, нечего сказать. Но ведь он не собирается никого очаровывать.

Дверь открыла женщина в темно-синем мужском халате.

— Роберт Найт? — произнесла она грудным, с хрипотцой, голосом. В руке дымилась сигарета. — Заходите.

На снимке была совершенно другая женщина, так что эта никак не могла быть Хеленой.

Шагая вслед за ней наверх по лестнице, Роберт мало что увидел в темноте, зато ощутил устойчивый запах пива и услышал рев футбольных фанатов — где-то в доме был включен телевизор.

— Сюда. — Женщина посторонилась, пропуская его в спальню. — Приятно познакомиться, мистер Найт, — усмехнулась она. — Мое имя вам уже известно, я Хелена. — Она закрыла дверь и прислонилась к ней спиной, будто отрезая Роберту путь к бегству.

Роберт не собирался бежать, пусть облик Хелены и отличался от рекламного. Он стремился постичь тайную жизнь Эрин. Тело этой женщины его отвращало, даже мысль о прикосновении к ней заставила содрогнуться. Ему нужно было проникнуть в ее душу, прочесть мысли, разобраться, что ею двигало. Словом, найти ответ на вопрос — *почему?*

— Садись, устраивайся поудобнее. — Кивнув в сторону кровати, Хелена заперла дверь на задвижку.

Глаза Роберта привыкли к полумраку, и он сумел разглядеть спальню, хотя смотреть, собственно, в небольшой комнате было не на что. Помимо кровати, тусклое пятно ночника, кресло с грудой одежды, деревянная вешалка-стойка да задернутые вишневые шторы. При виде всяческих плеток, кожаных секс-аксессуаров и наручников, красовавшихся на вешалке, Роберта передернуло. Хелена проследила за его взглядом.

— Хочешь поиграть? — подмигнула она.

— Не про меня, — хрипло отказался Роберт.

— А что про тебя, дружок? — Хелена опустилась рядом с ним на кровать. — Чем Хелена может порадовать мистера Найта?

Роберт ответил не сразу. Долго смотрел на нее, пытаясь донырнуть до самого дна усталых глаз, поймать хоть крупицу ее мотивов — почему эта женщина стала проституткой?

Лицо чуть помятое, острые скулы, длинные волосы сильно обесцвечены, сильно пересушены и давно мечтают о ножницах парикмахера. Почти болезненную худобу не скрывает даже халат — выдают костлявые пальцы, приминающие окурочек в пепельнице, тощая шея над махровым воротником и бугры черепа, проступающие сквозь тонкую, как папиросная бумага, кожу лба. С едой Хелена явно не дружила.

— Мне бы просто... поговорить.

Не в силах справиться с неприязнью к этой женщине с ее доступным телом, Роберт нагужно сглотнул. Ему хотелось узнать ее, как ни одну женщину в мире, — а вместе с тем она привлекала его не больше, чем дохлая крыса.

Вместо ответа Хелена толкнула его на подушку, расстегнула рубашку и потянулась к молнии на брюках. Роберт перехватил ее руку. Телевизор внизу вдруг заорал во всю мощь, и Хелена метнулась к двери:

— Сделай чертов ящик тише, Джош!

Она вернулась к кровати и сбросила халат, с улыбкой глядя на Роберта. На него нашел ступор, при всем желании он не пошевелил бы сейчас и пальцем. Хелена принялась гладить его грудь, шершавые ладони описывали круги, неприятно натирая кожу.

— Ну-ну чего ты испугался? Хелена мужчин не обижает. — Она отчаянно закашлялась.

— Нет!

Он сел. Воображение старательно подменяло тело Хелен на тело Эрин. Ему хотелось протянуть руку и дотронуться до нее — убедиться, что перед ним действительно его жена, хотелось приложить ладонь к животу, давно утратившему упругость, — в надежде ощутить бархатную кожу и идеальные мышцы Эрин. Но Эрин исчезла. Он смотрел на обвисшие груди Хелены, с большими, темными, будто испачканные шоколадом, сосками.

Хелену его «нет» не остановило. Тонкие руки вновь толкнули его на подушку, и Роберт против воли расслабился — по крайней мере насчет массажа Хелена не соврала. Прикрыв глаза, он уловил под ароматом духов естественный запах ее тела — запах теплой земли после дождя, с примесью пота.

— Это мой сын — там, внизу. Любит врубить телик на полную катушку. — Хелена хмыкнула, продолжая массировать. — Ну как, расслабился? Продолжим, котик?

— Сын?! — Роберт снова сел. Она что же, считает — это нормально?

— Ну сын, и чего? Он привык. Ему ж прорва жратвы нужна — как мне его иначе прокормить? Откуда бабки на университет? А я и сама, между прочим, учусь. — Хелена вновь уложила Роберта; ее пальцы прошлись по его животу, вдоль пояса брюк.

— И что изучаешь? — скептически поинтересовался Роберт.

— Психологию и английский. Экзамены за среднюю школу на носу. А дальше хочу на адвоката. Чтобы женщинам помогать, которых жизнь достала. — Издав смешок, она опять зашла в кашле. — Вроде меня, — добавила сипло и одним гибким движением оказалась на Роберте. Вытянувшись на нем, невесомая, как тонкая кожаная шкурка, продолжила массаж, теперь уже всем телом.

Роберт оцепенел. Это до какой степени отчаяния нужно дойти, чтобы лечь под любого желающего чуть ли не на глазах собственного ребенка? Он очнулся, как только Хелена повторила попытку расстегнуть брюки, и перекатился на бок.

— Извини, я не могу. Твой сын... и все такое.

А «все такое» — это Эрин. Это его жизнь. И то, что он мечтал вернуть.

— И все такое? — усмехнулась Хелена без обиды, скорее в недоумении.

— Мысли всякие. — Роберт потянулся за рубашкой. — Собственно, я к тебе не за сексом пришел.

— Желание клиента — закон. Как насчет игрушек? — В хриплом голосе Роберт уловил нотку мольбы. — Хлыст, плетка?

— Ты не волнуйся, я заплачу. Только ничего этого не нужно. Мне просто хотелось... — Роберт взъерошил волосы, — хотелось побольше узнать о твоей профессии. О проституции, — выдавил он с трудом. Слово, равнявшее эту женщину с Эрин, застревало в глотке.

— А чего тут узнавать-то? — Хелена завернулась в халат и села на край кровати. — Зарабатываю на жизнь. Может, с отчаяния... Лично я так не считаю, — поспешила добавить она.

Выудив из кармана халата пачку, Хелена предложила сигарету Роберту, и разговор о

том, как попадают на панель, продолжился в сизых табачных облаках.

— А чего такого уж плохого? Ну сплю за деньги — зато крыша над головой есть, на хлеб хватает и на учебу сына. И вас, мужиков, ублажаю, а то бросались бы на малолеток. Присутствующие не считаются, — подмигнула Хелена, пресекая возражения Роберта. — Вообще-то у меня выбора не было. Муженек слинял, мальчишка на руках — на что жить? Все как-то само собой вышло. В пивнушках парни так и так подваливали, а я сразу предупреждала, что на халяву у них не пройдет. По-моему, это честно. Если мне, к примеру, в пабе маляр попадется и я попрошу его стены покрасить, он же за бесплатно не станет вкалывать, верно?

«А любовь, доверие, семья — мелочи, не достойные упоминания». Роберт оставил эту мысль при себе. Он представлял, как Эрин назначает цену, раздевается, выполняет свою работу, пересчитывает и прячет деньги. Почему она это делала? Ради Руби? Знала ли Руби что ее мать — шлюха? Молча застегнув рубашку, Роберт поднялся.

— А зачем тебе все это, парень?

Его была мелкая дрожь — то ли от зябкой сырости рубашки, то ли от образа Эрин в роли проститутки, — образа, который теперь был выжжен в нем, как клеймо.

— Моя любимая женщина когда-то зарабатывала на жизнь тем же. И я не понимаю почему.

— Теперь понял?

Сколько он смотрел в глаза Хелены — выжидающе распахнутые, искренние, сколько смотрел на ее тело, уставшее от чужих тел? Несколько секунд, не больше. Но этого мизерного времени хватило Роберту, чтобы понять: да, он краешком глаза увидел жизнь Эрин до встречи с ним. Закрасил небольшой уголок японской головоломки, и зашифрованная картинка ему совсем не понравилась.

— Пожалуй. Она похожа на тебя. То же упорство и воля к жизни. — Роберт наклонился и, помедлив, все же поцеловал ее в щеку. — Самый дорогой поцелуй в моей жизни, — добавил он, протягивая ей пятьдесят фунтов.

— Считай, тебе крупно повезло. Целоваться — не в моих правилах.

— Что ж, спасибо.

Благодарить женщину за то, что открыла изнанку жизни его жены, — не извращение ли? Он хотел заглянуть в прошлое Эрин, и он это сделал, а стало только тяжелее. То любовь, то горечь разочарования перевешивали чашу весов в его сердце.

— Счастливо, — бросила Хелена на прощанье.

Роберт возвращался домой, сжигаемый тоской по Эрин. Она была нужна ему как никогда — чтобы касаться ее, обнимать ее... Чтобы она отдавалась ему, как сотням другим до него? Роберт глушил отвращение и уговаривал себя не забыть, когда протрезвеет, что Эрин пошла на панель от безысходности.

Дома его ждали обломки семейной жизни. И, увидев брошенные в спешке вещи жены, поникшие цветы, ворох приготовленного для глажки белья, ее пиджак на спинке стула, записочки на дверце холодильника — «купить халву и миндаль», — Роберт понял, что до встречи с Хеленой он не смог бы простить Эрин, как не смог переспать с проституткой. Теперь же прощение стало вершиной, на которую нужно подняться. Он знал, что ему хватит на это решимости и сил. Лишь бы Эрин вернулась.

Убедившись, что Луизы в доме нет, Роберт рухнул в кровать и вмиг отключился — усталость и бурбон взяли свое. Телефонный звонок разбудил его в девятом часу утра, хотя

Роберт, снимая трубку со смутной надеждой услышать голос Эрин, мог бы поклясться, что едва успел закрыть глаза.

Звонила Луиза.

— Подъем, соня! — мягко рассмеялась она. — Есть кое-что интересное.

Какая же я дура. Меня в одеяло укутали, к камину поближе усадили, сладкого чаю дали — и только тогда я понимаю, что этот худой как щепка человек не собирается ни убивать меня, ни обчищать карманы, где еще что-то осталось от материных денег. Но, сообразив, я даже пробую улыбнуться.

Он сидит на подлокотнике старого драного кресла и рассматривает меня, облизывая губы.

— Надо бы тебя доктору показать, лапочка, — говорит, а я удивляюсь: с чего бы это ему беспокоиться? Он ведь меня не знает вовсе, мог и не поднимать с земли. — Хвораешь, видать. Жалко такую милашку.

— Где мой ребенок? Что со мной? — Мне как-то даже в голову не приходило, что я больна.

— Дак я ж не доктор. Вот Фреда — та сиделкой была. Воротится — оглядит тебя, микстуру какую-никакую даст.

— Фреда? — Наверное, его жена, хотя на женатого он не очень похож. На стене за ним я вижу тень от его фигуры, она танцует в такт с язычками огня в камине. Нос такой громадный, торчит вроде утеса, а подбородка почти нет — сразу шея начинается. — Дайте мою девочку! Где она?

— Тут Фреда всем заправляет. — Тощий все присматривается ко мне, будто где-то видел, только не может припомнить где. — А дите твое в порядке.

— Да?!

Какой он хороший, думаю я. Если бы не он, меня бы полицейские нашли и домой отправили.

— Мы с Фредой тут что-то вроде номеров держим, для молоденьких куколок.

Когда он говорит, губы у него выпячиваются, будто один рот и есть, а остальное лицо рубанком стесали. Кожа да кости — это про таких, как он. А кожа вдобавок темная-темная, стариковская.

— В смысле — для тех, кому жить негде?!

Я чуть из кресла от счастья не выпрыгнула, но вспомнила про Рейчел, которая попала в такой же приют, когда из дома сбежала, а ее полиции сдали. Если спросят про мой возраст, надо будет прибавить несколько лет. Тогда никто не удивится, что у меня ребенок. Откуда мне знать, что там про нас с Руби в новостях наговорили. Тощий раздумывает над ответом, я жду, затаив дыхание, что он скажет, — как вдруг меня скрючивает от боли. Прямо напополам раздирает. Живот, кажется, лопнул, а левая грудь огнем горит и такая твердая, как камень.

— Ага, для тех самых, кому жить негде. — Тощий улыбается, подходит ко мне и садится на корточки. Жует губами, собирая их в куриную гузку. — Тебе, часом, крыша не нужна, лапочка? Нужна небось?

Я молча киваю, чтобы тощий не заметил, до чего я рада. Мне, конечно, жутко повезло, но этого нельзя показывать, а то задерут цену до небес. Нет уж, они меня не облапошат, не такая я идиотка. Хоть бы он мою девочку поскорее принес...

— По правде говоря, не знаю, найдется ли местечко. Коли Фреде приглянешься — может, и пристроит тебя. Мы ж под завязку набиты. Много вас, малышей-то, по улицам

бродит.

Сердце у меня так и ухает в живот.

— Вы меня не возьмете? Из-за ребенка, да? Она очень хорошая девочка, честное слово!

Почти никогда не плачет.

— Ребяенок не помеха. Наши куколки тоже, бывает, не уберегутся. Ниче, всем скопом поднимают. Только не мое это дело — решать, найдется ли для тебя местечко. Ты пей чай-то, пей.

— Но вы принесете мне ребенка? Вы же меня с ребенком нашли? Это моя девочка Руби. Моя дочка. Вы ее принесете?

Тощий поднимается с корточек, топает из комнаты, а я смотрю вслед костлявой фигуре и ловлю клочки фраз:

— Какой такой ребенок... и куда эта баба подевалась... Эйвон, кликни ее, детка... Нету ребенка, лапочка. — Дверь за ним захлопывается.

Только я одна слышу пронзительный тоскливый вопль. Он звучит внутри меня, и я еще не знаю, что этот вопль будет рвать мне душу всю оставшуюся жизнь. Я не подсакиваю из кресла, не колочу в запертую дверь — нет, тогда я этого не делаю. Не катаюсь по полу, не бьюсь в припадке, не высаживаю окна, чтобы вырваться оттуда и искать, искать свою девочку. Я ведь даже не спросила у тощего ни как его зовут, ни куда я попала... И кто я вообще такая, чтобы задавать вопросы? Девчонка, сбежавшая из дома, да еще с новорожденным младенцем на руках.

Я ж прямо на улице сознание потеряла, а он мне жизнь спас и сюда принес. Здесь вроде неплохо, хоть и грязно, а у моей матери всегда все вылизано, как в больнице. Тощий, сразу видно, хороший человек, и Фреда наверняка хорошая. Значит, надо его слушаться. Я буду пить чай и ждать Фреду. Буду надеяться, что она меня не выгонит. Буду думать о своей девочке, тысячу раз в минуту буду ее вспоминать, и, может, тогда ее мне принесут.

Господи, до чего жарко. Сил нет, как жарко. Лоб горячий, липкий. Я поднимаюсь и плетусь к двери, обливаясь потом, но все-таки дотягиваю до цели, и дергаю ручку, и стучу кулаками по дереву, и прижимаюсь губами к облупленной краске, и умоляю вернуть мою девочку. Я визжу, кричу, плачу до хрипоты, а когда голос отказывает, сползаю на пол, размазывая по лицу то ли слезы, то ли кровь, то ли страх. А потом мир чернеет во второй раз за этот день.

Сколько я пролежала под дверью, не знаю. Очнулась от того, что кто-то тряс меня за плечо.

Я открываю глаза, вижу женщину. Кто она и где я нахожусь? Неужели это мать? Через миг я вспоминаю того худого человека, который подобрал меня на улице. Правда, это не он меня разбудил — незнакомая женщина. От нее пахнет сладкими духами. Ах да... Они забрали мою Руби.

— Привет, девочка. Меня зовут Фреда. — Она наклоняется ко мне так низко, что я случайно заглядываю в низкий вырез ее платья. — А ты кто?

— Где мой ребенок?

Я сама устала от этого вопроса. Может быть, я просто выдумала Руби?

— Какой ребенок, зайка? — шелестит она. — Тебе нездоровится? — Она подсовывает мне под голову подушку. — Так как тебя зовут?

Я устала, мне жарко и бьет дрожь. И очень хочется есть, хотя я ничего не смогла бы проглотить. Меня измучили боль и страх, но не настолько, чтобы я назвала свое настоящее

имя. Я все обдумала еще в поезде. И решила, что рассказывать каждому встречному, кто я есть на самом деле, будет глупостью, потому что родители наверняка сообщили в полицию, и теперь из газет и телевизоров все знают о пятнадцатилетней беглой девчонке. Меня как пить дать сцапают, если правду сказать.

— Милли.

Я стараюсь произнести чужое имя как можно увереннее. Так звали девушку из «Макдоналдса» — я на ее бейджике прочитала. Такая симпатичная, с обручальным кольцом и крестиком на шее. И очень ласковая, а со мной так редко кто разговаривает.

— Красивое имя. — Фреда усаживается рядом со мной на низенькой скамеечке — наверное, подставке для ног. — Бекко сказал, что нашел тебя у дома, без сознания. Ну и как ты, малышка, оказалась на улице в такую погоду?

Голос у Фреды сладко-тягучий, как шоколадное молоко. Сняв кофту, она остается в платье с глубоким вырезом на старой, съезженной груди. Потом закуривает, и зажигалка освещает глубокие морщины в углах рта и глаз. Волосы у нее короткие, седые, но густые и блестящие, совсем не похожи на белый пух, как часто бывает у стариков. Кожа цвета копченой трески. Глаза очень темные, белков почти не видно. Фреда кажется мне феей-крестной из сказки про Золушку.

— Не помню... — Хоть тут можно сказать правду. — Этот человек... Бекко? Наверное, он взял моего ребенка. Спросите у него, пожалуйста! — Сердце с надеждой тычется в ребра под моей несчастной левой грудью.

— Где живешь? — Фреда затягивается, а когда выдыхает, дым плывет к камину.

— Там... недалеко, если в сторону севера. — Думай, что говоришь, все время напоминаю я сама себе. — Моя дочка?..

— В Лондон только приехала?

Я киваю. Догадливая эта Фреда. Она мне нравится. Моя мать вообще ничего про меня не знала, целых шесть месяцев не замечала даже, что я беременная.

— Моя девочка?.. С ней все в порядке, да?

— Есть где жить? Работа?

В Лондон едут толпы людей и выживают, правда ведь? Многие здесь находят и работу, и дом. Я тоже смогу — только пусть отдадут мою дочку.

— Нет. Но я найду, обязательно. Понимаете, мне стало нехорошо, и я упала в обморок. Живот болел. — И сейчас болит — так болит, будто меня насадили на ржавый прут и вертят над костром. — Скоро пройдет. А вы принесете моего ребенка?

— Ребенка? — Она снова выдыхает струю дыма. И наконец: — За твоим ребенком присмотрят, пока и тебе, и ей не станет лучше.

— Она заболела?! Можно к ней?

— С ней все будет нормально, детка, но сейчас пусть отдохнет. Тебе, кстати, отдохнуть тоже не помешает.

От ее голоса даже боль вроде стихла, но перед глазами плывет, как будто я молоком умылась, и я, пожалуй, согласна — нам с Руби и правда нужно отдохнуть. Я верю Фреде. Она хорошая.

Мы еще о чем-то говорим, потом я прошусь в туалет. Когда поднимаюсь, стены и пол вроде шатаются, но я кое-как по длинному темному коридору дотягиваю до туалета. Дом большой, очень старый и бедный, зато здесь тепло и у нас с Руби есть крыша над головой. Если бы еще не было так больно... что это?! Из меня вываливается что-то склизкое,

кровяное, похожее на печенку, которую мать в мясной лавке покупала. Запах ужасный, меня тошнит, я зову на помощь Фреду.

Она помогает мне подняться по лестнице в другую комнату. Укладывает в кровать, обтирает и умывает холодной водой. Затем мнет мне живот, ее пальцы глубоко тонут в складке кожи, под которой теперь пустота, а всего неделю назад была моя девочка. Каждый раз, когда я взвизгиваю от боли, она поджимает губы и хмыкает.

— Еще где-нибудь болит? — спрашивает Фреда.

Я признаюсь, что левая грудь огнем горит. Она снимает с меня лифчик и ахает: сиська раздулась, покраснела и смахивает на громадную клубничину.

— Да с тобой совсем беда, юная леди, — говорит она, и мне становится страшно, потому что я не думала, что все так плохо. — Акушерка-то хоть проверила, что послед вышел?

Я таращусь на нее, открыв рот, как бывало на уроке, если учитель меня вызывал, а я прослушала вопрос. Тогда учитель буравил меня взглядом, а весь класс хихикал.

Пожав плечами, я прячу глаза от Фреды — делаю вид, что рассматриваю комнату. Здесь еще три кровати, все застеленные желтыми покрывалами. Голая лампочка с потолка слепит мне глаза, оранжевые шторы задернуты наполовину. Я вспоминаю, как Рейчел описывала приют, в который попала, когда убежала от родителей, и маленькая частичка меня просится домой.

— Не знаю, — наконец отвечаю едва слышным шепотом.

— Ты в больнице рожала?

— Дома.

Зачем я сказала, зачем?

— А где твой дом?

— Недалеко... К северу от Лондона.

Ни слова больше.

— Но кто-то при этом был? Помогал с родами? — Фреда садится рядом со мной на кровать, матрас проминается под ее весом, и я съезжаю в ее сторону.

— Нет.

Я на секунду зажмуриваюсь, вспомнив, что там был дядя Густав, но мне не хочется рассказывать Фреде о том, как его мерзкие руки ползали по моему телу, пока я пыхтела и выла диким зверем.

— У тебя послеродовая инфекция, и серьезная, судя по твоему состоянию, детка. Мало того — еще и мастит в придачу. Без антибиотиков не обойтись.

— Тот человек сказал, что вы были сиделкой и сумеете помочь.

— Сиделкой? Бекко сказал? — Фреда усмехается. — Скорее уж нянька — для всех наших девочек. Кроме антибиотиков я дам тебе таблетки, чтобы молоко прекратилось. Ты все равно пока не сможешь кормить ребенка. Пару дней полежишь, оклемаешься. Твое счастье, что одно местечко нашлось. — Фреда сияет, как весеннее солнышко.

— Спасибо... — Я ей так благодарна. Она даст мне лекарства, я поправлюсь и смогу сама ухаживать за своей малышкой, как и положено маме. И за эту кровать благодарна, и за то, что у нее здесь живут другие девочки, с которыми я могу подружиться. — Вы правда разрешаете мне остаться?

— Ну не выкидывать же тебя на улицу? К тому же, если ты девочка хорошая, для тебя и работа найдется. Жить-то тебе на что-то нужно. — Фреда гладит меня по голове и убирает

прилипшую ко лбу прядь волос. — Поспи немножко. Лекарство я тебе попозже дам. И с девочками познакомлю. — Она наклоняется и целует меня в щеку. Мать так никогда не делала — по крайней мере, я не помню.

Я засыпаю, как только Фреда уходит, и мне снятся поезда, спелые ягоды клубники, гостиницы, окна, из которых я прыгаю на землю, и вонючий смог Лондона.

Просьпашусь от страшного гвалта. Кто-то орет, ругается, завывает, вроде разъяренные коты сцепились. Весь дом трясется. И странный запах плывет снизу, где вся эта суматоха и происходит. Пахнет леденцами и губной помадой, кожаными туфлями, потными телами, табаком, грязными рубашками, дядей Густавом и чем-то еще таким... таким, от чего у меня становится горько во рту. Неужели он здесь?

Глаза у меня почти не открываются, но я все-таки сажусь на постели, выползая из-под одеяла, как крот из земли, и пытаюсь нащупать рядышком Руби. Вспоминаю, что ее со мной нет. «О ней заботятся, о ней заботятся», — бормочу я снова и снова, пока в комнату не проскальзывает Фреда с коробкой таблеток. Я открываю глаза-щелочки как можно шире — вдруг она принесла мою дочку?

— Ну как, немножко поспала? — Фреда садится ко мне на кровать, дает стакан воды и малюсенькую белую пилюлю. Лучше бы она принесла Руби. — Будешь неделю принимать по одной таблетке четыре раза в день. У меня есть знакомый доктор, он сказал, что это лекарство тебя мигом на ноги поставит. А с доктором, кстати, ты и сама встретишься, если будешь умницей. — Фреда сует мне пилюлю в рот и помогает запить водой. — Девочки поесть пришли. Хочу тебя с ними познакомить, пока они не вернулись к работе.

— Вы видели Руби? Она в порядке?

Фреда кивает и улыбается, и мне сразу становится лучше, несмотря на сонный туман в голове. Я поднимаюсь с кровати, и пол опять качается, так что Фреде приходится тащить меня вниз, в ту самую комнату с камином.

Когда я здесь в первый раз очнулась, то даже не заметила, что в оконной нише стоит стол с двумя деревянными лавками. Сейчас на столе разорванный пакет с нарезанным белым хлебом и гигантская пачка маргарина, из которой торчит нож. Никаких девочек нет, но шум из коридора все ближе. Представляю, как я выгляжу — грязная, патлатая, скрюченная от боли.

Дверь открывается, впуская девочек. Когда первая останавливается как вкопанная при виде меня, остальные тоже по очереди тормозят, натываясь на спину предыдущей. Все разом умолкают, и все смотрят на меня. Прищуренные глаза изучают, настороженно оценивают. Кто такая? Откуда взялась? Чем опасна? Совсем как в школе. Совсем как те дети, что таранились на мое окно, когда я была беременна. Совсем как зеваки на улице: любому интересно поглазеть на разбитую всмятку машину.

Бекко курит, грея тощие ноги у камина с горой раскаленных углей. Нос торчит утесом над впалыми щеками, на губах презрительная ухмылка — или это он так улыбается? Пока я уговариваю себя, что это все-таки улыбка, Бекко скашивает тускло-серые глаза на шеренгу девочек, потом дергает головой, тыча подбородком в сторону стола. Девочки оживают и одна за другой шаркают к столу.

— Мил-ли, — в два слога, громко и отчетливо произносит Фреда и тычет пальцем мне в плечо. Затем подводит меня к девочкам: — Скажи «Привет». Это слово они понимают. А вообще они иностранки, нашего языка не знают.

— Не все! — Одна из них делает шаг вперед. — Привет, Милли. А я Мэгги. — Она

хихикает. — Милли и Мэгги. Парочка что надо.

На вид Мэгги немного старше меня. Одета в рваные джинсы и красную футболку с надписью «Давай трахнемся!». Волосы стянуты на затылке, но кое-где выбиваются завитки; следы туши на щеках, под глазами чернота. Наверное, она хорошенькая.

— Привет.

До чего же странно отзываться на имя Милли, когда на самом деле меня зовут Рут. Если бы я не выпрыгнула из окна своей комнаты — не оказалась бы здесь. Если бы осталась дома — могла бы снова пойти в школу, сдать экзамены и устроиться куда-нибудь на работу, или поступить в университет, или выйти замуж. Держаться на плаву очень трудно. Но у меня дочка, и я сама хочу ее растить. Назад мне пути нет.

— Милли недавно родила девочку. О ребенке пока заботятся в больнице. До лучших времен.

Лицо Фреды вдруг превращается в материно: кожа в глубоких бороздах морщин тянется, тянется, пока не становится точь-в-точь такой бледной и рыхлой, как у матери.

О твоём ребенке заботятся...

Почему?! Почему все хотят отнять у меня мою малышку?

— Милли негде жить, поэтому она останется у нас, — продолжает Фреда. — А когда придет в себя, тоже будет работать. Мэгги! Объяснишь ей, что к чему.

Фреда стискивает меня за плечи, будто собирается приподнять, чтобы все рассмотрели как следует. Затем усаживает во главе стола, и остальные девочки начинают шушукаться — на чужом языке, как и говорила Фреда.

Мэгги занимает место на другом конце стола, и ее подруги, человек шесть, одна за другой нехотя рассаживаются на лавках. Две девочки выходят из комнаты, но быстро возвращаются — приносят дымящуюся кастрюлю. Когда Фреда и Бекко уходят, девчонки снова принимаются болтать друг с дружкой, вроде меня тут вообще нет. Я не понимаю ни слова, но знаю точно, что они говорят обо мне, злятся и обзываются. Слезы брызжут из глаз, и я уже в который раз валюсь на пол.

Фреда сказала правду. Через пару дней с грудью у меня уже все в порядке, только молоко течет каждые два часа, несмотря на таблетки, от которых оно вроде должно было пропасть. Живот, слава богу, тоже перестал болеть, и сегодня Фреда обещала сходить со мной в магазин за одеждой. Сказала, что в моем тряпье я работать не смогу. Я ведь до сих пор хожу в чем из дому сбежала, только трусы стираю в раковине. Бекко меня на улице подобрал, а спортивную сумку с барахлом тех двух теток из бассейна не взял. Я очень надеюсь, что, когда Руби поправится, Фреда и для нее что-нибудь купит. Сейчас Руби, видно, в больнице, а мне туда нельзя из-за этой самой инфекции, от которой Фреда меня лечит. Я страшно скучаю, хоть и знаю, что о ней заботятся. Заботятся... Только они совсем не понимают, как я хочу, чтобы Руби была со мной. От тоски у меня сердце переворачивается.

Бекко бродит по дому привидением, его тощая тень мерещится мне за каждой дверью, в каждом углу. Уверена, он подглядывает за мной в замочную скважину, даже когда я на унитазе сижу. Я спросила про него у Мэгги, но она только засмеялась и покачала головой: мол, если бы не Бекко, бродила бы я сейчас по улицам и дрожала от холода, как тысячи других бездомных, а не сидела бы тут, в тепле и сытости. Мэгги, конечно, права. Поэтому я терплю. Когда Бекко вдруг выступит из темного угла или его глаза вдруг сверкнут в щелке из-за двери, я замираю, чувствуя, как его взгляд прожигает во мне две дырки, а потом лежу и

молюсь, чтобы эти дырки к утру зажили.

Шагнув из дома в колючий январский день, мы с Фредой отправляемся по магазинам. Меня не покидает странное чувство полной свободы, и это несмотря на то, что выходить за порог в одиночку строго-настрога запрещено. Еще в первое мое утро здесь я попыталась выглянуть наружу, но дверь оказалась за железной решеткой, запертой на три висячих замка. Надо же, до чего Лондон опасный город. А я и не знала. У меня на сердце потеплело от того, что Фреда и Бекко так оберегают своих девочек.

Мать покупала мне одежду два раза в год, весной и осенью, всегда под бдительным присмотром тети Анны. Мне много чего нравилось, но я и не заикалась — бесполезно. Говори не говори, все равно я получала прочные старушечьи туфли, шерстяную юбку в клетку и простую белую блузку — если повезет. Еще мне разрешали носить вельветовые штаны, колючие свитера и белье, которое после первой же стирки превращалось в серые бесформенные тряпки. Ну и понятно, у меня была школьная форма. Девчонки из моего класса такое с формой творили — и воротнички торчком делали, и юбки укорачивали. В школу они приходили с покрашенными ресницами, тенями на веках и, конечно, без всяких там дурацких косичек. А я однажды верхнюю пуговку оставила расстегнутой — мать чуть в обморок не хлопнулась.

Фреда хватает меня за руку и тащит к остановке.

— Поедем на Оксфорд-стрит, на распродажи, — кричит она мне на ухо, когда мы уже трясемся в шумном, провонявшем бензином автобусе.

На Оксфорд-стрит столько народу, что я и магазинов-то не вижу, но Фреда, похоже, точно знает, куда надо идти, и я семеню за ней хвостом. Наконец заходим в магазин, где гремит музыка, а манекены с розовыми волосами наряжены в такие вещи, от которых моя мать наверняка бы бежала как черт от ладана.

— Если что приглянется — сразу говори, детка. Как тебе вот это? — Фреда лавирует между девчонками примерно моих лет и кивает на один из манекенов, в сапожках выше колен и джинсовой юбочке — короче не бывает, с кожаным поясом на бедрах. Ярко-розовая полупрозрачная кофточка не доходит даже до пупа, а вместо рукавов болтается бахрама. Какая прелесть.

— А в этом можно работать? — Я вне себя от восторга, только, боюсь, мой обвисший живот не очень-то выставишь напоказ.

— Для работы в самый раз, детка. Какой у тебя размер — восьмой? Десятый?

Фреда набирает охапку комплектов разных размеров и еще всяких вещей, которые мне раньше и не снились. Но раз я родила ребенка, сбежала из дома и вообще начала новую жизнь, то почему бы и не нацепить на себя эти одежки. И плевать, что после родов я смахиваю на бочонок. Если у тебя в жизни все ненормально, то это уже нормально.

Из магазина мы уходим с тремя пакетами сказочных обновок, а Фреда и не думает останавливаться! В обувном она покупает «гвоздики» и высокие сапоги, а потом ведет в магазин женского белья. Господи, какие, оказываются, бывают трусики! Я таких в жизни не видела. Фреда мне семь пар берет — черные, красные, сиреневые. А еще тонюсенькие пояски. И лифчики, из которых мои разбухшие сиськи вываливаются. Я пока примеряла, один из лифчиков молоком испачкала, но продавщице не призналась.

По дороге из магазина женского белья мы проходим «Мадеркэр»,^[2] и я замедляю шаг перед витриной с детской коляской рубинового цвета. Двести девяносто девять фунтов... Я

заглядываю в глаза Фреде — так, на всякий случай. Она все понимает и улыбается:

— Успеешь еще свое чадо избаловать. Пусть сперва поправится, а ты начнешь зарабатывать. Будешь умницей — в конце недели получишь от Бекко первые денежки.

Знать бы еще, что за работа. Я спрашивала у Мэгги, но она только пальцем ткнула в бесстыжую надпись на своей футболке. Тогда я попробовала других девочек расспросить, каждое слово по буквам выговаривала и на пальцах объясняла. А они тарасили пустые глаза и языками туда-сюда по губам водили, пока я тыщу раз вопрос повторяла.

— Рина уметь глотать, — сказала одна таким чудным голосом, вроде подавилась, и остальные мрачно загоготали.

— Как мистер хотеть? — сказала другая.

— Лили ты ласкать.

— Мистер хотеть трахнуть?

Они по очереди пробубнили зазубренные слова и послушно захихикали, булькая вроде кастрюли с кипящей на самом дне водой. Мне кусок не полез в пересохшее горло, и я ушла из-за стола, смешав в кучу кусочки головоломки, которая складывалась в мозгу.

— Что мне надо будет делать на работе? — спрашиваю я Фреду, пока мы зигзагом пробиваемся сквозь уличную толпу, с немалым трудом, будто плывем против течения. — А как же быть с Руби — ее отдадут из больницы, а мне надо работать?

— Сколько вопросов, — смеется Фреда. — Давай-ка кофе выпьем и поговорим.

Мы сворачиваем в переулок и заходим в кафе. Приходится постоять в очереди, а потом устроиться за столиком на улице, потому что внутри все занято. И мне нравится: классно следить за облачками пара от дыхания и греть ладони о чашку. Фреда еще печенье купила, и я макаю его в пенную шапку на кофе. В животе только тепло и покой — никакого ржавого прута. Я боюсь поверить своему счастью.

Вот остались бы мы с Руби ночевать у дверей магазина — точно замерзли бы. А если и нет, то я не заметила бы, что моя девочка больна, и не пошла бы в больницу. У меня ведь опыта никакого. Дрожь пробирает, как представишь, какие ужасы могли случиться. А Фреда взяла нас с Руби под свое крылышко, ни пенни не потребовала за еду и постель, а сейчас накупила такую кучу одежды, целый гардероб. Как настоящая мама. Я всегда о такой мечтала.

— Так что мне надо будет делать? — снова спрашиваю я.

Морщины на лице Фреды разглаживаются, оно становится мягким, как свежий бисквит.

— Это очень важная работа. — Фреда улыбается, тянется через столик и сжимает мою руку. — Мы обслуживаем мужчин. Делай все, о чем тебя просят, и, если постарайся, тебе дадут чаевые и снова позовут на работу. У нас много постоянных клиентов. Врачи, адвокаты, учителя, банкиры. У Мэгги, например, политик.

Головоломка назло мне опять складывается, и опять я ее расшвыриваю. Если подойдет последний кусочек, на картинке я увижу свою новую жизнь. Я холодею от страха, что и в этой новой жизни будет дядя Густав.

— А как же... Руби? — Голос у меня дрожит, и слезинка виснет на нижних ресницах.

Фреда гладит меня по руке.

— Так не хотелось тебя огорчать, детка. Видишь ли, твоя Руби очень, очень больна. Конечно, ее лечат, и уход за ней прекрасный, но... — Закуривая, Фреда опускает взгляд. Потом выдыхает, и дым щиплет мне глаза. — Все это очень дорого. Поэтому я и предлагаю тебе работу. Вообще-то ко мне сотни девочек просятся, а я хочу тебя взять, чтобы ты могла

платить за лечение ребенка. А как твоя дочка выздоровеет — забереешь ее из больницы. — Фреда подталкивает пачку сигарет в мою сторону. — Да и нравишься ты мне. Значит, и клиентам понравишься. — Она медленно щурит левый глаз, подмигивая мне.

Я расплываюсь в улыбке, и слезинка мигом высыхает.

— С ней ведь все будет хорошо, правда? — Я верю Фреде, как в жизни не поверила бы собственной матери.

— Будешь работать как следует и слушаться меня — ничего с ней не случится. — Лицо Фреды вдруг становится каменным. Она одним глотком допивает кофе и поднимается из-за столика. А я только хотела попробовать покурить.

— Честное слово, я буду слушаться. И работать буду как следует, вот увидите. Я больше всего на свете хочу, чтобы Руби выздоровела. Я хочу, чтобы мы с ней были вместе. Коляску ей хочу купить...

Фреда меня не слушает, и я умолкаю, стараясь не потерять ее в толпе.

Следующим вечером Фреда объявляет, что мне пора браться за дело. Буду работать в паре с Мэгги. Похоже, Мэгги тут главнее всех девочек — только ей разрешают выходить из дома. А теперь и мне тоже. Наверное, потому, что я англичанка, как и Мэгги. Разрешение выходить без Фреды или Бекко вроде как ставит и меня выше остальных девочек. Узнав о том, что я теперь работаю с Мэгги, они начинают шушукаться, а одна проводит пальцем сверху вниз по моей спине и нашептывает на ухо на своем языке. Мне опять мерещится дядя Густав — он точно так же что-то бубнил.

У меня много вопросов, я пристаю с ними к Фреде. Она говорит, что вдвоем работать безопаснее, и напоминает о том, что Руби в больнице. Я представляю себе, как моя девочка лежит там, вся в трубочках, такая маленькая, худенькая... Я обещаю себе заработать столько денег, сколько будет надо, чтобы она выздоровела.

— Но почему им нельзя выходить? — спрашиваю я про иностранных девочек.

Фреда молчит. Бекко в дальнем углу качает головой и проводит ладонью по шее. А потом выпячивает губы, вроде целует меня.

От Мэгги я узнаю, что сегодня у нас четыре клиента. Правда, и Мэгги помалкивает насчет того, что мне придется делать. На работу мы собираемся вместе, Мэгги дает мне свою косметику и показывает, как надо накраситься. По-моему, чересчур сильно. Потом она помогает разобраться в трусиках-веревочках и нацепить пояс с резинками, а когда я застегиваю лифчик, мы обе хохочем, потому что одна сиська вообще не помещается в чашку, а вторая вылезает, как йоркширский пудинг. Наконец я готова к выходу. В новом наряде чувствую себя по-дурачки, хотя Мэгги и уверяет, что я выгляжу отпадно.

В восемь часов иностранки уходят на другую половину дома, куда можно пройти через несколько дверей, а они всегда заперты. Я только коридор за первой дверью видела — заглянула одним глазком, — но страшно рада, что работаю с Мэгги, а не с остальными девочками. Я стою рядом с Мэгги, смотрю, как Бекко одну за другой пропускает их на работу, и гадаю про себя, почему они оказались здесь. Наверное, у них тоже дети больные. Выходя из дому, я оборачиваюсь, машу на прощанье Фреде и в последний момент замечаю Бекко — он маячит за спиной Фреды, глаза блестят, лицо хитрое и довольное.

— Мэгги! Присматривай за ней! — щебечет нам вдогонку Фреда. — Вспомни *свой* первый раз.

— Да уж помню, не хуже, чем последний! — нараспев отзывается Мэгги, клацая замком

входной двери.

Я кажусь сама себе одним из тех семи гномов, что в сказке топают на работу, насвистывая бодрую песенку.

— Сначала поедем в один шикарный отель, к Норрису. Он у меня уже года три, такая лапочка. Держу пари, он с ходу на тебя западет.

Мэгги останавливает такси и называет шоферу адрес, которого я слыхом не слыхивала. Мне очень нравится Мэгги. Она уверена в себе и точно знает, чего хочет. Говорит, к двадцати годам скопит денег, чтобы уехать в Калифорнию и стать актрисой. Может, поедем втроем — Мэгги и мы с Руби.

Через пятнадцать минут останавливаемся у отеля, Мэгги платит водителю и просит чек.

— Правило номер один! — объясняет она. — Всегда бери чек. Если Бекко решит, что ты его обжулила, — разозлится до чертиков и ни шиша не заплатит.

Хорошенько взбив локоны, она вскидывает голову, подходит к портье и что-то шепчет ему на ухо. Он вызывает для нас лифт, Мэгги сует ему в руку десять фунтов. Интересно, а у портье за эту десятку тоже надо просить чек?

— Сегодня он в номере четыре-восемь-семь, Мэг, — говорит портье.

Из лифта мы ступаем на мягкий толстый ковер и идем по коридору. Остановившись, Мэгги поворачивается ко мне, хорошенькая и очень серьезная.

— Он совсем старик, возни много, но ты делай как я — не ошибешься. По сравнению с другими он просто душка.

Я теряюсь в догадках. Мы что, будем убирать в его комнате? Или прислуживать за столом? Может, писать под диктовку? А вдруг... вдруг он хочет секса? Перед глазами возникает дядя Густав, его обрюзгшая фигура тащится по коридору. Хотя я могла и обознаться — он тут же исчезает за углом.

Мэгги сильно стучит в дверь.

— Дедуля туговат на ухо.

Она барабанит еще несколько раз, и только тогда мы заходим.

Норрису лет семьдесят, лысая голова и щеки в темных пятнах, а кожа висит, как брюхо старой собаки.

— Мэгги, Мэгги... — Он отступает от двери, чтобы дать нам дорогу. — Однажды ты убьешь меня своей красотой. — У него ирландский акцент, а стариковский запах напоминает мне о дяде Густаве, его вонючей трубке и сальном черепе. — А это кто? Твоя подружка? Ну-ка, ну-ка, познакомь нас.

Тонкая, как сухая ветка, рука Норриса ложится на плечи Мэгги, ладонь проходится по ее спине. Мэгги сбрасывает пальто и садится на кровать, вытянув длинные ноги в сторону Норриса. Я мнусь у самой двери, возле шкафа, — жду, когда Мэгги меня представит, и пытаюсь угадать, что надо будет делать.

— Норрис, это наша прелестная малышка Милли. Она новенькая, только начала работать, вот Фреда и подумала, что ты захочешь взглянуть на нее первым.

— Дебютантка, значит. — Норрис шаркает ко мне, трогает волосы. — Сколько лет?

Со мной он говорит не так ласково, как с Мэгги. Я чуть было не сказала, что пятнадцать, но вовремя прикусила язык.

— Девятнадцать, сэр. — В этом своем новом наряде и покрашенная я наверняка выгляжу почти на девятнадцать.

— М-м-м... — Лицо Норриса разочарованно вытягивается.

— Запросто может быть и меньше. — Мэгги подскакивает и за руку тянет меня к кровати. — Сам погляди — на вид каких-нибудь пятнадцать, верно? Сядь! — шепотом добавляет она, пользуясь тем, что Норрис плохо слышит. — И улыбайся. Он за нас кучу бабок выкладывает.

Как только я опускаюсь на кровать, Мэгги поддергивает мою коротенькую юбку еще выше.

— Настоящая красotka, — бормочет Норрис. Он усаживается между мной и Мэгги, берет каждую за руку и размышляет вслух: — Ну? Кто первая? — и вертит головой туда-сюда, то ко мне, то к Мэгги. А потом уже смотрит только на меня, и я съезживаюсь под взглядом точь-в-точь как у дяди Густава, когда он оставался со мной наедине.

Норрис прижимает мою ладонь к ширинке. Там почти ничего нет, не то что у Густава. Но я знаю, чего он ждет. Я знаю, что в жизни иногда такое приходится делать. Я снова представляю себе Руби в больнице. Мечтая о том, как моя девочка выздоровеет, я двигаю ладонью. У меня все получается само собой, да еще Мэгги иногда подсказывает, как надо, и Норрис наконец твердеет.

— Ты просто супер. — Перед следующим клиентом Мэгги угощает меня молочным коктейлем. — Он от тебя без ума. Клянусь, Фреде и не снилось, сколько ты ей будешь приносить. — Мэгги шуршит банкнотами, которые ей дал Норрис, платит за коктейли и смеется: — Чур, Бекко ни слова!

Я присасываюсь к трубочке, но ничего не могу вытянуть, коктейль очень густой. А мне так надо чем-нибудь заглушить вкус во рту.

До второго клиента недалеко, и мы идем пешком, опять в гостиницу. Он бизнесмен, очень любезный, аккуратный, красивый. После всего он разрешает нам что-нибудь выпить из мини-бара в своем номере. Я выбираю шоколадный батончик и крошечную бутылочку джина. Вообще-то он хотел в меня войти, но Мэгги вежливо отказала, предложила себя.

Он настаивал, даже давал лишних двести фунтов, поэтому Мэгги пришлось объяснить, что я недавно родила и еще пару недель меня нельзя трогать. Он уgomонился, когда увидел, что у меня груди молоком сочатся, и сказал, что в восторге от меня. А я салфеткой промокнула молоко с его подбородка.

Следующим был тот самый политик Мэгги. Я его имени никогда не слышала, но Мэгги все равно взяла с меня клятву молчать. Он ждал нас в своей лондонской квартире, где всю неделю живет. На выходные он уезжает к жене. Политик тоже меня захотел, и Мэгги опять отказала. Потом смеялась — мол, я ее без работы оставлю.

У Мэгги в пальто уже столько денег, что я начинаю понимать — эта работа лучше, чем у уборщиц или официанток. А кем бы я еще могла работать, если бы не Фреда и Бекко? Вдобавок тут я не новичок, много лет этим занималась и, значит, смогу платить за лечение Руби. А попозже и коляску куплю.

Интересно, что будет, если мы оставим одну или две бумажки из кармана Мэгги для себя?

Последнее задание. Мы сидим в баре гостиницы и разговариваем с иностранцем. Вообще-то одет он как женщина, но сразу видно, что мужчина. Лет пятидесяти, в сиреневой юбке, белых туфлях. Говорит с таким акцентом, что я то и дело наклоняюсь поближе — иначе ничего не разобрать. Он заказывает для нас с Мэгги синие коктейли в высоких бокалах, мы сидим по обе стороны от него на скрипучем кожаном диванчике и слушаем пение очень красивой дамы на сцене.

Переодетый мужчина просит нас ругаться, и Мэгги — она его раньше не встречала — корчит мне смешные рожи, когда он не смотрит. Еще он спрашивает, какие мы без одежды, что делаем в туалете и все такое.

Мэгги, я знаю, в душе хохочет, как и я, но за сегодняшний вечер она мне несколько раз напоминала правило: мы уважаем любое желание клиентов, потому что они платят много денег. И все-таки он нас очень смешит. Потом он отправляет меня в туалет, я послушно иду писать, а когда открываю дверь, чтобы выйти, сталкиваюсь с ним. Он толкает меня обратно, дверь захлопывается, мы остаемся одни, и Мэгги рядом нет. Он дергает мою юбку, рвет мои новенькие чулки и трусики, разворачивает меня, силой сгибает над унитазом. Я не вижу, но знаю, что он задрал свою юбку и спустил трусы, потому что чувствую запах соли и подогретого цыпленка. Я вижу, что пол начинает качаться, слышу утробный рык на чужом языке. Мне должно быть больно, ведь я снова и снова стучусь головой о стену, но я машинально, по привычке, ускользаю туда, где я всегда в безопасности, где никто и ничто меня не может обидеть.

Все кончилось, он ушел. Я подбираю разорванные трусики и возвращаюсь в бар. Иностранца там нет, а Мэгги допивает коктейль и украдкой пересчитывает купюры. Я стою перед ней, по ногам течет от того, что он во мне сделал, и Мэгги понимает. Она обнимает меня, я падаю на диван, и лежу головой у нее на плече, и думаю о Руби, медленно выкарабкиваясь из своего убежища.

— Хоть заплатил... — вздыхает Мэгги.

Следующие дни я работаю так усердно, что даже Фреда поражается. Откуда ей знать, что я целую жизнь только и делала, что подчинялась и выполняла приказы.

В конце моей первой рабочей недели Бекко протягивает мне конверт. Он смотрит на меня слишком долго, мне не по себе, я сглатываю и молчу, сжимая в пальцах пухлый конверт. Потом мчусь вверх, в спальню, и вытряхиваю деньги. Пятьдесят фунтов. Я заработала пятьдесят фунтов! Первый раз держу в руках столько денег. Родители еле сводили концы с концами: отцу в его конторе платили мало, а мать говорила, что ее работа — содержать в порядке дом, хотя отец часто допоздна возился на кухне со счетами и бубнил про то, что одной его зарплаты не хватает.

Я упростила Мэгги съездить со мной в Вулворт, за шкатулкой с замком, и мы находим то, что нужно. Коробочка черная, блестящая и не открывается без ключа. Я складываю туда деньги на лечение Руби. Мэгги говорит, что у нее есть счет в банке, а я молчу. Даже Мэгги я не признаюсь, что не могу пойти со своими деньгами в банк, потому что тогда меня сцапает полиция.

В конце второй недели Бекко опять дает мне конверт.

— Ну, остаешься? — Длинный столбик пепла чудом держится на его сигарете.

Я киваю. Я страшно благодарна ему за то, что он тогда подобрал меня на улице, но признаться в этом боюсь.

Улизнув от него в спальню, я пересчитываю бумажки — еще пятьдесят фунтов — и в уме прикидываю, сколько мы с Мэгги принесли Бекко за эту неделю. Семь ночей по восемьсот или даже тысяче фунтов... В тот момент я и решила отщипывать по крошечке от пирога каждого клиента. Для Руби.

Когда я не думаю о Руби — она очень, очень больна, говорит Фреда, и ее даже навещать нельзя, — то думаю о родителях, тете Анне, дяде Густаве и как все они мечтают, ищут меня. Я убежала из дома шесть недель назад, а им так и не удалось ничего про меня разнюхать.

Я думаю о нашем доме, о своей комнате, где меня столько месяцев держали взаперти, пока я ждала Руби. Думаю о том, как уютно и спокойно было моей девочке, пока она жила клубочком внутри меня, а с минуты, когда она появилась на свет, все пытались ее забрать. Думаю о ребятах из моего класса, о том, как про меня будут шушукаться, сочинять байки одна страшней другой, вроде я калека или заразная. Думаю о Густаве с его жирным волосатым телом и о том, как я сдерживала рвоту, когда он приближался. Думаю о том, как выпрыгнула из окна — когда узнала, что мою девочку хотят забрать у меня навсегда. Думаю о том, как рожала и ни единой души не было рядом. Думаю о возвращении. Я не вернусь.

Луиза на крыльце его дома радовала глаз, как букет полевых цветов. Роберт посторонился, пропуская ее. Шагнув через порог, Луиза сморщила нос, и по безупречной глади лба пробежала рябь.

— Открой окно, Роб! Вонь страшная. — Оставляя за собой шлейф сладкого аромата, она прошла на кухню. Груды постельного белья на диване в гостиной и грязные тарелки на полу явно заметила, но не остановилась. — У тебя бывали времена и похуже, верно? Ну и нечего раскисать. — Луиза расстегнула молнию на сумке, вынула тоненький ноутбук и сразу подключилась к Интернету. — Хочу кое-что показать.

Роберт послушно открыл окно, и в кухню повеяло свежестью, запахом скошенной травы. Сблизив лица, оба ждали, пока машина загрузится.

— На фотографии, которую ты нашел в медальоне, довольно необычная фамилия. Польская, как выяснилось. А *babka* перед ним означает «бабушка». То есть *babka Wystrach* была чьей-то бабушкой. — Луиза улыбнулась и, щелкнув мышкой, выбрала ссылку в «Избранном».

«Чьей-то бабушкой», — беззвучно повторил Роберт. Но чьей? Бабушкой Руби? Или Эрин? Или женщина со старого фото не имеет к ним никакого отношения, а Эрин просто на просто купила медальон на блошином рынке в подарок дочери? Сердце кольнула тоска: Роберт представил Эрин склонившейся над уличным прилавком. Самодельные бусы, сережки, браслетки и прочие безделушки были ее слабостью.

— «Кроникл и Эко»? — с недоумением прочитал Роберт адрес сайта.

— Погоди, — бросила Луиза и продолжила, когда страница полностью открылась: — А теперь слушай: «Шестидесятилетний житель Нортгемптона был арестован по подозрению в жестоком обращении и растлении несовершеннолетних. Сегодня ранним утром полиция взяла под стражу Густава Вайстраха в его собственном доме, на основании заявления матери четырнадцатилетней девочки, в отношении которой Вайстрах предположительно совершал насилие. Густав Вайстрах, родом из семьи польских беженцев, которая на протяжении последних семнадцати лет владела „Клубом молодежи“ в Ноуль-Хилл, завтра будет освобожден под залог вплоть до дальнейшего расследования».

Роберт со вздохом распрямил спину.

— Июнь две тысячи первого. Как ты это нашла?

— Легко! Вбила фамилию Вайстрах в строку поиска Google. — Луиза улыбнулась. В солнечном свете ее «конский хвост» вспыхнул рыжим пламенем. — Поисковая система выдала сотни ответов, но стоящий, на мой взгляд, только этот. История, похоже, наделала шуму. Остальные ссылки связаны с генеалогией. Понятно, что информация, которую хотелось бы выжать из медальона, могла вообще не попасть в Сеть, поскольку устарела до появления Интернета.

— Напомни-ка, сколько я тебе плачу за то, что ты роешься в Интернете? — Роберт принялся кружить по кухне. — Ладно, а почему, собственно, тебя не заинтересовала генеалогия? История семьи Эрин, по-моему, неплохая зацепка. Лично я не представляю, каким образом этот подонок может быть связан с Эрин. Думаешь, есть смысл копать дальше?

Роберт открыл заднюю дверь, выглянул в сад, где трава вымахала до колена и

колыхалась на ветру, как заливной луг.

— Разумеется, смысл есть. Я ведь как-никак сыщик. — Луиза остановилась у него за спиной. — Подниму все публикации по этой истории, прослежу судьбу негодяя, добуду его адрес. Съездим к нему, если захочешь. Женщина на снимке вполне может оказаться его родственницей. Имя-то уж очень редкое. — Она стояла так близко, что Роберт чувствовал ее теплое дыхание. — А может, мы занимаемся ерундой и уже сегодня вечером Эрин будет обнимать тебя и просить прощения.

— Думаешь? — рассеянно бросил Роберт. Он многое отдал бы, чтобы сейчас у него за спиной стояла Эрин. Он скучал по Эрин и Руби так, что даже думать об этом боялся. — Спасибо! — искренне сказал он, сжимая ладони Луизы. — Без тебя я ни за что не справился бы.

Луиза с улыбкой освободила пальцы.

— Ладно, приводи себя в порядок, завтракай, сразись в сквош. Словом, займи себя, пока я не накопаю побольше об этом красавце. Обещаю, я быстро. — Она вернулась к компьютеру. — Да, Роб! Только не расстраивайся, если мы выловили пустышку.

— Постараюсь. Но очень надеюсь, что это не так. — Роберт отправился в душ.

Позже они вместе доехали до «Маргаритки», на машине Роберта разыскали паб, где Роберт оставил мобильник, — вопросов Луиза не задавала — и за каких-нибудь два часа добрались до Нортгемптона.

К низенькому, непримечательному городку подъехали около полудня и остановились перекусить. Роберт взял два хот-дога, кофе и пачку сигарет. Пока он жевал сосиски, Луиза потягивала кофе и от предложенной сигареты отказалась, выразительно пфыкнув, словно все же затянулась.

Голова у Роберта с похмелья гудела, но головная боль не шла ни в какое сравнение с болью душевной. Луиза запаслась картой города с точным маршрутом к нужному адресу. Роберт и сам без проблем скачал бы подобную информацию из Интернета, но с другой стороны, это оправдывало гонорар Луизы, а Луиза помогала ему не обезуметь от близкого развала второго брака.

— А что, если он в тюрьме? — Роберт сидел на капоте машины, Луиза же устроилась на скамейке, подальше от сигаретного дыма. Покончив с сосисками, Роберт стряхнул крошки с рубашки, докурил сигарету и медленно раздавил окурок каблуком. — Ты рассматривала такой вариант?

— Он не в тюрьме. — Луиза покачала головой, глядя на окурок: — Это обязательно?

Роберт и бровью не повел.

— Ты же сказала, ему дали четырнадцать лет.

— Верно.

— Если я пообещаю больше не курить, ты поделишься тем, что накопила? — Роберт надел темные очки — Луиза сидела спиной к солнцу, а ему оно било в глаза.

— Густав Вайстрах умер. — Луиза встала со скамьи, подтянула джинсы с кожаным поясом, яркая пряжка которого как-то не сочеталась с простой белой футболкой. — Повесился в тюрьме.

— Тебе не пришло в голову сообщить мне об этом до выезда из Лондона? — Роберт вытащил из пачки следующую сигарету, сунул в уголок рта.

— Ты обещал...

— Я пока и не закурил. Ну? Кому мы, черт побери, собрались нанести визит?

— Спроси чего полегче. Его матери? Тетушке, жене, дочери? Понятия не имею. — Луиза выдернула сигарету из губ Роберта, метнула ее в урну и, открыв дверцу, с улыбкой похлопала по откидной крыше «мерседеса». — Я не прочь прокатиться топлес. Нет возражений?

Пока они ехали через город, легкий летний ветерок заметно усилился. Если бы не тоска по жене и дочери, Роберт от души наслаждался бы солнцем, что ласкало шею и лицо, припекало нос. Добравшись до северной окраины городка, Роберт затормозил, чтобы Луиза сверилась с картой.

— Совсем рядом, через две улицы. — Луиза прищурилась, вглядываясь в ряд унылых казенных домов.

Роскошный «мерседес» в этом нищенском районе — как бельмо на глазу, подумал Роберт.

— Следующий поворот налево.

Дом номер 72 по Белл-Гроув-Гарденз оказался самым неприглядным на улице. Бетонный, с галечным крошевом фасад не оставлял сомнений в том, что здание как принадлежало муниципалитету, так и осталось в собственности городских властей, в отличие от соседних домов. Если другие жильцы пытались хоть как-то приукрасить свои владения — корзинами с грязно-оранжевыми и голубыми цветами на стенах, облупленными гномами и декоративными камнями на лужайках, — то номер 72 был убог и неухожен настолько, что, скорее всего, необитаем.

— Мило, — хмыкнула Луиза, оценив участок перед домом, буквально засеянный мусором. — Может, я в машине подожду?

— Туфельки боишься замарать? — съязвил Роберт, поднимая крышу машины. — Кто из нас детектив, я или ты? Вот и работай. Откуда мне знать, что спрашивать у жильцов... если они там вообще есть.

— Думаешь, я знаю? — Луиза зацокала вслед за Робертом, а тот шагал по дорожке с таким мрачно-решительным видом, словно уродливый дом был хранителем всех секретов Эрин.

На стук никто не отозвался, и Роберт с Луизой двинулись дальше, вокруг дома, в задавленный сорняками садик и вдоль стены жалкой пристройки. С соседнего двора неслись смех, детские голоса, стук мяча. Задняя дверь была распахнута, где-то внутри едва слышно играло радио. Роберт побарабанил по открытой двери:

— Есть кто-нибудь?

В темном проеме, будто материализовавшись из ниоткуда, появилась старуха с бельевой корзиной в руках. Хозяйка и гость застыли, изучая друг друга.

Роберт видел чью-то жену, за долгие годы брака смирившуюся со своей судьбой — стирать, убирать, печь пироги и всеми забытой окончить жизненный путь в скудном убожестве дома престарелых. Кожа то ли жирная, то ли влажная от пота, глаза — когда-то явно синие — поблекли, словно она выплакала из них всю краску.

А старуха, должно быть, видела угрозу в незнакомце, возникшем на пороге ее дома. Роберт поспешил сдвинуть темные очки на макушку.

— Миссис Вайстрах? — произнес он неуверенно — кто знает, как на самом деле звучит чудная фамилия. Ответный кивок он едва уловил. — У вас найдется несколько минут? Мы к вам с важным разговором.

Брови старухи сошлись, взгляд, тревожный и испуганный, метнулся к Луизе.

— Точнее, хотели бы поговорить кое о чем интересном, — быстро исправился Роберт. Так добрый дядя на улице предлагает конфетку чужому ребенку.

«Ждите!» — каркнула она, растворилась в темноте дома, а пару секунд спустя вернулась, вместе с крупным мужчиной, тоже в летах и тоже крайне неприветливым. Заполнив собой весь дверной проем, тот навис над Робертом — порог дюймов в шесть высотой добавлял преимущества в росте.

— Добрый день. — Роберт протянул руку. — Я Роберт Найт. Вы позволите задать вам несколько вопросов?

Мрачный старик нехотя встряхнул ладонь незваного гостя. Недоверчивое рукопожатие, отметил Роберт, жидковатое для человека таких размеров, и кожа ледяная.

— Можно войти?

Две пары настороженных глаз продолжали всматриваться в чужаков, взгляды метались между Робертом и Луизой. Наконец мужчина шагнул в сторону и коротко кивнул, приглашая в сумрак кухни, обставленной годами в шестидесятых, да и ремонта с тех пор явно не видевшей. Миссис Вайстрах опустила корзину с бельем на пол, расправила цветастую юбку и замерла рядом с мужем у синего пластикового стола. Роберт остановил на ней взгляд и постарался сосредоточиться, как делал это в зале суда, перед допросом свидетеля. Серый свитер, вытянутый на локтях, весь в катышках свалывшейся шерсти; грязный фартук поверх юбки; желтые с сильной проседью волосы стянуты в пучок на затылке; россыпь старческих пятен на щеках, будто ей плеснули чаем в лицо... Где та ниточка, что могла связывать ее с Эрин, с Руби, с недостающим звеном прошлого его жены, которое он так стремился отыскать?! Нет такой ниточки.

— Вы из полиции? — спросил старик с заметным акцентом.

— Нет-нет, вовсе нет. Я хотел показать вам вот это.

Тускло блеснувший на его ладони медальон потряс пожилую чету. Миссис Вайстрах ахнула и, пошатнувшись, ухватилась за спинку стула. Ее муж не издал ни звука, но кадык несколько раз дернулся, плечи напряглись, косточки стиснутых кулаков побелели, под редким седым пушком на черепе проступили капли пота. Роберт не упустил ни одной мелочи.

— Вам знакома эта вещь?

Ответ, впрочем, был очевиден. Сердце заколотилось в безумной надежде, но Роберт одернул себя: даже если старики и узнали медальон, это совсем не обязательно связывает их с Эрин.

— Эдита... — прошептала миссис Вайстрах. На кухне повеяло холодом, словно иноземное имя воззвало к призракам былых времен.

Роберт открыл медальон. При виде блеклого снимка внутри миссис Вайстрах одной рукой зажала рот, а другой быстро перекрестилась. Старик что-то прорычал, отворачиваясь, но и он видел фотографию — и тоже узнал. Роберт не сомневался в этом, глядя на его внезапно побагровевшую, со вздутыми венами шею.

— Мистер Вайстрах... Вы ведь мистер Вайстрах, не так ли? Женщина на фотографии вам знакома?

Вместо ответа старик выключил радио.

— Еще бы не знакома. — Женщина придвинулась к Роберту, не отрывая глаз от медальона. Смахнула слезинку со щеки. — Это ведь его мать, Эдита Вайстрах. Она умерла.

— Извините. Мне очень жаль.

— Она была старая и...

— Где вы это взяли? — Ее муж сжал кулаки.

— Не хотел вас расстраивать. — Роберт сделал полшага назад. — Я не знал, что ваша мать умерла.

— Он не из-за фотографии так разволновался. — Миссис Вайстрах налила в чайник воды, поставила на плиту и включила газ. Вздохнула с такой унылой покорностью, словно что-то до чрезвычайности важное, чего они с мужем ждали всю жизнь, вдруг само легло им в руки, просто и буднично, как ложится письмо на коврик у двери. — Его интересует медальон.

— Вот. — Роберт протянул украшение оцепеневшему старику. — Взгляните поближе.

— Или точнее будет сказать, мужа интересует, где вы его взяли. *Кто* вам его дал. — Миссис Вайстрах вытерла руки о фартук. — Понимаете... Этот медальон был у Рут.

Когда Энди ушел, я поняла, что получила по заслугам и отныне моя участь — одиночество, душевные муки, вечная скорбь и целое море горькой вины. Хочешь, плавай в нем, хочешь, иди ко дну. Солнце даже краешком не заглядывало в мой новый мир, и случались дни, когда я не разговаривала ни с единой душой. Кроме Наташиной души, конечно. Время от времени я обращалась к ней — «прости», говорила, или «люблю тебя», — только она не отвечала. Дрожь пробежит по телу, да холодок дунет в лицо — вот и все, что доставалось мне от общения с ней. Поначалу мне хватало. Позже я начала писать ей письма. Все они и сейчас в коробке с пометкой «Наташа» на чердаке. Но я все равно не ощущала связи со своей малышкой. Отчаянное желание услышать ее и подтолкнуло меня однажды к встрече с медиумом. Ее объявления в течение нескольких недель появлялись в моем районе: «Вхожу в контакт с дорогими вашему сердцу усопшими».

Позвонив мадам Люне, я получила приглашение на сеанс в ее доме на другом конце города. Я добралась на автобусе, захватив с собой двадцать пять фунтов и блокнот с ручкой. Она провела меня на второй этаж, в спальню, напоминающую цыганский шатер гадалки на ярмарке: сплошь алый, фиолетовый, золотой шелк, сотни горящих свечей и хрустальный шар на низеньком столике. Мадам Люна предложила мне сесть в кресло у стола, а сама устроилась напротив. Мадам Люна была мужеподобна и необъятно толста, но именно она изменила мою жизнь.

— Кто-то очень вам дорогой пытается войти с вами в контакт, — произнесла она низким, хриплым голосом, и я утонула в черных глазах, мечтая вновь соединиться с Наташей. Руки мадам Люны зависли над хрустальным шаром. Клянусь, я воочию видела искры, что проскакивали между ее ладонями и потусторонним миром. Слезы покатались по щекам. — Она говорит — не нужно плакать, или ей тоже будет грустно.

— Она?..

— Девочка. Маленькая. Которая вас очень любит.

Как только мышцы мои напряглись, в тот самый миг, когда зрачки мои расширились, в то самое мгновение, когда на моей верхней губе блеснули бисеринки пота, я стала жертвой мадам Люны. Она тянула из меня информацию, как сорняк тянет соки из земли. Позже я поняла, что она всего лишь делала свою работу.

— Сколько ей? — выдохнула я.

— Два года... или три.

Я разочарованно сникла.

— Хотя... секундочку... — Пальцы мадам Люны тряслись над хрустальным шаром, а неотрывный взгляд ловил мельчайшие отклики моего тела, складывая в строчки биографии. — Наверное, чуть младше... или старше... — Должно быть, сама того не осознавая, я подала ей сигнал, и мадам Люна возликовала: — Совсем маленькая! Думаю, младенец.

Она не сообщала, она *спрашивала*, но что мне до того? Я неистово закивала, и мадам Люна разразилась потоком фактов — и близких к правде, и настолько далеких, что я их просто отбрасывала. Наташа на небесах, она меня любит и прощает, она будет общаться со мной через мадам Люну — каждый раз, когда я приду к ней и заплачу за сеанс.

Выплакав глаза, я уже собралась уходить, когда мадам Люна совершила большую

ошибку — сказала, что у меня необычайно развита интуиция и, скорее всего, я не лишена способностей медиума. Видно, хотела таким образом гарантировать мое возвращение, лестью завоевать мое доверие. А в итоге собственными руками направила меня на стезю оккультизма, и вскоре уже я сама рекламировала на витрине соседнего магазина услуги ясновидения. Не прошло и недели, как у меня появились первые клиенты. Наконец-то я почувствовала себя нужной — и в то же время связанной с Наташей.

Конечно, я не настоящий медиум. Просто умею разглядеть ниточку скорби, что вплетена во многие жизни. Стоит лишь потянуть за кончик, и человек раскроется перед тобой.

Настал день очередного визита Сары. Она опаздывает на два часа. Я уже вся в тревоге, и мне совсем не нравится, как жилка на виске болью отмеряет каждую лишнюю секунду без Сары.

А вдруг она родила и просто забыла обо мне? Я не перенесу. Я не выживу, если не смогу видеть ее крошку, щекотать носом шейку, подрезать ногти, когда отрастут. «Только не бросай меня, Сара!» — умоляю я вслух и мечусь между плитой и входной дверью. Взглянув на кексы, которые поставила в духовку к приходу Сары, уже в следующую минуту высовываю голову на улицу в надежде заметить яркое сари девочки.

Меня на миг отвлекает полоска солнца, рискнувшего заглянуть в открытую дверь. Мне кажется, это мостик между унынием моего мира и светом, где живет Наташа вместе с другими малютками. Я поднимаю глаза к небу и мечтаю, что прохожу по мостику. К своей девочке.

Месяцы без Наташи перетекли в годы, а мое общение с инспектором Джорджем Ламли и констеблем Мирандой Хоббс перетекло в ежегодные встречи. Бесплодные встречи. Три года без Наташи — и полиция официально объявила ее дело безнадежным. Пусть не желанный, но тоже результат. Разрешение забыть Наташу и продолжать жить. Полиция больше не терзала меня расспросами о шерсти и пирогах и сняла все обвинения, признав эту версию ошибочной. Я очень старалась идти дальше по жизни. Но воспоминания не отпускали меня, я таскала их за собой как привязанный к лодыжкам груз, они тормозили каждый мой шаг.

Всякий раз, проходя мимо детского садика, я представляла, что иду забирать Наташу и сейчас она выбежит ко мне с акварелью, еще не просохшей, или чудищем, слепленным из мокрой туалетной бумаги. Я смотрела, как другие мамы поджидают свои сокровища, и меня тянуло пройти в ворота — а вдруг найдется ничейный ребенок? Ни разу не рискнула. Так всегда и проходила мимо.

Развод с Энди, не отняв много времени, расколол мою жизнь, как витражное стекло. Все было кончено. От прошлого ничего не осталось. Я с головой ушла в новую профессию и работала с постоянными клиентами, доведенными до отчаяния и лелеющими свою скорбь. Собственно, потому мне и сопутствовал успех в деле, в котором я объявила себя докой: я тоже лелеяла свою скорбь. Мне не составляло труда ухватить ниточку тоски, а обнаружив ее, я на каждом сеансе разматывала ее все дальше, и получала свои двадцать пять фунтов, и жила, и кормилась за счет чужого горя.

Со временем я стала пользоваться известностью. Меня даже пригласили поучаствовать в школьном празднестве — с тех пор эти мероприятия без меня не обходятся, — я давала интервью на местном радио и печаталась в журналах. Я стала членом городского общества

экстрасенсов, вместе с другими целителями и медиумами устраивала — и теперь устраиваю — выездные сеансы в кафе и пабах. Клиенты змеятся очередью к барной стойке, а потом змеятся очередью ко мне. И я говорю им то, что они хотят услышать, забрасывая правдой их жизни — благодаря не сверхспособностям, а всего лишь умению делать верные выводы. Знаю, что я мошенница, знаю, что я шарлатанка. И все же иногда у меня появляется чувство, что очень скоро случится нечто крайне важное, что перевернет мое существование, и мне останется лишь таращить глаза. Как сейчас.

Сара так и не появилась, солнечный мостик рассеялся за домами, кексы засохли. А я пошла переодеваться к сеансу в «Оленьей голове».

В первую субботу каждого месяца ко мне выстраивается очередь жаждущих узнать свою судьбу. Обычно я не позволяю дурному настроению влиять на то, что я говорю клиентам, но сегодня я уж очень не в духе и боюсь, не удержусь — предскажу кому-нибудь мелкую неприятность или разочарование.

Темнеет сейчас только после десяти, и мне нравится, когда прохожие глазают в окна на мое одиночество, но я все равно задергиваю шторы. Не хочу, чтобы Сара, если все же придет, заглянула в комнату. Не хочу, чтобы она увидела плетеную люльку, которую я для нее купила, всю в ленточках и с сюрпризом внутри — крохотными бархатными комбинезончиками. Как глупо я буду себя чувствовать, если она узнает, что я перекрасила маленькую спальню, бывшую детскую, в пастельные тона, и лампу повесила, с зайчиками на абажуре, и стащила с чердака ящик с игрушками, которые Шейла так спешно собрала, когда моя девочка пропала. Перед самым выходом я опускаюсь на колени перед люлькой и зарываюсь лицом в новенькие детские вещички. Я плачу и смеюсь одновременно.

Паб «Оленья голова» уже полон народу. Громкие голоса и взрывы смеха, запах виски и табака, дымка надежды. Я приветствую хозяина из-за спин толпящихся у стойки бара, и он сопровождает меня в комнату, где остальные экстрасенсы уже приступили к делу. Похоже, он не в силах больше сдерживать натиск тех, кто мечтает достучаться до призраков.

Но сегодня что-то витает в воздухе. Сегодня кроме обычной орды клиентов, которым общение со мной обходится всего в десять фунтов, если они заказывают в баре два блюда, моего внимания ждет что-то еще... Нечто куда более важное, чем контакт с давно почившими тетушками или детали чужого беспросветного будущего. Ко мне возвращается — и пугает смертельно — то самое чувство близости чего-то эпохального в моей собственной судьбе. Я вспоминаю Сару и ее малыша. Я смотрю на часы. Затем в лицо первой клиентки — она как раз опускается на стул перед моим столиком с пурпурной скатертью. Что я могу сказать ей, если меня переполняет страх, с этой женщиной никак не связанный?

«Добрый вечер», — говорит она, а я не отзываюсь. Я изучаю свои ладони. Паутина малиновых линий начертала на бледной коже карту правды и лжи. И опять я вспоминаю Сару — как она разглядывала эти линии и, играя в гадалку, предсказала мне рождение ребенка.

В следующий момент, подняв глаза, я ловлю взгляд незнакомца. Опираясь на край барной стойки, он неспешно подносит к губам кружку с пивом. И смотрит на меня.

Вдыхая запах дезинфицирующих средств с примесью газа, гости наблюдали за миссис Вайстрах, пока она хлопотала с угощением. Когда священнодействие — подготовка к чайной церемонии — было завершено, она доверила поднос мужу, а сама пошла впереди Роберта и Луизы в гостиную. Присев на краешек дивана с обивкой в цветочек, они получили по щербатой чашке с горьким кирпичным питьем.

— Давно вы здесь живете? — Ответ Роберта не интересовал, ему хотелось лишь поскорее выяснить все возможное о фотографии из медальона, попытаться найти — маловероятно! — связь женщины на снимке с Эрин и убраться из этого чертова дома, наводящего тоску.

Хозяева не ответили.

— Где вы это взяли? — Старик выпрямился во весь свой внушительный рост и вытянул руку.

Медальон на цепочке повис перед самым носом Роберта, словно мистер Вайстрах решил гипнозом выведать у незваных гостей всю их подноготную.

— Медальон принадлежит моей приемной дочери, — сообщил Роберт тоном, который приберегал для самых подозрительных клиентов, подкрепил интонацию улыбкой и намеревался забрать вещицу, но старик отдернул руку. Медальон завертелся на цепочке, поблескивая в лучах солнца, сумевших пробиться сквозь пыльный тюль на окнах. Роберт пригубил чай, поморщился от горечи и, подняв взгляд, заметил слезинку в уголке глаза миссис Вайстрах. — Кто такая Рут? — спросил он, переждав шум проезжающей машины. В форточку пахло бензином.

Опять молчание. Мистер Вайстрах вернулся в кресло рядом с женой. Оно застонало под его весом. Старики-супруги качнулись друг к другу, прижались плечами, объединенные одним горем.

— Рут — наша дочь. Понимаете, у нас была дочь... — Миссис Вайстрах смотрела на мужа, точно без его разрешения не могла произнести ни слова.

— У нас *есть* дочь, — пророкотал старик. Нервный тик выдавал его волнение.

— Простите, что-то я не понимаю. — мягко спросила Луиза. — Дочь была — или есть?

Миссис Вайстрах опустила сухую ладонь на колено мужа и проговорила сдавленно, с глубочайшей грустью, которую не скрывали ни сильный акцент, ни безропотное смирение фраз:

— Столько лет прошло. Рут наверняка умерла.

— Нет! — Старика снова распрямило, как пружину, в полный рост. — Рут жива. — Казалось, он не все сказал, но слова застряли в горле, увязнув в страхе и безысходности.

— Если Рут жива, то, вероятно, хотела бы получить назад свой медальон, — мягко произнес Роберт, по долгу службы овладевший искусством выживания информации. Впрочем, он сильно сомневался, чтобы история с пропавшей Рут вывела их на Эрин. — Думаю, моя жена и дочь были бы рады знать, что эта вещица вернулась к законному владельцу.

И снова долгое молчание. Даже сюда неслись крики и смех ребят. Странно, что они не в школе, подумал Роберт. Обиженный детский визг вдруг заглушил мерный стук мяча об асфальт, вскрикнула женщина, и Роберт не утерпел — подскочил с кресла и выглянул в

окно. Летняя жара добавляла децибелов будничным звукам. В нос Роберту ударил запах подгоревших тостов, потом бензиновая гарь — еще одна машина с простуженным мотором чихала, проезжая по улице. Роберт повернулся спиной к окну. Неподвижная чета Вайстрахов, казалось, уснула вечным сном в своих креслах.

— Как по-вашему, есть ли шанс разыскать Рут, чтобы вернуть ей медальон?

Вопрос Роберта, как ключик в заводной игрушке, привел в действие миссис Вайстрах. Она подалась вперед, взгляд забегал по комнате, глаза превратились в щелочки, тонкогубый рот совсем исчез.

— Вы не найдете Рут. Сколько народу искало. — Она глянула на мужа. Тот кивнул, тоже вернувшись к жизни. — Рут исчезла, понимаете. Испарилась. — Миссис Вайстрах всплеснула руками, словно что-то взорвалось у нее в ладонях, и, надув щеки, резко выдохнула: — Пфф — и все!

Перед Робертом мелькнуло безликое видение девочки, растворившейся в воздухе, и память тут же подбросила образы Эрин и Руби. Они ведь точно так же исчезли.

— Мне очень жаль. — Услышав собственный голос, он подумал, что имел в виду себя. — Полиция, полагаю, сделала все возможное?

— Конечно. Но они давным-давно прекратили поиски. — Миссис Вайстрах сняла вязанный чехол и встряхнула чайник: — Еще хотите?

Роберт подставил чашку: ему нужен был повод, чтобы продлить визит и вытянуть побольше сведений у немногословных поляков.

— Она уж тринадцать лет как пропала. — Миссис Вайстрах в задумчивости постучала ложкой по пузатому боку чайничка. — В полиции говорят, нет больше смысла искать. Дескать, она умерла.

Роберт припал к чашке с теплой бурдой; он проглотил бы сейчас любую гадость, лишь бы не уподобиться миссис Вайстрах с ее нервными конвульсиями. Здравый смысл подсказывал, что самое верное решение — немедленно подняться и уйти, а позволить втянуть себя в семейную трагедию Вайстрахов — ошибочно и опасно. Вдруг то, что он здесь услышит, уведет его в сторону от главной цели — узнать правду об Эрин? Или то, что он здесь услышит, подольет масла в огонь его навязчивых подозрений?

— Мистер Вайстрах, миссис Вайстрах, вы когда-нибудь слышали такое имя — Эрин Лукас? Оно как-то связано с медальоном? — Луиза поставила чашку на стол и скосила глаза на Роберта.

— У меня с собой ее фотография. — Роберт достал портмоне из заднего кармана брюк, открыл и протянул мисс Вайстрах.

Та взглянула, отпрянула и, привалившись к мужу, хлопнула ладонью по лбу. Голова ее мелко-мелко затряслась, стиснутые губы выпятились, словно кто-то затянул шнурок в попытке удержать рвущиеся с языка слова.

— Он спрашивает — мы ее знаем, эту женщину? — сообщила миссис Вайстрах мужу, как будто тот внезапно оглох и ослеп.

— Не знаем, — ответил старик. Чересчур поспешно, отметил Роберт. Лицо старика напряглось и побагровело, выдавая сомнение, надежду и очевидное раскаяние.

Уголок рта опустился, как поникший осенний листок. В глаза Роберту бросилось светлое пятнышко — волосы Эрин на фотографии в трясущейся руке миссис Вайстрах, — вызвав в памяти тот ветреный день, когда он сделал этот снимок. Закинув одну руку на шею, другой Эрин придерживала развевающиеся пряди.

Мистер Вайстрах со вздохом потер ладонью макушку с остатками блеклых волос.

— Вы тоже кого-то потеряли? — Он взял себя в руки, акцент почти исчез, а каменная маска скрыла признаки волнения. По причине, одному ему ведомой, мистер Вайстрах отказывался признавать, что лицо Эрин ему кого-то напомнило.

— Возможно. Я пока не уверен.

Идиотский ответ — либо человек пропал, либо нет, иного не дано, — но Роберт был сбит с толку увертками старика. Очевидно же, что он узнал Эрин!

— Это моя жена, — кивнул Роберт на снимок и лишь тогда заметил, что хозяева его не слышат: миссис Вайстрах что-то возбужденно шептала на чужом языке, оба то улыбались, то хмурились, словно крохотный клапан наконец открылся, но давление было по-прежнему велико. Что бы они ни скрывали, Роберт не желал распространяться насчет Эрин. Она все еще его жена.

Миссис Вайстрах перекрестилась и встала:

— Я на минутку. — Она засеменила из комнаты, бесшумно перебирая ногами в домашних шлепанцах. Вернулась быстро, прижимая к груди коробку. — Мы хотим кое-что вам показать. Это связано с Рут.

Она поставила коробку на журнальный столик, открыла, взметнув облачко пыли с крышки, и принялась перебирать содержимое — в основном, отметил Роберт, газетные вырезки. Луиза наклонилась, приглядываясь, и солнечные лучи, не остановленные грязной занавеской, заплясали на ее волосах.

— Вот она, Рут. И вот еще. И еще.

Роберт с Луизой едва не утонули в потоке вырезок и снимков, а миссис Вайстрах в порыве возбуждения суетливо совала им в руки пожелтевшие газетные листки.

Взгляд Роберта был прикован к одному из снимков, явно из школьного альбома: девочка-подросток с безжизненным лицом и отрешенными глазами, на незатейливом бледно-голубом фоне. И всего два слова сверху: «Пропала школьница».

Затаив дыхание, с болью в сердце, Роберт смотрел на совсем юную Эрин. Ошибки быть не могло: эта девочка выросла и стала его женой. И что теперь? Раскрыть объятия чете Вайстрах как неожиданно обретенным родственникам — или оставить свое открытие при себе, чтобы они не дай бог не замкнулись? Глядя на них, Роберт не сомневался, что старики знают больше, чем говорят, и не хотел бы опускаться перед ними шлагбаум, если они все же рискнут пойти на откровенность.

Нет, он не станет торопить события. Понадобится — лучше свяжется с ними еще раз.

Куда сильнее, чем загадка польской четы, Роберта терзал страх за Эрин и Руби. Воображение рисовало жуткие картины: это его жена и дочь исчезли, это на их поиски брошена полиция, это их фотографии печатают газеты, призывая весь народ помочь найти его пропавшую семью. Роберт взмок, по спине поползла струйка пота.

— Мне очень жаль, — пробормотал он, отводя взгляд от снимка. Он действовал на него хуже наркотика. — Нелегко вам, должно быть, пришлось.

Луиза вчитывалась в статью под снимком пропавшей девочки, а Роберт улавливал лишь ключевые, ужасающие слова: *пропала, похищена, полиция...*

— Ей было всего пятнадцать. Совсем ребенок. — В голосе миссис Вайстрах неожиданно прозвучала надежда, как будто Роберт, совершенно чужой ей человек, призван восполнить их потерю. — Мы все ее обожали, нашу малышку. — Она провела ладонью по спине мужа. — У нас была дружная семья.

Старик вздрогнул и поднялся. Гигантская, хоть и согбенная годами фигура заслонила окно.

— Она просто исчезла. Вот вчера была с нами, а на следующий день сбежала.

Миссис Вайстрах присоединилась к мужу, оставив гостям ворох газетных вырезок — несколько экземпляров одной и той же газеты, датированных разными числами, одна вырезка из центральной газеты, но вся пресса от января 1992 года.

— Ну? Что думаешь? — Роберт понизил голос, хотя в такой маленькой комнате это было бессмысленно: старики не могли не слышать его слов.

— Как раз собиралась задать тебе тот же вопрос.

— Родинку видишь? Скулы? Волосы другого цвета, верно, но черты бесспорно те же!

— У меня тоже родинка, — шепотом отозвалась Луиза, ткнув пальцев в висок. — Скажешь, это я на фотографии?

— Эта девочка никак не могла с возрастом превратиться в тебя. — Роберт снова взял в руки выцветший снимок. — Но она определенно могла вырасти в Эрин.

Будь он сейчас один — заговорил бы с этим ребенком. Казалось, девочка хранила какой-то секрет: в глазах ее таился испуг, а губы приоткрылись — не от тех ли слов, что она хотела произнести? Знала ли она о том, что попала на страницы газет?

— Неужели? Прошу прощения, Роб, но в девяносто втором девочке было пятнадцать. Следовательно, сейчас двадцать семь или двадцать восемь, смотря в каком месяце она родилась. А сколько Эрин?

— Тридцать два. Ладно, Шерлок. Я ничего не утверждаю, просто говорю, что вижу.

А вижу я поразительное сходство между этой девочкой и моей женой.

— Ты делаешь преждевременные выводы. Как и старики при виде медальона. — Луиза со вздохом откинулась на спинку дивана. — Нет, Роб, ты меня не убедил. Поверь, этот след заведет нас в тупик.

Роберт оставил ее скепсис без ответа. Глянув на спины супругов Вайстрах, он быстро отобрал несколько газетных страниц, сложил их и сунул за пазуху.

— Быть может, она еще найдется, — громко сказал он, обращаясь к хозяевам. — Не надо терять надежды.

Оба как по команде повернулись.

— А что же с медальоном? — всхлипнула миссис Вайстрах. — Скажите, откуда он у вас? Рут его бабушка подарила, на день рождения, в десять лет. И с тех пор она носила его на шее. Там и снимок бабушки. Эта женщина на фотографии в медальоне — Эдита Вайстрах, мать моего мужа Василя и его брата Густава...

— Хотелось бы узнать подробности исчезновения вашей дочери, — прервала ее Луиза.

Миссис Вайстрах так и вскинулась:

— Рут не просто так убежала из дома!

— Ирена, не надо. — Васил Вайстрах покачал головой и схватил жену за руку.

— А что? Хуже-то все равно не будет. Газетчики еще тогда на весь свет раззвонили. — Она выдернула руку. — Полиция считает, что Рут украла младенца!

— Да что вы? — Луиза достала из сумки блокнот и ручку. — А зачем пятнадцатилетней девочке понадобился младенец?

Помедлив в нерешительности, миссис Вайстрах передумала говорить правду.

— Мы так и сказали полицейским, а у них вроде свидетели были, и все улики против нашей Рут. — Краска схлынула со сразу постаревшего лица Ирены Вайстрах. Она несколько

раз сглотнула. — Но мы не верим, что наша дочка могла такое сделать, правда ведь, Васил?

— Свидетели говорили то, что устраивало полицию и несчастную мать младенца, которого украли, — медленно, взвешивая каждое слово, вставил старик.

— И какие же у полиции были улики против вашей дочери? — Луиза что-то черкнула в блокноте. — Не волнуйтесь, я не из газеты. Мы просто думаем, что ваша пропавшая дочь может быть как-то связана с тем человеком, которого мы хотим отыскать. — Ее улыбка пришлась очень кстати.

Ирена вернулась к коробке и достала вырезки из более поздних газет.

— Вот, прочитайте и сами увидите, что за улики. Если уж они обозвали нашу Рут преступницей, то хотя бы искали как следует.

Луиза сняла очки, Роберт придвинулся к ней, и оба уткнулись в статью, где обычная, увы, история пропавшего подростка принимала иной оборот.

УКРАДЕННЫЙ МЛАДЕНЕЦ И СБЕЖАВШАЯ ИЗ ДОМА ДЕВОЧКА: ЕСТЬ ЛИ СВЯЗЬ?

Полиция подозревает наличие связи между Рут Вайстрах, которую родители Васил и Ирена в последний раз видели дома 4 января, и похищенным младенцем Наташей Варни.

Двухмесячная Наташа была похищена 4 января из «рено-5» ее матери, припаркованного у супермаркета в Нортгемптоне.

По сведениям полиции, несколько очевидцев утверждают, что заметили девочку-подростка, по приметам похожую на пропавшую Рут Вайстрах. Два свидетеля смогли назвать точное время и подробно описать девочку, которая бежала через парковку с младенцем на руках. Еще один свидетель заметил подростка с младенцем на шоссе М1.

Инспектор уголовной полиции Джордж Ламли, в чьем ведении находится дело Наташи Варни, сказал: «Мы проверяем все возможные варианты, но особенно хотели бы поговорить с Рут Вайстрах, чтобы исключить ее из числа подозреваемых. Мать похищенного младенца, естественно, вне себя от горя и вскоре выступит с заявлением. Любую информацию по этому делу просим сообщать полиции Нортгемптона по телефону...»

— Ничего себе, — выдохнул Роберт.

— Довольно расплывчато, тебе не кажется? — отозвалась Луиза, возвращая газету миссис Вайстрах, и после паузы вонзила нож в самое сердце Роберта: — Видимо, обнародовали не все, что было известно полиции.

— Так где вы взяли медальон? Он был у Рут, а она ни за что с ним не рассталась бы. — Васил Вайстрах нацелил угрожающий взгляд на Луизу.

— Скорее всего, — поспешил встрять Роберт, — моя жена купила его на блошином рынке в подарок дочери. — Он пытался вытащить нож, но тот накрепко застрял в сердце. — Вам не приходило в голову, что Рут могла продать медальон, когда ей понадобились деньги? — Боль в сердце не стихала. — К примеру, на наркотики. Ваша дочь была наркоманкой, мистер Вайстрах?

— Роб! — вырвалось у Луизы.

— Может, у вашей девочки была какая-то страшная тайна? Иначе что толкнуло ее на преступление? Вам не приходило в голову, что Рут совсем не такая славная девочка, какой казалась?

Васил стиснул громадные кулаки и подался вперед, но жена остановила. Тень дочери мелькнула перед ней впервые за тринадцать лет, и миссис Вайстрах не допустила бы, чтобы ее надежду разрушила драка.

— Взгляните еще разок, пожалуйста. Вот, взгляните на Рут. — Она размахивала газетой с другой, но не лучшего качества, фотографией перед лицом Роберта.

Придержав листок, Роберт увидел на снимке тот же отрешенный взгляд. Посмотрел на дату вверху страницы — 11 января 1992 года, суббота. Что он мог делать в тот день? Не помнит. Да и кто вспомнил бы?

Зато он мог сказать наверняка, что ему было двадцать четыре года и он недавно получил диплом, Эрин едва исполнилось девятнадцать, а Руби только-только родилась — нежеланный дар судьбы для слишком юной, запутавшейся в жизни мамы. Нож все глубже проникал в сердце. Роберт помотал головой и глянул на миссис Вайстрах. Лишь бы больше не видеть молящие глаза девочки. Глаза Эрин.

— Нет. Жаль вас огорчать, но я ее не узнаю, — солгал он, очертив пальцем невзрачную челку Рут. Этим людям он ничего не расскажет об Эрин. Не раньше, во всяком случае, чем Луиза раскопает всю их подноготную. Он нутром чувал, что Вайстрахи о чем-то умалчивают. — Хорошенькая, — добавил он в качестве утешения. — Сейчас уж совсем взрослая. — Плевать, если он сыплет соль на рану родителей. Ему нужна сигарета и возможность обдумать все услышанное. Роберт протянул листок миссис Вайстрах и взглядом предостерег Луизу от возражений: — Нам пора.

У Луизы, конечно, осталась масса вопросов к хозяевам, но, даже понимая это, Роберт не мог больше здесь оставаться. Он был сыт по горло информацией, он и надеялся, и боялся, что Луиза тоже сложит два и два. Нужно убраться из этого дома и постараться вырвать наконец чертов нож из сердца. И только тогда можно позволить себе думать о Руби и ее шатком будущем.

— Мне очень жаль, что вы потеряли дочь, — напоследок сказал он Василу Вайстраху, вынул из портмоне визитку и оставил на подносе. — Если что-нибудь вспомните, если захотите поговорить — звоните. — Роберт кивнул Ирене Вайстрах и зашагал к выходу, в душе умоляя Луизу отбросить профессиональное любопытство и выйти вместе с ним.

Он вернулся тем же путем, в обход дома. Ткнув в кнопку брелока, разблокировал двери «мерседеса» и не оборачивался, пока Луиза не остановилась рядом. Он не желал ни минуты лишней торчать на этой беспросветно-унылой улице, среди уродливых домов.

— Ну и вид у тебя. Будто с призраком столкнулся. — Луиза защелкнула ремень безопасности и, надев солнечные очки, повернулась к Роберту: — Сам посмотри.

Роберт бросил взгляд на двойное отражение в ее зеркальных стеклах.

— Так и есть.

И машина резко рванулась вперед.

Роберт позвонил Луизе на мобильный, хотя она находилась за стенкой, в соседнем номере. Он не собирался оставаться в Нортгемптоне на ночь, как не собирался и тревожить Луизу — по крайней мере, до утра. Они сошлись на том, что обоим необходим отдых, и не

так давно распрощались в коридоре, наспех проглотив что-то не вполне съедобное в гостиничном ресторане.

Роберт прижал телефон к уху и, утонув головой в подушке, слушал длинные гудки. Не так-то просто оказалось поселиться в отдельных номерах — администраторша приняла их за парочку и упорно предлагала совместный.

— Угу, парочка. Криминальная, — процедил он вслух. Боже правый. И затем в трубку: — Тоже не спишь?

— Сплю, — отозвалась Луиза. — А что?

Рановато для сна, про себя съязвил Роберт.

Впрочем, ее разморило от бутылки вина, что они распили за обедом.

— Наташа Джейн Варни — вот *что*.

— Опять старая песня. Мы это уже обсудили, Роб. Спокойной ночи.

— Подожди.

— Я устала. Заметь, я согласилась остаться только ради тебя, чтобы мы с утра побывали в местном загсе и ты наконец избавился от своих бредовых идей.

— Ты должна найти мать похищенного ребенка.

— Полиция сообщила ее полное имя. Не пробовал заглянуть в телефонный справочник? — Луиза зевнула. — Дай поспать, Роб. Иначе завтра сам же и пожалеешь. — Она отключилась.

Роберт расправил на кровати газетные страницы, которые взял у поляков. Он чувствовал себя историком, выискивающим недостающие факты чьей-то биографии, с той лишь разницей, что ему на блюдечке преподнесли всю головоломку — каждый фрагмент пронумерован, осталось лишь сложить. Загадочным и трагическим образом он оказался единственным человеком в мире, способным увидеть целиком картинку, которой суждено изменить не одну жизнь.

МЛАДЕНЕЦ ПОХИЩЕН ИЗ МАШИНЫ

Лучшие силы полиции Нортгемптона брошены на поиски младенца, похищенного в субботу 4 января из машины на парковке супермаркета.

Двадцатичетырехлетняя Черил Варни, мать Наташи Джейн Варни, восьми недель от роду, оставила спящую дочь в машине, пока сама ходила в магазин. Вернувшись с покупками, миссис Варни обнаружила машину пустой и подняла тревогу.

Инспектор уголовной полиции Джордж Ламли, возбудивший дело о похищении, просит граждан проявлять бдительность и сообщать любые факты, которые могут привести на след преступника. «В момент похищения на Наташе Джейн Варни был светло-розовый комбинезон и белая вязаная шапочка. Младенец был завернут в одеяльце, тоже розового цвета. Крайне важно как можно скорее вернуть младенца кормящей матери. Полагаю, излишне упоминать об отчаянии родителей. Эндрю и Черил Варни умоляют всех и каждого о помощи», — сказал инспектор Ламли.

Крохотный квадратик текста на странице газеты — а сколько судеб перечеркнуто.

Заметку напечатали под снимком, и Роберт долго всматривался в густые угольно-черные волосы девочки и бездонные глаза. Ее на редкость длинные пальчики вцепились в край одеяльца, а младенческий взгляд был устремлен в пространство. Сколько раз Роберт видел этот взгляд на лице Руби, когда она улетаала мыслями в свою сказочную страну. Мать похищенного ребенка, Черил Варни, на снимке была почти неразличима.

Луиза наверняка обвинит его в паранойе. И все же Роберт потянулся за телефонным справочником, открыл на букве В. В Нортгемптоне обнаружилось не так много Варни — и лишь одна из фамилий с инициалом Ч. Роберт записал в мобильник адрес и цифры номера и захлопнул телефон. Сообщить незнакомой женщине в трубку, что твоя падчерица оказалась ее родной дочерью, похищенной много лет назад? Исключено.

О да, теперь он точно знает, что произошло в далеком январе девяносто второго. Роберт открыл мини-бар. Черт бы побрал это право личной собственности, о котором в девяти из десяти случаев так печется закон...

Уходящее солнце садилось в облака. Роберт предчувствовал дождь. Предчувствовал грозу с ураганом. Фыркнув, он прополоскал рот и отложил зубную щетку из гостиничного туалетного набора.

Впрочем, что ему за дело до погоды — пусть хоть небеса разверзнутся. А вот телефон Эрин его очень беспокоил — не иначе как разрядился, судя по тому, что голосовая почта включалась до первого гудка. Роберт названивал регулярно, хотя представления не имел, что скажет, если вдруг услышит голос жены. Он плеснул в лицо пригоршню воды и пятерней пригладил влажные волосы. Взял ключи от машины, запер номер, оставил ключ администратору и вышел из гостиницы. Луиза его не хватится — наверняка спит. В крайнем случае нежится в ванне или в постели перед телевизором.

Через двадцать минут Роберт свернул на Виндзор-террас, тесную улочку из игрушечных кирпичных домиков. Единственное окошко на фасаде каждого гляделось в точно такое же окошко напротив, и на всех окошках тюль. На всех, заметил Роберт, кроме одного — без занавески, зато с плотно задернутыми шторами. Предзакатные лучи проложили оранжевую дорожку на совершенно безлюдной улице.

Припарковаться удалось лишь у самого последнего дома. Роберт возвращался к владениям Варни пешком, весь в испарине. Воздух и так сильно прогрелся за день, а в узком пространстве между домами наверняка еще градуса на два-три выше. Живя в такой тесноте, думал Роберт, трудно что-либо скрыть от соседей. Интересно, знает ли местный народ о трагедии Черил Варни?

Дом номер 18, крохотный и аккуратный, как и все прочие на улице, был до странности безликим. Ни корзин с летними цветами на заборе вдоль тротуара, ни герани на подоконнике. Из соседних окон доносилась музыка или бормотание телевизора, и напоминанием об улице Вайстрахов вдруг раздался обиженный детский плач, но теперь у Роберта заныло сердце: в одном из здешних домов не звучал ни плач, ни смех детей. В этом доме царило безмолвие печали.

Не думая о последствиях, еще не зная, что сказать несчастной матери, а о чем умолчать, Роберт открыл калитку с номером 18, прошел по дорожке и постучал во входную дверь. Именно здесь, как выяснилось, окно на улицу было задернуто, так что, не дождавшись ответа на стук, Роберт не смог даже заглянуть в комнату. Да и обходной путь закрыт, поскольку домик был втиснут между двумя домишками-близнецами. Роберт постучал еще раз, громче и настойчивее. На соседнем пороге появилась женщина средних лет с вертлявым песиком под

ногами и усталилась на Роберта, словно он тарабанил в ее собственную дверь.

— Она будет поздно, — сообщила соседка. — Позвоните и запишитесь на определенное время.

Роберт прислонился к низенькому кирпичному забору, разделявшему крохотные дворики. Под ногой мягко чавкнуло — он не заметил, что ступил с асфальта на пропитанную влагой землю.

— Случайно не знаете, когда она вернется?

— Я же сказала — поздно. — Соседка вытерла руки в мыльной пене о фартук. — А если дело срочное, загляните в «Оленью голову». Это прямо по дороге в город. Может, и попадете к ней, если достоитесь. — Женщина усмехнулась с таким видом, будто знала нечто Роберту неведомое, и скрылась за дверью.

Паб «Оленья голова» был забит людьми, воздух пропитался чадом от подгоревшего мяса, сигаретным дымом. Роберт разглядел всю обслугу — за барной стойкой и в зале, — прикидывая, кто бы из них мог оказаться миссис Варни. Задача не из простых, ведь снимку в газете уже тринадцать лет, да и лицо матери там видно смутно. А годы тщетных надежд и отчаяния не могли не сказаться на ее внешности. Ни одна из официанток «Оленьей головы» даже приблизительно не напоминала женщину с газетной фотографии. Роберт с немалым трудом пробрался к бару и заказал пинту пива.

— Не подскажете, где найти миссис Черил Варни? — Он подтолкнул по стойке купюру в десять фунтов.

Совсем юная барменша, в запарке от наплыва посетителей, неопределенно мотнула головой:

— Там. Хотите билет? Но к ней очередь. Может, кто-нибудь другой вас устроит?

Пока девушка наливала пиво и звенела мелочью в кассе, Роберт пытался сообразить, о чем речь. Он не сразу заметил доску над баром, с выписанным цветными мелками объявлением: *Вечер экстрасенсов. Таро. Руны. Ясновидение...*

— Мне к миссис Варни. Я подожду.

Выходит, Черил Варни — медиум. Вот только дар провидицы не помог ей отыскать собственного ребенка.

Как раз когда он получил билет номер тридцать два, мелодичный женский голос произнес: «Номер двадцать пять, пожалуйста». Молодая женщина радостно, точно выиграла в лотерею, вскинула руку с билетом и нырнула в толпу, прокладывая себе дорогу к двери напротив входной.

Поработав плечами и локтями и протиснувшись между посетителями всех возрастов, Роберт вскоре уже стоял у края барной стойки, рядом с дверью в комнату, отведенную для медиумов, и смотрел, как очередная клиентка устраивается в кресле перед столиком под пурпурной скатертью. Посреди столика поблескивал хрустальный шар, а в гадалке, темноволосой женщине со стрижкой, открывающей молочно-белую шею, Роберт с первого взгляда узнал Черил Варни. Ни малейшего сомнения — это была она.

Он тянул пиво, не ощущая вкуса, не отрывая глаз от Черил. Вынув из кармана пачку, на ощупь достал последнюю сигарету. А считается, что он не курит... Кто-то толкнул его — пиво из кружки плеснуло на рубашку, — извинился и по просьбе Роберта чиркнул зажигалкой.

Роберт глубоко затянулся и выдохнул, сквозь дым с прищуром глядя на Черил. Эта женщина тринадцать лет назад потеряла своего ребенка. Именно эту женщину он хотел

увидеть — быть может, для того, чтобы как-то дать ей понять: ее красавица дочь жива и здорова.

Роберт курил, пил пиво и ждал своей очереди. Он готов был ждать всю ночь, если понадобится. Неужели она и впрямь медиум, думал Роберт. Сам он в подобные штуки не верил, но ее-то можно понять — после такой трагедии во что угодно поверишь.

Черил Варни, как ни странно, всматривалась в собственные ладони, словно решила прочесть свою судьбу. Затем вдруг вскинула глаза на Роберта. И ему показалось, что шум в пабе смолк, все исчезли, оставив его наедине с матерью Руби.

За три года я скопила одиннадцать тысяч фунтов. Я очень старалась поменьше тратить на одежды и игрушки для Руби, но радость от обещанной скорой встречи с моей девочкой была так велика, что я при первой возможности мчалась по детским магазинам.

Через полгода моей работы в самом что ни на есть обычном борделе — о чем я довольно быстро догадалась — Фреда устроила нас с Мэгги в отдельной комнате. Такой приз за особую любовь клиентов. Мы с Мэгги украсили свое гнездышко занавесочками, подушечками, картинками с распродажи, а еще купили коврик на пол, чтобы Руби было где ползать, когда она поправится и вернется ко мне.

Я вовсе не была легковой дурочкой. Я понимала, что меня заставили торговать своим телом и что львиную долю заработанных денег я отдаю Бекко. А с течением времени, когда недели в «номерах» Фреды и Бекко превратились в месяцы, а затем и в годы, я также поняла, что эти деньги не идут на оплату лечения Руби. Никаких счетов из больницы вовсе не было, хотя в лицо этому факту я решилась посмотреть еще очень не скоро. Я поставила перед собой цель и шла к ней в полной уверенности, что Руби окрепнет и настанет день, когда я вернусь с работы и засну рядышком со своей девочкой.

Не могу вспомнить день, час, минуту, когда я вдруг прозрела, когда мне открылась страшная правда: я больше никогда не увижу Руби. Не могу вспомнить, во что я была одета или кого обслуживала тем вечером. В моей ситуации открытие было неизбежно, как потеря молочного зуба: шатаешь его, шатаешь — и однажды выдергиваешь. Вот только на месте выпавшего молочного зуба, как известно, появляется новый...

Поскольку недельный заработок я оставляла в магазинах, то приходилось выкручиваться. Я прикарманивала купюру-другую при расчете с клиентами или предлагала дополнительные услуги — за дополнительную плату, чего остальные девочки себе никогда не позволяли. Мне не пришлось бы подворовывать у Фреды и Бекко, будь я поаккуратнее с деньгами, но мне так нужно было чем-нибудь притупить боль, чем-нибудь порадовать себя, чтобы хоть на минуту забыть о чередующихся потных мужских тел, через которые я проходила каждый вечер. Вдобавок Мэгги просто бредила Калифорнией, и мне до смерти хотелось поехать вместе с ней. А значит, надо было копить деньги — на Калифорнию и чтобы Руби ни в чем не нуждалась, когда выздоровеет и вернется ко мне.

Бекко не только не перестал надзирать за мной — наоборот, буквально таскался по пятам. Я все думала, что он не прочь оказаться на месте клиента, — и ошиблась. Рискнув предложить ему секс, я схлопотала затрещину — между прочим, единственный случай, когда он поднял на меня руку, — и с тех пор глаза-бусинки уже не следили за мной, а стали частью меня. Бекко прилип ко мне намертво, не отпуская даже в снах.

Он и за другими девочками, за иностранками, следил, но по-другому. Казалось, он держит каждую на поводке, и если ремешок лопнет, если девочка сделает хоть шаг за порог дома, то ее немедленно вышвырнут, а куда — известно одному Бекко. Опять же, я совсем не дура, но до меня не сразу дошло, что девочек, которые почти не знали языка — уроженок Сербии, Албании или где там еще Бекко собирал свой урожай, — держали чуть ли не насильно. Либо им не хватало воли найти более достойный заработок. Лишь осознав это, я поняла и другое: мы с Мэгги играли роль приманки, подсадной утки, единственно возможной сцепки с внешним миром.

Норрис умер. Мой первый клиент в тот премьерный вечер с Мэгги, он стал одним из постоянных. Фреда и Бекко закрывали глаза на его скупость, чтобы не потерять давнишнего и надежного клиента, который никогда не обижал девочек. Однажды я нашла его мертвым, а Фреде с Бекко не сказала. Делала вид, будто регулярно хожу к Норрису и получаю жалкие полторы сотни, а на самом деле обслуживала юриста в его шикарной лондонской квартире — за плату вдвое большую. Обман сходил мне с рук, пока я не слегла с гриппом и к давным-давно мертвому Норрису не отправили Мэгги...

И тогда разразилась буря. Тяжелый дух секса, поспешного и отчаянного, яростного и безмолвного, пропитал ночь, как груда грязного белья — ванную девочек-иностранок. Я втягивала его с каждым вдохом — смрад немытой мужской плоти, слой за слоем поверх тонких девичьих тел.

— Ты кретинка, Милли! Ты что творишь?! — Залепив мне пощечину, Мэгги раздвинула окровавленные, истерзанные бедра. — Я прихожу, а Норрис-то, оказывается, умер. Пришлось на улице клиента подцепить, и меня семеро отодрали. А кто виноват?

Она набросилась на меня, и колотила, и плевала в лицо, и я тоже ударила ее, а потом просто выла, пока она возила меня по полу. Клоки волос и лоскуты одежды летели во все стороны; мы разбили единственный телевизор во всем доме, прежде чем Бекко растащил нас и выволок Мэгги из комнаты. Он вселил в меня уверенность, что победа осталась за мной. Вселил уверенность, что он любит меня больше всех. Вселил уверенность, что я самая лучшая. Вселил уверенность — несколько часов спустя, на рассвете, когда я спустилась на кухню, — что Мэгги, скрюченная на бетонном полу кладовки, вовсе не мертва. Вселил в меня уверенность, что кровь на ее виске случайно попала туда с бедер, что Мэгги вовсе не убили и не зашвырнули, как куль, в кладовку. Мэгги не дышала, не отвечала мне, а я все трясла и трясла ее, все пыталась нащупать тиканье пульса в ее безжизненном теле.

И вот как все было. Когда Бекко избавил меня от бешенства Мэгги, я сразу легла. У меня был грипп. Я знала, что Мэгги постепенно остынет. Проснувшись я в пять утра, с первыми проблесками зари, — и увидела пустую кровать Мэгги. Ломота во всем теле заставила меня выйти из спальни за водой и парацетамолом, который Фреда держала где-то на кухне. Потому я и наткнулась на Мэгги в кладовке. Совершенно потрясенная, я плелась к Фреде — уж она-то знает, что делать! — когда входная дверь затрещала под ударами и снаружи громыхнуло диким ревом, словно сам дьявол явился из преисподней.

Животный страх в одну секунду загнал меня на чердак. В следующую секунду дом наводнили люди, которые ломались в дверь.

Полицейские. Это была облава. Я слышала, как они рассыпались по всем трем этажам, слышала их хриплые голоса, а следом — вопли разбуженных девочек-иностранок. Когда добрались до чердака, я уже спряталась. Повезло: в непроглядной темноте, в дальнем углу чердака я обнаружила — свалившись прямо в нее — яму, полную воды. Как только два фонаря в руках полицейских осветили сводчатую конуру, я набрала полные легкие воздуха и нырнула под воду.

Так рыба, должно быть, видит свет луны, как я видела размытые желтые пятна, мечущиеся над поверхностью воды. Легкие молили о воздухе, а я беззвучно молилась, чтобы меня не выдало бульканье пузырей. Три года беспросветного насилия научили меня, сцепив зубы, терпеть, пока клиент исследует каждую клеточку моего тела, прикидывает, куда бы и что бы воткнуть. Собрав в кулак всю свою выдержку, я медленно запрокинула голову и приподняла лицо, чтобы одни ноздри торчали над водой. Откуда эта вода вообще здесь

взялась? Господи — еще одна молитва, — хоть бы не из канализации. Несмотря на полные уши воды, я слышала командные окрики полицейских, прочесывающих каждый угол.

Свет фонарей исчез, и голоса стихли, и долгие, долгие минуты — клянусь, я была уверена, что прошли сутки, — дом кряхтел и скрипел только от собственной дряхлости. Наконец я выбралась из ямы и раскисшей медузой поползла вниз по лестнице. Тишина меня оглушила. И поразила. Я прислушалась: ничего. Ни визгливой брани девочек-иностранок, ни ответного шелканья хлыста Бекко, ни жужжания звонков на другой половине дома, куда девочек вызывали клиенты. Мы с Мэгги привыкли к какофонии борделя, хотя вход в ту часть дома для нас был закрыт. Если не считать общего сбора за обеденным столом, наша с Мэгги жизнь протекала отдельно.

Я попыталась выпрямиться, не смогла — спина окостенела от холодной воды — и поплелась по темному дому. Прежде всего завернула в кабинет Бекко. По нему будто смерч прошел. Будто его хозяин в спешке собрался и уехал, а обо мне забыл. Со стола исчезли все бумаги. На месте штабеля коробок темнел квадрат ворса чище и новее, чем весь ковер. Я обошла стол и опустилась в кресло Бекко. Здесь он сидел, подсчитывая мои деньги. Я выдвинула ящик стола. Ничего, кроме резинки — такими Бекко перетягивал пачки купюр — и колпачка от ручки. Вытянув ноги, я зацепила хозяйственную сумку, и, когда встала с кресла, сумка поехала вслед за моей ногой. Я отпихнула ее — оттуда что-то выпало. Небольшая коричневая книжечка. Чей-то паспорт, не замеченный полицией.

С находкой в руке я двинулась дальше по коридору, оставляя за собой мокрый след. Я продрогла до костей, хотела сменить ночную рубашку на что-нибудь сухое, как вдруг... уловила скулеж. Тоненький мышинный писк и фырканье. Я сделала шаг, другой навстречу звукам, и в конце концов оказалась в крохотной комнатке под самой крышей на половине девочек-иностранок. Хотя у меня не было никакой уверенности насчет того, чья это половина. К тому моменту у меня вообще ни в чем не было уверенности. Я твердо знала только одно: если не хочу попасть в лапы полиции, нужно сматывать отсюда удочки, и не мешкая.

Я нашла ее в шифоньере. Я смеялась и плакала, на грани истерики, на пике чувств, несовместимых, как вода и масло. Скрюченная точь-в-точь как Мэгги в кладовке, эта крошка все-таки была живая, она жалобно хныкала и звала свою мамочку. Меня звала.

— Ах, она нехорошая, Фреда! Вот где она тебя все это время прятала!

Упав на колени, я гладила ее ладошки, щекотала пяточки. Вокруг ротика у нее засох малиновый ободок — должно быть, поили газировкой, — волосы слиплись от остатков каши. Она была в памперсе, не по возрасту маленьком — по нижнему краю он растер ей кожу до волдырей. Я подхватила кроху на руки и пристроила у себя на бедре. От нее пахло мочой и скисшим молоком. Я полюбила ее с первой секунды, и она тоже сразу полюбила меня, хоть и не понимала ни единого моего слова.

«Nene, nene, nene», — ныла она без остановки. Позже я узнала, что по-албански это значит «мамочка».

Второй раз в жизни я спасалась бегством через окно. В кармане джинсов у меня остались сорок восемь фунтов, я прихватила паспорт, найденный в кабинете Бекко, прижала к груди Руби, и мы мчались по улицам, совсем как несколько лет назад. Конечно, я не забыла про те деньги, что собирала для Руби, но моя шкатулка оказалась открыта и пуста — только замочек валялся рядом. Полицейские нашли ее, но я сильно сомневаюсь, чтобы они положили мои денежки в пакетик и сдали как улику. Я все же сунула шкатулку в сумку,

наспех нацепила на свою девочку какие-то одежды из того самого шкафа, где ее прятали, и мы выпрыгнули в кухонное окошко — как раз в тот момент, когда полицейские открыли входную дверь, с утра заколоченную досками. Мы с дочкой отправились напрямик на вокзал, сели в первый же подошедший поезд и вышли на конечной станции. В Брайтоне.

В поезде я вытащила из сумки паспорт. Мы как раз нырнули в тоннель, а когда в окна вновь хлынул свет, я уже стала Эрин Лукас, родившейся 29 июня 1972 года. Я снова сменила имя и добавила себе четыре года.

Сначала все было просто здорово. В городе толпы туристов, а они денег не считают, да и местные ко мне очень скоро привыкли. Многие приходили на мое постоянное место, к антикварной лавке. Цветов дешевле, чем у меня, во всем городе нельзя было купить.

Наша новая жизнь началась летом, и нас с Руби вполне устраивали ночевки в переодевалках на пляже или, если повезет, в каком-нибудь чулане мотеля. Я строго следовала правилу — никогда не таскать цветы из одного и того же магазина дважды за день. Думаю, мало кто из цветочников вообще замечал, что с уличных стоек таинственным образом исчезает товар. Темный след от капель с мокрых стеблей моментально испарялся с горячего асфальта.

Я составляла яркие душистые букеты, и их с удовольствием раскупали. Однажды я продала цветов на двадцать фунтов — рекорд, хотя с моими лондонскими заработками и не сравнить. Но я была счастлива: с прошлым покончено, и Руби веселела на глазах.

Она уже болтала по-английски и простила меня за то, что я так надолго оставила ее в больнице. Общение с мамочкой шло ей на пользу, так что я старалась проводить с ней все время — когда не таскала цветы из магазинов и окрестных садов, когда не продавала свои букеты. Мы с Руби любили играть на пляже с гольшами, похожими на леденцы, собирать ракушки и обкатанные морем стеклышки. Светило солнце, и мы радовались жизни.

В конце сентября гостиницы опустели, ветер поднимал волны все выше, плевался водорослями и грязной пеной, а по узким улочкам гнал смерчи из мусора. Не знаю, что случилось бы со мной и Руби, если бы судьба в буквальном смысле не протянула мне руку помощи. Я как раз избавлялась от целлофана на трех букетах диковинных цветов, названия которых даже не знала, когда чьи-то пухлые пальцы схватили меня за запястье.

— То-то я слышал, конкурент появился. — Толстяк склонился надо мной, не отпуская руку. На другой руке повисла Руби, тянула и хныкала, почуяв опасность, и я разрывалась на части. — Могу посоветовать надежного оптовика, — продолжал толстяк, а затем почему-то повел нас с Руби в свой благоухающий магазин, где я только что поживилась этими чудесными цветами.

В магазине я упала ему в ноги и, заливаясь слезами, умоляла не сообщать в полицию. Тогда он усадил меня, предложил апельсинового соку с шоколадными конфетами, и я уж не знаю, как нам с Руби удалось не опустошить всю коробку.

— Простите, — сказала я. — Честное слово, больше не буду у вас воровать. Просто ваши цветы самые лучшие, их сразу раскупают, а нам с дочкой есть нечего.

Ему понравилось, что я не стала врать.

— Между прочим, я за тобой уже неделю слежу — с тех пор, как понял, что мой антуриум сделал ноги не по собственной воле. Я даже купил у тебя букет — там, на набережной. Хотя ты вряд ли меня запомнила...

Нет, не запомнила.

Бакстер Кинг — так его звали — искал помощницу и сразу предложил мне место в

своем магазине. Сказал, что у меня вкус хороший. Вроде как талант. Бакстер позвал своего приятеля, Патрика, чтобы тот оценил находку. Они стояли в обнимку, улыбались и глазели, как я пью апельсиновый сок, а Руби через трубочку тянет коктейль. Через неделю я уже освоилась в магазине, и вдобавок у нас с Руби появилось жилье: Бакстер с Патриком взяли нас в свою уютную квартирку, чтобы я помогала им по хозяйству.

— Бакстер! — шепчу я, обмирая от страха. Бакстер только что зашел в дом, и от него веет морем и свежестью. — Опять кто-то звонил. Это он, я точно знаю!

Не сводя с меня глаз, Бакстер роняет куртку на стул, мимоходом обнимает Патрика, а потом раскрывает мне объятия.

— Все давным-давно прошло, — говорит он. — Забудь, детка. В жизни кое-что надо уметь забывать. Он тебя не найдет. Кто-то ошибся номером, только и всего. Хочешь, сменим телефон?

Я киваю. Я очень стараюсь ему верить, но у меня не получается. Всю правду обо мне никто не знает, даже Бакстер.

Я ведь видела труп. Я постоянно воровала, а потом стащила паспорт и забрала малышку. Я слишком много знаю — и что *ему* до того, что я умею держать язык за зубами?

Теперь у меня новая жизнь, в ней нет места всему тому, что я оставила в Лондоне, и если Бекко разыщет меня, чтобы опять заставить работать в...

Нет! Меня пробирает дрожь.

Я делюсь с Бакстером новостями: как прошел день в магазине, как замечательно расходуется новый товар и как здорово справляется Руби в школе.

— Правда, в мюзикле она не играет. Не дали роли ни Анни, ни хотя бы одной из сироток. Но она все равно очень рада.

Бакстер вскидывает бровь — один из его любимых трюков — и облегченно вздыхает: доволен, что я забыла о своих страхах. А я не забыла.

— С чего бы это?

— А ее в оркестр взяли! Будет на пианино аккомпанировать.

На моих глазах бледное лицо Бакстера розовеет от родительской гордости. Пусть он не отец Руби, так что ж? Это ведь он усадил ее за пианино, как только мы с ней здесь поселились. Моя девочка еще и в школу не ходила, а играть училась с восторгом. Ничего так не любила, как подбирать на пианино простенькие мелодии, детские песенки. Музыка стала ее отдушиной, способом выплеснуть страдания, которые Руби пришлось перенести в первые годы жизни. Я буду вечно любить Бакстера за этот подарок моей дочери.

— Малышка у нас просто умница, — говорит он, глядя в окно на улицу, ведущую к морю. — Сдается мне, шторм надвигается.

Я с ним согласна. Кто-то присылает мне цветы. Кто-то прислал цветы в цветочный магазин. Курьер в таком же недоумении, как и я, но подтверждает, что заказ на мою фамилию.

Я зову Бакстера со склада, а его нет — совсем забыла, что он ушел по делам. Я одна в магазине, совершенно одна. Трясущимися руками открываю конверт, вынимаю карточку. И холод ползет по спине, обливает сердце: на карточке черным по белому значится его имя. Он меня нашел. За столько лет не отказался от поисков. Он хочет вернуть меня, чтобы я его не выдала.

Я закрываю магазин раньше времени, мчусь к школе Руби и жду снаружи, переминаясь

с ноги на ногу, — мне кажется, уроку не будет конца. Руби изумленно округляет глаза: мое появление для нее сюрприз. Обычно она сама возвращается из школы и до ухода домой возится в магазине с цветами, клянчит у прохожих монетки на мороженое или гоняет чаек по пляжу.

Но сегодня я хватаю ее за руку и тащу в автобус, а дома запираюсь на все замки. Руби не знает, но я на всякий случай складываю сумку. Сую все, с чем нет сил расстаться, плюс самое необходимое на первое время. Я уже два раза убегала от прошлого. Это будет третий. Телефон звонит. Я не беру трубку и, когда включается автоответчик, сразу понимаю — это он. Мне до конца дней не забыть этот голос и глаза куницы, от которых не спрятаться.

Милли больше нет, а он все равно хочет меня вернуть.

Я просыпаюсь от запаха гари. Говорят, огонь распространяется быстро, но паника и вопли ужаса не отстают от удушливых черных клубов, что наполняют комнату.

— Руби, вставай!

Она не шевелится. Неужели задохнулась?! Неужели, спасаясь, опять спасаясь от смерти, я вынесу из дома безжизненное тело? Но моя девочка жива, она морщит нос и, открыв глаза, трет их кулаками:

— Мама, что случилось?

— Вставай! Пожар!

Я слышу крик Бакстера, грохот, звон разбитого стекла. Сдернув Руби с кровати, кидаюсь к окну. Пальцы будто чужие, не слушаются.

— Запри дверь, Руби! — Это добавит нам несколько драгоценных минут.

Наконец шпингалет поднят, и, роняя многолетние слои краски, окно открывается. Я помогаю дочери забраться на подоконник. Пожарная лестница под Руби лязгает и скрипит, как обшивка старого корабля, что идет ко дну. Вытащив из-под кровати набитую вещами сумку, я забрасываю ее на плечо, спускаюсь вслед за Руби, и мы сломя голову удираем прочь. Я знаю — *он* не заставит себя ждать.

Даже на берегу, где мы падаем на гальку, чтобы отдышаться, ночной воздух отдает гарью и мерцает оранжевыми бликами. Мы дрожим, прижавшись друг к другу, — девочка в пижаме с балериной на груди и ее мама, в старых тренировочных штанах и футболке. Похоже, впереди у нас опять вокзал и дорога в неизвестность.

Прибой лижет гальку почти у наших ног, плеск волн все громче, уже брызги летят в лицо, и мы перебираемся к парапету набережной. Я думаю о том, что с нами будет, если мы опять убежим. А что будет, если останемся?

Сейчас можно было бы вернуться на пепелище уютной квартирki Бакстера и Патрика. Мне больно от мысли, что я навлекла на них такую беду. Но они справятся, они выживут. Найдут другое жилье или сделают ремонт. Их ведь двое, и у них есть магазин. Без меня им будет лучше. Моим родителям определенно лучше без меня — позора семьи, девчонки, обесчестившей их беременностью в пятнадцать лет. Вот так же и Бакстеру с Патриком лучше избавиться от меня вместе с моим прошлым, что грозовой тучей нависло над их безмятежным миром.

Если уж на то пошло, и Руби было бы лучше без меня... Но мы с Руби теперь одно целое. Теперь я ее мама. Она спит, припав головой к моему плечу.

Утром мы добираемся на автобусе до вокзала и берем билеты туда, где Бекко наверняка не станет нас искать. На свете есть только один город, где я не стану прятаться от Бекко.

Лондон.

Мы сходим с поезда на вокзале Виктория, я сую в телефон-автомат монетку и набираю номер магазина Бакстера, чтобы он за нас не волновался. Чужим от скорби голосом он сообщает, что Патрик погиб в огне.

— Номер тридцать пять! — сказала она, не подозревая о том, что окликает собственную судьбу.

Роберт не сразу расслышал ее голос в шуме переполненного паба. Место у стойки бара он сменил на кожаную банкетку — напрасно, как выяснилось, поскольку оказался рядом с игральным автоматом и звяканье монет сбивало его с мысли. Зато он видел лицо Черил и секунду-другую спустя прочитал по ее губам «номер тридцать пять». Раздвигая толпу, как толщу воды, Роберт приближался к женщине, чью жизнь мог перевернуть одной фразой.

В устремленных на него глазах гадалки что-то мелькнуло. Без единого слова, одним лишь движением тяжелых век и взглядом, окинувшим его фигуру с ног до головы, — безошибочный трюк медиума на старте сеанса — Черил пригласила Роберта во временный храм ясновидцев. Гул остался за его спиной, а здесь царил покой, витал легкий аромат сандала, едва слышным умиротворяющим фоном лилась музыка. Расстояние между столами позволяло каждому из четырех экстрасенсов общаться с клиентом с глаза на глаз.

— Садитесь, прошу вас.

Голос негромкий, но внятный. Отточенный горем.

Роберт повиновался, все так же пристально глядя на нее. Миссис Варни не поражала красотой, но что-то все же было притягательное в ее коже, гладкой и белоснежно-матовой, сквозь которую словно просвечивала ее душа — искренняя, как румянец на щеках, тревожная, как расширенные зрачки. Большие круглые глаза придавали ей безумный вид, и Роберт не стал бы ее винить, окажись она слегка не в себе.

— Меня зовут Черил. — Она снова окинула Роберта взглядом — должно быть, уже пыталась угадать прошлое, просчитать будущее.

Обычный фокус всех этих так называемых медиумов. Обрывочный факт, лишняя капля информации — и готово: ты уже попал в капкан и выкладываешь денежки. Но в данном случае клиент решил сам предсказать судьбу гадалки и навсегда изменить ее жизнь.

— Роберт Найт. — Он протянул руку, чем застал Черил врасплох.

Не ответив на жест, она уставилась в стол.

— Что предпочитаете? Таро, хрустальный шар, руны?

— Даже не знаю.

Роберт не стал хитрить. Прошлое ему и так известно, а будущее, похоже, разбито вдребезг. Да и пришел он не о себе говорить, а о ней самой, о настоящей матери Руби. О женщине, которой его Эрин принесла неизмеримые страдания. Стоит ему обратиться в полицию — и эта женщина получит шанс снова стать матерью Руби. А как же Эрин? Его жена, его любимая — опозоренная, раздавленная, она никогда не простит ему предательства.

Волосы Черил, темно-каштановые, почти черные, в мерцании десятков свечей отливали серебристо-голубым — совсем как у Руби. Совпадение? А ее губы, такие же пухлые, как у его падчерицы? И тонкая кость, и длинные пальцы, и необычайно изящная шея над воротничком шифоновой блузки? Разве все это не наследственные черты?

— А вы что посоветуете? — мягко спросил Роберт, боясь даже интонацией обидеть Черил. Страшно представить, через что ей пришлось пройти.

— Дайте мне руку. — Она по-прежнему прятала глаза.

«Неужели знает, зачем я здесь? — гадал Роберт. — Не исключено — как-никак медиум».

Она провела пальцем по его ладони.

— Ага! — Рассмеялась, смягчив улыбкой затаенную грусть. — Бизнесмен.

Он вроде не в деловом костюме и без кейса. А почему, собственно, этот факт ее насмешил?

— И вечный ваш спутник — стресс? — Она не утверждала, а выведывала — нормальная практика гадалок. Но хотя бы подняла наконец на него глаза.

Заметила, подумал Роберт, не могла не заметить, что ладонь у него влажная. Он кивнул — молча, чтобы не выдать лишнего:

— Без проблем ни у кого не обходится, верно?

Бормотание за другими столиками будто растаяло, шум зала отступил в иное измерение. Черил опустила веки, вздохнула, снова открыла глаза. Пальцы ее задрожали и неуловимым движением исчезли с ладони Роберта.

— Что ж... Жить будете долго, если вы это хотели услышать. — Она откинулась на спинку кресла — с улыбкой, лишь теперь коснувшейся глаз.

— Долгая жизнь об руку с вечным спутником — стрессом? Хм-м. — Роберт позволил себе ответить на ее улыбку.

— Все не так плохо. — Она бросила еще один взгляд на его ладонь. — Просто сейчас у вас тяжелое время. Когда справитесь...

— То же самое можно сказать о любом человеке. К вам ведь только с проблемами и приходят, не так ли? — Роберт сразу пожалел о своем выпаде — не спорить же сюда явился.

— Проблемы и впрямь есть у всех, мистер Найт. Но каждый решает их по-своему. Этим мы и отличаемся друг от друга.

Она убрала руку Роберта с бархатной скатерти — знак того, что слова Роберта ее задели, — и обхватила ладонями хрустальный шар. Роберт видел в шаре ее искаженные, как в кривом зеркале, черты с печатью событий прошлого, ей не подвластных.

— Расскажите о моей семье. Что их ждет?

Роберт сам подкинул ей информацию. Теперь Черил в курсе, что клиент не одинок, ну и ладно. Он и не ставил целью ее экзаменовать, а пытался как-то подвести Черил к разговору о девочке. Идеальный вариант — чтобы Черил сумела разглядеть в его будущем свое собственное и тем самым избавила его от необходимости рассказывать о Руби. А как иначе он мог восстановить справедливость — и при этом не предать Эрин?

Пока Черил созерцала хрустальные глубины шара, Роберт перебирал в памяти все, что знал о пропаже ее ребенка. Вдруг он ошибся? Но ведь и полиция тринадцать лет назад пришла к тем же выводам: от Роберта не ускользнул тот факт, что дела сбежавшей Рут Вайстрах и похищенной дочери Черил вел один инспектор полиции.

Роберт тоже уставился на шар, пытаясь разглядеть пятнадцатилетнюю Рут — его Эрин! — с украденным ребенком на руках. Тщетно. Он видел лишь лицо Мэри Боумен, у которой отняли детей.

— Вижу женщину. Ее жизнь хрупка как крылышко мотылька, — прошелестела едва слышно Черил. Она вся была там, внутри хрустального шара. — Женщина напугана. Давно и смертельно напугана. Всегда от кого-то, от чего-то убегает...

Черил резко отняла ладони, ее лицо стало каменным, взгляд пустым. Она повернулась,

сдержнула со спинки кресла мохеровую шаль и набросила на плечи. Роберт заметил, что волоски на ее руках, открытых до локтей, встали дыбом.

— Продолжайте! — Роберт в подобные вещи не верил, но Черил определенно что-то увидела.

Она снова остановила взгляд на шаре:

— Честно, мистер Найт?

— Конечно. — Хотел бы и он быть с ней абсолютно честным, но правда, которая озарит жизнь этой женщины, навсегда разрушит жизнь Эрин.

— Не так давно вы потеряли близкого и дорогого человека. Вините себя и ходите, ходите по кругу, живете старыми привычками, прежними ошибками. — Черил плотнее завернулась в шаль. — В вечном страхе... — прошептала она, и, заглянув ей в глаза, любой повторил бы те же слова о самой Черил.

— А дальше? — Роберт на миг забыл истинную причину, приведшую его к Черил. Медиум явно говорила о Дженне.

— Больше ничего не вижу.

— Не можете увидеть — или не хотите? — чересчур громко вырвалось у Роберта.

Гадалка сказала правду — и все же ранила его. Он готов был орать, трясти ее за плечи, а потом взять это бледное лицо в ладони и прошептать, чтобы перестала страдать, что ее муки позади, что он нашел ее девочку, что его жена, Эрин Лукас, много лет назад сбежав из дома, по одной ей ведомой причине украла малышку и воспитала как свою дочь. И что теперь Руби может вернуться к родной матери.

Вот только произнести все это вслух — значит посягнуть на еще один мир. Мир замечательной девочки, только-только обретшей семью и надежду на счастливое будущее. Как можно лишить Руби единственного родного ей человека? Как можно предать любимую женщину? Эрин, без сомнения, попадет за решетку, и ее история станет известна всей стране.

Немыслимо.

Роберт обмяк в кресле и, не сдержав стона, заставил повернуться не одну голову в комнате.

— Извините. — Он снова выпрямился, уловив удивление на лице Черил. — Неделя выдалась не из легких.

Чтобы сгладить неловкий момент, Черил раскинула карты таро. Роберт приклеил взгляд к замысловатым картинкам, смысл которых его не волновал, даже если они обещали ему завтра смерть под колесами автобуса. Он хотел одного — услышать от Черил о ее пропавшей дочери.

— Так я и думала, — деловито произнесла Черил, разрывая ту ниточку, что на миг протянулась между ними. — Долгая жизнь, впереди масса перемен. К лучшему, — добавила она быстро. — Думаю, у вас есть конкретные вопросы?

О да, еще какие конкретные.

— А вам никто никогда не предсказывал будущее, Черил?

Она усмехнулась, на глазах оттаивая.

— Зачем мне просить кого-то другого? Я и сама вижу свое будущее.

Неужели. Роберт не стал возражать. Пока Черил расшифровывала значение расклада таро, он пытался наложить ее слова на реальную жизнь. Что-то там про необходимость выбора из двух зол или одной из дорог на перепутье... С тем же успехом совет подошел бы и

предыдущему ее клиенту, и следующему. Коснулась она и работы Роберта, но заявила, что выбранная специальность — не его конек. *Пальцем в небо*. Роберт глянул на часы — сеанс не мог длиться бесконечно.

— Вы не выпьете со мной, Черил, когда здесь закончите?

— Я буду работать допоздна, у меня еще пять клиентов.

Опять глаза вниз. А щеки порозовели.

— Тогда, быть может, пообедаем завтра?

— Мистер Найт, вы сюда зачем пришли? Будущее узнать — или пригласить меня на свидание? — Черил скрестила руки на груди и оторвала наконец взгляд от таро.

— Извините. У вас, наверное, муж, семья, и вы сочли меня безнравственным типом...

— Между прочим, о *вашей* семье мне известно. С ваших же слов.

— Да я, собственно, не имел в виду свидание. Просто пригласил выпить. — Роберт сглотнул; почувствовал, как заходили желваки. А ведь у Черил наверняка не менее острый глаз на признаки волнения, чем у него, — профессия тоже обязывает. — И все-таки — вы замужем?

Роберт смутно помнил, что в газетах шла речь и об отце похищенной малышки, — как его, Эндрю Варни? Он пожалел о своей настойчивости: Черил уронила голову, сцепила руки на коленях и, кажется, едва дышала.

— Разведена. — Она словно мешок с булыжниками на плечи взвалила. — Давно. — И, демонстрируя немалую силу воли, принялась тасовать карты.

— А я вдовец, но женат вторично. — Роберт помолчал, чтобы она прониклась схожестью судеб: оба они теряли любимых, обоим знакомо одиночество. Он надеялся, что Черил сама перекинет к нему мостик. — А дети есть?

Молчание длилось невыносимо долго, секунды растягивались до бесконечности. Впрочем, Роберта не удивила мгновенно застывшая на лице Черил маска. Он знал, что ядро эмоций спрятано глубоко внутри этой женщины с кофейными волосами, безупречной кожей и бездонными глазами.

— Нет. — Интонация не оставляла сомнений: *далее ни шага*.

— А у меня дочь. — Ну вот и случилось. Он упомянул о Руби. — Ей тринадцать.

Черил улыбнулась, благодарная за передышку:

— Непростой возраст.

Роберт услышал голос медиума за соседним столиком и скосил глаза. Молоденькая клиентка была поглощена откровениями старика-ясновидца — тот гадал ей по руке.

— К вам никто не возвращался с жалобами на неверные предсказания? — Роберт сам представления не имел, куда клонит.

— Жалобы? — рассмеялась Черил. — На судьбу сетовать сложновато, вы не находите? Ее не попросишь отмотать время назад, возместить убытки, подобрать другую жизнь.

— Ну а если вы будете далеки от истины и клиент потребует вернуть деньги?

— Сеанс есть сеанс, за него нужно платить.

— Допустим, вы проглядели что-то очевидное. Все равно возьмете плату?

— Я могу сообщить клиенту лишь то, что вижу. У меня есть несколько способов получить информацию. — Черил прикоснулась к хрустальному шару, похлопала по колоде таро. — А таким скептикам, как вы, мистер Найт, лучше просто не обращаться к медиумам.

Судя по тому, как она отстаивала свое занятие, Черил вполне оправилась от встречи с призраком прошлого.

— Вы давно этим занимаетесь? Ясновидением. Как это вообще вышло?

— Довольно давно. Сама пошла к гадалке, а она сказала, что у меня дар.

— Зачем вам понадобилось идти к гадалке?

Роберт не сообразил, что затронул больной нерв.

А когда сообразил, было уже поздно. Черил поднялась:

— Мистер Найт, с вас я платы не возьму, поскольку у вас нет желания что-либо о себе узнать. А теперь, если не возражаете... — она кивнула в сторону двери, — меня ждут клиенты, которым интересна их судьба.

Ее взрыв не смутил Роберта, скорее принес облегчение, что все так обернулось, — а иначе он просто не нашел бы в себе сил произнести эти слова.

Роберт тоже встал, опираясь на шаткий столик.

— *Я знаю*, — начал он сдержанно. Годы судебной практики, несносные клиенты, даже недавние стычки с Эрин помогали ему сохранять спокойствие. — *Я знаю*, что произошло.

Черил склонила голову набок и сдвинула брови.

— Я знаю о вашем ребенке.

Черил пошатнулась и едва устояла на ногах, вцепившись в спинку кресла. Косточки пальцев побелели; казалось, кожа под ними сейчас лопнет.

— Я ее нашел, Черил. Нашел вашу дочь. Все позади.

Я быстро усвоила нравы общежитий. Не требуй лишнего, и тебя оставят в покое. Две ночи в одном, еще три в другом. Стоило задержаться подольше, как возникали вопросы, на которые мне совсем не хотелось отвечать. Разыскав кое-кого из прежних своих клиентов, я заработала несколько сотен и устроила Руби праздник в шикарном отеле. Мы лакомились мороженым под мелодрамы по телевизору и уснули на поистине королевском ложе.

А потом я увидела объявление. Случайно. Скорее всего, прозевала бы, но у Руби очень кстати развязался шнурок кроссовки. «Требуется помощница». Оставив Руби на улице, я поразила владельца цветочного магазина своими познаниями и на следующий день приступила к работе. А уже к концу недели мы с Руби сняли комнату в доме, набитом студентами, где никому не было до нас дела, поскольку я платила за две недели вперед. Теперь я была даже рада возвращению в Лондон.

На три недели позже начала полугодия я все же устроила Руби в ближайшую школу. На новом месте и у нее должна была начаться новая жизнь. Ей исполнилось одиннадцать, и это был ее первый год в средней школе. Прошел целый месяц, прежде чем я обнаружила, что она прогуливает. Подушка у нее промокла от слез; Руби рыдала в постели, стиснув зубами простыню, чтобы я ничего не услышала. Я попыталась ее поднять — она завизжала. А заглянув к ней в ванную, я увидела синяки и ссадины на спине дочери.

Директор школы, к которому я немедленно отправилась, сократил нашу беседу до минимума.

— У нас есть еще дети, кочующие с родителями по стране. Пусть играет с ними.

Он счел нас цыганами.

Я разрешила дочери приходить ко мне в цветочный магазин. Располагался он в уважаемом районе, на одной из центральных улиц, и я не боялась за Руби, когда она бегала в булочную за пончиками и горячим шоколадом. Но скоро безделье ей наскучило, и мы решили еще раз рискнуть со школой. Правда, пришлось записывать Руби заново: секретарша решила, что наш цыганский табор снялся с места. Заработок за несколько месяцев позволил мне снять квартирку, пусть крохотную, с одной спальней, зато только для нас двоих. Больше никаких очередей в ванную и бумажек с фамилией на продуктах в холодильнике. В школе требовалась метрика Руби, я все обещала непременно занести, пока на нас не махнули рукой. Обошлись в конце концов и без метрики. С такими, как мы, лучше не связываться.

Цветочный магазин соседствовал с музыкальным. Ровно без четверти четыре Руби прыгивала с подножки школьного автобуса, прямо перед нашей витриной. Давясь от смеха, она высматривала меня сквозь лес растений, но бежала не ко мне, а на свидание со «Стейнвеями» и «Блютнерами».

Поначалу девчонка, которая так и тянула пальцы — наверняка липкие — к дорогим инструментам, хозяйина раздражала. Но как-то раз Руби отважилась наиграть одной рукой замысловатую мелодию. Хозяин придвинул ей табурет и подогнал по росту.

— Играешь? — спросил он.

Руби кивнула, онемев от страха.

Через общую стену двух магазинов я слышала, как моя дочь улетает в мир Дебюсси, Шопена и Моцарта, который подарил ей Бакстер. С того дня двери магазина музыкальных

инструментов были для нее открыты. По словам хозяина, Руби привлекала покупателей. Когда сбережения позволили, я купила ей подержанное пианино. До сих пор ума не приложу, как грузчикам удалось втиснуть его на свободное пространство нашей игрушечной квартиры.

Я обновляю витрину «Маргаритки». За годы работы я убедилась, что покупатели рассчитывают видеть что-то новенькое каждые две-три недели. Иначе их лишний раз не заманишь. Да и Бакстер учил меня обращать особое внимание на витрину:

— Считай, это пригласительный билет, который ты рассылаешь окружающему миру.

Сегодня моя тема — речной пейзаж Новой Англии: масса причудливо изогнутых сухих веточек, обтесанные водой камешки, побеленные поддоны для горшков со всяческими травами. Я раздобыла рыболовную сеть и пытаюсь развесить ее как задник витрины, а она не держится. Зевак, казалось бы, хватает, но ни одному не приходит в голову предложить помощь. Я прерываюсь на кофе и, пока закипает чайник, оцениваю дело своих рук.

Наконец витрина обретает сходство с моим замыслом и сразу притягивает взгляды. Я даже получаю комплимент от одной покупательницы из постоянных — дважды в неделю она приходит за свежими цветами для фирмы, где работает.

А вот композиции внутри салона слегка погрустнели. Я забираюсь на стремянку, с пульверизатором в руке, и едва успеваю сбрызнуть цветок-другой, как в магазине появляется Роберт. Я невольно расплываюсь в улыбке. Обожаю его неожиданные визиты.

— Милый, вот это сюрприз! — Я спиной спрыгиваю с лестницы. — А сказал, допоздна не вернешься! (Вчера Роберт оставил на автоответчике коротенькое сообщение.) Дэн совершенно совесть потерял — отправить человека на конфернцию с бухты-барахты! Я соскучилась! А ночью без тебя совсем тоскливо. — Я тянусь губами к губам Роберта, а потом морщю нос: — Да вам душ необходим, мистер Найт! — Смеюсь, брызгая ему в лицо водой из пульверизатора. — Напомните, чтобы я вас дома хорошенько отдраила.

Роберт молчит и молчит. И шагает по салону, словно что-то выискивает, даже перевернул на ходу ведро с герберами. Прислонился к прилавку и застыл — кулаки стиснуты, а дышит как бегун на финише. Наконец оборачивается и отвечает, довольно спокойно:

— Душ — как раз то, что надо. Чувствую себя развалиной.

Я ухмыляюсь:

— Дай мне пару минут, чтобы внести товар с тротуара, — и устраиваю короткий день!

Подмигнув ему, берусь затаскивать внутрь тару с цветами. Если бы он помог, вышло бы быстрее. Но он остается на месте и почему-то рассматривает меня, словно впервые увидел. Домой едем каждый на своей машине, я то и дело поглядываю в зеркальце заднего вида — «мерседес» Роберта, отражая солнце, кажется охваченным пламенем.

Прожив девять месяцев в своей первой отдельной квартире, мы смогли переехать в двухкомнатную. Моего жалованья впритык хватало на оплату аренды, но я не поддавалась соблазну подработать прежним ремеслом.

Я была сыта по горло. А Бекко, к моему великому удивлению и не меньшей радости, наш след потерял.

Переехали мы в загаженную, провонявшую котами квартиру, поэтому засучили рукава, привели ее в порядок, наполнили ароматом лаванды и вкусными запахами домашних блюд.

Впервые в жизни я была хозяйкой на собственной кухне.

У Руби, похоже, дела в школе наладились, хотя несколько одноклассников ее по-прежнему доводили, и мне оставалось только молиться, чтобы дело не зашло дальше насмешек. Руби обожала французский и музыку. У нее появилась подруга по имени Алиса, и после школы девчонки бежали к нам домой перекусить. На работе я выкладывалась до последнего. Благодаря моим усилиям вкупе с навыками, полученными в Брайтоне, заурядная цветочная лавка со временем превратилась в один из самых популярных магазинов района.

Я написала Бакстеру о нашем лондонском житье-бытье. Не получив ответа на первое письмо, очень расстроилась — решила, что он не желает меня знать, считая виноватой в гибели Патрика. И в чем-то он, конечно, был бы прав... Но я продолжала писать, и он наконец отозвался. Сначала я получала от него коротенькие записочки, а позже и хорошие, подробные письма — о том, как у него дела, о двух новых продавщицах, которых взял к себе на работу. Бакстер выстоял. Бакстер спас меня и простил за то, что я сделала с его жизнью.

Я взмокла, пока доехала до дома.

В салоне машины страшная духота, а дома чудесная прохлада. Уж не знаю, в связи с чем, только Роберт не в духе, и я намерена это исправить. Посылаю ему воздушный поцелуй — он не замечает — и взлетаю на второй этаж. Переступив через одежду, сброшенную прямо на пол в спальне, шагаю в душ. И улыбаюсь, подставив грудь теплым струям. Меня переполняет озорство.

Мой муж на удочку не клюнул, ну и не страшно, пойду окольным путем. Похоже, настроение у него хуже некуда.

— Роберт, на помощь! Скорей! — верещу я, словно в дом вломился грабитель. Есть! Я и глазом не успеваю моргнуть, а Роберт уже на пороге ванной, дышит, бедняжка, как загнанный зверь.

— Что случилось?!

— Сюда! — зову я. — Открывай!

Он сдвигает стеклянную панель, его окатывает горячей водой, и перед ним — обнаженная жена в мыльной пене, с откинутой на кафельную стену головой и обеими ладонями между бедрами. Отличная работа — он просто не верит своим глазам.

— Стаскивай с себя все и давай ко мне. Ты черт знает на кого похож! Уж я тебя вымою так вымою!

Он меня хочет, я знаю, но продолжает топтаться на месте как последний остолоп. Захватив его врасплох, я прыгаю вперед, дергаю за руку, он теряет равновесие и как был, одетый, вваливается в кабинку. Я смеюсь до слез, благо их тут же смывает водой. Ну и видок у него сейчас... классный!

— Я ведь обещала вымыть тебя как следует! — Я все еще смеюсь, прижимаюсь к нему, вся в мыле — и плевать на его одежду. — Ну же, снимай рубашку! Сейчас потрем тебе спинку. — Я хватаюсь за верхнюю пуговицу, но Роберт отводит мою руку и сам расстегивает рубашку. Я веду свою партию: — Ой-ой, какие мы сердитые. Плохой мальчик весь извозился. А плохих мальчиков всегда ждет наказание.

Он щурит глаза, от уголков разбегаются морщинки, а взгляд так и пляшет по моему телу.

— Нам нужно кое о чем поговорить. — Роберт подается ко мне, упирается ладонями в стену, и я оказываюсь в ловушке его рук. — И предупреждаю — это очень серьезно.

Неужели знает?

За стеной, в соседнем магазине, Руби играла на пианино. Исполняла что-то свое, яростное, а значит, в школе выдался тяжелый день. У нас торговля не шла из-за дождя, что зарядил с самого утра. Я даже не смогла вынести уличные подставки — цветы погибли бы под ливнем.

На дверях, как всегда, висела табличка «Открыто», но с тем же успехом я могла повернуть ее обратной стороной: магазин был пуст. Хозяин в последнее время появлялся редко, передав бразды правления в мои руки. Он доверял мне и товар, и выручку: должно быть, интуиция подсказала, что работа мне нужна как воздух.

Вместе с независимостью пришла и уверенность в себе. Я стала по-другому одеваться, сменила прическу. Мне очень шло каре и золотисто-пепельный цвет волос. Я даже позволила себе надежду когда-нибудь встретить достойного человека. Мне ведь в жизни был знаком секс, но не любовь, и сама мысль о том, чтобы позволить мужчине прикоснуться ко мне бесплатно, опрокидывала мое понимание близости.

Я подсчитывала недельную выручку, когда звякнул дверной колокольчик. Подняв голову, я сдвинула очки на лоб. Зрение меня вообще-то не подводило, но я все же купила очки с самыми слабыми стеклами: уж очень понравилась черепаховая оправка. В очках я выглядела деловито и важно, будто и впрямь что-то значила в этом мире. Высокий мужчина замешкался на пороге. Воспитанный такой — все тер и тер подошвы ботинок о коврик, хотя мог бы и не стараться, я мыла пол несколько раз в день. Мокрый зонт он сложил и прислонил к стене. Наверняка забудет, подумала я. Мужчина улыбнулся: «Добрый день». — И двинулся по залу.

А я вернулась к своей бухгалтерии, время от времени поднимая глаза — Бакстер научил приглядывать за клиентами. Мужчина не обращал на меня внимания, и в конце концов я решила помочь:

— Вам что-нибудь посоветовать?

Мой вопрос, похоже, привел его в замешательство. Несколько секунд он смотрел на меня пустым взглядом, а потом выдернул из ближайшей тары букет роз.

Опираясь ладонью о прилавок, он ждал, пока я заверну цветы в целлофан.

Обручального кольца нет, отметила я невольно. И еще: *красивые у него руки*.

— Восемь девяносто девять, пожалуйста.

Лишь сейчас я смогла рассмотреть его как следует. Он выглядел уставшим. Темные волосы спутаны ветром и дождем, а глаза... глаза угасшие, словно из него вынули душу. Но он снова улыбнулся, протягивая кредитку.

— Спасибо за покупку, мистер... Найт. — Я прочла фамилию, прежде чем положить перед ним квитанцию. — Будьте добры, распишитесь.

Он взял ручку, занес над квитанцией — и замер, будто прислушиваясь.

— Откуда музыка?

Я кивнула на стену:

— Рядом магазин музыкальных инструментов. Моя дочь играет на пианино, пока я не закроюсь.

— И превосходно играет. Родители, должно быть, гордятся таким талантливым ребенком?

— Мама гордится, — уточнила я. — У нас с дочерью больше никого нет.

Пусть знает. На всякий случай.

— Всего доброго. Еще раз спасибо. — Он шагнул из магазина под дождь.

У меня нет выхода, кроме как продолжать игру. Роберт прижал меня к стене, под струями горячей воды, — и хочет поговорить о чем-то серьезном? Ну а я совсем не хочу.

— У грязного мальчика и речи грязные. Продолжай в том же духе! — Я расшлепываю гель по его груди. — Только *не вздумай* нудить! Все твои серьезные речи подождут. — Повернув душ, направляю его прямо на грудь Роберта, смываю гель, провожу языком по чистой коже.

Как странно. Роберт дергается и, отпрянув от меня, натывается локтем на стеклянную панель. Чем заслуживает новую серию поцелуев, теперь уже ушибленного локтя. Не давая ему опомниться, я расстегиваю ремень и стягиваю влажные брюки до щиколоток.

— Раз уж я все равно оказалась внизу...

Наконец-то победа: муж откликается на мои ласки. По крайней мере, его тело.

Внезапно Роберт подхватывает меня под мышки и поднимает. Наши лица совсем рядом.

— Как по-твоему, сколько раз мы занимались любовью? — спрашивает он.

К чему этот вопрос? Понятия не имею.

— Ну-ка, ну-ка, прикинем... — Я загибаю по очереди свои пальцы, затем пальцы Роберта и опускаюсь на колени, чтобы продолжить счет на пальцах его ног. Запрокинув голову, смотрю на него: — Двести? Нет, триста! — И провожу языком по его голени, а он вдруг снова поднимает меня, и не слишком нежно.

— Эй, парень... — Я растираю предплечья — наверняка завтра будут синяки от его пальцев.

— Ну и сколько набежало на круг, учитывая обслуживание в долг? — Он отодвигает меня в сторону, чтобы выключить душ, и натягивает мокрые брюки.

Он смотрит на меня, я не шевелюсь. Дышать в кабинке все тяжелее, и пар тут ни при чем.

— Пожалуй, пора расплатиться по счетам.

Роберт толкает меня на кафельную стену — в поясицу впивается ручка душа. Схватив за запястья, он дергает мои руки вверх и с силой прижимает к стене над головой. Мне больно и страшно. И я по привычке уползаю в свою раковину, отрезаю себя — от Роберта, от мира. Ничего не случилось. Все хорошо. Все в порядке.

— Сколько я тебе должен за весь наш секс? Ну? Почему берешь?

Зажмурившись, я отворачиваюсь.

— Говори!

— Я тебя не понимаю, Роб. Пожалуйста, прекрати. Ты меня пугаешь. — Открыв глаза, я вижу его шею — она вздулась венами. — Дай мне полотенце. Холодно.

Роберт отпускает меня, будто резко выдохнув после затяжного вдоха, и я проскальзываю мимо него. Надеваю халат, затягиваю пояс. Не хочу его слушать. Что бы он ни сказал, я не услышу ни слова.

— Так сколько с меня? — Он стоит в проеме, загораживая мне дорогу в спальню.

— Роберт... ч-что вчера... произошло? Ты ведешь себя... странно.

У меня дрожит голос. И звучит визгливо. *Без паники. Он не знает. Он не знает.*

— Я не был на конференции. Я ездил в Брайтон.

— В Брайтон?

Спокойно. Он не знает. Не может знать. Я чувствую спиной солнце. Оно светит в

запотевшее окошко ванной. Светит, но почему-то не греет.

— Где познакомился с Бакстером Кингом.

— Кто это? Твой коллега? Или клиент? — Отлично. Голос не дрожит, визгливые нотки исчезли. — Ты раньше не упоминал о таком.

Скрывая страх, я ныряю под его руку — и вот я уже в спальне, у шкафа. Хватаю то, что подвернулось. Спинай к Роберту, надеваю джинсовые шорты и топик, сооружаю чалму из полотенца. Присев перед трюмо, протираю лицо косметическим молочком и чуть-чуть подкрашиваюсь. Сойдет и такой макияж. Нет сил даже замазать ненавистную родинку на щеке. Я шлю Роберту улыбку в зеркале. Сейчас важно выглядеть *как обычно*.

— То есть... ты заявляешь, что человек по имени Бакстер Кинг тебе незнаком?

— Именно. — Теперь немножко блеска для губ. Иначе Роберт догадается, что со мной что-то не так.

— И, если я правильно понял, в Брайтоне ты тоже никогда не жила?

— Никогда. Я даже проездом не бывала в Брайтоне. — Вожусь с часиками, мысленно проклиная неудобный замок. Чтобы не обращать внимания на бешеный ритм сердца.

— Ну а если я скажу, что уверен в обратном, что ты отлично знаешь Бакстера Кинга и довольно долго жила в Брайтоне?

Теперь он стоит у меня за спиной, прожигает взглядом мое отражение.

— В таком случае я отвечу, что ты ошибся. Или тебя ввели в заблуждение.

Я не шевелюсь, не моргаю, не дышу. Просто смотрю на него. И стараюсь не забывать, что в моей жизни бывали минуты страшнее.

— А если я задам еще один вопрос... вопрос, который может изменить между нами *все*, — клянешься сказать правду?

— Конечно, но...

— Ты когда-нибудь зарабатывала на жизнь сексом?

Мой мир превращается в развалины, нас с Руби снова ждет бегство и скитания, но я не могу позволить себе колебаться. Встаю и поворачиваюсь лицом к Роберту. *Не надо с нами так...* Ну почему он не оставил все как есть? Глаза мои наполняются слезами. Мне не приходится изображать потрясение, которое пронизывает меня как электрический разряд. Входная дверь хлопает, слышны голоса, потом музыка. Руби вернулась из школы. И сразу за пианино.

Я ловлю свой шанс. Выскочив из спальни, бегу вниз по лестнице. К моей девочке.

— Руби!

А я ведь знала, что он забудет зонт. Вернулся, правда, не сразу — два часа понадобилось, чтобы заметить. После него покупатели были, но немного. Колокольчик звякнул, и вот он, снова на пороге, хотя и не такой промокший, потому что дождь наконец прекратился.

— Я забыл зонт. (Однако не забыл вытереть ноги.)

— Да-да, знаю. — Я достала из-под прилавка зонт — сухой, аккуратно сложенный, с застегнутым, как положено, ремешком.

— Собственно, я не столько за зонтом... Хочу купить еще цветов.

— Правда? — Я протянула ему зонт через прилавок. — Отлично.

Мы обменялись улыбками, и я опустила голову, сделав вид, что копаюсь в бумагах, а он отошел к цветам.

— Что посоветуете?

Его скрывала моя новая композиция из лилий. Я пересекла зал и остановилась рядом с ним. Он был гораздо выше меня.

— У вас праздник? Памятное событие?

— А какие *ваши* любимые?

Я ответила не задумываясь:

— Фрезии. Простенькие, зато аромат! Конечно, в сезон дешевле...

Я кивнула на цветы, которые предпочитала любым другим независимо от времени года. Он вынул все, что осталось в корзине. На пол со стебельков натекла лужица. Я завернула фрезии и назвала цену. Расплатившись — на этот раз наличными, — он протянул руку с букетом:

— Это вам.

— Мне? — Я прижала цветы к груди. Руки тряслись. *Неужели?..*

— Вы согласитесь поужинать со мной?

Да!

Руби впервые пригласила к себе мальчика. Как жаль, что у их дружбы нет будущего. Парень очень приятный. Руби играет для него, а он слушает, прислонившись к пианино, совершенно завороченный. Я организую детям пиццу с колбой, отправляю в комнату Руби и остаюсь одна: Роберт уходит из дома, грохнув дверь. Быть может, уходит навсегда и из моей жизни. В горле стоит ком, но мне сейчас не до слез. Моя защита, мой панцирь вернулся, а ведь я всего несколько месяцев назад рискнула наконец избавиться от него.

Пока Руби с Артом делают уроки, я отбираю ноты и несколько дисков с музыкой Руби, которые записал Роберт. Я знаю, как они дороги сердцу моей девочки. Затем поднимаюсь наверх и потихоньку, чтобы Руби не услышала, снимаю два портплекда со шкафа на лестничной площадке. Бросив их на кровать в спальне, замираю от мысли, что теперь это не моя кровать. И спальня не моя, пусть я выбирала сюда пледы, ночники под цвет и пушистый коврик, чтобы Роберту было комфортно вставать по утрам.

Запихивая одежду в сумку, я то и дело смагиваю слезы. Пускаясь в бега, я с каждым разом прихватываю с собой все больший кусок того мира, который оставляю за спиной. Однажды, наверное, придется нанимать фургон.

В ванной сгребая туалетные принадлежности, а с трюмо — кое-что из косметики плюс все украшения, вместе со шкатулкой. Можно будет продать, там есть и довольно ценные. В шкафу бардак, все, что осталось, валяется на полу, ну и пусть. Я поднимаюсь в кабинет, достаю из-под коврика ключ от своей памятной коробочки, саму коробочку (из тайника в письменном столе) и, вернувшись в спальню, сую в сумку. Второй портплекд — для вещей Руби.

Я долго сижу на кровати, с сухими глазами, не в силах плакать. Затем иду в комнату Руби и говорю Арту, что ему пора возвращаться домой.

Проводив своего друга, Руби узнает, что мы уезжаем. Без истерики не обходится, конечно.

— Солнышко, всего на пару дней. Устроим себе каникулы.

Мы не вернемся.

Руби топает ногами и вышвыривает свои вещи из портплекда так же быстро, как я их складываю.

— Дорогая, прошу тебя, не капризничай. Нам нужно повидать Бакстера. Сколько мы его не видели, а?

Мысль для меня неожиданная, но удачная: Руби облегченно вздыхает и даже помогает мне собрать самое необходимое из своей одежды. Входная дверь за нами захлопывается, и я бросаю последний взгляд на дом, пока таксист укладывает наши вещи в багажник.

— Вокзал Виктория, — говорю я таксисту.

После тщетных поисков метрики в городском загсе Роберт с Луизой покинули Нортгемптон и три часа ползли по забитому шоссе М1, так что у них было время на разговоры, а у Роберта — даже избыток времени на мысли.

— Если я тебе убедительно докажу, что Руби — родная дочь Эрин, обещаешь успокоиться? — Луиза вытянула шею, пытаясь высмотреть причину пробки. — Странно, никакой аварии, а все стоят.

— Останется одна небольшая проблема — тайная жизнь моей жены на панели.

— Роб, с этим можно справиться. Понять и простить. Я повторяю — ты выбросишь из головы это свое идиотство, если я докажу родство Руби и Эрин?

— То есть ты предполагаешь, что Эрин вернется домой...

— Не вилай, Роб. Просто ответь на вопрос.

— Да.

— Отлично. Нужен анализ ДНК. — Луиза достала из сумочки мобильник. Роберт только успел подумать, что не хотел бы вмешивать человека со стороны, а Луиза уже болтала с кем-то явно хорошо ей знакомым: — Ничего подобного! Одолжение абсолютно иного рода. — Она захихикала. Роберт и не предполагал в бывшей подруге способности к подобному легкомысленному кокетству. — Мне нужен анализ ДНК, чтобы доказать материнство. Не просто срочно! Экстра! — Продолжая смеяться, Луиза водила пальцем по краю кожаной обшивки на двери «мерседеса». — Ха-ха-ха. Очень смешно. *Нет*, не для меня. И опять же *нет* — рассчитывать не можешь, я уже занята. Лучше скажи, когда сделаешь, если сегодня получишь образцы? Правда? Джеймс, ты прелесть! Я твоя должница. — Луиза оборвала дурацкий смех, как только захлопнула сотовый. — Обещал сделать за сутки, если получит образцы до конца рабочего дня.

Огорошенный ее неприкрытым телефонным флиртом, Роберт отозвался не сразу.

— Допустим, результат будет отрицательный, — протянул он. — Мы убедимся, что Руби — не родная дочь Эрин. Что тогда? Что нам это дает? Ну наконец-то! — Он нетерпеливо побарабанил пальцами по рулю — машина перед ними сдвинулась с места.

— Я отвечаю за факты, Роб, а не за мораль.

Роберт отстегнул ремень безопасности, сунул руку в карман, за сигаретами. Вспомнил, что еще до выезда из города докурил последнюю, и свернул с шоссе на автозаправку.

— Ты бросишь, когда все это закончится? — спросила Луиза.

Присев на кирпичный парапет стоянки, Роберт курил четвертую сигарету подряд, разбавляя табачным дымом бензиновую вонь в неподвижном воздухе.

Дженна тоже терпеть не могла, когда он курил. Наверное, он сейчас и смолит, чтобы досадить ей. Чтобы помешать ее голосу, ее запаху, ее навязчивому призраку упорно вторгаться в его жизнь.

Роберт проигнорировал вопрос Луизы.

— И как же мы добудем образцы ДНК двух сбежавших женщин? — В своей практике он несколько раз сталкивался с тестом на отцовство, но, как и сейчас, интересовался лишь результатами, а не процедурой.

— На этот счет не волнуйся. Ты представить себе не можешь, сколько всего полезного найдется в доме. Да хотя бы волос на расческе или конверт, который Эрин лизнула, чтобы

запечатать.

Кусочек жены и кусочек дочери, подумал Роберт. Без них не склеить разбитую семью. Слюна и волос — вот и все, что нужно.

— А все же? Если Эрин — не родная мать Руби, что мне делать? Заявить в полицию? Сообщить Черил, что ее ребенок нашелся?

Роберт подозревал, что Черил *уже* сообщила в полицию о странном клиенте, но ведь она ничего, кроме имени, о нем не знала.

— Заявишь в полицию — лишишься жены, Роб. И вдобавок лишишь Руби матери. А другой мамы у нее нет. Ты и так постарался...

— Да у меня ж ничего не вышло. Я только хотел, чтобы Черил знала, какая Руби красавица, какая талантливая пианистка. Хотел рассказать, что у нее появился первый мальчик и недавно начались месячные... — Роберт закурил очередную сигарету и, прищурившись, взглянул на Луизу — грозную, как участник антиникотинового рейда. — А если честно, хотел сказать Черил, что она *не может* вернуть Руби.

Он вспомнил, как Черил восприняла его сногшибательную новость. На ее лице счастливое изумление сменилось страхом, она побледнела и затряслась, будто столкнулась с привидением. Ей бы упасть на колени, и обнимать его, и умолять о встрече с давно оплаканной дочерью. Роберт был уверен, что, когда первый шок пройдет, Черил засыплет его вопросами. А она сорвалась с места и ринулась прочь — так быстро, как только позволили ее длинная юбка и толпа в зале. Роберт надеялся, что она вернется, но не дождался. Прежде чем уйти, он взял со столика карту таро и сунул в карман. Интересная ему попала карта: Правосудие.

Как только добрались до дома, Луиза не стала тянуть резину.

— Давай-ка за дело, Роб, мне еще до университетской кафедры генетики надо успеть добраться. Пошли в ванную Эрин.

Не дерни она его за руку, Роберт так и стоял бы целую вечность в прихожей, глядя на письма для Эрин, что пришли с утренней почтой. *Вернуть отправителю*, думал он, показывая Луизе дорогу в супружескую ванную на втором этаже.

— Отсюда она почти все забрала.

Роберт наблюдал, как Луиза обшаривает душевую кабинку и раковину. Прекрасно. Вместо того чтобы искать его пропавшую жену, они с Луизой теперь разыскивают частички, из которых она состоит. Любопытно бы знать, анализ ДНК способен обнаружить вранье? Быть может, человек с определенным набором генов склонен к воровству, ко лжи, даже к убийству?

— Черт! — Луиза рассматривала на свет золотистый волос. — Этот не годится. Джеймс сказал, волос должен быть с корнем. Где Эрин держала свою расческу?

Держала, отметил Роберт. В прошедшем времени, как будто Эрин нет в живых.

— Здесь. — Он остановился у трюмо. Эрин забыла тюбик помады — не заметила, что тот укатился на пол. Роберт наклонился поднять, и его взгляд упал на мини-ведерко для мусора рядом с трюмо. — Расчески нет, зато вот... смотри! — Он вынул из ведерка шарик скатанных светлых волос. — Подойдет?

— Лучше не придумать. — Луиза с довольным выражением лица изучала волосы. — Несколько точно с корнями. Но я отдам Джеймсу все, чтобы уж наверняка. — Она прищурилась на Роберта: — Гарантируешь, что это волосы твоей жены?

Роберт хохотнул, назло занывшему сердцу.

— А то чьи же? У Руби, если помнишь, длинные и темные. *(И совершенно не похожие на волосы Эрин.)* — С моими тоже не спутать. Остается Эрин.

В комнате Руби подходящего образца не нашлось, и, спустившись на кухню, Луиза уже собралась звонить приятелю с кафедры генетики, когда Роберт вспомнил:

— Пстой-ка. Я ее тысячу раз ругал, а теперь, представь, благодарен за эту мерзкую привычку. — Он ткнул пальцем в ошметок розовой жвачки, прилепленный к краю бокала с остатками молока, теперь уже прокисшего. Бокал так и остался невымытым, вместе с тарелками от последнего ужина Эрин и Руби. — Жвачка сойдет?

— Еще бы. Только чем докажешь, что ее жевала Руби?

Он улыбнулся:

— Эрин под дулом пистолета не заставишь сунуть в рот эту гадость. Зато у Руби вечно полные карманы резинки. Это ее, не сомневайся.

Луиза ножом отколупнула розовый комочек и сбросила в пакетик для заморозки продуктов. Взяла со стола второй пакет, с волосами Эрин.

— Ключи, мистер. — Она выхватила ключи от машины из пальцев Роберта. — Я быстро. А ты пока сиди тихо и не дергайся.

Луиза двинулась на выход, но через несколько шагов притормозила и оглянулась на Роберта. Тревога тенью легла на его лицо, затаилась в глазах и уголках губ. Луиза вернулась и поцеловала его в щеку:

— Я скоро вернусь.

Роберт не стал дожидаться Луизу в пустом доме. Нашел ключи от машины Эрин — с момента бегства хозяйки ее автомобиль так и грустил на улице — и отправился на работу.

В офисе покой и тишина; Таня выключила компьютеры, и лишь тускло-красные указатели аварийного выхода освещали дорожку к его кабинету. На часах только десять минут седьмого, но клиенты уже притихли — аккуратно разложенные по папкам, усмирив на ночь свои обиды и ссоры. В конце каждого дня, закрывая шкаф, Таня прикладывала палец к губам со словами: «Ш-ш-ш! Спокойной ночи всем».

Роберт опустил в кресло — оно отозвалось кожаным скрипом. Стол был пуст, за исключением единственной папки. Роберт старался поддерживать порядок в кабинете, чтобы не волноваться насчет горы срочных дел, даже если их и впрямь скапливалась гора. Он взял со стола папку. Так и думал — дело Боумена.

Вспомнилась Мэри Боумен, ее изувеченное лицо, молившее о помощи, хотя сама она и сказала, что готова отступить. Да как же можно без борьбы отдать собственных детей?

И какое имеет право адвокат требовать, чтобы их отобрали у родной матери? Эти несчастные дети — пешки в грязной игре, и Роберт не желал принимать в ней участие. Только сейчас ему пришло в голову, что в иных ситуациях мать лишена выбора.

Он прошел в кабинет Дэна, налил себе выпить и, пригубив бренди, обвел взглядом владения старшего партнера фирмы. Картины — оригиналы, разумеется, — антикварная мебель, шкафы с фолиантами в кожаных переплетах. Обстановка кричала: мой босс успешен и непременно выиграет ваше дело. Дэн принимал исключительно важных клиентов как бы редки они ни были, — а Роберту доставался мусор вроде Джеда Боумена. С бокалом в руке Роберт вернулся к себе в кабинет. Вот возьму и оставлю, думал он, папку Боумена на столе Дэна. Пусть выкручивается. Но это значило бы преподнести Джеду победу на блюдечке. Дэн разнесет в пыль защиту Мэри и добьется для Джеда опеки над детьми. Мэри Боумен —

недостойная мать, неверная жена и наркоманка. Она безработная и безвольная. Джед же, напротив, — глава семьи, считающий своей обязанностью оградить несовершеннолетних от дурного влияния матери. Теперь у него есть работа, и он ни перед чем не остановится, лишь бы утопить жену в грязи да там и оставить, на самом дне жизни. Жажда отмщения — великая сила, и она вела Джеда Боумена в бой.

Роберт взял из стакана красный маркер и размашисто черкнул поперек папки: «Закррито». Фирма «Мейсон и Найт» не будет представлять интересы подонка. Что же до Мэри... Роберт решил, что обеспечит ей лучшего лондонского защитника.

Роберт забросил ноги на стол, откинулся на спинку кресла. Мысли вновь вернулись к Эрин. Что могло толкнуть ее на похищение малышки Руби? Он сотню раз перечитал статью. Черил и заскочила-то в супермаркет всего на пару минут. Бедняжка — что она пережила, обнаружив пустую машину...

Если Эрин придется встретиться с Черил — попросит она прощения или нет?

Проведя час в раздумьях, Роберт потянулся к телефону. Вряд ли Эрин сожалеет о своем поступке. Да и должна ли? Разве может женщина жалеть о том, что тринадцать лет воспитывала дочь? Роберт нашел номер телефона в Интернете и набрал, без уверенности, впрочем, что услышит инспектора Джорджа Ламли. Тот мог выйти на пенсию, мог переехать куда-нибудь, мог умереть.

Два гудка — и Роберт бросил трубку. Нет, это выше его сил. Он представил арест Эрин. Представил, как на глазах у Руби ее мать уводят полицейские. Попытался представить новую жизнь Руби, с новой мамой, но картинка не складывалась.

Откуда Черил знать, что по субботам Руби обожает жевать «Чоко-Попс» перед телевизором? Черил представления не имеет о привычке Руби тянуть с домашними заданиями до последнего, так что если ребенка не подтолкнуть, она будет сидеть над уроками ночами. Черил не сумеет даже успокоить Руби, когда девочке приснится страшный сон или она затоскует по Эрин.

Как ни странно, Роберт чувствовал себя ближе всех к Руби, но что толку? Даже если не Черил, не Эрин, а именно он, всего лишь отчим, способен дать девочке постоянство в жизни и уверенность в будущем — то, чего ей так не хватает, — в глазах правосудия он не имеет на нее никаких прав. Роберт еще трижды хватал трубку, пока наконец не отказался от своей идеи.

Уснуть не получалось. Луиза уехала в отель, а он втайне рассчитывал, что после китайского ужина под бутылку вина — она все привезла с собой, вернувшись из университета, — она переночует в гостевой спальне. Роберту не хотелось оставаться в одиночестве, и, кроме того, он, наверное, воспользовался бы шансом поговорить с Луизой начистоту. Признаться ей наконец, как она была ему дорога. Выложить все, что должен был сказать очень, очень давно, да так и не решился. А затем дать понять, что теперь любит только Эрин, пусть она и далека — настолько далека, что, пожалуй, вовсе недосягаема.

Но Луиза уехала. Замешкалась, правда, на пороге — быть может, в надежде на что-то большее, чем невинный поцелуй в щеку на глазах у таксиста, который должен был отвезти ее в отель.

— Я позвоню, как только получу результат. Джеймс обещал сделать за сутки, но это в лучшем случае. Будем рассчитывать на послезавтра. — Пауза. Потом взгляд — словно спасательный трос, сброшенный скалолазу, что замер, не дыша, на полпути к вершине утеса.

И Луиза сбежала с крыльца.

Роберт провожал взглядом такси, пока машина не скрылась за поворотом, вошел в дом и набрал по очереди мобильные Эрин и Руби, после чего лег в постель и уставился в потолок. По шпукатурке разбежались тысячи мельчайших трещинок — пожалуй, он сделал в жизни не меньше ошибок. Но ведь несмотря на все эти трещины, скрипучие половицы и заедающие оконные створки, дом все же выстоял добрую сотню лет и в ближайшие годы рухнуть не обещает.

Роберт ворочался под простыней, наброшенной на голое тело. Дневная духота попала в ловушку спальни, и, хотя кожу покалывало, будто от холода, мозги плавилась от сумбурных мыслей. Он перевернулся на другой бок и вытянул руку на подушку жены. С Эрин все кончено, сомнений нет. Роберт был готов простить ей ложь о прошлой жизни — он много думал и понял, что торговать своим телом ее вынудили обстоятельства, — но никак не похищение Руби.

Медленно, постепенно, как в сложнейшем математическом уравнении, все компоненты складывались, умножались, возводились в квадрат, а итог объяснял все. И отсутствие хотя бы малейшего внешнего сходства между дочерью и матерью. И отстраненность Руби — в глубине души девочка знала, что на самом деле не связана с мамой узами родства. Анализ ДНК откроет тайну происхождения Руби. Где-то в мире есть женщина, которая подарила ей жизнь. И Роберт был уверен, что это Черил.

Даже отмахнувшись от шепота интуиции, Роберт мог теперь доказать, что Эрин, к примеру, и не собиралась отправлять Руби с классом в Вену. Ясно же, что без паспорта перелет невозможен, а где взять паспорт, не имея свидетельства о рождении ребенка? А где взять свидетельство о рождении, если этого ребенка ты похитила? Роберт вспомнил просроченный паспорт из тайника в кабинете Эрин. Наверняка либо краденый, либо фальшивый. Если подумать, сходство на фото очень приблизительное, да и родинку она не запудрила, как он решил сначала, — родинки на щеке попросту нет. Любопытно, что это за девушка на паспортном снимке.

С улицы донесся шум мотора. Вспыхнули фары, осветив спальню через прозрачные занавески. Стук дверей машины, приглушенные голоса и... звяканье ключей. Роберт рывком сел на кровати. Только бы полусонный мозг не сыграл с ним очередную злую шутку. Сейчас ему не до визитов Дженны, с ее понимающими улыбками, укоризненными взглядами и добрыми советами. Роберт посмотрел на часы: двенадцать минут третьего.

Он на цыпочках прошел к окну — от дома отъехало такси. Набросив первое, что попало под руку, выскользнул на лестничную площадку и взгляделся в полумрак коридора. На кафельном полу темнел портплед. А рядом Руби. Одна. Запрокинув голову, она смотрела на Роберта. Он втянул воздух в легкие да так и окаменел. На выдох сил не осталось.

Я тороплюсь домой. Всю свою гадальную утварь оставила в баре. И никого не предупредила, что ухожу. Я то и дело спотыкаюсь, наступая на подол дурацкой юбки, которую надеваю на сеансы из-за ее цыганского вида. А теперь я еще и ослепла от слез. Снаружи воздух такой же липкий от жары, как и в баре, но хоть без сигаретной и алкогольной вони. Я задыхаюсь. Воздух отказывается наполнять легкие. Останавливаюсь и приваливаюсь к стене. Надо бежать — вдруг он за мной гонится? *Что он знает?*

Мужчина с собакой на поводке предлагает помощь. «Вам плохо? — спрашивает он. — У вас приступ астмы?» О да, мне плохо! Только астма ни при чем. Грудь у меня ходит ходуном, но воздуха по-прежнему не хватает. Я заставляю тело двигаться вперед, вперед, чтобы заползти в свой дом и больше никогда не выбираться наружу. Слава богу! Передо мной входная дверь, я выжила на крохах кислорода... А сумочки в руках нет. Она осталась в баре, вместе с ключами.

Плетусь вниз по улице, сворачиваю в проход между домами, ведущий в мой садик. Страшная боль в груди. Или в сердце. Не слышу ничего, кроме собственных судорожных вдохов и — вдалеке — возмущенного завывания котов.

Что он знает о моем ребенке?

Со щеколдой кухонного окна я наверняка справлюсь — окно давно уже плотно не закрывается. С помощью ручки тяпки сбрасываю щеколду, забираюсь на подоконник, ступаю прямо в раковину и наконец приземляюсь на пол. И долго стою, глядя на кексы, что испекла для Сары. Откусив кусочек, выплевываю — во рту сушь, крошки царапают язык. В гостиной цепляюсь ногой за плетеную люльку с детскими одежками. Включаю свет, падаю на колени рядом со своим подарком для Сары. Может, она приходила и не застала меня? Может, оставила записку? Нет, на коврике у входной двери пусто.

Я зарываюсь лицом в детские вещи, словно решила устроиться в люльке вместо младенца. И засыпаю. Мне снится, как тот, из бара, нашел Наташу, и я просыпаюсь в холодном поту, с болью в свернутой шее. Снаружи звякает бутылками молочник. Я провела на полу в гостиной всю ночь.

Нужно чем-то занять себя. Ночью я смяла вещички для ребенка Сары, и даже плетеный бортик корзинки погнулся. Я привожу все в порядок, отношу наверх и прячу в комод, который разрисовала зайчиками и цветочками, точь-в-точь как на стенах.

Думаю о Саре с ее малышом. Мне больно представлять, как она уродует в гримасе свое прелестное лицо, как корчится в муках, а акушерка кричит, чтобы тужилась, тужилась, нет, довольно тужиться, сейчас дышать, дышать.

Я долго жду Сару, но она все не идет показать мне своего малыша и попробовать кексы. Нужно ее найти. Надеваю сандалии, пятерней приглаживаю волосы. Плевать, что не причесана, что вчерашняя косметика размазана, вокруг глаз черные круги, а на щеках потеки туши. Малышу все равно, как выглядит его мамочка. Ему нужна любовь, молоко, тепло.

Иду в парк. Похоже, в этом мире у каждого есть ребенок. Вокруг меня мамы, папы, дедушки и бабушки — толкают перед собой коляски, или ведут карапуза за ручку, или кружат на карусели. Хороший сегодня денек для прогулок в парке.

Я сажусь на скамейку и смотрю, как играют чумазые старшие братцы и карамельно-розовые сестрички всех этих малышей. Ага! Качели освободились, и я качаюсь, качаюсь,

взлетаю под самые облака. Может, оттуда замечу Сару — младенцу ведь нужен свежий воздух. Ветер холодит мне лицо, солнце слепит глаза. Я шурюсь и смеюсь.

И замечаю Сару. Кажется, это она переходит дорогу к парку. А потом... Могу поклясться, я вижу этого Найта из «Оленьей головы».

Он хохочет и показывает Саре, как я взлетаю на качелях.

Могу предсказать вам будущее! — кричу я молча. Он не слышит. И никто не слышит.

Могу предсказать вам и свое будущее! Могу, но не стану. Качели летят вниз и снова вверх, и Найта с Сарой уже нет.

Спрыгнув, я возвращаюсь к скамейке. Мое место заняла женщина, но она улыбается и пододвигается, чтобы я тоже могла сесть. Она пропахла жареной картошкой и дешевыми сигаретами; чумазый пацаненок дергает ее за рукав и канючит, пока она укладывает в коляску младенца. Коляска явно помнит не одного ребенка — она старая, унылого серого цвета, с засаленными краями и в пятнах от молока или отрыжки. У капризного мальчонки шнурки развязаны, коленки разбиты, и он сдирает засохшую корку.

— Прекрати, Натан, черт бы тебя побрал!

Женщина смотрит на меня и вздыхает устало. Она страшно худая и измотанная. Они с коляской похожи. Младенец обиженно вопит — не понравилось, что уложили. Его маме хочется капельку сочувствия.

— Тяжело с ним? — Мне пришлось как следует откашляться, ведь я со вчерашнего вечера не открывала рта.

— Чё ж хотите — два года. Хуже не бывает.

Птица чирикает прямо у нас над головами, и мы обе невольно вскидываем глаза.

— Полный комплект? — спрашиваю я. На младенце в коляске все розовое — похоже, девочка.

— Хорошо б, коли так. У меня ж еще трое. В садике и в школе. — Она вынимает пачку сигарет из сложенного верха коляски, закуривает и выдыхает дым прямо на младенца. — Детки-то есть?

Натан злобно пинает колесо, и младенец снова заходится в крике.

— Нет, — отвечаю я.

Мать дубасит старшего, а я смотрю, как малютка сучит ножками внутри тонкого розового спальничка, и думаю о том, что однажды по этим ножкам тоже съездит материна ладонь.

— Хочу пи-пи! — Натан приплясывает, зажимая пах то одной рукой, то другой. Щеки у него горят, а на шортах, я вижу, расплзается мокрое пятно.

— Да что за черт, Нат! Ты ж только что ходил. — Она близоруко щурится в сторону туалета по ту сторону игровой площадки. — Иди за дерево, а то пока я Джо-Джо из коляски вытащу...

Натан мотает головой, мычит и хватается за попу. Мальчонка уже красный как рак, долго ему не удержать все, что просится наружу. Мать дергает его за руку, впивается ногтями в детскую кожу, а мне кажется — прямо в мое сердце.

— Давайте помогу, — предлагаю я.

Женщина так и замирает на полусогнутых ногах, приподнявшись со скамейки. Смотрит на извивающегося сына, потом на Джо-Джо.

— Приглядите за ней? Я мигом. — Она выплевывает горящую сигарету, и та исходит дымом под коляской.

— Да-да, конечно!

Моя ладонь уже лежит на ручке, легонько покачивая коляску. Вопли Джо-Джо заметно стихают, сменяясь удивленными всхлипами, словно малышку никогда не укачивали. Ее мать тащит Натана через площадку и скрывается в низеньком здании с бетонными стенами в разноцветных граффити.

— Ш-ш-ш... Ш-ш-ш...

Я склоняюсь над Джо-Джо, она умолкает, беззубо улыбается. Сунув кулачок в рот, запрокидывает голову, и я вижу катышки грязи в складке пухлой шейки. Я протягиваю руки и подхватываю малышку под мышки. Качнув головкой, Джо-Джо недоверчиво таращится на меня. А я бросаю взгляд в сторону туалета.

Она сказала — мигом.

Джо-Джо пахнет кислым молоком, отрыжкой и мочой. Подгузник малышки насквозь промок.

— Да нашу красавицу надо переодеть!

Я встаю. Мои ноги больше мне не принадлежат. Я слышу крик Наташи. Никто не обращает на меня внимания. Джо-Джо пускает белую слюну мне на воротник и присасывается к кулачку. Снова крик Наташи. Она плачет и плачет, пока я всматриваюсь в здание позади площадки. Солнце брызжет на нас сквозь листву деревьев, и трава от него в крапинку. Я растираю подошвой дымящийся окурок, Наташа кричит все громче, и я убегаю от ее плача. Прижав к груди изумленную Джо-Джо, я несусь через площадку и прочь из парка.

Руби тянула уже вторую чашку шоколада, и в другой ситуации Роберт непременно пошутил бы насчет ее молочно-коричневых усов. Но сейчас он и дышать боялся — вдруг его девочка рассыплется на кусочки или растает в воздухе.

— Так мама в Брайтоне? — не в первый раз спросил он. Можно было бы и догадаться.

Руби кивнула.

— А ты приехала на вокзал в час ночи?

Еще один кивок. Черные, давно невымытые волосы неопрятными прядями качнулись вдоль лица.

— И куда же исчез целый час? Что ты делала?

Руби поднялась, повернула кран и сунула чашку под холодную воду.

— Так... Сидела. Думала. Все такое, короче. — Она опять съежилась на стуле. — Позвонила Арту.

— *Все такое?! На лондонском вокзале, после полуночи, — все такое?! (Страшно даже подумать, что могло случиться с ребенком.)* Мама хоть представляет, как я за вас переживал? (Ну очень мягко сказано.) А теперь и она волнуется. За тебя.

— Я оставила записку у Бакстера, — бесцветным тоном сообщила Руби.

Роберт попытался пальцем приподнять ей подбородок. Девочка дернулась и уронила голову.

— Почему вы уехали?

Руби пожала плечами:

— Мама так решила. Я не хотела...

Она походила на маленького ребенка, уваливающего от наказания за разбитую тарелку.

— Но мама хоть что-то тебе объяснила?

Руби вздохнула:

— Типа устроим себе каникулы. А когда приехали к Бакстеру, я их разговор услышала — что надо квартиру для нас снять и подыскать маме работу. Она сказала, что убегает в последний раз. — Руби подняла влажные глаза. — Тоже мне каникулы. Ни на пляж сходить, ни хоть монетки покидать с пирса.

— То есть... вы уехали навсегда? — Роберт болезненно скривился. Лучше бы Руби не возвращалась и не лишала его последней надежды.

— А у нас всегда все *навсегда*.

Луиза появилась в четыре часа утра. Или ночи. По телефону говорила, что в ее приезде нет смысла, но навыки убеждения юриста существенно превосходили ее способность отказывать, тем более спозаранку. К тому же он посулил добавку за беспокойство.

— Руби спит.

Он сам уложил ее в постель и подоткнул одеяло, защищая свою бесценную добычу от хищников. Теперь Руби — единственная ниточка, связывающая его с прежней, *нормальной* жизнью, которую он и вспоминал-то с трудом.

— Похоже, решение матери нравится ей не больше, чем тебе. — Луиза крутила на пальце обручальное кольцо. — Сбежав от Эрин, девочка ясно дала понять, с кем хочет остаться.

— Скажи это ее матери. — Роберт бросил взгляд в окно: на горизонте расплывалась бледная полоска. Что предложить гостю на рассвете? Яичницу? Чашку чая? Или чего-нибудь покрепче?

— Ну и что прикажешь делать, босс... — Луиза глянула на запястье и скорчила гримасу: забыла надеть часы, — в эту чертову рань?

— Ничего.

— Уточняю: ты платишь мне за то, чтобы я ничего не делала?

— Именно. Просто помоги дождаться. Результатов анализа ДНК, — добавил он, поймав недоуменный взгляд Луизы.

После кофе Роберт все-таки соорудил яичницу. Луиза сидела спиной к плите.

— Ты отдаешь себе отчет, какую лавину стронешь с места, если результат теста покажет, что Эрин — не биологическая мать Руби?

— Да, — буркнул Роберт. — А с чего бы, по-твоему, я стал возиться с яичницей. Черт, второе разлилось. Чур, это твоя порция.

Немного позже, когда чернота неба расцветилась розовым, голубым и оранжевым и машины ожили на улице, они вышли в сад.

— Пора завязывать с куревом, — сказал Роберт, жадно втягивая дым.

Он вспомнил прокуренный зал «Оленьей головы» и выудил из кармана карту.

— Это еще что?

«Правосудие» ухмылялось ему, подмигивало, но прежде всего, эта карта — устами самой Черил — убеждала его в том, что он поступает верно.

Роберт снова затянулся, устремив прищуренный взгляд вдаль, к восходящему солнцу.

— Ответ.

Предсказанная Луизой лавина проблем обрушилась гораздо раньше, застав их врасплох. Роберт решил дать Руби отоспаться, но Луиза потихоньку заглянула в спальню девочки — проверить, все ли в порядке. Лучше бы она этого не делала...

— Роб!!! Руби исчезла!

— Как это? — Он в жизни не слышал, чтобы Луиза так кричала.

— В комнате ее нет. Ее нигде нет! — Луиза рывком открывала одну дверь за другой.

— Так, ладно. Без паники. Она могла пойти в школу.

Роберт слетел вниз, набрал номер Грейвуд-колледжа. Положив трубку, обернулся к Луизе и покачал головой. Сотовый Руби отсылал к голосовой почте. Роберт оставил сообщение с просьбой как можно быстрее вернуться домой.

— Не волнуйся, Роб, с ней ничего не должно случиться. Уверена, девочка решила поразмыслить. Наедине.

Час ожидания — и Роберт совершенно отчаялся. Кружил по дому, мерил шагами каждую комнату — лишь бы не думать о том, что творится с его семьей.

Ровно в полдень Луиза позвонила своему приятелю с кафедры генетики. Джеймс сказал, что результатов теста пока нет, но подсластил пилюлю хорошей новостью: образцы вполне пригодны для анализа.

Они ждали целый день. Изредка обменивались фразами, напрягали слух — телефон? шаги на крыльце? звякнули ключи? К пяти часам Роберт был близок к безумию.

Неожиданно он хлопнул ладонью по лбу, схватил куртку, мобильник, ключи.

— Ну конечно! Руби наверняка у него! Сегодня какое?

— Двадцать первое. А что?

— Арт пригласил ее к себе на праздник летнего солнцестояния.

— Адрес знаешь? — Луиза тоже собрала нужные мелочи и набросила тонкий кардиган. — Ноутбук оставлю включенным — вдруг Джеймс скинет письмо с результатами теста. — Она осторожно прикоснулась к руке Роберта: — Уже скоро, поверь.

Выйдя на крыльцо, Роберт посмотрел на небо, неестественно синее, будто с рекламного буклета.

— Я понятия не имею, где живет Арт. Хотя... быстрее! — Он зашагал к машине с решительным видом человека, который знает, что делает. — Надо успеть в Грейвуд, пока колледж не закрылся.

По дороге Роберт позвонил — анонимно и безрезультатно — секретарше Грейвуд-колледжа, которая отказалась предоставить конфиденциальную информацию об учащемся школы. Чего и следовало ожидать. Роберт на опасной скорости подлетел к колледжу. На парковке для персонала осталось всего две машины. Роберт дернул входную дверь.

— Есть кто-нибудь? — кричал он, шагая по пустому коридору.

Какой-то учитель с опаской выглянул из класса и сдвинул очки на лоб:

— Могу я чем-то помочь?

— Да! Мне нужен адрес или номер телефона одного из учеников. Срочно! Подключена полиция!

У него за спиной сдавленно ахнула Луиза, но угрызания совести за ложь Роберта не мучили: полицию давно следовало подключить.

— Справьтесь в дирекции — второй поворот налево, третья дверь. Секретарша еще должна быть на месте. — И учитель скрылся в кабинете, оставив запах виски.

Оказавшись возле двери с надписью «Секретарь», Роберт с Луизой постучали и вошли, не дождавшись отклика.

— Похоже, она где-то здесь. — Роберт глянул на белый пиджак на спинке стула, дымящуюся чашку чая, дамскую сумочку. Компьютер в комнатухе был включен.

— Так, позволь мне. — Луиза скользнула за стол и за считанные секунды открыла базу данных учеников.

Роберт отошел к двери.

— Фамилия парня?

Роберт дернул плечом, не сводя глаз с коридора.

— Черт его знает. Трудно, что ли, Арта найти? Он грант получил для учебы в Грейвуде.

Луиза торжествующе улыбнулась:

— Так бы сразу и сказал. — Она открыла файл со списком стипендиатов — в Грейвуде их оказалось около тридцати. — Арт Голлуэй. Мейкин-авеню, 23. — Луиза записала полное имя и адрес и закрыла файл.

— Э-э... — Секретарша держала под мышкой стопку папок. Дорогу на рабочее место ей преграждал Роберт.

— Ах, простите за вторжение, — прочирикала Луиза, оттирая Роберта в сторону. Листочек с добытыми сведениями уже лежал в ее сумочке. — Нас интересует информация о Грейвуд-колледже. Можно попросить проспект?

Глянув на руки посетителей — не стащили ли чего? — секретарша позволила себе подобие улыбки:

— Да, конечно.

Она достала кипу брошюр со стойки в углу кабинета. И только когда Луиза с Робертом ушли, секретарша опустила в кресло и заметила, что оно теплое.

Выезжая с парковки колледжа, Роберт буквально чудом разминулся с грузовиком.

— Козел! — проорал он водителю и понизил голос, обращаясь к Луизе: — Насчет Арта — это всего лишь догадка. Если Руби там нет, следующая остановка — Брайтон.

Минут двадцать они ехали по Лондону, направляясь на юг, в район, где ни один из них никогда не был. Лет эдак сто назад Мейкин-авеню, должно быть, считалась мечтой многих, а сейчас ветхие, заброшенные дома эпохи короля Эдуарда производили удручающее впечатление.

— Мой тебе совет — подбери здесь что-нибудь. Окупится, пари держу. — Луиза с интересом разглядывала величественные в прошлом особняки. — Я серьезно, — добавила она, хотя и понимала, что Роберту в данный момент не до вложений в недвижимость. — А вот и номер двадцать три.

В узких окнах старинного здания мелькали сотни горящих свечей — впрочем, едва заметные в лучах солнца. Самый длинный день в году, подумал Роберт. *Самый длинный день в моей жизни.* Он остановил машину, бок о бок с Луизой прошел по дорожке, поросшей гигантскими сорняками, и постучал в дверь. Никто не отозвался.

— Почему меня это не удивляет? — с сарказмом буркнул Роберт. От музыки дребезжали стекла и подрагивали стены. — Судя по воплям, вечеринка в самом разгаре.

Он дернул за ручку обшарпанной двери, и они с Луизой очутились в толпе.

Кто-то стоял, кто-то сидел на корточках, подпирая спиной стену, другие с удобством устроились на лестнице, потягивая пиво и коктейли из банок, передавая по кругу косячки. Появление незваных гостей прошло незамеченным — ну разве что чей-то равнодушный взгляд остановился на Роберте и Луизе. Звать Руби глупо, решил Роберт. В этом дьявольском шуме собственного голоса не услышишь. Продвигаясь все дальше в глубь дома, он боролся с желанием опрокинуть банку коктейля, разделить с кем-нибудь папиросу с дурью, слиться с толпой и навсегда забыть Эрин. Мотнув головой, он еще решительнее потянул за собой Луизу. Никогда ему не забыть Эрин.

— Знаешь, где найти Арта? — проорал Роберт в ухо юнцу, распластавшемуся на продавленном диване; парень пожал плечами и бессмысленно ухмыльнулся.

Кто-то добавил звук, и музыка захрохотала еще громче, хотя это и казалось невозможным. Роберт двигался дальше, заглядывая в лицо каждому, кто попадался на пути. Кого только не собрала эта вечеринка: зеленую молодежь и стариков, бродяг и адептов нью-эйджа в бесформенных хламидах, панков с ирокезами на голове. Теряя надежду, Роберт свернул в сторону кухни. На заваленном объедками сосновом столе мерцали свечи. Два парня наполняли блюда салатом и лепешками.

— Роб, взгляни! — Луиза сжала пальцы Роберта, и он обернулся.

Сад позади дома оккупировали подростки: танцы, объятия, спиртное из банок и косячки. Забросив распущенные волосы за спину, Руби со смехом повисла на шее Арта.

Роберт ринулся наружу.

— Руби! — Он оторвал девочку от Арта. — Что ты делаешь?

Арт первым пришел в себя:

— Эй, папочка! Что за шум? Небось тоже был молодым?

Он сунул руку в карман. Роберт напрягся.

— Спокойно, — вмешалась Луиза. — Роберт, все в порядке. Главное — мы ее нашли.

— Вам пора, юная леди.

Самая обычная родительская фраза его самого покорила. Отец-то он ненастоящий. Какое он имеет право что-либо требовать от этой девочки? У нее даже мать не родная, что уж об отце говорить.

— Куда пора? — Руби дергалась, как рыбка в неводе.

— К маме, — ответил Роберт.

И лишь тронув с места «мерседес», подумал, что не уверен — к которой из двух.

Конечно, я была права — Джо-Джо мокрая насквозь. Она лежит голенькая на пушистом ковре в спальне, которую я приготовила для малыша Сары. Беспорядочно сучит ножками и ручками, пухленькая такая, розовая кривоточка.

Даже не знаю, что случилось с Сарой. Она ведь твердо обещала прийти ко мне с малышом. Ну да ладно, теперь это неважно. Джо-Джо наделала желтую лужицу на ковер. Я подхватываю ее и несусь в ванную. Одна ладонь под пухлой попкой, другая придерживает головку. Точно так же я носила Наташу.

Включаю воду, добавляю капельку пены из флакона, и мы с Джо-Джо ждем, когда ванна наполнится. Малытку нужно как следует вымыть.

Стоит мне опустить ее в воду, как Джо-Джо начинает вопить. Не привыкла купаться, бедняжка. Я стою на коленях, перегнувшись через край ванны. Одной ладонью придерживаю головку Джо-Джо, а другой плещу теплой водой на ее плечи, грудь, животик. Потом сдергиваю с крючка полотенце и вытираю грязь из складочек шеи.

Не очень-то хорошо мама Джо-Джо заботилась о дочке, поэтому мне и не стыдно, что я забрала эту крошку. У ее мамы еще четверо детей, и все наверняка такие же зачуханные. Держу пари, она счастлива, что хоть одной заботой стало меньше. Четверых детей лупить все же проще, чем пятерых.

Джо-Джо плачет, широко раскрыв ротик, язычок у нее в молочную крапинку. От ее крика оживают воспоминания. Кошмары.

После купания я заворачиваю Джо-Джо в согретое полотенце, прижимаю к груди и кружусь, кружусь по гостиной. А когда плач стихает, отношу свое сокровище в детскую. Теперь это комната Джо-Джо. Я надеваю на малышку памперс, а сверху — один из бархатных комбинезончиков, что купила для ребенка Сары. Комбинезон слегка тесноват, ведь он для новорожденного младенца, и, чтобы пальчикам на ножках Джо-Джо не было больно, я подпарываю швы.

Она снова кричит — голодная, наверное. Уложив ее в плетеную люльку, я спускаюсь на кухню поискать что-нибудь подходящее из еды. Кусок кекса, который я выплюнула, так и валяется на полу. И что-то здорово воняет. Наверное, из мусорного ведра. В холодильнике нашлось цельное молоко, с завтрашним сроком годности. Пока сойдет. А потом я куплю нормальное молоко для младенцев. Бутылочки у меня нет, так что я наливаю молоко в миску, разогреваю в микроволновке и, прихватив чайную ложку, возвращаюсь в детскую. Джо-Джо продолжает кричать.

Я устраиваю ее у себя на коленях, набираю немножко молока в ложку и подношу к роту. Джо-Джо умолкает, но только на секунду, а потом пихает ложку кулачком, и молоко капает на ее новенький комбинезончик.

— Ах, Наташа!

Малышка молча таращит на меня большие, прозрачные, заплаканные глаза. Показывает беззубые десны — слава богу, она улыбается... Нет, опять кричит. Я дотягиваюсь до пушистого утенка и прижимаю к ладошке Джо-Джо. Она впивается в игрушку пальчиками, роняет — и заходится в крике. Я снова пытаюсь влить в нее молоко ложкой — с тем же успехом. Проходит десять минут, а ребенок не проглотил ни капли. И комбинезон уже весь испачкан, приходится ее переодевать. Все это время она без умолку орет. Я тоже ору:

«Заткнись!» И прихлопываю рот ладонью: разве так можно с ребенком?!

— Прости, малыш, прости. — Я прижимаю ее личиком к своему плечу, чтобы заглушить крики. — Давай-ка погуляем по саду. Свежий воздух пойдет тебе на пользу.

Шейла постоянно твердила, что детям необходим свежий воздух. Я перебираю в памяти все советы, которыми засыпала меня свекровь, пока я ждала Наташу и сразу после ее рождения. Жаль, я Шейлу не слушалась. Я ведь не только чувством вины терзаюсь — за то, что не уберегла свою малышку. Я многое, очень многое могла делать лучше, если бы следовала советам Шейлы. Вот что меня мучит. Хотя все не так уж страшно теперь, когда у меня появилась другая малышка. Я поднимаюсь и выхожу с ней в садик. Траву пора бы подстричь — вымахала по колено. Садовник из меня никудышный, так что ни цветы, ни кустарник глаз не радуют. Правда, растет корявая яблоня, только яблоки кислые, червивые, в коричневых чешуйках. Сад у меня ровно шириной с дом, то есть двенадцать футов, зато в длину тянется на сто футов и с обеих сторон отделен колючей проволокой от соседских.

— Мы тут порядок наведем, Тата, обещаю. Упросим папочку, чтобы выгащил газонокосилку, верно?

Я щекочу пухлую щечку и добиваюсь наконец улыбки. Малышка жмурится от солнца, прозрачные глазки превращаются в щелочки. Шагая по высокой траве, я огибаю бетонную плиту, что запечатала бывший колодец, и устраиваюсь в тени яблони.

Малышка лежит спинкой на моих вытянутых ногах, глазееет на меня и жуёт кулачок. Подбородок уже весь мокрый. Подолом своей длинной юбки я вытираю слюну с ее личика.

Солнце греет мне плечи. Шея все еще ноет от спанья на полу — сколько ни массируй мышцы, не помогает. Я смотрю через садик на дом и улыбаюсь: бледно-желтые занавески в окне детской плещутся на ветру. Мне так хорошо...

Блаженный покой разрушает детский крик. Малышка выгибается, шлепается с моих ног на землю и орет еще громче. Приходится наказать. Хватаю ее и волоку обратно в дом.

— Ну-ка, быстро спать, мисс Наташа. — Я укладываю ее в плетеную люльку и захлопываю дверь детской.

Она кричит и кричит за дверью, а я опускаюсь на пол лестничной площадки и сижу, привалившись к стене. Руки и ноги дрожат, потому что моя малышка наконец нашлась.

Роберт с немалым трудом затолкал Руби в «мерседес» — она извивалась, шипела и плевалась как дикая кошка.

— Прекращай спектакль, Руби. — Он повернул зеркальце заднего вида так, чтобы не видеть ее перекошенное от ярости лицо.

Выкрики «Ненавижу!» и «Всю жизнь мне испортил!» он отбил воображаемой ракеткой для сквоша. Ей тринадцать. Самое время для подобных выпадов.

— Прекращу, как толькопустишь обратно! — Руби ткнула коленкой в спинку сиденья Роберта. — У меня есть права! Ты вообще представляешь, что опозорил меня перед всеми?

Но форменный хук ему в челюсть Руби нанесла другими словами.

— Ты мне не отец! — злобно процедила она. — И нечего указывать, что мне делать!

— Куда мы, собственно, направляемся, Роб? — спросила Луиза, заметив, что он проехал поворот к своему дому.

— К матери Руби. Пора бы им встретиться.

Что есть силы стиснув руль, Роберт не отводил взгляда от дороги. Как ему хотелось сейчас поделиться своими мыслями о деле Боуменов, объяснить, что дети должны жить с настоящими, любящими родителями. Но он знал, что все это прозвучит фальшиво. Более того, оплачивая время Луизы, он не был настроен на ее возражения.

Роберт гнал машину, лавируя в плотном потоке, и вскоре свернул на М1. Во второй раз за двое суток он направлялся в Нортгемптон, и если одна его половина будто одеревенела, лишенная жизни, то вторая чувствовала себя вершителем судеб.

Он украдкой глянул на Луизу. Спокойная, элегантная даже в джинсах и футболке. На ногах кожаные сандалии, пальцы длинные, с темно-вишневым лаком. Роберт многое отдал бы, чтобы на ее месте сейчас сидела Эрин. Чтобы вернулись они, к примеру, с уик-энда в Сомерсете, поужинали по-семейному, а потом Руби мирно заснула в своей комнате, а они с Эрин — в обнимку в супружеской постели.

— А подождать результатов ДНК-теста не хочешь?

Луиза понизила голос, хотя Роберт перебрросил на заднее сиденье свой MP3-плеер, и Руби тут же нацепила наушники.

Выдернутый из раздумий, Роберт, стиснув челюсти, покачал головой.

— Нет. Результаты только подтвердят то, что мне и так известно. Не могу больше ждать. Это не жизнь, а черт знает что. К тому же полиция все равно проведет собственное расследование, и без ДНК-теста не обойдется.

— Полиция? — переспросила Луиза, но ответа не дождалась.

Роберт молчал. Думал. Пытался выкинуть из мозгов Дженну, умоляющую не повторять прежних ошибок. Он заключил с ней сделку: если Дженна перестанет его преследовать, он приложит все усилия, чтобы избавиться от своей пресловутой паранойи, которая в конце концов Дженну и погубила. Уже на подъезде к Нортгемптону Роберт вдруг понял, что может включать и выключать голос Дженны по собственному желанию. И тут же воспользовался этим, заставив ее умолкнуть.

Руби давно сняла наушники и проспала почти всю дорогу, измотанная бессонной ночью. Когда Роберт снизил скорость, она заерзала, приподняла голову, потеряла лицо.

— Куда это мы, пап?

— Повидаться с человеком, который ждал встречи с тобой целых тринадцать лет.

Как ни странно, больше Руби вопросов не задавала.

Попетляв по городу, свернули на улочку из стандартных домишек. Вечернее солнце метало стрелы вдоль улицы, отражаясь от капотов и ветровых стекол припаркованных автомобилей. Роберт опустил козырек и покатил вдоль тротуара, выискивая, где бы приткнуться.

Довольно скоро «мерседес» удалось втиснуть меж двух машин. Роберт заглушил мотор и вышел. Руби не шелохнулась. Он открыл заднюю дверцу, заглянул в салон, осторожно погладил девочку по голове. Она взмокла, волосы прилипли ко лбу. Черные волосы. Совсем как у ее матери, Черил. Полусонный взгляд Руби скользнул вдоль улицы, и Роберт прочитал в глазах девочки удивление: *куда ты меня привез?*

Домой, безмолвно ответил Роберт. *Я привез тебя домой.*

У этой девочки должна быть мама. Каждое мгновение своей жизни Руби должна знать, что безмерно любима той матерью, с которой останется. Мысль о том, что это может быть не Эрин, а другая женщина, едва его не убила. Мысль о том, сколько страданий выпало на долю Черил, переворачивала ему душу.

Последние несколько дней он только и делал, что примерял на себя всю гамму эмоций, пережитых Черил за тринадцать лет: чувство вины, презрение к себе и страшная боль утраты, обида и гнев на свой жребий. Теперь же ему предстояло оказаться на месте Эрин, когда ее арестуют, отдадут под суд, приговорят.

Черил и Эрин. Две женщины, две матери. Они обменяются судьбами.

Наказанием для Эрин станет не тюрьма, а потеря Руби — вот что сильнее всего терзал Роберта.

Ну а Руби... Со временем она поймет. Рана постепенно зарубцуется. Руби узнает свой настоящий день рождения, и какой погодой встретил ее этот мир, и что сказал ее папа, впервые взяв дочь на руки... Черил сможет описать каждый день жизни Руби, но лишь до ее восьми недель. А дальше все вопросы только к Эрин.

Даже если Руби останется здесь, я все равно смогу ее видеть. Понадобится — через суд потребую свиданий. У Роберта мелькнула мысль представлять Черил в суде, но он ее тут же отбросил. Слишком похоже на дело Боуменов. Если на месте Мэри окажется Эрин, чем он сам будет лучше Джеда Боумена?

— А где мы? — Руби вылезла из машины и одарила Луизу хмурым взглядом. — Я хочу к маме.

Роберт вздохнул. Знала бы она, что попала в самую точку.

— А я хочу тебя кое с кем познакомить.

Взяв девочку за руку, Роберт повел ее к дому номер 18. К дому Черил, где когда-то жила и она сама. Набрал полную грудь воздуха, задержал дыхание. И постучал в дверь.

Старенький «форд-эскорт» протарахтел по улице: стекла опущены, музыка гремит во всю мощь.

Черил не открывала. Роберт стукнул еще раз и посмотрел на часы. Половина девятого, еще светло и далеко до вечерней прохлады.

— В «Оленьей голове», — прошептал он, так и не дождавшись ответа на стук.

Путь не близкий, но выбора у Роберта не было. Он как-то не предполагал, что может не застать Черил дома. Пока Луиза и Руби ждали в машине, Роберт вошел в пивную.

— Не подскажите, Черил Варни здесь?

На этот раз клиенты не осаждали девушку за стойкой — бар был почти пуст.

— Не-а, — отозвалась она меланхолично, натирая полированное дерево. — Сегодня не будет. Она вообще только раз в месяц приходит. Вот, забыла позавчера. — Девушка нагнулась, покопалась под стойкой и выпрямилась с коричневой сумочкой в руке. — Вы ее скоро увидите? Может, отдадите?

Роберт округлил глаза, словно Черил забыла в баре «Оленья голова» собственную ногу.

— Да, конечно. Собственно, я ее уже сегодня увижу.

Барменша пожала плечами и протянула ему сумку.

— Удачи. — Роберт ретировался, пока она не передумала.

Прислонившись к багажнику «мерседеса», Роберт открыл сумку и заглянул внутрь. Краешком глаза заглянул в жизнь, разрушенную его женой.

Сверху лежал небольшой кошелек. Роберт отстегнул кнопку и увидел фотографию младенца — точно такую же, как в газете со статьей о похищении дочери Черил. Застегнув кошелек, он бережно опустил его на дно сумки, как будто уложил ребенка спать. Чековая книжка, водительское удостоверение, расческа и два тюбика помады. На самом дне, под упаковкой бумажных носовых платочков, ключи. Брелоком служила крохотная рамка с другим снимком того же младенца.

Роберт убрал ключи в карман и улыбнулся. Теперь двери дома Черил Варни для него открыты. Можно войти и подождать хозяйку.

Мы ужинали в итальянском ресторане. Вечером того самого дня, когда познакомились. Пожалуй, неприлично быстро, но ведь он сам предложил. Магазин я закрыла на полчаса раньше, чтобы собраться без спешки. Подумать только, первое настоящее свидание! Мне было двадцать восемь лет — правда, эту цифру знала одна я, для всех остальных мне исполнилось тридцать два, краденый паспорт сработал, — а я еще не встречалась с человеком, который *мог* по-настоящему меня полюбить. Помню, я все твердила себе: смотри не ляпни под конец, *сколько с него за услуги*. Руби я оставила под присмотром соседки снизу. Такая милая дама, она сразу к нам прониклась. И в тот вечер вопросов не задавала.

— И для кого же был первый букет? — спросила я с улыбкой, склонив голову набок.

— Для моей секретарши. У нее день рождения.

— А мне еще никогда не дарили цветов. Так что и у меня как будто день рождения!

Тот букет, что Бекко прислал мне в Брайтоне, не в счет... Но мое признание, должно быть, прозвучало дико. Чтобы женщине ни разу не подарили цветы?

За ужином — я что-то жевала, от волнения не ощущая вкуса, — он рассказал мне, что работает в юридической фирме, что был женат. Глядя куда-то в пространство, добавил негромко, что недавно овдовел. Я не спросила, от чего умерла его жена. Потом признался, что любит играть в сквош, а еще любит кино. Живет он в Фулхэме. Он вел себя как джентльмен. За ужин расплатился сам. А когда вышли из ресторана, поцеловал меня.

Он очень старается этого не показывать, но я-то вижу: от Бакстера осталась только половинка. Никто не заменит ему Патрика.

Он рад нам, вместе с нашими набитыми сумками, словно всегда подозревал, что мы вернемся. Он суетится, угощая нас оладьями с сиропом, и настаивает на добавке. На щеке и шее у него розовеют шрамы, но мы молчим о пожаре. Все было сказано в письмах.

— Не понимаю и никогда не пойму, Эрин. — Он ерошит мне волосы жестом, дозволенным только отцу. — Отправлю-ка я тебя назад, вот что я сделаю. Нельзя же вечно бегать, детка. Муж у тебя прекрасный...

— Он такого наговорил! — бурчу я и дуюсь, как обиженная школьница. — Откуда он вообще знает? Нечего ему копать в моем прошлом.

— Ты ему жена, не забыла? Считаю, одна плоть и кровь. — Бакстер щедро поливает вторую порцию оладий сиропом. — И потом, он не копался в твоём прошлом. Это все я виноват. Мы говорили о тебе, я решил, что он знает, и...

— Он все равно со мной разведется — после того, что узнал.

Бакстер в курсе моей истории. За долгие годы, проведенные в его доме, я рассказала ему все.

Руби уже за пианино, играет песню, сочиненную для Арта.

— Эрин, ты должна позвонить домой и успокоить Роберта. Скажи, что с вами все в порядке. Погости у меня пару дней — и валяй назад к мужу.

Роберту я не позвонила.

Мы с Руби бродим по улицам Брайтона. Вспоминаем. Сидим на берегу, как тогда, во время пожара. Квартиру Бакстер отремонтировал, а вот Патрика уже не вернуть. Я сводила Руби на его могилу, положила цветы из магазина Бакстера. Я очень скучаю по Роберту. Я

хочу быть рядом с ним. Но мое прошлое этого не допустит.

О том, что Руби уехала, мне сообщает Бакстер. У него бессонница — после пожара ему все чудится ночами звон стекла и крики, — и он первым находит записку, оставленную моей дочерью на кухонном столе.

Все праздники когда-нибудь заканчиваются. На то они и праздники. Поехала домой, к папе. Целую, Руби.

— Так-то вот. Дочь за меня все решила, — говорю я.

Пальцы Бакстера пробегают по моим плечам, как по клавишам пианино.

— Детка, я нутром чую, что Роберт поймет, почему ты жила так, как жила. Только расскажи ему *все*. Наизнанку вывернись, чтоб аж до боли.

Я собираюсь с духом много часов, почти до вечера. Моя храбрость — как осенние листья в ветреный день: вроде смел их в кучу, а ветерок дунул — и работа насмарку.

К полудню получаю от Руби СМСку: она дома, Роберт не сердится. Пробую дозвониться до нее, но довольствуюсь голосовой почтой. «Я тоже возвращаюсь, ласточка», — говорю я в трубку и отключаюсь.

Поезд прибывает к платформе вокзала Виктория ровно в пять вечера. Зная, что Руби с Робертом, а значит, в безопасности, я тянула с отъездом сколько могла. Прогулялась с Бакстером по берегу, обнимая его объемистую талию и радуясь ощущению его пухлой ладони на своих волосах. Совсем как в былые времена...

От вокзала я взяла такси.

Дом встретил меня запахом грязного белья и тухлятины — Роберт ни разу не вынес мусор. На кухонном столе смятая пачка «Мальборо». Кто это здесь курил, интересно? Я обхожу дом, как привидение, выискивающее, кого бы повергнуть в ужас. Пугать некого: в доме ни души.

— Роб! — все же окликаю я. Вдруг они с Руби решили поиграть в прятки и сейчас выпрыгнут откуда-нибудь, с шариками и хлопушками? *Добро пожаловать домой, любимая. Я все простил.*

Только я забыла, за что меня нужно прощать, — вот в чем беда.

Я вздрагиваю от телефонного звонка. Крадусь на кухню неслышной поступью львицы на охоте. Протягиваю руку — и отшатываюсь, когда включается автоответчик.

— Роб, ты дома? (Пауза.) Сними трубку, Роб! Ч-черт... Перезвони!

Бип. Щелк.

Голос Дэна я узнала бы и во сне. Выходит, Роберт не на фирме. Должно быть, повел Руби в кино и в кафе-мороженое. Празднуют возвращение.

Странное дело — на кухонном столе чужой ноутбук. Компьютер и к сети подключен, и к телефонной линии, а на мониторе заставка из десятков медленно вращающихся снимков незнакомого мужчины. Симпатичный, между прочим. Чей-то муж, по-видимому, но чей? Я провожу пальцем по сенсорной панели ноутбука, и заставка сменяется экраном почтовой программы с целым списком новых писем. Похоже, шестое чувство сработало — я смотрю на столбец непрочитанных писем, и у меня екает сердце. Не отрывая глаз от монитора, опускаюсь на стул. Ничего не понимаю. Кому принадлежит компьютер? Почему его оставили на моей кухне? Я могу лишь догадываться — замирая от страха, — почему мое имя значится в строке «Тема». И кто это — Джеймс Хэммонд?

Кому:

Луиза ван Холтен

Тема: Анализ ДНК Эрин Найт

Дважды щелкаю мышкой, провожу по губам сухим шершавым языком.

Привет, Лу!

Тест удался на славу. По результатам анализа образцов ДНК шанс, что Эрин Найт является биологической матерью Руби Найт, составляет 0,1 %. Ошибки быть не может. Эрин Найт — не родная мать девочки. Надеюсь, это продвинет, а не затормозит твоё расследование. И не забудь — ты должна мне выпивку.

Удачи, Джеймс.

Не хочу! Не хочу видеть этот ноутбук. Бегу к окну в гостиной, окидываю взглядом улицу. Вот сейчас покажутся Роберт и Руби, в прекрасном настроении после хорошей комедии, мороженого и кока-колы. А может, они играли в боулинг, устроили набег на магазины, съели по гамбургеру с жареной картошкой. Я всматриваюсь в каждую проезжающую машину, но ни одна не пристраивается на свободное место у дома. Что мне делать?! Расколошматить чертов компьютер, разнести в черные пластмассовые брызги... чтобы никто ничего не узнал? Я подбираюсь к нему, как к дикому зверю, который даже во сне стережет мое прошлое. И не только. В лапах этого зверя еще и ключ к моему будущему.

«Выдержишь еще одну битву?» — спрашиваю я себя.

— Итак, давай-ка разберемся. — Теперь я обращаюсь к ноутбуку. — По-твоему, значит, я Руби не мать?! По-твоему, на свете есть кто-то более подходящий на эту роль? А я, по-твоему, мать ей на одну десятую процента?! — Я всхлипываю, сажусь перед компьютером. — Если бы ты только знал... Да ты бы утопил это письмо в своем киберпространстве.

Я не долго лью слезы — не мой стиль. И особого труда мне не составляет вычислить: если ноутбук принадлежит Луизе, то она работает на Роберта. Мой муж нанял частного детектива — Луизу, — чтобы вспороть меня, как грязное старое одеяло. Совершенно очевидно, что Луиза была в этом доме — в моем доме — с Робертом, пытаюсь предугадать мои планы, мои действия. А где она спала — в моей постели, с моим мужем?

Скоро Луиза вернется за ноутбуком, проверит почту, и они с Робертом продолжат игру в кошки-мышки, пока не добьются, чтобы меня арестовали и посадили за похищение младенца. Размышляя, я постукиваю ногтем по краю ноутбука. Луиза прочитает e-мэйл. Вволю насладившись моим унижением, нежно так, вкрадчиво преподнесет Роберту плохую новость. *Ах, как жаль, Роб! Эрин — не родная мать Руби. Твоя жена — лгунья. Все это время она тебя обманывала.*

«Саму себя обманывала», — безмолвно возражаю я.

А потом Луиза, естественно, примется утешать моего мужа — единственного мужчину, который по-настоящему любил меня, — и быстренько заморочит ему голову проблемами собственного брака. Роберт и не заметит, как на месте одной жены возникнет другая. Операция для него пройдет бескровно и не оставит рубца. А Луиза получит то, о чем, я знаю, всегда мечтала.

Мой взгляд скользит по столбцу писем. Три подряд прислал некто по имени Алекс Лейн, еще одно от Амазонки — река или ник? — с подтверждением заказа, еще четыре —

явный спам, письмо от Джеймса Хэммонда — последний гвоздь в гроб моего будущего — и, наконец, письмо от Уиллема ван Холтена. Дважды щелкнув мышкой, читаю синий текст. Ван Холтен этот самый, оказывается, приходится мужем Луизе. Несложно догадаться, что муж он несчастный, — похоже, не так давно Луиза предложила развод. В этом письме он умоляет ее не уходить, сулит звезды с небес, и детей, и возвращение в Англию — словом, все, чего она пожелает. Бедный, бедный Уиллем. И бедная, бедная я. Как вовремя Луиза затребовала свободу — в самый раз, чтобы заполучить Роберта.

Бездумно, злобно я удаляю письмо из папки «Входящие», а затем и из «Удаленных». Секундная попытка ухватить за глотку *ее* жизнь в отместку за то, что она играет моей. Бессмысленный жест отчаяния. Впрочем, не такой уж бессмысленный... поскольку дарит мне идею.

Понятно, что удаление письма от Джеймса Хэммонда, спеца в генетике, но не в любви, — полнейший идиотизм. Луиза ждет это письмо. То самое, которое либо благословит мою жизнь, либо поставит на ней крест. Это единственная ниточка, которая еще связывает меня с Робертом.

Нет, нельзя удалять это письмо. Нужно его изменить.

В компьютерах я далеко не спец, но знаю один простой способ взломать защиту от дураков. А кто сказал, что Луиза не дура?

И я звоню в Брайтон.

— Привет, Бакстер!

Сейчас половина шестого — должно быть, он как раз закрывает магазин.

— Ты уже дома, детка? — Его голос дрожит не меньше моего.

— Да! — Кажется, прозвучало бодро. — И хочу попросить об одолжении. Помнишь, как мы однажды спасли Руби?

Моей девочке было десять лет, она встречалась с мальчиком (*встречалась!* Смех, да и только) и боготворила в нем буквально все — от слегка кривобокой походки и манеры носить джинсы на бедрах, демонстрируя трусы, до длиннющей челки, закрывающей большие карие глаза. Точно такие, как у самой Руби. Учебники Микки носил в «адидасовском» ретрорюкзаке. Как-то после математики он пригласил Руби на свидание. В полумраке кинозала они хрустели теплым маслянистым попкорном.

— Помнишь, как Микки — ну, парнишка тот из ее школы — дал Руби отставку, послав электронное письмо?

— Спрашиваешь, детка! До сих пор нож в сердце. Откуда в юнце такая жестокость? — Бакстер идет по жизни будто с содранной кожей.

— Мы с тобой переписали текст — помнишь? — и послали его вроде как с адреса Микки.

А если бы не вышло, у меня бы рука не дрогнула щелкнуть пару раз мышкой и удалить эту мерзость. Парень хватил через край со своим письмом. Сводил моего ребенка в кино, угостил гамбургером в забегаловке да прогулялся с ней по набережной — причем я топала следом метрах в пятидесяти, прикидываясь праздной чужой теткой, — и возомнил о себе бог весть что. Его письмо убило бы мою девочку.

— Еще бы, — подтвердил Бакстер. — Честь по чести сообразили. Лишние слезы нашей малышке ни к чему.

— Вот-вот. А как ты это сделал? — Мои пальцы уже наготове, нависли над клавиатурой

ноутбука. Плечом прижав трубку к одному уху, другое ухо я нацелила на входную дверь.

— Дай-ка подумать... Так. Перво-наперво надо кликнуть мышкой меню «Сервис» и выбрать «Учетные записи». Они откроются в отдельном окне. — Бакстер вздохнул. — Это ж фокус Патрика. Мы с ним разыграли его бывшего.

— Запись всего одна. Это ничего?

— Без разницы. Да, Эрин...

— А?

— Я не спрашиваю, зачем тебе все это, и ты уж, детка, не говори.

— Спасибо, Бакстер!

— Затем щелкаем «Свойства» и получаем детали этой записи. — Бакстер ждет, пока я справлюсь. — Теперь нужно изменить имя пользователя на того, кто будет отправителем твоего письма.

— Угу. — Я набираю *Джек Хэммонд*, жму «Далее», впечатываю электронный адрес Луизы в поле «Кому», удаляю из поля «Тема» таг Fw:, который свел бы все усилия к нулю, а потом стираю все, что может выдать пересылку.

— Теперь пиши все, что хотела, и жми «Отправить». Только не забудь стереть оригинальный текст, не то все пойдет прахом. Да, и восстанови учетную запись.

Бакстер, конечно, чувствует, что будущее мое по-прежнему в тумане. Я обещаю скоро позвонить и прощаюсь. Через минуту новое письмо от Джека Хэммонда готово.

Привет, Лу!

Тест удался на славу. По результатам анализа образцов ДНК шанс, что Эрин Найт является биологической матерью Руби Найт, составляет 99,9 %. Ошибки быть не может. Эрин Найт — родная мать девочки. Надеюсь, это продвинет, а не затормозит твоё расследование.

Удачи,

Джеймс.

Фразу про выпивку я выбросила. Чем меньше эта парочка будет общаться, тем лучше для меня. Отправляю свое письмо и удаляю первоначальное, вписываю имя Луизы в ее учетную запись. Еще полминуты — и на адрес Луизы ван Холтен приходит новое письмо от Джека Хэммонда. А мне остается только надеяться, что Луиза с Робертом не усомнятся в источнике и не станут слишком глубоко рыть.

И тут я вдруг вспоминаю рассказ Роберта об одном его деле. Он защищал тогда клиента, которого судья не желал признать бездомным. С самого начала процесса судья был склонен больше верить прокурору, и Роберт велел клиенту не бриться и являться на заседания суда в драных джинсах и старой футболке. Он выиграл дело.

«Люди склонны верить тому, что видят», — объяснил он мне.

Хоть бы он был прав... Я бегу наверх — распаковывать сумку.

Роберт открыл входную дверь дома Черил и подтолкнул внутрь Руби и Луизу, а сам стрельнул взглядом вдоль улицы и лишь затем переступил порог — с таким чувством, будто шагает с края вселенной.

— Полагаю, это дом Черил? — спросила Луиза.

Роберт приложил палец к губам. Они вломились в чужой дом — правда, воспользовались ключами и пришли не грабить, а вернуть похищенное.

Все трое топтались на свободном пятачке посреди крохотной гостиной. Луиза ждала дальнейших действий Роберта. Руби же кривилась и вздыхала, демонстрируя недовольство всей этой дурацкой затеей.

— Черил? — позвал он. — Вы дома? Я привез вашу сумочку.

— А другим рот затыкаем, — прошипела Луиза.

— Ничего не трогайте!

Приказ Роберта опоздал: Луиза уже взяла в руки серебряную рамку с целой коллекцией маленьких снимков.

— Посмотри-ка, — сказала она, и Роберт заглянул поверх ее плеча. — Кто это?

Хорошенькая, восточного типа девушка, сильно беременная. И снимали в основном ее живот. Роберт пожал плечами и перевел взгляд на окно. Снаружи все еще солнечно, а в мире Черил властвует сумрак.

— Подождите меня здесь, — произнес Роберт, а в душе поблагодарил Луизу — та взяла Руби за руку, погладила, успокаивая. Он двинулся к задней двери дома, а когда вдруг затормозил, Луиза и Руби налетели на его спину: они и не подумали остаться в гостиной. — Тсс! Слышите?

— Кто-то плачет, — прошептала Луиза.

— Нет, поет, — возразила Руби.

Роберт прислушивался, склонив голову набок.

— Наверху? — выдохнула Луиза.

Роберт кивнул и первым начал восхождение по крутой лестнице. Луиза поднималась следом, не отпуская руку Руби.

Звук усиливался, раздражающий, как вой мартовского кота в ночи. На маленькой площадке окон не было — темнота хоть глаз выколи.

Но уже через миг Роберт упал на колени и подполз к дальнему от лестницы углу. Кто-то забился в этот угол и тянул тоскливую мелодию, время от времени прерывая ее всхлипами.

— Черил! Что случилось?! — хрипло выдавил Роберт. Такого он никак не ожидал.

Луиза щелкнула выключателем, и все зажмурились, ослепленные.

Роберт успел проглотить изумленный возглас, зато Луиза так и ахнула. Зрелище было душераздирающее. Черил свернулась на ковре, обняв колени, согнув спину, как младенец в утробе матери, и раскачивалась взад-вперед в монотонном ритме унылой песни. Роберт отвел спутанные черные волосы с лица — мокрого, в потеках туши, перекошенного от ужаса. Женщина не видела ни Роберта, ни его спутниц. Она утонула в океане собственного горя.

— Что вообще происходит, Луиза? — не выдержала Руби.

Роберт заметил, как в ответ шевельнулись губы Луизы: «Все в порядке». Какое там, подумал он. Черт знает что творится.

— Черил, послушайте. Я — Роберт Найт, мы с вами встречались в пабе.

Он попытался поставить ее на ноги, но она оттягивала ему руки, как напитавшийся водой перьевой матрац. Луиза шагнула было вперед — помочь, но Роберт замотал головой. Черил и без того в кошмарном состоянии, не дай бог испугается чужого человека.

— Давайте пойдём вниз, Черил. Выпейте чаю, успокойтесь.

Черил подняла голову, медленно, с видимым трудом, словно бремя ее горя было слишком велико даже для такого жеста. Взгляд ее остановился на Роберте, затем на Луизе и, наконец, на Руби. Но она никого не видела: глаза смотрели в даль, не имеющую ничего общего с реальностью. А губы все еще шептали скомканные слова оборванной колыбельной.

И вдруг ее словно подбросило. Черил оказалась на ногах — испуганный зверек, почуявший опасность. В глазах вспыхнул огонь безумия.

— Где мой ребенок? — рявкнула она. — Что вы сделали с моей малышкой?

Роберт невольно отшатнулся, когда Черил прыгнула к нему: зубы оскалены, пальцы скрючены, в уголках рта пузырится пена. Голова ее моталась из стороны в сторону, а потемневшие глаза блестели, как омытые водой прибрежные камни.

— С вашей малышкой все хорошо. — Роберт притянул к себе озадаченную Руби. — Вот, видите? С ней все хорошо. — Он обращался к Черил, как к трехлетней, и, судя по ее виду, сейчас Черил ровно столько и было.

— Ну-ну... Ну-ну... — Луиза хлопотала над Черил: усадила, погладила по голове, плечам, зашептала что-то ласковое.

Роберт осторожно подтолкнул падчерицу — хотя теперь у него уже не было права так ее называть — в сторону Черил. Он возвращал Руби родной матери, а казалось — сдирает кожу с живой Эрин. Его затрясло от собственного предательства.

Он не учел желания Руби, а девочка не собиралась идти у него на поводу.

— *Пусти!* — прошипела Руби, цепляясь за Луизу как за спасательный круг.

Луиза пыталась высвободиться из хватки девочки, Руби уцепилась намертво, Роберт упорно тянул ее к Черил, но внезапно битва прекратилась. Все остолбенели, услышав детский плач. Несколько секунд — и младенец раскричался во все горло.

Роберт отпустил Руби, толкнул дверь за спиной Черил, шагнул в комнату и вернулся с извивающимся, вопящим розово-бархатным свертком. Младенец продолжал кричать во всю мощь своих крохотных легких, и напрасно Роберт тряс его и тер спинку. Впрочем, его опыт обращения с детьми был нулевым, он и держал-то малыша, как куклу.

— Это ваш ребенок? — спросил он Черил, пытаясь перекрыть детские вопли.

Молнией метнувшись к нему, Черил вырвала живой сверток из рук Роберта — лысая головка малютки дернулась, дитя зашло в визге — и, скатившись по лестнице, исчезла из виду.

— Боже... — простонал Роберт.

Черил они нашли в гостиной. Она держала ребенка на руках и пела, пела, раскачиваясь взад-вперед, вновь в пучине безумия. Младенец умолк и таращил на нее глазенки.

— Роберт, честное слово, нам лучше уйти...

Шепот Луизы оборвал настойчивый стук в дверь. Роберт не оставлял попыток выжать из Черил хоть одно разумное слово, и дверь открыла Луиза.

На пороге стояла беременная восточная красавица со снимков.

— А Черил дома? — спросила девушка и округлила глаза: — О-ой... Кошмар. Что с ней такое, не знаете?

Безжизненная, мертвенно-белая под вуалью своего горя, Черил не замечала собравшихся вокруг нее людей.

— Нет. В таком состоянии мы ее и обнаружили.

Роберт хотел спросить у девушки, что она знает о младенце, но его остановила Луиза:

— Роб, можно тебя на пару слов?

Он вскинул руку: погоди. Колыбельная Черил сменилась словами, которые он пытался и не мог разобрать.

— Роб, мне нужно тебе кое-что сказать! — Входная дверь все еще была открыта, и Луиза топталась на пороге, словно собираясь при первой возможности удрать. — Послушай, Роб. Я хочу позвонить Джеку Хэммонду, узнать результаты теста.

Роберт не заметил, какой тоскливой завистью подернулся взгляд Луизы. Она кожей ощущала нежность Роберта к Руби, заботу о Черил. Казалось, тончайшее стекло отделило эту сцену от мира, но уж очень оно хрупкое — Луиза почти воочию видела блеск осколков на ковре.

— Роб, прошу тебя, подожди минутку, ладно? Я быстро.

Роберт наконец повернул голову к Луизе и медленно кивнул. Ну вот и все. Сейчас он услышит то, в чем уверен безо всякого теста.

Черил сидела на ковер, поджав под себя ноги. Младенец ерзал на ее коленях, но молчал — только кулачок мусолил, причмокивая в такт напеву. Из открытой двери повеяло свежестью, и Роберт подумал, что ветерок очень кстати: общество Черил действовало на него как угарный газ. Горе этой женщины осязаемо. Сорвать бы с нее покров страданий, скомкать и зашвырнуть подальше.

— Привет, Джеймс...

Роберт услышал голос Луизы, но продолжение фразы заглушил рев автомобильного мотора на улице. Потом сиреной взвыл младенец, и телефонный разговор Луизы доносился до Роберта обрывками слов и фраз. Роберт старался вникнуть в их смысл, а видел лишь Эрин с похищенным ребенком на руках.

«Моя жена — преступница», — подумал он и на том же внутреннем вздохе протянул руки и прижал к себе ее бесплотный образ. Он так хотел ее вернуть... если б только можно было изменить прошлое. Но в этот миг образ Эрин рассыпался на тысячи кусочков и исчез.

— Что? Повтори, Джеймс. Ничего не слышу — связь отвратительная.

Скрипнула и хлопнула калитка. В окно Роберт видел Луизу: она шла по улице, пытаясь поймать сигнал. Прочитать что-то по ее губам Роберт не смог, сколько ни напрягал зрение. А вдруг он все-таки ошибся насчет Эрин? Любой мало-мальски приличный адвокат в пыль разнес бы косвенные улики против юной Эрин — Рут Вайстрах — и ткнул бы присяжных носом в эту самую пыль. Подозрения полиции тринадцатилетней давности и его собственная маниакальная мнительность не делают из Эрин похитительницу детей. Доказать, что она была проституткой, тоже никто не может, как и подтвердить слова Бакстера Кинга. Роберт отдавал себе отчет, что полагается исключительно на интуицию. Беда в том, что интуиция его еще не подводила.

Луиза все прижимала к уху телефон, а Руби снова и снова спрашивала: «Что происходит?» Сейчас Джеймс Хэммонд вынесет приговор... Роберт переводил глаза с Черил на Руби. *Вы должны ощутить связь. Вы ведь одна плоть и кровь, так почувствуйте свое родство!*

Луиза вернулась в дом. Она распустила волосы. Роберт пристально смотрел на нее. Руби

В очередной раз дернула его за руку:

— Пап, ну сколько можно?! *Пойдем!*

Ребенок опять заплакал, и Черил тут же отозвалась колыбельной.

Роберт был совершенно измотан. Он попал в самый эпицентр бури: куда ни глянь, нигде ни просвета в тучах, ни лучика солнца.

Луиза покачала головой. Безмолвно и мрачно.

— Пап, я ухожу! — Руби решительно повернулась к двери.

Роберт, повергнутый в ступор жестом Луизы, очнулся и медленно соединил холодные пальцы Черил с беспокойными пальцами Руби.

Луиза его не остановила.

Роберт стащил с дивана плед и укутал Черил. Он невольно кривился от боли в сердце и, кажется, вслед за Черил терял ощущение реальности, но держался, должен был держаться — ради Руби.

— Черил, это ваш ребенок? — Роберт присел на корточки рядом с несчастной женщиной, коснулся ладошки малыша. Надо же — ему и в голову не приходило, что у Руби может быть братик или сестричка.

— С ней что-то не так, правда? — прошептала беременная красавица, с видимым трудом опустившись на ковер. Шелковистые черные волосы окутывали ее как шаль, живот мешал сидеть, и она неловко ерзала, пытаясь найти удобное положение.

Роберт покачал головой:

— Да уж. А вы не в курсе, что с ней случилось?

— Я каждую неделю прихожу на ее сеансы. Уже давно. С ней всегда все было в порядке, — ответила девушка с мягким акцентом. — А в прошлые выходные я не смогла прийти — дома были разные... проблемы. — Она приложила ладонь к животу. — Сегодня заглянула — никто не открыл, ну я и вошла со стороны сада, а Черил наверху, в гостевой комнате, в жутком виде. И ребенок кричит. Я не знала, что делать.

— Но вы все же что-то сделали? — Роберт погладил влажные от пота волосы Черил и хотел забрать малыша, но безуспешно: Черил вся напряглась и запела еще громче.

— Пошла домой и все рассказала старшему брату. Он обещал сюда прийти, как только сообщит в полицию. Я бы раньше вернулась, но мне тяжело ходить... — Девушка снова погладила свой живот. — Скажите, она поправится? Она такая добрая, столько для меня сделала.

Роберт кивнул:

— Надеюсь. Думаю, это просто шок.

А причина этого шока — он сам. Обрушил на бедняжку новость о ее девочке, без всякого предупреждения! Если бы не его безответственность, Черил не сбежала бы из паба, они поговорили, подготовили бы ее встречу с Руби — в присутствии консультантов, да и врача, если на то пошло. А теперь... теперь в любую секунду можно ожидать воя полицейских сирен и синих бликов мигалок.

— Это ведь не твой ребенок? — Девушка обняла Черил за плечи. — Ну же, скажи Саре. Я тебе столько всего рассказывала, теперь твоя очередь.

Черил ее не слышала, лишь притиснула малыша к груди, и тот затих.

— Наташа! — прошептала она, прильнув губами к лысой головке.

— Нет-нет, это не Наташа! — не выдержал Роберт. Пора уже все объяснить. — *Вот* она, Наташа! — Он поймал руку возмущенной Руби — та не успела спасись бегством.

— Что за бодяга, Роберт! Оставь меня в покое! — Глаза Руби метали молнии.

Роберт внутренне съежился — и от ее резкого тона, и от «Роберта» вместо «папы», и от ненавидящего взгляда. Он уже теряет эту девочку. Первая стадия предстоящего полного разрыва.

— Руби, это твоя...

— Нет! — От визга Черил, казалось, остолбенел даже ветер, что веял в открытую дверь и гулял по комнате. Звонкий и ясный, голос Черил как ножом полоснул по сердцу каждого.

Дочка в колодце, колодец в саду.
Бросила мама, гореть ей в аду.
Лопнет веревка, дитя упадет.
Крошку в колодце никто не найдет.

Ее не прервали ни словом, ни жестом. Вопросы и объяснения были излишни. Темнота и пронизывающий холод вмиг заполнили дом.

А громадная фигура Джорджа Ламли возникла в дверном проеме, словно старший инспектор уголовной полиции все это время поджидал снаружи, выбирая удобный момент для нападения на свою жертву. Позади Джорджа Ламли выросли еще три офицера полиции, одна из них женщина.

События развивались стремительно, время завертелось волчком, так что под конец никто уже не соображал, сколько часов или суток назад нормально ел, спал и вообще нормально жил.

Роберта, Луизу, Руби и Сару отправили в кухню (под надзором единственной женщины среди полицейских, в чине старшего констебля), покидать дом им было запрещено. Из гостиной неслась автоматная очередь голосов — в основном вопросы Джорджа Ламли, который перед тем представился Роберту.

— Давненько мы с вами не встречались, Черил, — сурово начал он, явно рассчитывая грозным тоном выдернуть женщину из транса; не вышло — и Ламли обрушил на нее град вопросов.

Целая вечность прошла, прежде чем инспектор добился первого признания. Не прекращая баюкать малыша и распевать колыбельные, Черил согласилась, что держит на руках чужого ребенка. Следующая песня — и следующее признание, в похищении младенца.

Прибыла «скорая», врачи осмотрели малышку и уехали вместе с ней. Обезумевшая от тревоги мать Джо-Джо — о пропаже дочери она сообщила еще утром — дожидалась «скорой» у больницы.

Но покой не вернулся в крохотный домик Черил. Трещали полицейские рации, соседи высыпали на улицу в предвкушении скандальной сенсации, поток людей в форме не прекращался. Но ошутимее — и страшнее — всего был запах смерти, пропитавший дом.

Выпроводив медиков и сослуживцев из гостиной, Ламли грузно опустился в кресло напротив Черил и приготовился выслушать признание, которого ждал тринадцать лет. Он не желал его ни в детских считалочках, ни в стихах, ни в песнях. Джордж Ламли был намерен услышать от Черил Варни признание на самом что ни на есть простом языке.

— Итак, миссис Варни. — Старший инспектор сделал глубокий вдох. — Вы подтверждаете, что убили свою дочь, младенца Наташу Джейн Варни, четвертого января тысяча девятьсот девяносто второго года, в субботу?

Старший констебль заглянула в кухонные шкафчики, достала чашки и наполнила чайник водой.

— Пока суд да дело, можно и чаю выпить.

Никто из четверых ее подопечных согласия не выразил.

— Пап, да что происходит? — Руби бочком притиснулась к Роберту.

Все-таки снова «папа». Хоть что-то хорошее в этом кошмаре.

— Скажем так — я совершил ошибку. Грубую, непростительную ошибку. — Роберт

почувствовал на себе ледяной взгляд Луизы. — Ты как, в порядке, Лу?

Щеки у нее запали, скулы еще сильнее проступили под побледневшей до голубизны кожей.

— Да, — отозвалась она рассеянно, — в порядке.

Мысли Луизы были где-то очень далеко. Казалось, она скрывает что-то, лишь ей одной известное.

Приказ обыскать сад старший инспектор Ламли отдал уже глубокой ночью, и вскоре по узкой полоске земли метались лучи мощных фонарей. Сквозь дом, от парадного входа до черного, полицейские носили брезент, лопаты, фотооборудование, а команда судебных медиков привезла металлические контейнеры с приборами для экспертизы. Затаив дыхание, все ждали результатов обыска.

Роберт, Луиза, Руби и Сара по очереди являлись в гостиную для дачи показаний Джорджу Ламли. Роберт уже не застал там Черил — лишь заунывный мотив, казалось, завис в воздухе, как всепроникающий душок от навозной кучи. Роберта старший инспектор допрашивал в присутствии женщины-констебля.

— Черил Варни вы впервые увидели в пабе «Оленья голова», где проходил ежемесячный вечер экстрасенсов. Ну и как? Нагадала она вам... *все это?* — поинтересовался Ламли с издевкой, неуместной, на взгляд Роберта, в данных обстоятельствах.

— Кое-что из ее слов меня впечатлило. Но повторяю, я искал ее не для того, чтобы узнать свое будущее. Я даже не знал, что Черил Варни занимается гаданием. Просто я считал, что нашел ее похищенную дочь, и...

— Секундочку, с этого места поподробнее. — Ехидная улыбка сменилась на лице мрачным выражением: вздувшиеся желваки, подозрительный прищур, нездоровая краснота сильно пьющего человека. — Вы получили — *думали, что получили* — доказательства того, что ваша падчерица является похищенной дочерью Черил Варни?

— Именно.

— Вы разыскали родителей своей жены, и супруги Вайстрах сообщили вам, что их дочь, которая много лет назад сбежала из дома, похитила младенца...

— Нет! Они только показали мне вырезки из газет, где говорилось, что их дочь — одна из подозреваемых в деле о похищении младенца Наташи Варни. Она ведь сбежала в тот же день, когда пропала Наташа. И вы — то есть полиция — заявили, что разыскиваете Рут Вайстрах (теперь это моя жена Эрин) в связи с похищением. А у моей жены есть дочь, ровесница похищенного ребенка Черил. Сложите два и два, старший инспектор.

— Непременно. — Ламли помолчал. Сглотнул звучно. — У нас были веские причины подозревать сбежавшую из дома Рут Вайстрах в похищении младенца. Свидетели видели, как девочка с похожими приметам, с новорожденным ребенком на руках, бежала через парковку супермаркета. Ту самую парковку, где Черил Варни оставила машину со своей дочерью. (Снова пауза.) Ваши сомнения, мистер Найт, может разрешить анализ ДНК.

Анализ ДНК! Роберт едва не вскрикнул. Ну конечно! Он просто-напросто неверно расшифровал безмолвный ответ Луизы после разговора с Джеймсом Хэммондом. Видно, тест не дал определенных результатов, происхождение Руби по-прежнему неясно и, возможно, навсегда останется загадкой. Зато теперь он четко понял, что потеря Руби стала бы для него трагедией.

— Скажите-ка мне еще вот что, мистер Найт. Вы юрист, человек здравомыслящий,

законопослушный, уравновешенный. Наверняка обладаете профессиональной способностью отличить правду от лжи. — Джордж Ламли вынул ручку из пальцев своей помощницы и захлопнул ее блокнот. — Не для протокола. Что же заставило вас усомниться в собственной жене? Откуда взялись подозрения, что она преступница?

Роберт устало сторбился, воткнув локти в колени. Поднял глаза на Ламли:

— Честно, старший инспектор? Подозрения вызвал страх ее потерять.

Совсем молоденький констебль, пепельно-серый, с выпученными от ужаса глазами, пронесся через гостиную, выскочил из парадной двери на пяточок перед домом и согнулся.

— Так. Полагаю, требуется мое присутствие. — Ламли поднялся со вздохом. — Берегите жену, мистер Найт. Бегство из дома — не преступление. А вот за беспричинные подозрения лично я отдавал бы под суд.

Бомба взорвалась в 2.25. Руби, устав задавать вопросы в пустоту — ответов у Роберта не было, — к этому времени уснула.

Сару отправили домой в сопровождении старшего брата. С порога она оглянулась на Роберта, губы цвета фундука сложились в быструю улыбку, темные глаза блеснули.

Луиза и Роберт все еще томились в гостиной, дожидаясь старшего инспектора, во власти которого было их отпустить. Ламли надолго исчез в саду, куда доступ гражданским лицам был закрыт.

— Роб... — выдохнула Луиза.

— Да?

Роберт зевнул. А ему ведь еще машину вести, как бы не уснуть за рулем. Руби обмякла во сне, у него на коленях.

— Я должна тебе кое-что рассказать.

Луиза осунулась за этот невысказанно тяжелый день, глаза ввалились, и даже волосы потеряли свой обычный блеск. Она куталась в пиджак Роберта — переживания и ночная свежесть давали о себе знать ознобом. Собираясь с духом, подыскивая верные слова, она смотрела не в глаза Роберту, а мимо, поверх его плеча.

В этот момент два офицера полиции, в белых комбинезонах, в перчатках и масках, пронесли через дом на улицу металлический ящик размером с журнальный столик. По глазам полицейских в прорезях масок Роберту и Луизе ничего не удалось прочесть. На боку контейнера значилось лишь «Полиция», а из-под крышки выглядывал уголок белой ткани. Старший инспектор Джордж Ламли вышел вслед за подчиненными на улицу, но уже через минуту вернулся.

— Можете ехать, — обратился он к Роберту, — но помните, что в ближайшие дни я вызову вас в участок.

Вид у Ламли был измученный, и даже морщин прибавилось на мрачном лице. Тринадцать лет он вел это дело...

Роберт мотнул головой в сторону сада:

— Там?..

— Наташа Варни, — подтвердил старший инспектор, как будто после всех этих лет девочка нашлась живой. — Глубоко в колодце, в корзине на веревке. Патологоанатомы подозревают удушение. Согласно предварительному осмотру, сломано минимум три шейных позвонка.

Представить жутко, что пришлось по долгу службы наблюдать Джорджу Ламли. Слова застряли в горле, но старший инспектор сам ответил на незаданный вопрос Роберта:

— Тринадцать лет назад, заподозрив Черил Варни в убийстве дочери, мы, разумеется, обыскали и дом, и сад, однако обнаружили только останки ее кота. Крышку колодца даже не заметили под дерном и сорняками. Нам тогда вообще повезло, что получили ордер, — улики не было, одна интуиция. — Ламли заранее ошестинился против возможных обвинений. Если на то пошло, спасти девочку не удалось бы и тринадцать лет назад. — Черил уже заявила, что действовала в состоянии помешательства. Дескать, так и не оправилась от послеродовой депрессии.

— Мы пойдем, — сказал Роберт. Еще несколько минут в этом доме — и за свой рассудок он тоже не отвечает. — Руби, дорогая...

Повиснув на руке Роберта, девочка только на улице окончательно разлепила глаза и вспомнила, где находится. Когда машина уже выехала с узкой улочки на основную дорогу, Роберт повернулся к Луизе:

— Ты что-то хотела мне сообщить?

Луиза оглянулась — Руби нацепила наушники, свернулась калачиком на заднем сиденье и моментально уснула.

— Нет, ничего. — Тонкие пальцы сжали запястье Роберта. — Ничего существенного. Правда.

Роберт следил за улетающей под колеса «мерседеса» бетонной лентой пустого в это время ночи шоссе М1, изредка поглядывая на Луизу — не задремала ли наконец? Она молчала, но глаза ее были открыты и устремлены в ночь.

Роберт понял сразу — она вернулась. Дом ожил, нашептывал обещания, в унисон с разгорающимся на горизонте оранжевым рассветом.

Пропустив внутрь Руби и Луизу, Роберт вынул ключ из замка и неслышно прикрыл за собой дверь. Сначала нужно убедиться...

— Давай на кухню, — сказал он Луизе. Давно пора перекусить.

— Я хочу спать! — простонала Руби.

— Ладно, солнышко. Иди к себе, я загляну через минутку. — Он успел провести ладонью по ее волосам, прежде чем девочка — снова его девочка! — поплелась наверх.

— Ну и ночка! — воскликнула Луиза и обняла Роберта — в тот самый миг, когда из-под пледа на кушетке вынырнула Эрин.

Женщины уставились друг на друга, глаза обеих расширились, и дремота вмиг слетела с Эрин.

— Роберт! — выдохнула она возмущенно.

— Эрин... — Он отвел руки Луизы. — Ты вернулась.

Эрин медленно поднялась и выпрямилась. Ее лицо сравнялось цветом с бледно-соломенными волосами, глаза-льдинки оценивали представшую перед ней сцену.

— Да уж, вернулась... Как последняя дура, — прошептала она. — Могла бы догадаться, что ты быстро найдешь мне замену.

— Ты ошибаешься.

Роберт покосился на бутылку с остатками красного вина на самом доньшке. Эрин пошатнулась, перешагивая через плед. Всю ночь пила, понял Роберт.

— Да ты не волнуйся. Считаю, меня уже нет. — Эрин криво улыбнулась, пытаюсь сунуть ноги в шлепанцы. Ее опять повело в сторону. — Где моя дочь? Где ключи от моей машины?

— *Наша* дочь в постели. Она очень устала. А ключи от машины тебе не понадобятся, потому что ты никуда не едешь. — Роберт ухватил жену за руку.

— Ага. Ну хорошо, завтра ее заберу. — Эрин выворачивала руку, хотя сил для скандала у нее было маловато.

Роберт повел носом: она насквозь пропахла алкоголем, даже волосы и одежда, не говоря уж о дыхании. Он притянул ее к себе:

— Не говори ерунды. Я никуда тебя не отпущу в таком состоянии. Я тебя вообще от себя никогда не отпущу. Вот выпьешь литр кофе покрепче, тогда и поговорим.

Он повел ее на кухню, придерживая за плечи и думая о том, что обязан был точно так же поступить с Дженной... А он опустил руки. Дженна напилась, села за руль и погибла — потому что он не оставил ей выбора.

Роберт замедлил шаг и прислушался. Дженна молчала. На всякий случай он обшарил комнату взглядом — никого. В предрассветном сумраке сада Дженны тоже не было — лишь отражение Эрин в окне да его собственное, рядом с женой.

Прощай навсегда, безмолвно произнес он.

— Сейчас включу чайник! — Луиза чувствовала себя зажженной спичкой на бензоколонке.

Роберт усадил жену за стол, склонился над ноутбуком и пощелкал мышкой, выводя машину из спящего режима.

— Проверь почту, Луиза.

— Давай сначала выпьем ко...

— Нет. Проверь *сейчас* — или я сам! Сию же секунду он должен убедиться в том, что нагромоздил кучу несусветных подозрений на голом месте. Страшная правда Черил Варни сняла обвинения с Эрин. Ясно же, что Руби — ее родная дочь.

— Роб, неужели нельзя...

— Ага, вот оно. Письмо от Джека Хэммонда.

Роберт отвел ладонь Луизы от сенсорной панели и открыл письмо. Луиза упала на стул по другую сторону стола, чтобы не видеть монитора.

— Вся наша! — спустя мгновение воскликнул Роберт. (Эрин-то все равно понятия не имеет, о чем речь. К счастью, она и не догадывается, что муж устроил ей проверку.) — Девяносто девять и девять десятых процента! — И он с жаром поцеловал Эрин, словно та только что родила ему дочь. Впрочем, для Роберта так оно и было.

Эрин беспокойно смотрела на мужа и Луизу. Явно настороже, она, однако, ни о чем не спрашивала.

Луиза потянулась к ноутбуку, развернула к себе экраном.

— Мамочка! Ты уже дома! — Руби кинулась к Эрин. — Прошу тебя, больше не бросай папу. Не хочу, чтобы вы развелись! — Она и Роберта обняла за шею, привлекая к матери, и замерла, счастливая, забыв усталость последних часов.

Луиза оторвалась от монитора и молча слушала щебет Руби. Звонкий голос, улыбки и радость девочки превращали ее родителей в единое целое.

А потом Луиза встретилась взглядом с Эрин, и за долю секунды безмолвная мольба была послана и воспринята. Луиза медленно кивнула. Эрин отвела глаза.

— Налейте мне в этом доме кофе или нет? — бодро поинтересовалась Луиза и щелкнула мышкой, уничтожая письмо Джека Хэммонда. Пусть прошлое остается в прошлом. Она опустила крышку, и ноутбук с облегченным вздохом затих.

На улице холодно, хлещет дождь, и я сражаюсь с дверью, которую ветер норовит захлопнуть. Проскользнув внутрь, прислоняю сложенный зонтик к стене. Забуду ведь... Я улыбаюсь: забуду, совсем как Роберт забыл свой зонтик в нашу первую встречу. Обвожу взглядом кафе — она уже здесь или я пришла первой?

Поверх голов взлетает рука.

— Как тебе только удалось ухватить столик — народу тьма. — Я сбрасываю пальто на спинку стула. — Здесь самообслуживание?

Мотнув головой, Луиза вновь вскидывает руку, и вот уже юная официантка несет мой кофе.

— Ну, как дела? — улыбается Луиза.

— М-м-м...

С чего бы начать? Хотелось бы с кофе — после такой-то холодины. Так что Луизе придется подождать. Она и ждет.

— Вот, посмотри. — Достаяю из сумки и протягиваю ей небольшой альбом с десятком фотографий.

Луиза рассматривает снимки не торопясь, отмечая каждую деталь. Совсем как я — по тысяче раз на дню.

— У нее твои глаза, Эрин. И нос, и губы...

— Она просто красавица! — восклицаю я и чувствую, что краснею — вроде сама себя расхваливаю.

— Уже сказала ей?

Я качаю головой. Забрасываю ногу на ногу. Откидываюсь на спинку.

— Я с ней даже не говорила.

— Ага, — кивает Луиза. — Куда спешить. Это точно. Теперь мне спешить некуда.

Прошло несколько месяцев, прежде чем наша жизнь вернулась в норму. И я счастлива. Если вся твоя жизнь — сплошной хаос, трудно даже поверить, что когда-нибудь все наладится.

Роберт теперь специализируется на защите прав детей. А началось все, по его словам, с двоих ребят Боуменов, Джоя и Алисы. Он избавил их от вечных скандалов и мордобоя родителей, и сейчас они живут в приемной семье — пока не решат, как быть дальше. Роб говорит, ребята учатся прощать любимых людей. Думаю, Роб и сам учится тому же самому.

Моя история стала еще одной причиной нового поворота в его карьере. По крайней мере, так он сказал, лежа рядом со мной в постели примерно через неделю после нашего с Руби возвращения из Брайтона. Мы с ним все еще ступали по очень тонкому льду. Роберт старался понять и принять обстоятельства появления на свет Руби и насилие, пережитое мною в детстве. Все к лучшему, убеждала я мужа. Ведь теперь он единственный отец Руби, и ему не с кем бороться за любовь дочери — ну, разве что со мной. О том, что Густав к нашей девочке не имеет никакого отношения, я умолчала.

— Мы справимся. — Ладонь Роберта легла на мой живот — жест скульптора, оценивающего материал для ваяния. — Я точно знаю. Понял это, когда думал, что потерял тебя.

— Мог и потерять... — Я перекадилась на бок и встретила его выжидающий взгляд. — Ты ж юрист до мозга костей, даже дома, даже со своей семьей. Все допытывался. Правда тебе нужна... — Я отвела глаза. Кое-что обо мне он все-таки не знает — и не узнает никогда. — Понимаешь, всю жизнь я удерживала окружающих по ту сторону барьера, которым отгородилась от мира. Уж в этом я преуспела, Роб. И лишь тебе удалось ко мне пробиться. (Господи, где найти слова, чтобы он понял?) Вот представь, что человек ранен. Сорви с этой раны пластырь. Если даже просто прикоснуться к больному месту — человек дернется. Но тебе и этого мало, ты суешь в рану палец и ковыряешь ногтем!

— Я? — выдохнул Роберт.

— Да, Роб. Никто и никогда до тебя не бередел эту рану.

Кажется, он начинал понимать. Глаза сузились и потемнели, взгляд заскользил по моему телу.

— Ну допустим... Откуда эта рана взялась — вот вопрос.

Увиливая от ответа, я вытянулась на Роберте, чтобы отвлечь его единственным безотказным способом.

Вслед за кофе нам подают панини — бутерброды с моцареллой, базиликом и чесночным соусом. Я откусываю, и соус течет по пальцам. Луиза смеется, протягивая мне салфетку. И снова смеется: ее панини ведет себя не лучше. Но мы все равно не беремся за вилки с ножами — так вкуснее.

— Получила метрику Руби? — спрашивает Луиза.

— Угу... — киваю я, облизывая губы. — Пару недель назад. Роберт взял на себя всю бумажную волокиту.

Я вздыхаю — точь-в-точь как в ту минуту, когда увидела свидетельство о рождении своей дочери, которая будто заново появилась на свет — уже официально. Когда я показала документ Руби, моя красавица расплылась в улыбке, обняла меня, прижалась щекой к моему плечу. Скоро она уже будет выше меня.

— А что с удочерением?

— Продвигается. Вообще-то требуется письменное согласие биологического отца...

Какое мы с Робертом имеем право на Руби? Сколько раз я задавала себе этот вопрос... Обнаружив малютку в шкафу, я искренне верила, что нашла свою больную девочку. Как представлю, что ее родная мать, быть может, обшаривает каждый уголок страны в надежде вернуть ребенка... От этой мысли можно сойти с ума. Вот только в глубине души я уверена, что мать бросила Руби, — так же, как Бекко просто взял и выбросил мою девочку.

— Но дядя ведь изнасиловал меня, когда мне было четырнад... К тому же его давно нет в живых, так что его согласие с повестки дня сняли. — Я заставила себя улыбнуться.

Луиза — единственный человек, с которым я поделилась этой тайной, а теперь начинаю привыкать и к беседам с психоаналитиком, хотя и рискую потерять Руби, если выложу *всю* правду.

— Ну а ты как, Лу? Еще побудешь в Лондоне?

— А! — Луиза отводит глаза. — Ты об Уиллеме... — И она впивается зубами в панини.

На этой неделе столько всего случилось. Во-первых, я взяла приз за новаторство в оформлении витрины. Глупейшая история, если подумать, — я ведь и не собиралась принимать участие в каких-то конкурсах. Это Бакстер расстарался — и «Маргаритка» обскакала все цветочные магазины в стране. Обо мне даже статья в журнале вышла с

фотографией. Я сохранила журнал.

А в один из первых дней, когда осень окончательно сдала позиции зиме и небо набухло грядущим снегом, я помахала в окно Руби, проследила взглядом, как она запрыгнула в школьный автобус, и нагнулась за утренней почтой. Среди счетов и банковских извещений на коврике у двери обнаружилась моя медицинская карта.

Пролистав страницы, я узнала, что была на удивление здоровым ребенком. Понятно, записи оборвались в мои пятнадцать. В последний раз я побывала в кабинете педиатра, когда пожаловалась матери, что растолстела, и она повела меня за пилюлями для похудения. Думается, я все же догадывалась, что пилюли не помогут. А уж доктор Бригсон знал точно.

Видимые плотные шрамы в вагинальной области — последствия неоднократных разрывов... ребенок в шоке... не в состоянии/не желает признавать беременность... изнасилование? Известить социальную службу...

Эти записи возвращают меня в детство, и я понимаю, что мне нужны родители. Извечная детская жажда любви, защиты, опеки все еще жива во мне. На опеку, пожалуй, рассчитывать уже не приходится — их самих скоро нужно будет опекать. Но мне хочется, чтобы они знали, какой стала их дочь, как она выжила и чего добилась. Я бы спросила у них, почему они решили забрать у меня дочку; почему были уверены, что я буду плохой матерью; почему закрывали глаза на то, что со мной творил дядя Густав.

Хочу, чтобы они меня увидели и приняли обратно в семью. Как только я призналась в этом самой себе, тут же решила, что однажды сяду в машину и доберусь до унылого дома, где появилась на свет.

Медицинская карта для меня бесценна. Здесь черным по белому написано, что я действительно носила ребенка, и предполагаемый срок родов отмечен — первая неделя января 1992 года. Службе регистрации этого оказалось вполне достаточно, чтобы с большим, очень большим опозданием выдать свидетельство о рождении. А все благодаря Луизе.

Я позвонила ей через два дня после возвращения из Брайтона. Я не сомневалась, что Луиза *знает* о моих манипуляциях с электронными письмами. Мы, конечно, поняли друг друга тем ранним утром, но все же... Я хотела поговорить. Объяснить. Убедиться, что она на моей стороне. В противном случае я рисковала бы потерять Роберта — навсегда.

— Я профессионал, Эрин, — сказала мне Луиза. — Я отлично знаю, когда надо рыть носом землю, а когда остановиться. Увидела вас с Руби в объятиях Роберта... будто кусочки одной головоломки, каждая на своем месте. Не так важно, откуда взялась Руби. Куда важнее, с кем ей дальше жить. А лучше вас с Робертом родителей для девочки не найти.

О своих чувствах к Роберту она не обмолвилась ни словом. Это было лишнее.

Итак, с моего согласия и при финансовой поддержке моего мужа Луиза раздобыла медицинскую карту Рут Вайстрах. Роберт сумел понять и мою беду с дядей Густавом — ведь человек его профессии с насилием над детьми сталкивается на каждом шагу, — и мою отчаянную борьбу за себя и Руби в заведении Бекко.

Тогда-то я и обратилась к психоаналитику, которого теперь посещаю каждую среду.

А потом, втайне от Роберта, я попросила Луизу узнать, что случилось с Руби. Моей первой Руби.

— Дай-ка еще взглянуть, — просит Луиза, и я пододвигаю к ней альбом, отведя руку с панини, чтобы не заляпать соусом обложку.

— А знаешь, это не так просто. Страшновато даже — тайком фотографировать *чужого* ребенка. — Вытянув шею, я люблюсь своей девочкой. — Это когда она с друзьями выходила

из кинотеатра. Мы смотрели «Оливера Твиста».

— Мы?

— Я сидела сзади. Подслушивала. Смотрела, как она жует попкорн.

По правде говоря, я буквально наступала ей на пятки, — странно, как это она не сдала меня первому попавшемуся полицейскому.

Смешно сказать, но я с первого взгляда влюбилась в свою дочь — в свою биологическую дочь. В ту секунду, когда я впервые за тринадцать лет увидела Руби, я поняла, что она превзошла все мои ожидания. Представьте львицу среди котят; представьте красавицу яхту среди рыбацких лодок; представьте орхидею среди фиалок... Представьте рубин среди стекляшек.

— Робу скажешь?

— Что я потеряла свою девочку?

— Боже, Эрин! Ты не ребенка потеряла, а голову! — Луиза захлопывает альбом. — Ребенка у тебя *отняли!*

Она позвонила мне в «Маргаритку» и на одном дыхании выпалила новость:

— Я ее нашла! Она в Лондоне!

Ноги подкосились, и я опустилась на пол за прилавком, полумертвая от шока. Столько лет... столько лет прожить в двух шагах от родного ребенка.

На первую нашу встречу в кафе Луиза принесла вырезки из газет. История о младенце, в буквальном смысле выброшенном на помойку, прогремела на всю страну. А я ни газет не читала, ни новости по телевизору не смотрела. Слишком была занята — зарабатывала деньги на лечение дочери.

— Не надо быть нобелевским лауреатом, Эрин, чтобы догадаться — если твоя дочь осталась жива и ее нашли, то что-нибудь в газеты да попало. — Луиза привычным жестом отправила рыжую прядь за ухо.

— Они ж говорили, что она больна... — в сотый раз повторяю я, чтобы Луиза, не дай бог, не заподозрила меня в сговоре с Фредой и Бекко. — Обещали, что я смогу ее забрать, как только ей станет лучше. Сказали, что она в больнице... я и поверила.

Я не уберегла свою малышку, но могла ли я что-то изменить? Я сама была ребенком — и полностью в их власти.

5 января 1992

НОВОГОДНЯЯ НАХОДКА. МЛАДЕНЦА ВЫБРОСИЛИ ВМЕСТЕ С МУСОРОМ

В контейнере с мусором вчера была найдена девочка нескольких дней от роду. Случайный прохожий, пожелавший остаться неизвестным, около трех часов дня услышал детский плач и сообщил полиции.

Малютку, отправленную в больницу Св. Томаса, медперсонал окрестил Фелисити. «Несмотря на такое трагическое начало жизни, это на удивление жизнерадостная девочка», — рассказала нашему корреспонденту одна из нянечек. Полиция провела расследование в районе, где обнаружен младенец, однако поиски матери результатов не принесли. Офицер полиции, в чьем ведении находится

данное дело, выразил озабоченность судьбой матери и пообещал ей всяческую поддержку.

Фелисити. *Фелисити*, твердила я про себя, выскакивая из дома в шесть часов утра. Роберту я соврала, что поеду на ярмарку, и он обещал присмотреть за Руби.

Зажиточный пригород, очень зеленый, с ухоженными живыми изгородями и, конечно, гирляндами китайских фонариков на Рождество. Дом Фелисити мне понравился — изящный, белоснежный, с черной росписью по фасаду. Во дворе припаркован «вольво-универсал». Без десяти восемь из дома вышла мама Фелисити — в одной руке школьный рюкзак, другая отчаянно машет, поторапливая дочь. Она гораздо больше, чем я, похожа на маму: волосы уложены в аккуратный узел, удобные туфли на плоской подошве. А потом на крыльце появилась Фелисити, самая обычная школьница, с галстучком, в черных брючках, подметающих сырую землю. Самая обычная — *но моя!* Неспешно открыла дверцу, с удобством устроилась на переднем сиденье — и «вольво» сорвался с места.

Я поехала следом, стараясь держаться как можно ближе, а дышать как можно глубже — вдруг вместе с бензиновыми парами до меня долетит и запах дочери. Через пятнадцать минут мы затормозили у школы. Фелисити вышла из машины и зашагала к школьным дверям — без прощального поцелуя матери.

Мне тоже не довелось целовать тебя на прощание, дорогая.

За день я видела ее еще три раза. В половине одиннадцатого, когда прозвенел звонок, Фелисити во главе клина из пяти девчонок пересекла двор, направляясь к зданию школьной лаборатории. Она была самой хорошенькой, самой высокой и, без сомнения, самой популярной — остальные сопровождали ее, как фрейлины королеву. Я не уловила ни единой черточки дяди Густава. Холодный ветер разметал по плечам золотистые волосы.

Где ваше пальто, юная леди?!

На обед Фелисити сбегала в кафешку за два квартала от школы. Я тоже взяла себе гигантскую порцию жареной картошки и, прислонившись к стене, смотрела, как Фелисити с подружкой уписывают жареную рыбу с картошкой, болтают о мальчишках, пьют кока-колу и умирают от хохота.

Горячая волна затопила мое сердце: Фелисити счастлива.

И наконец, я увидела ее без двадцати четыре — она слонялась по улице перед школой, дожидаясь мать. Многие из ее одноклассников уехали на школьном автобусе, а Фелисити, к моей радости, забирала мама. Швырнув рюкзак на заднее сиденье, девочка чмокнула мать в шею, и они уехали.

Я проводила «вольво» взглядом. В следующий раз возьму фотоаппарат.

— Йорки не делают из истории Фелисити тайны. Они даже принимали участие в ток-шоу, посвященном проблемам приемных родителей подкидышей с неизвестным прошлым. Сказали, что этот вопрос их меньше всего волнует. Главное — понимать и любить этого ребенка.

— Правда?!

Какие молодцы. *Фелисити Йорк*, безмолвно повторила я полное имя своего ребенка. Красивое имя. Такое же красивое, как и моя девочка. Я представляю ее в мусорном баке. Я представляю ее на руках чужой женщины.

— Луиза... Ты ведь не расскажешь Робу.

Это не вопрос, и Луиза округляет глаза.

— Конечно, нет. С какой стати? Я не причиню боль ни ему, ни Руби.

Я благодарно киваю. Мы расправляемся с панини, истекающими чесночным соусом, и болтаем о пустяках, перекрикивая шум кофеварки, и любимся серебристыми струями дождя на окнах. А потом прощаемся, потому что меня ждут дома.

Руби в пух и прах громит отца на «Плейстейшн». Роберт катается по полу умирающим жуком, стонет и выкидывает белый флаг, падая пузом на джойстик.

— Ха! Слабак! — торжествует Руби и щекочет его большим пальцем ноги.

Цапнув ее за ногу, Роберт в ответ щекочет пятку дочери. Война щекотки идет не на жизнь, а на смерть — у меня нет шанса привлечь внимание бойцов. Я разбираю на кухне продукты, которые купила на обратном пути из кафе, и думаю, не догадается ли Роберт, что я встречалась с Луизой. Вдруг уловит аромат ее духов, или ее словцо, сорвавшееся с моих губ, или отзвук ее поцелуя на моей щеке?..

— Ой! Ты меня напугал!

Роберт неслышно возник за моей спиной, прижал к себе, обхватил за талию.

— Привет, толстуха! Как дела?

— погоди, то ли еще будет! — предупреждаю я. — Готовим в четыре руки — или ужинаем в ресторане?

— В ресторане! А как насчет вздремнуть перед выходом? Или предпочитаешь ванну?

Он осторожно гладит мой живот. Держу пари, через неделю-другую мою крошку заставят слушать классическую музыку.

— Только вместе с тобой.

Мы поднимаемся по лестнице под аккомпанемент нового сочинения Руби. *Интересно, играет ли Фелисити...*

— Ты это видела? — Роберт кивает на пухлую сумку в углу лестничной площадки.

— Вчера уже собралась, а до отлета еще неделя! Просто сгорает от нетерпения.

Роберт за руку ведет меня в спальню, укладывает на кровать. Я вдыхаю свежий запах кондиционера для белья и улыбаюсь.

— Что? — Он стягивает рубашку через голову — возиться с пуговицами недосуг.

Я молча улыбаюсь. Ничего особенного. Просто все трое счастливы: Руби, Фелисити и тот, кто скоро появится на свет.

Больше книг на сайте - Knigoed.net

Резиденция королевы Виктории в Шотландии.

Фирменные магазины товаров для детей и беременных женщин.